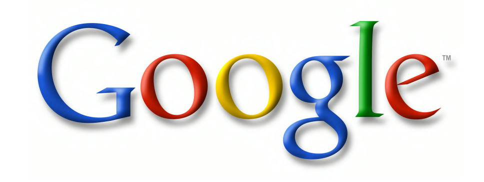
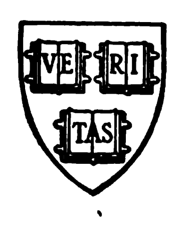
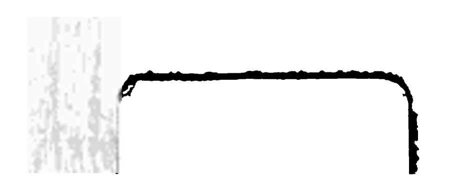

VE RI
TAS

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. ФОНВИЗИНА.

ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ

АКАДЕМИКА

Н. С. ТИХОНРАВОВА.

Изданіе Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1894.

МАТЕРІАЛЫ

для

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. ФОНВИЗИНА.

ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ

АКАДЕМИКА

Н. С. ТИХОНРАВОВА.

Изданіе Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

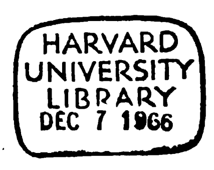

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1894.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1894 г. Непрем. Секр., Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Біографія Д. И. Фонвизина . . . . I.

I. Драматическія произведенія Фонвизина.

Альзира . . . . 1.

Коріонъ . . . . 77.

Бригадиръ . . . . 127.

Недоросль . . . . 227.

Примѣчанія къ I-му отдѣлу . . . . 344.

II. Сочиненія, приписываемыя Фонвизину.

Чертикъ на дрожкахъ . . . . 357.

Повѣствованіе мнимаго Глухаго и Нѣмаго . . . . 360.

Примѣчанія ко II-му отдѣлу . . . . 375.

1-го декабря 1892 года исполнилось сто лѣтъ со дня кончины Дениса Ивановича Фонвизина. Въ виду этой годовщины, весною того же года, академикъ Н. С. Тихонравовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ занимавшійся изученіемъ произведеній этого писателя, предложилъ Отдѣленію русскаго языка и словесности издать въ свѣтъ составленные имъ матеріалы для полнаго собранія сочиненій знаменитаго автора „Бригадира" и „Недоросля". Предложеніе это было принято Отдѣленіемъ съ полнымъ сочувствіемъ, и въ половинѣ 1892 года Николай Саввичъ уже приступилъ къ печатанію своего сборника на средства Отдѣленія.

По плану Н. С. Тихонравова, въ составъ этого изданія должны были войдти:

I) драматическія произведенія Фонвизина, издававшіяся до сихъ поръ съ искаженіемъ текста, именно: трагедія „Альзира" и комедія „Коріонъ", или печатаемыя обыкновенно, какъ „Бригадиръ" и „Недоросль", только въ позднѣйшемъ текстѣ, также искаженномъ;

II) сочиненія и переводы Фонвизина, вовсе не бывшіе въ печати или не включенные ни въ одно изданіе его произведеній;

наконецъ, III) сочиненія, приписываемыя Фонвизину.

Къ издаваемымъ текстамъ составитель сборника предполагалъ присоединить варіанты и описаніе употребленныхъ при изданіи рукописей, а при переводахъ — сравненіе отдѣльныхъ мѣстъ Фонвизинскаго текста съ подлинниками. Сверхъ того, въ сборникѣ должно было найдти себѣ мѣсто особое изслѣдованіе Н. С. Тихонравова о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ издаваемаго имъ писателя.

До осени 1893 года Николай Саввичъ успѣлъ отпечатать двадцать листовъ предположеннаго сборника, заключавшіе въ себѣ почти весь первый отдѣлъ его, то-есть, трагедію и комедіи Фонвизина, съ подобранными къ ихъ тексту разночтеніями. 14-го октября Николай Саввичъ подписалъ послѣднюю читанную имъ корректуру и еще въ началѣ ноября извѣщалъ о ходѣ своихъ занятій; но вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе о тяжкой постигшей его болѣзни, отъ которой онъ и скончался 27-го ноября. Такимъ образомъ трудъ Н. С. Тихонравова надъ сочиненіями Фонвизина, какъ и многіе другіе труды его, остался не довершеннымъ. Въ распоряженіи Отдѣленія оказалась лишь небольшая часть высланнаго покойнымъ академикомъ матеріала, еще не поступавшая въ печать, именно — окончаніе текста „Недоросля“, съ подведенными къ нему варіантами; но ни примѣчаній къ I-му отдѣлу, ни какихъ-либо матеріаловъ для другихъ отдѣловъ, ни наконецъ обѣщаннаго изслѣдованія доставлено не было,

а доступъ къ бумагамъ скончавшагося академика сдѣлался совершенно невозможнымъ. Не смотря однако на эти затрудненія, Отдѣленіе не пожелало оставить почтеный трудъ своего покойнаго сочлена не обнародованнымъ. Такъ какъ планъ сборника былъ извѣстенъ Отдѣленію въ общихъ чертахъ, а кромѣ того, Николай Саввичъ, при послѣднемъ свиданіи со мною въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1893 года, сообщилъ нѣкоторыя подробности о дальнѣйшемъ составѣ сборника, то признано было возможнымъ придать работѣ, предпринятой покойнымъ, нѣкоторую законченность. Исполненіе этого порученія Отдѣленіе возложило на меня.

Къ I-му отдѣлу сборника составлены мною примѣчанія; въ нихъ вошли: 1) описаніе тѣхъ рукописей и печатныхъ книгъ, которыми Н. С. Тихонравовъ пользовался при составленіи текста этого отдѣла, и 2) дополненія къ подбору разночтеній; болѣе обширныя изъ послѣднихъ, какъ видно изъ подстрочныхъ ссылокъ, Николай Саввичъ предполагалъ помѣстить въ примѣчаніяхъ; такъ мною и сдѣлано.

Составленіе II-го отдѣла сборника по плану, намѣченному нашимъ покойнымъ сочленомъ, оказалось невозможнымъ, такъ какъ совершенно не изданныхъ сочиненій и переводовъ Фонвизина неизвѣстно Отдѣленію, а относительно существующихъ въ печати, но не включавшихся доселѣ въ собранія его произведеній, не имѣется указаній, какія именно изъ этихъ статей Николай Саввичъ признавалъ заслуживающими перепечатки. Несомнѣнно только то, что онъ не имѣлъ въ виду вносить въ свой сборникъ такіе объемистые переводы Фонвизина, какъ „Жизнь

Сиѳа", „Любовь Кариты и Полидора" и проч. Напротивъ того, представлялось умѣстнымъ помѣстить въ настоящемъ изданіи тѣ статьи, которыя покойный академикъ относилъ къ III-му отдѣлу сборника подъ названіемъ приписываемыхъ Фонвизину. Въ этотъ отдѣлъ, который занялъ теперь въ сборникѣ второе мѣсто, включены два произведенія, именно: стихотвореніе „Чертикъ на дрожкахъ" и сатирическая статья „Повѣствованіе мнимаго Глухаго и Нѣмаго". Принадлежность ихъ Фонвизину указывается стариннымъ преданіемъ, которому, сколько мнѣ извѣстно, Николай Саввичъ придавалъ значеніе въ данномъ случаѣ. Отдѣлъ этотъ могъ бы быть увеличенъ еще двумя статьями, также приписываемыми по преданію Фонвизину, именно: памфлетомъ на купца Чупятова, извѣстнымъ подъ заглавіемъ: „Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку"[1]), и политическою запиской „О правѣ государственномъ". Но новыя изслѣдованія и вновь открытыя данныя окончательно устраняютъ предположеніе, что вышеупомянутый памфлетъ сочиненъ Фонвизинымъ; что же касается политической записки, то хотя составленіе ея авторомъ „Недоросля" и представляется довольно вѣроятнымъ, однако изданный текстъ ея, помѣщенный въ „Историческомъ сборникѣ" (Лондонъ. 1861, книжка

---

[1]) Первое изданіе этой книжки вышло въ Петербургѣ въ 1780 году, а второе, подъ заглавіемъ: «Житіе господина NN, служащее введеніемъ въ исторію его въ царствѣ мертвыхъ» и съ значительнымъ измѣненіемъ въ редакціи, появилось также въ Петербургѣ въ 1781 году. Оба изданія имѣются въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Н. С. Тихонравовъ, въ своемъ разборѣ Смирдинскаго изданія произведеній Фонвизина (*Московскія Вѣдомости* 1853 г., № 6) отвергалъ сочиненіе этого памфлета авторомъ «Недоросля».

вторая), не можетъ быть признанъ заслуживающимъ полнаго довѣрія. Въ виду такихъ соображеній обѣ названныя статьи не помѣщены въ настоящемъ изданіи. Въ составленныхъ мною примѣчаніяхъ ко II-му отдѣлу сборника изложены соображенія, на основаніи которыхъ принадлежность помѣщенныхъ здѣсь статей Фонвизину можетъ быть признана болѣе или менѣе вѣроятною.

Въ замѣнъ обѣщаннаго Н. С. Тихонравовымъ новаго изслѣдованія о сочиненіяхъ Фонвизина, въ началѣ сборника дано мѣсто болѣе раннему труду нашего покойнаго сочлена, біографіи знаменитаго сатирика, написанной Николаемъ Саввичемъ для оставшейся не изданною біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета. Изданіе этой лѣтописи, предпринятое въ 1854 году по случаю предстоявшаго 12-го января слѣдующаго года празднованія столѣтняго юбилея университета, не осуществилось въ свое время; но въ отпечатанныхъ листахъ I-го тома лѣтописи сохранился тотъ трудъ Н. С. Тихонравова, который теперь перепечатанъ; онъ заслуживалъ переизданія не только какъ одинъ изъ начальныхъ трудовъ молодого ученаго, оказавшаго впослѣдствіи столь важныя услуги изученію русской литературы, но и какъ самостоятельное изысканіе о дѣятельности Фонвизина, богатое фактическими данными и основательными соображеніями, донынѣ имѣющими научную цѣнность и сохраняющими въ значительной степени интересъ новизны. „Біографія Фонвизина“ перепечатана безъ всякихъ измѣненій; въ ней лишь исправлены случайныя описки и опечатки, оказавшіяся въ первомъ изданіи, ссылки и цитаты провѣрены по подлинникамъ, а

для фамиліи автора „Недоросля“ принято написаніе въ одномъ словѣ, нынѣ общеупотребительное.

Въ заключеніе считаю долгомъ сказать, что трудъ мой по выпуску настоящаго сборника въ свѣтъ былъ значительно облегченъ обязательнымъ содѣйствіемъ двухъ учениковъ Н. С. Тихонравова, близко знакомыхъ съ ходомъ этой его работы и сообщавшихъ мнѣ различные, относящіеся до нея, матеріалы и свѣдѣнія. Отъ имени второго Отдѣленія Академіи Наукъ позволяю себѣ выразить искреннюю признательность хранителю отдѣленія рукописей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ Семену Осиповичу Долгову и библіотекарю Россійскаго Историческаго музея Алексѣю Ивановичу Станкевичу.

Л. Майковъ.

Біографія Д. И. Фонвизина.

Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ, родился въ 1744 году[1]). Отецъ его, Иванъ Андреевичъ, хотя и не отличался блестящимъ образованіемъ, но былъ человѣкъ «большаго здраваго разсудка» и понималъ необходимость просвѣщенія. Свободный отъ вліянія иностранцевъ, онъ сохранилъ въ себѣ лучшія стороны стараго русскаго воспитанія и прежнихъ нравовъ, не становясь противникомъ европейскаго просвѣщенія. Напротивъ, желаніе познакомиться съ произведеніями иностранной литературы было въ немъ довольно сильно, и наша богатая въ прошломъ столѣтіи переводная литература предлагала къ тому важныя пособія. Правда, немногіе русскіе переводы того времени могли похвалиться изяществомъ языка, красотою формы; но они были разнообразны и передавали русскимъ читателямъ почти всѣ лучшія произведенія иностранныхъ литературъ. Черезъ нихъ неза-

1) Это показаніе князя П. А. Вяземскаго подтверждается собственными словами Фонвизина: въ 1758 году Мелиссино отправился съ лучшими учениками въ Петербургъ для представленія ихъ Шувалову; Фонвизинъ говоритъ, что тогда онъ былъ не старѣе четырнадцати лѣтъ. Сочиненія Фонвизина, изд. 3-е А. Смирдина, стр. 507 (1852 г.). Всѣ ссылки сдѣланы на это изданіе.

мѣтно распространялись у насъ идеи гуманизма въ кругу людей, не получившихъ прочнаго, правильнаго образованія; черезъ нихъ вліяніе литературы французской на нашу парализировалось знакомствомъ съ литературою древнихъ и нѣкоторыми произведеніями словесности нѣмецкой, испанской, италіанской.

Уже въ дѣтствѣ будущій авторъ «Недоросля» обнаружилъ особенную чувствительность, пылкость характера, хитрость,— свойства, которыми можно объяснить нѣкоторыя явленія въ его разнообразной литературной дѣятельности. Въ семействѣ, сохранившемъ привязанность къ старому образу жизни, совершилось первоначальное воспитаніе Фонвизина безъ всякаго вліянія иностранныхъ гувернеровъ, и этимъ онъ обязанъ, конечно, не своему времени, когда будто бы ребенокъ долѣе былъ окруженъ русскою атмосферою, чѣмъ теперь, но тому, что родители его были люди стараго времени, старыхъ обычаевъ, и притомъ небольшаго достатка. Въ отцѣ своемъ Фонвизинъ видѣлъ примѣры многихъ добрыхъ чертъ старой Руси. Онъ самъ характеризуетъ отца своего человѣкомъ стараго времени и его достоинства приписываетъ иногда старинѣ [1]). Въ немъ самомъ любовь къ добрымъ сторонамъ старой русской жизни такъ сильна, что онъ постоянно противополагаетъ ее своему времени [2]), «нынѣшнему обращенію свѣта», какъ онъ выражается: здѣсь объясненіе роли Стародума, образъ мыслей котораго былъ девизомъ Фонвизина; поэтому предполагаемый журналъ свой онъ назвалъ *Другомъ честныхъ людей или Стародумомъ* [3]).

Благодаря издавна вкоренившимся пріемамъ русскаго воспитанія, Иванъ Андреевичъ владѣлъ практическимъ знаніемъ славяно-церковнаго языка. Въ четыре года началъ онъ учить сына грамотѣ, и какъ скоро онъ научился читать, отецъ заставлялъ его читать у крестовъ. «Сему обязанъ я», говоритъ Денисъ

1) Сочиненія Фонвизина, стр. 491—493.
2) Тамъ же, стр. 645.
3) Тамъ же, стр. 599.

Ивановичъ,—«если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе: ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать не возможно». Иностраннымъ языкамъ не могъ научить сына Иванъ Андреевичъ, потому что самъ ихъ не зналъ, а нанимать для того учителей былъ не въ состояніи. Открытіе Московскаго университета доставило ему возможность дать дѣтямъ болѣе полное образованіе, и «не мѣшкая ни сутокъ», онъ отдалъ двухъ сыновей своихъ, Дениса и Павла, въ гимназію Московскаго университета (въ 1755 году).

Уже въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія университетъ далеко не былъ въ томъ не очень утѣшительномъ состояніи, въ какомъ зналъ его одиннадцатилѣтній Фонвизинъ. То было лишь время его зарожденія, время первыхъ усилій его на пользу русскаго образованія; мы можемъ только замѣчать съ полнымъ любопытствомъ первые нетвердые шаги его, слѣдовать съ любовію за его дальнѣйшимъ ходомъ, но не упрекать и не глумиться надъ его первоначальнымъ состояніемъ. И при всемъ томъ, даже въ это время онъ оказалъ на Фонвизина благотворное вліяніе. Здѣсь Денисъ Ивановичъ узналъ основательно нѣмецкій языкъ, благодаря особенно профессору Рейхелю; здѣсь выучился онъ латинскому языку, который процвѣталъ, благодаря образцовымъ лекціямъ Шадена въ гимназіи. Но не этимъ, такъ сказать, формальнымъ знаніемъ ограничилось образованіе Фонвизина въ университетѣ: оно развило въ немъ «вкусъ къ словеснымъ наукамъ» [1]). Фонвизины считались лучшими учениками дворянской гимназіи университета. 26-го апрѣля 1756 года Д. Фонвизинъ въ публичномъ собраніи университета получилъ медаль за прилежаніе [2]). Какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ гимназіи, Фонвизинъ, по обычаю того времени, принималъ участіе въ рѣчахъ и диспутахъ, происходившихъ во время университетскихъ актовъ. Въ одномъ объявленіи читаемъ: «Денисъ Фонъ-Визинъ стараться

1) Собственныя слова Д. И. Фонвизина. Сочиненія, стр. 500.
2) Прибавленіе къ 1-му № *Моск. Вѣдомостей* 1756 г., стр. 4.

будетъ показать щедрость и прозорливость Его Императорскаго Величества, всещедрой музъ Основательницы и Покровительницы». Также, 12-го іюля 1757 года, «въ заключеніе ученій передъ лѣтнею вакаціею, въ публичномъ собраніи университета между прочимъ ученики гимназіи Иванъ Шмаевскій, Яковъ Дашковъ, Денисъ Фонъ-Визинъ и Николай Ефимовъ имѣли рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ: первый—о томъ, что науки полезны всему государству и народу, а прочіе трое—о наилучшемъ способѣ къ обученію языковъ» [1]). Такіе диспуты въ первые годы существованія университета происходили довольно часто и, по видимому, пользовались большимъ уваженіемъ, хотя теперь странно было бы слышать, какъ четырнадцатилѣтній ребенокъ разсуждаетъ о лучшемъ способѣ изученія языковъ. Въ іюлѣ того же года директоръ Московскаго университета отправился съ лучшими изъ воспитанниковъ университета и его гимназіи въ Петербургъ, но въ числѣ ихъ не было Фонвизина [2]). 27-го апрѣля 1758 года, въ публичномъ же собраніи университета, Д. Фонвизинъ показанъ достойнымъ награжденія въ классѣ историческомъ и географическомъ, у магистра Оттенталя [3]), и ближайшимъ къ награжденію въ классѣ военной архитектуры и фортификаціи у І.-І. Роста. «И въ другихъ классахъ» — замѣчено о Д. Фонвизинѣ и двухъ другихъ ученикахъ — «такъ обучались, что за достойныхъ могутъ почитаться награжденія». Въ декабрѣ (17-го дня) того же года Д. Фонвизинъ произведенъ въ высшіе классы изъ классовъ Нича, Оттенталя, Михельсона [4]). Въ томъ же 1758 году директоръ университета снова повезъ въ Петербургъ нѣсколько учениковъ «для показанія основателю университета плодовъ сего училища». Фонвизины находились въ числѣ избранныхъ учениковъ. У Шувалова встрѣтилъ Фонвизинъ Ломоносова, который началъ при немъ говорить о пользѣ

1) *Московскія Вѣдомости* 1757 г., № 56.
2) *Московскія Вѣдомости* 1757 г., № 57.
3) Прибавленіе къ № 38 *Московскихъ Вѣдомостей* 1758 года, стр. 9, 12.
4) Прибавленіе къ № 101 *Московскихъ Вѣдомостей* 1758 г.

латинскаго языка «съ великимъ краснорѣчіемъ». Блескъ двора поразилъ ребенка, который до тѣхъ поръ почти ничего не видалъ; театръ произвелъ на него особенно сильное впечатлѣніе; здѣсь узналъ онъ и И. А. Дмитревскаго. И въ то время, когда награждали такимъ образомъ будущаго автора «Недоросля» и «Бригадира», въ Казанской гимназіи, также находившейся подъ вѣдѣніемъ Московскаго университета, также отъ Шувалова получалъ награжденіе другой представитель литературы временъ Екатерины—Державинъ[1]). Въ апрѣлѣ 1760 года Фонвизины удостоены снова золотыхъ медалей, но «получили другое лучшее вознагражденіе, а именно произвожденіе въ воинскихъ чинахъ». Особенные успѣхи оказали они въ вышнемъ нѣмецкомъ классѣ магистра Рейхеля и въ классѣ маіора Михельсона[2]). Въ 1761 году снова получилъ золотую медаль Фонвизинъ, «предъ которымъ хотя въ нѣмецкомъ высшемъ классѣ имѣетъ преимущество Ростиславъ Татищевъ, однакожъ какъ оный въ томъ классѣ получалъ таковыя медали прежде, то нынѣ оную уступилъ помянутому второму по немъ ученику Фонъ-Визину». Наконецъ, Д. Фонвизинъ съ братомъ произведены были въ студенты[3]).

Къ 1761 году относятся первые его переводы. Университетскій книгопродавецъ поручилъ ему перевести съ нѣмецкаго басни барона Гольберга, обѣщая за труды книгъ на пятьдесятъ рублей. Фонвизинъ принялся за работу, и въ 1761 году появилась книжка: «Басни нравоучительныя съ изъясненіями господина барона Голберга, перевелъ Денисъ Фонъ-Визинъ» (при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1761). Выборъ былъ довольно счастливъ и не остался безъ вліянія на переводчика: Фонвизинъ познакомился съ комедіями Гольберга. Въ исторіи датской литературы Гольбергъ занимаетъ довольно важное мѣсто. Онъ почитается отцомъ датской прозы и основа-

---

1) Фонвизину было тогда 14 лѣтъ. Сочиненія, стр. 507.
2) *Московскія Вѣдомости* 1759 г., № 64.
3) Прибавленіе къ № 34 *Московскихъ Вѣдомостей* 1760 г.

телемъ датскаго театра, для котораго написалъ первыя народныя піесы. Комедіи и сатиры дали ему почетное мѣсто въ исторіи датской литературы. «Подземное путешествіе Клима», въ которомъ подъ аллегорическимъ описаніемъ разныхъ вымышленныхъ странъ Гольбергъ клеймитъ мѣткою сатирою свое время, доставило автору огромную извѣстность и явилось также въ русскомъ переводѣ. Впрочемъ, Гольбергу не удалось поддержать датскій театръ въ томъ видѣ, какой онъ на время далъ ему: публика увлеклась французскимъ вліяніемъ. Гольбергъ жалуется не разъ на модное пристрастіе къ французской литературѣ [1]); въ одной изъ своихъ комедій, «Іоганнъ изъ Франціи», онъ выводитъ молодого человѣка, который побывалъ въ Парижѣ и потому съ презрѣніемъ смотритъ на языкъ и обычаи своихъ соотечественниковъ. Не то же ли видимъ въ Иванушкѣ Фонвизинскаго «Бригадира»? Вліяніе Гольберговыхъ комедій несомнѣнно въ произведеніяхъ Фонвизина, который читаетъ нѣкоторыя изъ нихъ [2]). «Басни нравоучительныя» принадлежатъ къ слабѣйшимъ произведеніямъ Гольберга, хотя нѣкоторымъ нельзя отказать въ эпиграмматической остротѣ [3]). Они писаны прозою, потому что стихи казались автору формою неестественною для басни. Хотя Гольбергъ высказалъ мысль, что изъ всѣхъ родовъ нравственныхъ сочиненій басня—самый «сильный и невинный», но нравоученія, которыя онъ выводитъ изъ своихъ басенъ, часто отзываются крайнею изысканностію и совершеннымъ разъединеніемъ съ самою баснею. Сатира Гольберга поражала преимущественно педантизмъ, ложную набожность, схоластическую мета-

1) См. Moralische Fabeln mit beygefügten Erklährungen einer jeden Fabel. Aus dem Dänischen des Herrn Baron von Holberg übersetzt durch J. A. S. K. D. C. Zweite, verbesserte Auflage. Kopenhagen. 1761. Съ перваго изданія этого перевода сдѣланъ русскій переводъ Фонвизина.

2) Сочиненія, стр. 509.

3) Замѣтимъ мимоходомъ, что извѣстная эпиграмма И. И. Дмитріева: «Мнѣ лѣкарь говорилъ» заимствована изъ одной нравоучительной басни Гольберга (ср. по переводу Фонвизина, изд. 1761 г., стр. 981), впрочемъ принявши уже форму французской эпиграммы.

физику, богословскія словопренія. Таковъ былъ первый литературный авторитетъ Фонвизина[1]). Въ характерѣ произведеній ихъ много общаго, и Гольберговы комедіи и басни развивали врожденную наклонность къ сатирѣ въ Фонвизинѣ, который уже въ университетѣ прослылъ «великимъ критикомъ».

Въ томъ же 1761 году въ *Полезномъ Увеселеніи*, журналѣ, который издавался при университетѣ и состоялъ большею частію изъ трудовъ студентовъ, напечатана переведенная Фонвизинымъ статья: «Правосудный Юпитеръ»[2]). Она принадлежитъ къ тѣмъ нравоучительно - сатирическимъ сочиненіямъ, которыя очень нравились въ прошедшемъ столѣтіи и своею манерою оставили болѣе или менѣе замѣтные слѣды въ комедіяхъ того времени. Лицо Стародума, цѣлые журналы и піесы отчасти обязаны своимъ происхожденіемъ этой страсти къ резонерству, къ дидактической морали: тирады Стародума, большая часть которыхъ кажется теперь довольно скучными, очень нравились публикѣ того времени[3]). Въ «Правосудномъ Юпитерѣ» въ формѣ разсказа развивается истина, что ропотъ человѣка на божество происходитъ единственно отъ недальновидности, и что исполненіе многихъ человѣческихъ желаній только доводитъ людей до несчастія. Въ такомъ духѣ написаны всѣ статьи *Полезнаго Увеселенія*, направленіе которому давалъ Херасковъ: имъ оно было начато, его взглядъ на цѣль журнала руководилъ молодыхъ сотрудниковъ. Въ «Письмѣ», напечатанномъ въ первой книжкѣ 1761 года[4]), Херасковъ замѣчаетъ, что едва ли прошлогодній ихъ журналъ принесъ пользу: «порокъ обличенъ мало». Но «въ ободреніе» сотрудникамъ онъ прибав-

1) Уже составивши себѣ имя въ литературѣ, Фонвизинъ напечаталъ два новыя изданія своего перевода басенъ Гольберга. Въ 1787 году напечатано было третье изданіе ихъ съ прибавленіемъ 42 басенъ. Это показываетъ, какъ уважалъ переводчикъ Гольберга.

2) *Полезное Увеселеніе* 1761 г., ноябрь, стр. 161—178.

3) Сочиненія, стр. 543 и 544.

4) *Полезное Увеселеніе*, генварь 1761 г., стр. 14—16.

ляетъ, что «утѣсненная добродѣтель въ сердцахъ любителей ея покоится, похвалами и оправданіями... питается; чѣмъ больше она провѣщателей ея славы, пріятностей и красоты слышитъ, тѣмъ надъ страстьми выше возвышается»; слѣдовательно, и ихъ журналъ принесетъ свою пользу.

Таково было направленіе первыхъ литературныхъ произведеній Фонвизина: нравоученіе составляетъ главную ихъ цѣль. Но самому переводчику «Нравоучительныя басни» неожиданно нанесли вредъ въ нравственномъ отношеніи. Книгопродавецъ, заказавшій Фонвизину переводъ ихъ, заплатилъ ему за труды книгами соблазнительными, съ скверными эстампами, которые «развратили его воображеніе и возмутили его душу». Фонвизинъ началъ искать случая теоретическія свои знанія привести въ практику и такимъ образомъ попалъ въ общество, изъ котораго какъ лучшее пріобрѣтеніе, вынесъ только роль Бригадирши. Такая жизнь усилила его головныя боли, которыя и прежде заставляли его пропускать многія важныя лекціи.

Фонвизинъ былъ еще въ университетѣ, еще переводы его носили на себѣ слѣды вліянія университета и по выбору, и по языку. Первое несомнѣнно; не безъ основанія можно думать, что и языкъ его переводовъ исправлялся кѣмъ-нибудь изъ университетскихъ его наставниковъ: онъ гораздо чище и правильнѣе, нежели его же переводный слогъ въ «Каритѣ», которая явилась уже въ Петербургѣ.

Изъ всѣхъ преподавателей университета ближе всѣхъ былъ къ Фонвизину Рейхель: подъ его непосредственнымъ руководствомъ началось литературное поприще Фонвизина, и онъ первый привѣтствовалъ его труды словами одобренія въ своемъ журналѣ. Съ своей стороны Фонвизинъ работалъ для его журнала и перевелъ его «Слово о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ» (печ. при Имп. Московскомъ университетѣ, 1762, въ 4-ю д. л.). Замѣчательно, что Рейхель смотритъ на исторію съ точки зрѣнія практической и

ставитъ задачею ея нравоученіе. По его словамъ, такъ «какъ она представляетъ намъ дражайшее сокровище примѣровъ, наполненныхъ ученія, когда сохраняетъ важнѣйшія приключенія славныхъ государей для возбужденія и подражанія, когда предлагаетъ дѣла великихъ людей по различнымъ ихъ слѣдствіямъ для благополучія цѣлыхъ частей свѣта, то потребность ея и польза возвышается отъ разумныхъ людей по справедливости». Въ другомъ мѣстѣ Рейхель замѣчаетъ, что «наука сія при всѣхъ затрудненіяхъ, которыми она окружена, почитаема была зерцаломъ Божескаго провидѣнія и сокровищемъ потребнѣйшихъ и полезнѣйшихъ политическихъ правилъ. Она не только цѣлымъ народамъ показала въ чужихъ примѣрахъ путь къ общему благополучію, но и оставила намъ правила опредѣлять и различать точнѣе достоинство великихъ правителей». Такое воззрѣніе на исторію передавалъ Рейхель ученикамъ своимъ; оно господствовало въ XVIII вѣкѣ, когда нравоучительныя сочиненія пользовались особеннымъ уваженіемъ. Въ Фонвизинѣ они нашли дѣятельнаго поклонника, и весь рядъ переводовъ съ 1761 по 1769 годъ относится къ разряду чисто-нравоучительныхъ сочиненій, иногда въ сатирическомъ духѣ. Въ 1762 году Рейхель задумалъ издавать журналъ (по третямъ года): *Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія*. Издатель обѣщалъ сообщать въ своемъ журналѣ «лучшія чужестранныхъ писателей сочиненія». Здравый практическій взглядъ на значеніе журнала, стремленіе дать статьямъ популярность и полезность видны во всемъ *Собраніи* Рейхеля. «Мы будемъ», говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію, —«собирать для всякихъ читателей, а особенно для тѣхъ, которые не имѣютъ склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ». Составъ журнала простъ. Физика занимаетъ въ программѣ первое мѣсто, ибо «по истинѣ стыдно въ собственномъ своемъ жилищѣ быть невѣдущимъ странникомъ». За нею слѣдуетъ «экономія, или домостроительство, ... которая многія выгодности къ человѣческому блаженству подать можетъ». Практическую пользу

можетъ имѣть въ журналѣ и нравоученіе; по словамъ Рейхеля, оно «было самое плодоноснѣйшее поле, отъ котораго періодическія сочиненія обогащались». Впрочемъ, издатель намѣренъ былъ помѣщать въ своемъ журналѣ только такія, которыя «подлинное участіе въ человѣческихъ дѣйствіяхъ имѣютъ и взяты изъ природнаго свойства оныхъ дѣйствій»; онъ исключаетъ также изъ своихъ листковъ сочиненія, «въ которыхъ острота безъ наставленія находится». Наконецъ, издатель обѣщалъ помѣщать въ каждомъ листкѣ что-нибудь изъ ученой исторіи, прибавляя, что «политическая исторія собственно не принадлежитъ къ содержанію нашихъ листковъ».

Мы распространились о программѣ Рейхелева журнала, чтобъ показать, подъ какимъ сильнымъ вліяніемъ этого профессора находились первые литературные опыты Фонвизина. Въ выборѣ статей для *Собранія лучшихъ сочиненій* Фонвизинъ былъ не властенъ; онъ опредѣлялся программою. Мало того: по своей тогдашней неопытности въ дѣлахъ литературныхъ переводчикъ не могъ отыскать въ иностранныхъ сочиненіяхъ и журналахъ статей, которыя бы вполнѣ удовлетворяли цѣли журнала; для этого нужны были начитанность, болѣе или менѣе ученое образованіе, наконецъ тактъ своего рода. Очевидно, что статьи выбиралъ для перевода самъ Рейхель, — Фонвизинъ былъ только исполнителемъ его мыслей и плановъ. Въ *Собраніи лучшихъ сочиненій* находимъ слѣдующіе переводы Фонвизина: 1) «Господина Менарда изысканіе о зеркалахъ древнихъ», изъ 23-me tome «Histoire de l'Academie des inscriptions et belles lettres»[1]); 2) «Торгъ семи музъ», изъ Кригеровыхъ «Сновъ» 13-й[2]); 3) «Разсужденіе господина Рейтштейна о приращеніи рисовальнаго художества, съ наставленіемъ въ начальныхъ основаніяхъ онаго»[3]); 4) «Господина Ярта разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства»[4]). Всѣ эти статьи содержанія

1) *Собраніе лучшихъ сочиненій* 1762 г., ч. I, стр. 1—8.
2) Тамъ же, стр. 74—83.
3) Тамъ же, часть II, стр. 181—213.
4) Тамъ же, часть III, стр. 120—143.

ученаго, кромѣ «Торга семи музъ» [1]), въ которомъ разсказывается, что Аполлонъ послалъ людямъ семь музъ; у каждой изъ нихъ былъ коробъ, въ которомъ находились средства къ человѣческому благополучію; первая несла разумъ, другая — добродѣтель, третья—здоровье, четвертая—долгую жизнь, пятая—мысленныя увеселенія, шестая — честь, а послѣдняя — золото. Только первыя двѣ музы возвращаются къ Аполлону, обруганныя и униженныя, не продавши своего товара. Сатира въ иныхъ мѣстахъ написана довольно бойко и живо. Этотъ разсказъ повторилъ въ своемъ *Живописцѣ* [2]) Новиковъ: здѣсь сатира получила форму письма «любопытнаго зрителя»; въ нее вставлены уже черты русскія, намеки на русское общество, которые такъ любилъ Новиковъ, смотря на литературу какъ на единственное средство къ уничтоженію въ народѣ мрака умственнаго и нравственнаго. Не знаемъ, кто былъ этотъ любопытный зритель, придавшій русскій колоритъ разсказу Крюгера, но, судя по примѣчанію издателя [3]), это былъ писатель, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, можетъ быть даже, самъ Фонвизинъ; во всякомъ случаѣ, для насъ очень важна эта встрѣча съ Новиковымъ Фонвизина въ одномъ изъ первыхъ его переводныхъ произведеній. Ниже мы скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи Фонвизина къ сатирическимъ журналамъ прошлаго столѣтія.

Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ университетѣ Фонвизинъ началъ учиться французскому языку, который мало былъ ему извѣстенъ. Въ 1761 году онъ перевелъ стихами «Альзиру» Вольтера, но въ этомъ переводѣ еще обличилось не-

---

1) «Благополучный торгъ осьмой музы» изъ тѣхъ же Кригеровыхъ «Сновъ» (Träume) переведенъ Павломъ Фонвизинымъ и напечатанъ въ томъ же изданіи, часть I, стр. 84—86.

2) *Живописецъ*, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе, часть II, листъ 2, стр. 217—224.

3) «Сказуютъ»—читаемъ въ P. S. издателя—«что сему любопытному зрителю одна муса подарила превеликіе два штофа разума, а другая, продающая честь, пожаловала его достоинствами, то-есть, честностію и скромностію». Тамъ же, стр. 224.

твердое знаніе языка подлинника: еще *sabre* переведено словомъ *песокъ*. Тогда же онъ перевелъ книгу аббата Террасона: «Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа, царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая» (печ. при Московскомъ университетѣ; ч. 1-я въ 1762, 2-я въ 1763, 3-я въ 1764 и 4-я въ 1768). Къ той же цѣли — нравоученію, стремится Фонвизинъ и въ этомъ переводѣ. О подлинникѣ онъ говоритъ въ предисловіи: «Сіе сочиненіе, раздѣленное на десять книгъ, въ разсужденіи исправленія нравовъ есть весьма полезно. Египетскій Сифъ представленъ здѣсь героемъ, почерпшимъ премудрость отъ нравоученія, черезъ которое онъ, будучи еще въ цвѣтущей юности, въ состояніи уже былъ дѣлать другимъ наставленія». Впрочемъ авторъ, заключаетъ Фонвизинъ,— «представляя Сифа не иначе, какъ идолопоклонника, содержитъ первѣе о исправленіи однихъ только нравовъ къ пользѣ человѣческаго рода. Потомъ старается наполнить книгу свою учеными примѣчаніями, надлежащими до египетскаго народа. Сверхъ того, собираетъ здѣсь извѣстія древней географіи, доказывая справедливость оныхъ книгами славныхъ историковъ». Сочиняя свой романъ, Террасонъ научнымъ свѣдѣніямъ о Египтѣ думалъ дать легкую, привлекательную форму, и дѣйствительно, онъ нравился читателямъ своего времени, хотя теперь показался бы крайне скучнымъ. Никто, конечно, не станетъ искать въ его романѣ понятій и духа древности; герои его служатъ только выраженіемъ идей и плановъ автора о государственномъ устройствѣ и т. п. Фонвизина, какъ видно изъ предисловія, соблазнила нравоучительная сторона романа и полезность его для распространенія свѣдѣній о Египтѣ: этими достоинствами обольщался XVIII вѣкъ. Рейхель смотрѣлъ на подобныя произведенія съ той же точки зрѣнія. «Великой благодарности», говоритъ онъ въ своемъ журналѣ объ этомъ трудѣ Фонвизина, — «достойны переводчики, когда употребляютъ они время свое на такія книги, кои служатъ къ распространенію ученія, и которыя вообще полезны для свободныхъ наукъ». Свой

переводъ Фонвизинъ самъ назвалъ «не совсѣмъ удачнымъ», и его добросовѣстная оцѣнка справедлива.

Въ 1762 году Фонвизинъ былъ уже сержантомъ гвардіи; но наука привлекала его болѣе, нежели военная служба. Въ концѣ того же года Фонвизинъ пожелалъ оставить университетъ и поступить въ иностранную коллегію, какъ показываетъ слѣдующая «изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Императорскій Московскій университетъ промеморія»:

«Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержантъ и онаго университета студентъ Денисъ Фонъ-Визинъ поданнымъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ прошеніемъ представилъ, что онъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ обучался латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и желаетъ нынѣ при дѣлахъ оной коллегіи служить, почему оной Фонъ-Визинъ въ тѣхъ языкахъ свидѣтельствованъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ и къ дѣламъ оной коллегіи способнымъ, и потому коллегія иностранныхъ дѣлъ отъ Императорскаго Московскаго университета требуетъ, чтобъ оной благоволилъ помянутаго сержанта Фонъ-Визина, выключа изъ числа университетскихъ студентовъ, прислать въ оную коллегію для опредѣленія по желанію и способности его, о чемъ равномѣрно писано и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку въ полковую канцелярію. [Подписали] Графъ Михайла Воронцовъ. Князь Александръ Голицынъ [1]).

Октября 24-го дня 1762 г.

Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина съ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, съ жалованьемъ по 800 рублей, и хорошимъ переводомъ бумагъ успѣлъ обратить на себя вниманіе канцлера. Вскорѣ онъ посланъ былъ съ Екатерининскою лентою къ герцогинѣ Мекленбургъ - Шверинской.

---

[1]) Копія этого любопытнаго документа находится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. «Оригинальная промеморія отдана на руки ему Фонъ - Визину того жъ числа», какъ помѣчено на копіи.

«Тогда я былъ еще сущій ребенокъ», говоритъ онъ, — «и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ природную остроту, то у Шверинскаго двора не показался я невѣждою».

Въ 1763 году Фонвизинъ отправился въ Петербургъ. Въ то время извѣстный сочинитель «Опыта повѣствованія о Россіи», Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, тогда кабинетъ-министръ, имѣлъ нужду взять кого-нибудь изъ коллегіи. Фонвизинъ былъ уже нѣсколько извѣстенъ, какъ писатель, своимъ переводомъ «Альзиры»; и потому именнымъ указомъ 7-го октября 1763 года повелѣно ему «быть для нѣкоторыхъ дѣлъ» при Елагинѣ. Новый начальникъ его любилъ покровительствовать молодыхъ писателей, любилъ литературу и, конечно, оставитъ по себѣ память въ исторіи словесности болѣе ободреніемъ нѣкоторыхъ писателей, нежели своимъ витійствомъ и своими смѣшными догадками историческими; Фонвизину хорошо было бы жить въ домѣ Елагина, но онъ не поладилъ съ секретаремъ его Лукинымъ, также писателемъ, оставившимъ нѣсколько комедій. Кажется, сначала Фонвизинъ жилъ въ согласіи съ Лукинымъ; по крайней мѣрѣ Лукинъ, человѣкъ мелочнаго характера, не любившій хорошо отзываться о своихъ недругахъ, говорилъ о Фонвизинѣ и Ельчаниновѣ[1]) въ 1765 году: «Оба, имѣя больше меня способности и знанія, сами всѣхъ неосновательныхъ осуждателей, которые на нихъ нападали, если захотятъ, безъ труда усмирить могутъ: ибо на правду словъ мало надобно»[2]). Не извѣстно, что̀ было причиною размолвки Фонвизина съ Лукинымъ. «Физіономія ли моя», пишетъ Фонвизинъ въ «Признаніи», — «или не весьма скромный мой отзывъ о его перѣ, причиною стали его ко мнѣ ненависти». Но, зная самолюбивый, раздражительный характеръ Лукина и страсть Фонвизина къ остротамъ, который для краснаго словца не

---

1) Онъ былъ другомъ Лукина.

2) Сочиненія и переводы Владиміра Лукина. С.-Пб., 1765, II, стр. IX—X.

спускалъ никому, мы поймемъ причину вражды между ними. Фонвизинъ самъ говоритъ, что его соперникъ былъ «безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно». Какъ видно, Лукинъ употреблялъ не совсѣмъ благородныя средства, чтобы повредить Фонвизину. Послѣдній писалъ Елагину изъ Москвы [1]): «Я съ прискорбіемъ вижу, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, не буду имѣть ни малѣйшаго случая заслужить сколько-нибудь тѣ деньги, которыя я изъ казны брать буду. Дѣла производитъ г. *секретарь*, а я развѣ для риѳмы буду только *тварь*. Я знаю, что все, кромѣ Создателя, тварь есть; но представьте, милостивый государь, кому хочется быть такою тварью, которая создана для того только, чтобъ служить риѳмою другой? Ваше превосходительство изволите впрочемъ сами знать, что я для милліону резоновъ съ г. Лукинымъ быть вмѣстѣ не могу; ибо кто не желаетъ остатки дней своихъ провести спокойно?» [2]) «Клянусь вамъ Богомъ», пишетъ Фонвизинъ къ родителямъ,—«что не возможно представить себѣ на мысль всѣ тѣ злости, всѣ тѣ бездѣльническія хитрости, которыя употреблялъ онъ [Лукинъ] къ поврежденію меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича и всей его фамиліи. И дѣйствительно, онъ сдѣлалъ было то, что я, не смотря ни на бѣдность свою, ни на то, что долженъ службою искать своего счастія, принужденъ былъ оставить службу» [3]). Въ томъ же письмѣ, отъ 26-го іюня 1766 года, Фонвизинъ извѣщаетъ родителей, что Елагинъ понялъ наконецъ характеръ Лукина и раскаялся «въ прежнемъ своемъ поступкѣ» съ нимъ. «Состояніе мое теперь таково», пишетъ Фонвизинъ, — «что я лучшаго не желаю, если только оно продолжится».

Исправляя свои должности у Елагина, Фонвизинъ не оставлялъ и литературныхъ занятій. Въ 1763 году издалъ онъ переводъ повѣсти Бартелеми: «Любовь Кариты и Полидора» (С.-Пб.). Какъ переводомъ «Сиѳа» думалъ онъ познакомить чита-

1) Письмо это относимъ мы къ 1765 году.
2) Сочиненія, стр. 633.
3) Тамъ же, стр. 638.

телей съ Египтомъ, такъ переводъ «Кариты» долженъ былъ перенести ихъ въ Грецію. На сказаніи, что аѳиняне должны были ежегодно давать семерыхъ юношей и дѣвицъ на съѣденіе Минотавру, основалъ Бартелеми судьбу двухъ любовниковъ— Кариты и Полидора; за естественностью дѣйствія онъ не гонялся, жертвуя ею интересу разсказа; оттого «Карита» читается легче «Сиѳа». Но языкъ Фонвизинскаго перевода «Кариты» крайне неправиленъ и испещренъ варваризмами.

Въ 1764 году Фонвизинъ выступилъ наконецъ на то поприще, которое должно было прославить его имя: тогда представлена была его комедія «Коріонъ», передѣлка Грессетова «Сиднея»[1]). Она понравилась публикѣ и двору, хотя въ другихъ манера передѣлывать иностранныя комедіи на русскіе нравы возбудила неудовольствіе и осужденіе, сколько можемъ догадаться изъ словъ Лукина, который говоритъ въ предисловіи къ своему «Награжденному постоянству»: «Три въ прошломъ годѣ (1764) представленныя комедіи: «Французъ Русской», «Коріонъ» и «Награжденная добродѣтель», вытерпѣли жестокое нападеніе, и хотя оное совсѣмъ неосновательно было, однако многихъ поборниковъ по себѣ имѣло. Словомъ, ничто не могло удержать ядовитой зависти, на нихъ вооружавшейся: не только удовольствіе многихъ зрителей, ниже благоволеніе, отъ двора оказанное»[2]). Если причиною гоненія на «Коріона» было невыгодное понятіе о передѣлкахъ иностранныхъ комедій на русскіе нравы, то Фонвизинъ былъ совершенно правъ. Примѣненіе иностранныхъ комедій къ нашимъ нравамъ было уже шагомъ впередъ отъ простыхъ переводовъ къ произведеніямъ болѣе оригинальнымъ.

---

1) Сочиненія и переводы В. Лукина, ч. II, стр. IX—X. Кажется, эта передѣлка Грессетова «Сиднея» упоминается митрополитомъ Евгеніемъ въ числѣ напечатанныхъ переводовъ Фонвизина подъ заглавіемъ: «Сидней, стихами, съ франц. и проч.» (Словарь свѣтскихъ писателей, I, 82). Сколько намъ извѣстно, такой книги не существуетъ; въ первый разъ напечатанъ «Коріонъ» въ *Библіотекѣ для чтенія* 1835 года.

2) Сочиненія и переводы В. Лукина, ч. II, стр. IX—X.

Лукинъ, смотрѣвшій на дѣло съ практической точки зрѣнія, прямо говоритъ: «Нынѣ такой вѣкъ, что и во всемъ свѣтѣ тѣ лишь знатными писателями и называются, которые лучше прочихъ выкрадутъ и, искусненько прикрывши, выдадутъ за свое сочиненіе». Тѣмъ значительнѣе для насъ эти слова Лукина, что онъ же самъ проповѣдывалъ необходимость чисто-русской комедіи, народнаго театра и съ жаромъ стремился къ нимъ. Онъ не побоялся возстать противъ литературнаго авторитета своего времени Сумарокова и очень вѣрно указалъ анахронизмы въ его комедіяхъ. У Сумарокова есть, конечно, нападки на пороки и предразсудки чисто русскіе, но эти нападки не выдвигаются на первый планъ, а остаются какимъ-то эпизодомъ; съ другой стороны, онѣ затрогиваютъ немногія стороны русскаго общества и часто отзываются личностями, которыя прямо вылились изъ горячаго задорнаго характера Сумарокова. Онъ давалъ дѣйствующимъ лицамъ своихъ комедій иностранныя имена, которыя непріятно должны были поражать русское ухо, и эта чуждая внѣшность соотвѣтствовала вполнѣ и образу дѣйствія, и характеру лицъ, которыя расплывались въ общіе, неясные образы, потому что были сколками съ французскихъ комедій. Лукинъ силится уже отказаться отъ простыхъ заимствованій, отъ безусловнаго пристрастія къ французскимъ образцамъ. «Я буду», говоритъ онъ, — «всѣ шуточныя театральныя сочиненія всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого исправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ Парижъ, Версалію, Тюльлеріи и прочія для многихъ изъ нихъ незнакомыя реченія, да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомыя имъ одежды»[1]). Въ исторіи нашей комедіи Лукинъ теоретически дѣлаетъ шагъ впередъ; но эта первая попытка еще

1) Сочиненія и переводы Лукина, II, стр. XV—XVI.

очень слаба. Изъ его же собственныхъ словъ видно, что ему бросалась больше въ глаза внѣшность комедіи (одежды, реченія), не гармонировавшая съ русскою жизнью; потому и реформа начиналась въ то время только съ этой внѣшней стороны. Самъ Лукинъ, проповѣдникъ необходимаго согласія комедіи съ общественною жизнью народа, во всѣхъ почти комедіяхъ своихъ, кромѣ «Мота», является подражателемъ французовъ. Лукинъ не понялъ, что содержаніе комедіи дается жизнію общества, и что переложеніе чужихъ комедій на русскіе нравы есть ложь: по его мнѣнію, «ступивши къ такому преложенію, можно украсить цѣлое сочиненіе и другимъ пользу сдѣлать». Этотъ же взглядъ на русскую комедію раздѣлялъ тогда и Фонвизинъ: его «Коріонъ» относится къ одной категоріи съ комедіями Лукина; въ немъ также русскаго одна только внѣшность, и то не вполнѣ. Но какъ комедіи Лукина составляютъ въ исторіи нашей литературы переходъ отъ простыхъ заимствованій къ комедіямъ оригинальнымъ, такъ и «Коріонъ» Фонвизина есть какъ бы переходъ отъ его переводовъ къ «Бригадиру» и «Недорослю». Вѣроятно, къ этому же времени относится и начало Фонвизинскаго перевода комедіи Буасси (Boissy): «Обманчивая наружность или человѣкъ нынѣшняго свѣта»[1]). Сохранился переводъ перваго и отчасти шестого явленія перваго акта. Въ этой комедіи графиня проповѣдуетъ тѣ же житейскія правила, за которыя такъ преслѣдовалъ Новиковъ русскихъ щеголихъ въ своихъ журналахъ. «Бракъ совсѣмъ не твое дѣло», говоритъ она барону, — «и всѣ твои друзья не должны къ тому допускать тебя. Таковыя узы сдѣлаютъ въ тебѣ великую перемѣну; свѣтъ чрезъ то много потеряетъ, да и ты самъ теряешь чрезъ то половину цѣны своей. Всѣхъ привлекать, вездѣ торжествовать, быть любезну, забавну и ни о чемъ больше не думать, какъ

---

1) Заглавіе подлинника: Les dehors trompeurs ou l'homme du jour. Уцѣлѣвшіе листки Фонвизинскаго перевода нынѣ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

только о томъ, чтобъ нравиться другимъ, вотъ прямое твое состояніе, вотъ истинное твое упражненіе. Человѣкъ нынѣшняго свѣта родился съ тѣмъ, чтобъ ни отъ кого не зависѣть, чтобъ имѣть веселіе своимъ закономъ и узами — свои забавы. Союзъ его долженъ состоять изъ легчайшихъ оковъ, которыхъ минута составляетъ, а другая разрушаетъ. Онъ долженъ бѣгать и отъ узъ глупаго дружества; словомъ, ему надлежитъ привязывать къ себѣ всѣхъ и ни къ кому не быть привязану». То же самое ученіе проповѣдывали и русскія щеголихи прошлаго столѣтія; стоитъ прочесть только нѣкоторыя мѣста *Живописца* [1]), чтобы убѣдиться, что мѣсто, выписанное изъ французской комедіи, очень хорошо примѣнялось къ офранцуженной части нашего общества.

Въ 1765 году Фонвизинъ ѣздилъ въ Москву и пробылъ тамъ довольно долго. Тамъ познакомился онъ съ однимъ полковникомъ, въ домѣ котораго встрѣтилъ «женщину плѣняющаго разума, которая достоинствами своими тронула его сердце и вселила въ него совершенное къ себѣ почтеніе». Познакомившись съ нею, Фонвизинъ скоро узналъ, что его «почтеніе превратилось въ нелицемѣрную къ ней привязанность». Къ этому-то времени относится его переводъ сентиментальной повѣсти: «Сидней и Силли или благодѣяніе и благодарность». Здѣсь не было уже нравоучительной стороны, ни ученой, которыя заставляли Фонвизина браться за перо; повѣсть отличается только крайнею сентиментальностію и стремленіемъ къ эффектамъ. Въ героѣ — Сиднеѣ выставленъ какой-то идеально-добродѣтельный человѣкъ, а въ Силли, другомъ дѣйствующемъ лицѣ повѣсти, — юноша, котораго несчастія ожесточили противъ людей, заставили бросить любимую имъ дѣвушку и бѣжать изъ Европы въ Америку. Здѣсь встрѣчаетъ его Сидней, возвращаетъ отца, котораго онъ считаетъ погибшимъ, отправляется вмѣстѣ съ ними въ Парижъ,

---

1) Ср. по 1-му изданію, листъ 4-й, стр. 25—28; листъ 7-й, 9-й, 10-й и т. д.

соединяетъ Силли съ любимою имъ Юліею и окружаетъ счастіемъ и довольствомъ семью ихъ.

Впрочемъ, сентиментальность въ «Сиднеѣ» Фонвизина объяснить не трудно: онъ былъ тогда въ томъ возрастѣ, который по самому характеру своему наклоненъ къ ней; онъ былъ, съ другой стороны, въ такомъ же положеніи, въ какомъ Силли къ своей Юліи; мало того, выборъ повѣсти для перевода принадлежитъ не ему, а женщинѣ, которая внушила ему страсть. На это ясно указываетъ посвященіе перевода «Госпожѣ...». «Слѣдуя волѣ твоей», говоритъ Фонвизинъ, — «перевелъ я «Сиднея» и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ ли хвалить его другіе? Лишь бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня составляешь». Не удивительно, что въ этомъ состояніи Фонвизинъ могъ сочувствовать картинамъ, которыя представляетъ переведенная имъ повѣсть.

Нѣсколько рѣзокъ переходъ отъ сентиментальной повѣсти къ политико-экономическому трактату. Но въ Фонвизинѣ всегда преобладало стремленіе къ сочиненіямъ практически-полезнымъ, выразившееся рѣзко во всей его литературной дѣятельности и, можетъ быть, всего ярче высказавшееся въ его знаменитыхъ «Вопросахъ сочинителю Былей и Небылицъ». Писатель былъ для него столь же мощпымъ дѣятелемъ въ системѣ государственнаго управленія, какъ и высшія лица власти законодательной. Въ числѣ нѣкоторыхъ бумагъ Фонвизина, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, находится отрывокъ плана почтоваго устройства. «Государственныя почты суть такія установленія», говоритъ авторъ,—«въ коихъ публика обрѣтаетъ свои выгоды, а казна свой доходъ. До сего времени не пользовалася публика относительно до почты ни возможными удобностями, ни довольною безопасностію, а казенный съ нихъ доходъ есть гораздо менѣе, нежели оный быть можетъ безъ всякаго однакожь отягощенія публики. Къ распространенію сей обоюдной пользы полагаются здѣсь нѣкоторыя основанія, извлеченныя изъ опытовъ многихъ лѣтъ, соображенныя съ нашимъ

положеніемъ и обычаями, и удобныя произвестися въ дѣйство при всеобщемъ благоустройствѣ, составляющемъ блаженство Россіи и безсмертную славу ея законодательницы. Существо почтовыхъ дѣлъ требуетъ, чтобъ вниманіе обращено было на три главные предмета, кои суть: 1) безопасность почты, 2) скорое ея хожденіе, 3) сборъ, сохраненіе и возможное приращеніе ея доходовъ. Каждый изъ сихъ пунктовъ будетъ опредѣленъ и установленъ здѣсь въ особливомъ отдѣленіи». Фонвизинъ думалъ, что писатель долженъ подавать свой голосъ въ дѣлахъ, касающихся государственнаго управленія, указывать на не замѣченныя въ нихъ стороны и способствовать къ рѣшенію возникающихъ вопросовъ. Въ 1766 году онъ напечаталъ переведенную имъ книгу: «Торгующее дворянство противуположенное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? Съ присовокупленіемъ особливаго о томъ же разсужденія г. Юстія» (С.-Пб.). Судьба французскаго подлинника не лишена интереса. Въ декабрьской книжкѣ *Французскаго Меркурія* 1754 года напечатаны были размышленія о торговлѣ маркиза Лассе (Lassay), который между прочимъ высказалъ мысль, что французское правительство не должно позволять дворянству заниматься торговлей. Кажется, этотъ вопросъ занималъ въ то время многихъ. Противъ мнѣнія Лассе возсталъ аббатъ Куайе (abbé Coyer), воспитатель герцога Бульонскаго, человѣкъ, не отличавшійся глубокою ученостію, но умѣвшій часто мастерски схватить и передать смѣшную сторону дѣла. Куайе напечаталъ въ Парижѣ (въ 1756 году) анонимную брошюру: «La Noblesse commerçante»; она была замѣчена, возбудила большое вниманіе живымъ и остроумнымъ изложеніемъ дѣла, хотя многимъ не понравилась и вызвала возраженія. Противъ нея направлена книга: «La Noblesse militaire, ou le patriote François». Въ системѣ Куайе авторъ послѣдняго сочиненія видитъ «стремленіе къ разрушенію монархіи». Если о степени сочувствія публики къ сочиненію судить по количеству

изданій, то послѣдняя брошюра имѣла болѣе доброжелателей, нежели книга Куайе: въ 1758 году уже вышло четвертое изданіе «Военнаго дворянства», и только второе — «Торгующаго». Юсти перевелъ обѣ брошюры на нѣмецкій языкъ и издалъ ихъ съ своимъ предисловіемъ. Нѣмецкій юристъ не сочувствуетъ доводамъ Куайе: «Для благополучія всей Европы желать надобно того», говоритъ онъ,—«чтобъ оныя никакого не имѣли дѣйствія. Французская коммерція въ семъ вѣкѣ распространилась въ тридцать лѣтъ столь далеко, что есть ли приращеніе ея слѣдовать будетъ по сему содержанію, то вольность Европы великой будетъ опасности подвержена». Юсти смотритъ на дѣло съ исключительной точки зрѣнія; онъ потому только не желаетъ распространенія плановъ Куайе, что Франція по своей торговлѣ можетъ сдѣлаться еще опаснѣе для Европы; но онъ признается, что перевелъ оба сочиненія для того, «чтобъ оспариваемое здѣсь предразсужденіе и въ Германіи силу свою потеряло. Предразсужденіе», продолжаетъ онъ, — «причинило превеликой вредъ нашему отечеству; и есть ли бъ мы за 300 лѣтъ предъ симъ оное истребили, то бы Германія была нынѣ богатѣйшее, сильнѣйшее и благополучнѣйшее государство въ Европѣ». Юсти жалѣетъ о паденіи Ганзейскаго союза и о томъ, что дворяне не приняли тогда участія въ торговлѣ. Чтобы разъяснить нѣкоторыя стороны вопроса, Юсти къ нѣмецкому переводу брошюръ присоединилъ и свое разсужденіе о томъ же предметѣ.

Фонвизинъ перевелъ (съ нѣмецкаго) только одно сочиненіе Куайе, хотя по заглавію его книжки можно было бы думать, что онъ перевелъ обѣ упомянутыя брошюры вмѣстѣ съ разсужденіемъ Юсти. Цѣль Куайе — доказать, что дворянство, особенно низшее, должно заняться торговлею. Слѣдствіемъ обращенія ихъ къ торговлѣ будетъ: 1) распространеніе земледѣлія, 2) умноженіе народа, 3) увеличеніе доходовъ, 4) усиленіе флота. Замѣчательно, что авторъ, съ своей экономической точки зрѣнія, очень низко ставитъ сочинителей романовъ; одну только пользу видитъ онъ въ романахъ: они препятствуютъ своимъ сочинителямъ

впасть въ праздность и черезъ это, можетъ быть, сдѣлаться разбойниками! Впрочемъ, въ первой и отчасти во второй половинѣ прошлаго столѣтія писатели вообще довольно неблагосклонно отзывались о романахъ. Языкъ Фонвизинскаго перевода въ этомъ трактатѣ еще довольно блѣденъ и неправиленъ отъ множества варваризмовъ.

Въ Москвѣ Фонвизинъ перевелъ поэму Битобе: «Іосифъ». Она принадлежитъ къ тому ложному роду эпопеи, который такъ уважался въ прошломъ столѣтіи, благодаря французской піитикѣ и любви къ нравоучительнымъ сочиненіямъ. Тогда какъ будто не понимали нравоученія, которое не было высказано въ дидактической формѣ. Эпопея, этотъ плодъ юности народа, его непосредственное созданіе, становилась романическою исторіею, въ которой взглядъ творца почти всегда извращалъ истину и даже правдоподобіе. Такова «Генріада», такова «Россіада», такова поэма Битобе. На поэму смотрѣли тогда какъ на самый возвышенный родъ поэзіи. Еще Ломоносовъ говорилъ, что «высокимъ штилемъ, то-есть, словено-россійскимъ, составляться должны греческія поэмы». Фонвизинъ является вѣрнымъ послѣдователемъ Ломоносовскаго ученія въ переводѣ «Іосифа». «Всѣ наши книги», говоритъ онъ въ предисловіи,—«писаны или славенскимъ или нынѣшнимъ языкомъ. Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что въ переводѣ такихъ книгъ, каковъ «Телемакъ», «Аргенида»,«Іосифъ» и прочія сего рода, потребно держаться токмо важности славенскаго языка, но при томъ наблюдать и ясность нашего; ибо хотя славенской языкъ и самъ собою ясенъ, но не для тѣхъ, кои въ немъ не упражняются. Слѣдовательно, слогъ долженъ быть такой, каковаго мы еще не имѣемъ; «Телемакъ» переведенъ славенскимъ; а въ «Аргенидѣ» нашелъ я много нашихъ нынѣшнихъ выраженій, не весьма, кажется, сходственныхъ съ важностію сея книги. Итакъ, главное затрудненіе состояло въ избраніи слога. Множество приходило мнѣ на мысль славенскихъ словъ и реченій, которыя, не имѣя себѣ примѣра, принужденъ я былъ оставить, боясь или возмутить ясность, или тронуть нѣжность

слуха. Приходили мнѣ на мысль наши нынѣшнія слова и реченія, весьма употребительныя въ сообществѣ, но, не имѣя примѣру, оставлялъ я оныя, опасаясь того, что недовольно изобразятъ они важность авторской мысли». Такъ, натянутое содержаніе, теоріею узаконенное, вызывало у насъ неестественную форму; такъ появлялся странный, искусственный языкъ въ книгѣ намѣренно, на основаніи a priori составленнаго взгляда, отторгаясь отъ языка разговорнаго. Фонвизинъ думалъ внести въ литературный языкъ нашъ не только отдѣльныя славянскія слова, но многіе синтаксическіе обороты, исчезнувшіе въ теченіе исторической жизни языка. Вышла какая-то странная смѣсь, тотъ вялый, неорганическій, такъ сказать, слогъ, который такъ отталкиваетъ многихъ отъ знакомства съ нашими старыми писателями. Мы уже видѣли, какимъ способомъ знакомился Фонвизинъ съ славянскимъ языкомъ въ домѣ отца, который владѣлъ практическимъ знаніемъ славяно-церковнаго языка и старался передать его сыну. Фонвизинъ говоритъ, что чтенію у крестовъ и толкованіямъ отца обязанъ онъ, если имѣетъ въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое понятіе, «ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать не возможно». Это практическое знакомство съ славянскимъ языкомъ было, конечно, полезно Фонвизину для болѣе вѣрнаго пониманія реченій русскихъ, что̀ и оказалось въ «Опытѣ россійскаго сословника»; но оно же, при модномъ стремленіи нашихъ писателей прошлаго столѣтія изгонять варваризмы словами и оборотами языка славяно-церковнаго и при господствѣ вышеизложенной теоріи, оставило въ нѣкоторыхъ, особенно первыхъ произведеніяхъ Фонвизина всѣ вредныя слѣдствія чисто-наглядваго знакомства съ языкомъ. Многіе слова и обороты славяно-церковнаго языка употребляются Фонвизинымъ совершенно не въ попадъ, потому что истинное значеніе ихъ часто не было ему извѣстно[1]). Выборъ перевода объясняется нра-

1) Въ примѣръ неудачнаго употребленія славянскихъ флексій и оборотовъ приведемъ слѣдующія фразы: «Добродѣтель, хотящая усты его вѣщати,

воучительною стороною поэмы: она всегда привлекала нашего автора.

Между тѣмъ писатель, преслѣдовавшій въ переводахъ своихъ нравственную цѣль, попалъ въ Петербургѣ въ общество людей, съ убѣжденіями которыхъ по характеру своего воспитанія Фонвизинъ не могъ сдружиться, но, увлекаясь своимъ остроуміемъ, онъ принесъ дань этому кружку «Посланіемъ къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ». О времени появленія въ печати этого посланія митрополитъ Евгеній передаетъ слѣдующее извѣстіе: «Оно сочинено и въ первый разъ появилось на свѣтъ 1763 года въ Москвѣ во время даннаго отъ двора народу публичнаго на сырной недѣлѣ маскарада, когда на три дни во всѣхъ московскихъ типографіяхъ позволена была свобода печатанія» [1]). Есть причины сомнѣваться въ вѣрности этого преданія. «Посланіе къ слугамъ» напечатано было въ ежемѣсячномъ изданіи: *Пустомеля* [2]) въ первый разъ, судя по слѣдующему любопытному замѣчанію о немъ издателя *Пустомели*: «Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о имени автора сего посланія; перо, писавшее сіе, россійскому ученому свѣту и всѣмъ любящимъ

является въ очахъ его» (стр. 12). «Въ пеленахъ сущи, лишилась я своего родителя» (стр. 51). «По начатіи торжества сего Іаковъ, сѣдящи между ними юною пастушкой, не могъ сокрыти движеніе души своея» (стр. 55). «Потомъ обращся къ ней; и ты, рекъ онъ» и т. д. (тамъ же). «Іаковъ, отецъ мой, есть изобилующій паче прочихъ пастырь страны Ханаанейской» (стр. 42).

1) *Другъ Просвѣщенія* 1805 г., кн. 10, стр. 252.

2) *Пустомеля*, ежемѣсячное сочиненіе, 1770 годъ, мѣсяцъ іюнь. Въ Санктпетербургѣ (въ 32-ю д. л.) (стр. 93—105). Кто былъ издателемъ этого журнала— не извѣстно. Г. Буличъ говоритъ: «Есть извѣстіе, что издателемъ *Пустомели* былъ Аблесимовъ» (Сумароковъ и современная ему критика, стр. 272). Это извѣстіе основано на словахъ одного нѣмецкаго журнала, но, какъ намъ кажется, невѣрно понято. Есть довольно неизвѣстныхъ большею частію нашимъ изслѣдователямъ сочиненій Аблесимова въ еженедѣльномъ изданіи: *Разскащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время, или когда кому дѣлать нѣчего* (М. 1783, 2 ч.); можно даже думать, что Аблесимовъ принималъ въ этомъ изданіи главное участіе. Отъ неточнаго перевода нѣмецкаго заглавія произошло, вѣроятно, то, что Аблесимову вмѣсто *Разскащика* приписали *Пустомелю*. «Посланіе къ слугамъ» напечатано въ *Пустомелѣ* совершенно такъ, какъ печатается обыкновенно въ собраніи сочиненій Фонвизина; только вмѣсто словъ: Петрополь, Москва и Петербургъ стоитъ: П***, М**, П***.

словесныя науки довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненіи носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія; словомъ, есть ли обстоятельствы автору сему позволятъ упражняться въ словесныхъ наукахъ, то не безосновательно и справедливо многія ожидаютъ увидѣть въ немъ россійскаго Боало. Его комедія *** столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лутчаго и Моліеръ во Франціи своимъ комедіямъ не видалъ приятія и не желалъ; но я умолчу, дабы завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благоразуміемъ на нихъ наложеннаго» [1]). Книжка *Пустомели*, въ которой напечатано «Посланіе къ слугамъ», была послѣднимъ мѣсяцемъ этого журнала; почему-то онъ прекратился на двухъ мѣсяцахъ. Прибавимъ, что *Пустомеля* составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость.

Современное извѣстіе о судьбѣ произведеній Фонвизина въ публикѣ само по себѣ не лишено интереса. Уже «Бригадиръ», котораго разумѣетъ *Пустомеля* подъ ***, поднялъ, какъ видно, гоненіе завистниковъ на нашего автора, а между тѣмъ дворъ и высшія государственныя лица осыпали автора самыми лестными знаками благосклонности. Комедію свою Фонвизинъ читалъ въ присутствіи самой императрицы, читалъ се и великому князю, и Панинымъ, и Чернышеву, и Строганову, и графинямъ Румянцовой, Бутурлиной, Воронцовой. Мы видѣли уже, что и «Коріонъ» «подвергся гоненію, хотя удостоился благосклонности двора». Кто были эти завистники, эти темные гонители писателя, преслѣдовавшаго невѣжество, ханжество, подражательность, однимъ словомъ, неразумную сторону русскаго общества? Что̀ возмущало этихъ людей въ комедіяхъ Фонвизина? Неужели осмѣяніе поня-

---

[1]) *Пустомеля*, ежемѣсячное сочиненіе 1770 года, мѣсяцъ іюль, стр. 104—105.

тій, которыя въ глазахъ многихъ были неприкосновенны? Во всякомъ случаѣ не простая зависть могла систематически преслѣдовать комедію Фонвизина отъ «Коріона» до «Недоросля»; во всякомъ случаѣ, нельзя съ благодарностью не замѣтить, что императрица и высшія государственныя лица являлись заступниками комедіи и давали ей средства со сцены поражать испорченныя части русскаго общества. Двору, конечно, не чужда была сфера, которую обрисовывалъ Фонвизинъ своимъ комическимъ перомъ. Говорятъ, что «онъ жилъ въ столицѣ, а описывалъ провинцію»; что «изображенныя имъ лица вѣрны и подсмотрѣны съ природы, но сходство ихъ было почти отвлеченное, безъ живого примѣненія къ лицамъ, предъ коими онѣ были выведены». Едва ли можно ограничить комедію Фонвизина чисто провинціальнымъ кругомъ общества и провести между провинціальною и столичною жизнію нашею въ прошломъ столѣтіи такую рѣзкую грань, что только изрѣдка и какъ бы ненарокомъ попадали лица одной въ другую. Не говоря уже о томъ, что между тою и другою сферою существуетъ постоянное живое общеніе, мы можемъ современными Фонвизину свидѣтельствами подтвердить, что въ комедіяхъ его картинъ столичной жизни болѣе, чѣмъ провинціальной. Начнемъ съ «Бригадира». Сынъ, побывавшій въ Парижѣ и потому превратившійся въ моднаго петиметра, — живое лицо столичнаго общества, большаго моднаго свѣта, въ которомъ такъ много ему подобныхъ и такой широкій разгулъ его моднымъ французскимъ достоинствамъ. Какъ и образоваться такому лицу въ провинціи? Онъ знаетъ, «что это такое, que de vivre dans le grand monde». Стоитъ пересмотрѣть наши журналы того времени, чтобы видѣть, какъ сильно преслѣдовали они петиметровъ и русскихъ парижанъ, какъ вездѣ являются они принадлежностью столичной жизни. *Трутень* объявлялъ въ своихъ рѣзкихъ «Сатирическихъ вѣдомостяхъ»: «Молодого россійскаго поросенка, которой ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть, могутъ

его видѣть безъ денежно по многимъ улицамъ сего города»[1]). Извѣстіе «Изъ Твери» показываетъ, что на такихъ людей смотрѣли, какъ на исключительную принадлежность столицы[2]). А Совѣтница, эта необходимая принадлежность тогдашняго большаго свѣта, которую журналы называютъ общимъ терминомъ Щеголихи, неужели болѣе относится къ провинціальной, чѣмъ къ столичной жизни? Прислушаемся къ ея разговору: «Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, которой былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, которой въ Парижѣ не былъ». «Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться на вѣки дурою». «Не ужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь». «Оставьте такіе разговоры. Развѣ не льзя о другомъ дискютировать? Выбрали такую серіозную матерію, которой я не понимаю». «Чортъ меня возми, ежели грамматика къ чему-нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты»[3]). Вотъ понятія щеголихи и языкъ, которымъ она выражается. Если захотите прослѣдить этотъ типъ въ журналахъ, начиная съ *Трутня* до *Собесѣдника* (1769—1783), вы не найдете особенныхъ измѣненій. Типъ этотъ столичный, а столица доступнѣе чужому вліянію, чѣмъ провинціальная глушь: туда онъ переходилъ уже изъ столицъ. Во времена Фонвизина этотъ типъ въ столицахъ не былъ еще отжившимъ, напротивъ былъ въ полной силѣ. Дружное нападеніе журналовъ на личность щеголихи прекрасно объясняетъ роль Совѣтницы. «Необходимо также», говоритъ щеголь,—«долженъ я

---

1) *Трутень*, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ, листъ VI, стр. 45—46.
2) *Трутень*, листъ IX, стр. 69.
3) См. 1-е явленіе «Бригадира».

умѣть портить руской языкъ и говорить нынѣшнимъ щегольскимъ женскимъ нарѣчіемъ»[1]). *Живописецъ* извѣщаетъ, что наилучшихъ книгъ «и въ десятую долю противъ романовъ не покупаютъ»[2]). Въ pendant къ объясненіямъ Совѣтницы можно привести слѣдующее письмо Щеголихи къ издателю *Живописца*: «Ты, радость, безпримѣрной авторъ. По чести говорю, ужесть какъ ты славенъ; читая твои листы, я безподобно утѣшаюсь; какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающи. По чести скажу, что твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь, что я всегда фельетирую ихъ безъ всякой дистракціи. Да и нельзя не такъ; ты не грустенъ, шутишь славно, и твое перо по бумагѣ бѣгаетъ безподобно. Ужесть, ужесть, какъ прекрасны твои листы! Но сказать вокругъ насъ, ты много долженъ мнѣ: уморить ли, радость? Вѣть мнѣніе-то Щеголихино[3]) ты у меня подтяпалъ... ха! ха! ха! Клянусь, спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ, они тебѣ скажутъ, что я всегда ето говорила; но ето ничево не означитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты ластишь меня тѣмъ, что никакъ со мною не споришь; а особливо, когда говорилъ о наукахъ, ты это такъ славно прокричалъ! Чортъ меня возьми, какъ книга! А при томъ ты всегда стараешся оказывать намъ учтивости; не такъ какъ нѣкоторый грубіянъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ вытащилъ на театръ. Куда какъ онъ много выигралъ? Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ расхохочутся до смерти; анъ право никто изъ нашихъ сестеръ и учтивыхъ мущинъ и не улыбнулся, а смѣялись только... Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. Ужесть какъ славно онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ Фирлифюшковымъ: совсѣмъ тѣмъ, подобные ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи, а его Дремовъ никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я етого автора,

---

1) *Живописецъ*, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе, листъ 4-й, стр. 30.

2) Тамъ же, листъ 6-й, стр. 43—44.

3) Въ 1-мъ листѣ *Живописца* изложены были мысли щеголихи о наукахъ и литературѣ.

то оттѣнила бы сама его безподобно. Я никакъ на него не сердита: онъ меня никакъ не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я ево никакъ не могу терпѣть. Въ первой его комедіи [1]) я и сама до смерти захохоталась: ужесть, какъ славно шпетилъ онъ нашихъ бабушекъ; а ета комедія такую сдѣлала дистракцію и такую грусть, что я поклялась никакъ на именины не ѣздить. Правда, ты и самъ зацепился, но это шуткою; а за шутки мы никакъ не сердимся: напротивъ того, ты бранишъ одныхъ только деревенскихъ дураковъ» [2]). Не двойникъ ли это Совѣтницѣ? А между тѣмъ кто же признаетъ ее принадлежностью провинціальнаго общества? И сама она прямо отличаетъ себя отъ «деревенскихъ дураковъ». Родина Бригадирши — Москва; это засвидѣтельствовано самимъ авторомъ. Н. И. Панинъ сказалъ Фонвизину: «Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу». Совѣтникъ тоже служилъ въ коллегіи, въ Москвѣ [3]), и очень напоминаетъ собою стараго лицемѣра, описаннаго въ *Трутнѣ* [4]). Остается роль Бригадира; но и она принадлежитъ столько же провинціальной, сколько и столичной жизни. Дѣйствіе въ провинціи не даетъ еще права называть и лица комедіи исключительною принадлежностью провинціальной жизни. Свидѣтельства современниковъ всегда важнѣе догадокъ и предположеній позднѣйшаго біографа, а мы видѣли, что личности Фонвизинскихъ комедій подъ другими именами встрѣчаются постоянно въ сатирической журнальной литературѣ, какъ необходимая принадлежность столицы. Живое сочувствіе, съ какимъ встрѣченъ былъ «Бригадиръ» образованною частію общества, было слѣдствіемъ сознанія, что лица комедіи вѣрны дѣйствительности, и не провинціальной, а столичной сферѣ. Мы предположили бы

1) Комедія императрицы Екатерины II: «О время!»
2) *Живописецъ*, листъ IX, стр. 65—66.
3) Бригадиръ, дѣйствіе I, явленіе 2-е.
4) *Трутень* 1769 г., листъ II, стр. 6.

слишкомъ мало практическаго смысла и въ авторѣ комедіи, и въ тѣхъ, которые съ восторгомъ встрѣтили его произведенія, еслибъ сказали, что «авторъ и публика его не были въ борьбѣ лицомъ къ лицу и рука съ рукою». Эта борьба была, и гоненія на комедію Фонвизина — лучшій тому свидѣтель. Эта борьба была, и потому съ восторгомъ встрѣтили «Бригадира» тѣ, которые отъ литературы ожидали прямого и самаго благотворнаго дѣйствія на общественную жизнь.

Въ *Трутнѣ* напечатана была слѣдующая «Вѣдомость съ Парнаса»: «Здѣсь все въ великомъ замѣшательствѣ: славныя стихотворцы, обезображенныя худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступленіи. Всѣ музы, прославленныя въ Россіи г. С., приходили къ своему отцу и со слезами жаловались на дерзновеніе молодыхъ писателей: Мельпомена и Талія проливали слезы и казались неутѣшными. Великій Аполлонъ увѣрялъ ихъ, что сіе здѣлалось безъ его позволенія, и что онъ для разсмотрѣнія сего дѣла повелитъ собрать чрезвычайной совѣтъ; а между тѣмъ показалъ Таліи новую Русскую комедію ****, сочиненную однимъ молодымъ писателемъ. Талія, прочитавъ оную, приняла на себя обыкновенной свой веселой видъ и сказала Аполлону, что она сего автора со удовольствіемъ признаетъ своимъ законнымъ сыномъ. Она и записала его имя въ памятную книжку въ число своихъ любимцевъ» [1]). *Трутень*, видѣвшій въ комедіи только средство къ исправленію нравовъ, не отозвался бы такъ благосклонно о піэсѣ, въ которой не было «живаго примѣненія къ лицамъ, предъ коими онѣ были выведены». Напротивъ, за это «живое примѣненіе» и хвалили комедію Фонвизина [2]).

Мы видѣли, какъ приняли на свой счетъ комедію императрицы Екатерины II «Имянины Госпожи Ворчалкиной» Щего-

---

1) *Трутень* 1769 г., листъ XVIII, стр. 138—139.

2) Ср. эпиграмму, напечатанную въ 3-й части *Собесѣдника любителей Россійскаго слова*, стр. 38—39.

лихи, которыя узнали себя въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ ея. Сличеніе комедіи Фонвизина съ комедіями императрицы можетъ подтвердить ту мысль, что авторъ «Недоросля» не ограничивалъ своей сатиры списываніемъ провинціальной жизни. Фирлифюшковъ и Олимпіада—тѣ же лица, что Совѣтница и сынъ Бригадира, а Дремовъ — тотъ же Правдинъ «Недоросля». Комедія: «О время!» въ лицѣ Ханжахиной вывела тотъ же порокъ, который осмѣяпъ въ «Бригадирѣ». Безсмысленная вѣра въ букву, наружное благочестіе, въ сущности же совершенное равнодушіе къ религіи и напоминаніе ея — вотъ черты общія Совѣтнику и Ханжахиной. Это — выродки старой Руси, не затронутые Петровскимъ преобразованіемъ. Они были равно возможны въ столицѣ и въ провинціи. О своей комедіи императрица сама сказала печатно: «При сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи: слѣдовательно, не выходя изъ дому своего, нашолъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такова, каковымъ я свое почитаю» [1]). Эта семья, этотъ домъ автора комедіи была столица, въ самомъ дѣлѣ представлявшая обширное поле къ составленію забавнаго позорища. Здѣсь были не только Бригадиры, Совѣтники, Стародумы, Правдины, но и Простаковы, Вральманы, Кутейкины, Цыфиркины, хотя, разумѣется, въ столицѣ они принадлежали къ болѣе низкимъ слоямъ общества, нежели въ провинціи. Записки Данилова, его разсказъ объ учителѣ московской артиллерійской школы Алабушевѣ показываютъ, что не въ одной провинціи были такіе учителя, какъ Кутейкинъ и Цыфиркинъ; Вральманы нестоличные дожили до нашего вѣка. Только личности Скотинина и Простаковой болѣе, чѣмъ другія, носятъ на себѣ провинціальныхъ чертъ. Но самодовольное невѣжество Простаковой, но воспитаніе, которое даетъ она сыну, и этотъ Митрофанушка, выросшій въ душной

1) *Живописецъ*, листъ 7, стр. 49.

атмосферѣ невѣжества и безнравственности, развѣ не были язвою, столь же общею столицамъ, какъ и провинціямъ? Конечно, столичный Митрофанушка не полѣзъ бы на голубятню, а сдѣлался бы петиметромъ или игрокомъ, но насмѣшка комика надъ недорослями не теряетъ отъ того своей силы. Трудно допустить, что Фонвизинъ не призывалъ оригиналовъ своихъ на очную ставку съ уличительными портретами: нѣкоторыя мелкія особенности провинціальной жизни въ его комедіяхъ отпадали, и въ глазахъ зрителя оставались личности, хорошо ему знакомыя, повседневно ему встрѣчавшіяся. Правда, что настоящіе Простаковы въ глуши губерній и деревень могли не знать, что дворъ надъ ними смѣется; но это не вина комическаго автора: столичные же Простаковы, конечно, узнавали себя легко въ комедіи Фонвизина. Наши журналы прошедшаго столѣтія, рисуя сатирическія картины современнаго общества, невольно сталкивались по своему содержанію съ комедіей. Задача ихъ была одна и та же; потому опи взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга. Фонвизинъ вполнѣ сочувствовалъ сатирическому направленію нашей журналистики, самъ по возвращеніи изъ-за границы въ 1788 году думалъ издавать журналъ, и потому весьма вѣроятно, что онъ принималъ участіе въ *Трутнѣ*, *Живописцѣ* и др. [1]). Въ послѣднемъ еженедѣльникѣ, по крайней мѣрѣ, перепечатано было написанное Фонвизинымъ «Слово на выздоровленіе Его Императорскаго Высочества, государя цесаревича великаго князя Павла Петровича» [2]). Къ сожалѣнію, сотрудники нашихъ сатирическихъ журналовъ, двигатели лучшей, благороднѣйшей части старой литературы, почти совершенно намъ неизвѣстны; многія подписи подъ статьями рѣшительно не объяснимы, другія разоблачаются только послѣ усильныхъ трудовъ. Въ настоящее время рѣшить вопросъ объ участіи Фонвизина въ старыхъ журналахъ не возможно. Но при своемъ живомъ взглядѣ на обще-

1) Теософическихъ мнѣній Новикова не раздѣлялъ Фонвизинъ. Сочиненія, стр. 406.

2) *Живописецъ*, часть II, листъ 3, стр. 226—232; листъ 4, стр. 322—339.

ственное значеніе литературы, едва ли авторъ «Недоросля» могъ не принимать никакого участія въ журналахъ, которые были прямыми памфлетами на дурныя стороны русской жизни. Только въ молодости, когда еще не сложился у него сознательный взглядъ на литературу, только въ молодости перевелъ Фонвизинъ трагедію Вольтера; потомъ онъ уже оставилъ этотъ родъ въ сторонѣ. Къ автору лучшихъ трагедій своего времени Княжнину онъ не чувствовалъ никакого уваженія, судя по слѣдующему «Дружескому увѣщанію Княжнину»:

Когда не можешь ты Пегаса осѣдлать,
Почто тебѣ на немъ охота разъѣзжать?
На не осѣдланномъ конѣ скакать опасно:
Паденіе съ него случается несчастно;
Пегасу надобно покрѣпче сѣдока,
Онъ на себѣ терпѣть не можетъ дурака.
И какъ тебя на немъ мнѣ видѣть ни случалось,
Мнѣ страшно съ стороны то зрѣніе казалось.
А паче всево (?), какъ въ послѣдній разъ скакалъ,
Ты самъ себѣ, дуракъ, погибели искалъ.
Вдругъ кажешься ты намъ уже подъ небесами,
Вдругъ чортъ тебя несетъ на землю вверхъ ногами,
И самого тебя всего объемлетъ страхъ.
Не самъ ли ты сказалъ, что разобьешься въ прахъ?
Когда же и во адъ оттолѣ ты сойдешь,
То мѣсто и въ аду, проклятый, не найдешь.
Не погуби себя, послушай ты меня:
Пожалуй, поскоряй слѣзай долой съ коня,
И видя, что твои желанья неудачны,
Сокройся ты опять во рвы забвенья мрачны [1]).

Фонвизинъ избралъ себѣ нравоучительный родъ произведеній и остался вѣренъ ему съ перваго перевода до послѣдняго произведенія своего, если исключить отсюда «Посланіе къ слугамъ» и «Матюшку яблочника».

---

1) Это не изданное стихотвореніе Фонвизина находится въ рукописи Императорскаго Казанскаго университета № 19953.

Въ одинъ годъ съ появленіемъ комедіи: «О время!» и *Живописца* поставленъ былъ на сцену «Недоросль». Современное извѣстіе говоритъ объ этой комедіи: «Представлена въ первой разъ въ Санкпетербургѣ, Сентября 24 дня 1772 года, на щотъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго, въ которое время несравнено театръ былъ наполненъ и публика апплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы игралъ бывшей придворной актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей, а на Московскомъ театрѣ роль сія представлена вольнымъ Московскаго театра актеромъ г. Ожогинымъ также къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія, наполненная замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждой въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики»[1]). Извѣстно, что Потемкинъ послѣ перваго представленія «Недоросля» сказалъ автору: «Умри, Денисъ, или больше ничего не пиши!» Нашлись однако недовольные и «Недорослемъ» и подняли на него сильное гоненіе, такъ что актеры не хотѣли играть комедіи по злобѣ нѣкоторыхъ лицъ [2]). При постановкѣ «Недоросля» на московской сценѣ встрѣтились также большія препятствія. Авторъ писалъ по этому случаю къ содержателю Московскаго театра Медоксу: «Mon frère vous a remis, j'éspère, le papier en question et vous a expliqué, mon cher Medox, la résolution, que j'ai pris pour faire taire tous les propos, occasionnés par l'opiniatreté de votre censeur. Votre longue (sic) silence ne m'a prouvé que trop le mauvais succès de vos demarches pour obtenir la permission. J'ai mis fin à la chicane, et il me semble que par là je vous ai prouvé la permission la plus authentique de jouer ma pièce, puisque les comédiens de la cour de Sa Majesté Impériale sur le théatre publique, avec la permission par écrit de la part du gouvernement, l'ont represanté le 24 de ce mois. Vous pouvez assurer mr. le censeur, que dans toute ma

1) Драмматическій Словарь. Москва. 1787, стр. 88, 89.

2) Свидѣтельство современника, графа Д. И. Хвостова. *Невскій зритель*, ч. III, 1820 г., С.-Пб., стр. 253, 258.

pièce, par conséquent dans les passages, qui l'ont fort effrayé, on n'a pas changé une syllabe. Le succés était complet. Comme je vous souhaite infiniment du bien, je vous laisse ma pièce, mais je vous demande votre parole d'honneur d'observer le plus inviolablement mon ancienne condition, c'est de ne prêter à personne ma comédie et de ne jamais la faire sortir de vos mains, car je ne veux pas encore la rendre publique. Tout à vous».

«Бригадиромъ» упрочена была литературная извѣстность Фонвизина. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ являлся уже почетнымъ гостемъ на литературныхъ собраніяхъ Мятлевой; въ нихъ принимала участіе и А. И. Приклонская, къ которой Фонвизинъ привязался почти до страсти. Въ 1773 году Панинъ, окончивъ воспитаніе великаго князя Павла Петровича, получилъ отъ императрицы 9000 душъ; четыре тысячи изъ нихъ раздѣлилъ онъ между тремя изъ своихъ подчиненныхъ, «сотрудниками своими въ отправленіи дѣлъ политическихъ»; въ числѣ награжденныхъ былъ Фонвизинъ. Подарокъ этотъ былъ ему очень кстати, потому что около того же времени онъ женился на молодой вдовѣ изъ рода купцовъ Роговиковыхъ.

Нездоровье жены заставило Фонвизина въ 1777 году предпринять путешествіе во Францію. Монпелье былъ главною цѣлью поѣздки. Подробности о пребываніи нашего автора за границею въ это время извѣстны изъ писемъ его къ графу П. И. Панину и къ сестрѣ. Разбирая эту переписку, какъ произведеніе литературное, въ ней видѣли какой-то узкій взглядъ на заграничную жизнь, ожесточеніе противъ нея, даже вражду къ просвѣщенію. Не всегда можно обвинять Фонвизина за то, что въ письмахъ, назначенныхъ не для публики, онъ рисуетъ европейскую жизнь черными красками; въ этомъ случаѣ онъ не исключеніе изъ современныхъ ему иностранныхъ туристовъ, порожденное слѣпою, неограниченною привязанностію къ своему; напротивъ, онъ принадлежитъ къ цѣлому разряду туристовъ, подобнымъ же образомъ описывавшихъ европейскія страны. Авторъ книги «Италіанцы или нравы и обычаи Италіи» начи-

наетъ ее такимъ образомъ: «Немногія сочиненія принимаются публикою такъ благосклонно, какъ тѣ, въ которыхъ господствуетъ сатира. Отсюда этотъ успѣхъ, который имѣли всѣ описанія путешествій, появляющіяся съ нѣкотораго времени: ихъ ищутъ, читаютъ съ живѣйшимъ интересомъ, потому что они представляютъ болѣе оцѣнку (censure), нежели исторію народовъ, съ которыми берутся познакомить... Авторъ, бросивши поверхностный взглядъ на посѣщенныя страны, возвращается въ отечество, беретъ перо, чтобы обнародовать свои великія открытія, и наполняетъ книгу обидными разсказами, крайними нелѣпостями, перемѣшивая ихъ съ возмутительными сказками о мнимыхъ преступленіяхъ. Онъ силится убѣдить читателя, что эти преступленія и нелѣпости не суть частныя дѣйствія того или другого лица, но грустный результатъ порочныхъ наклонностей народа, которыя онъ изучалъ взоромъ мелочнаго наблюдателя. Неопытный читатель смѣется глупымъ крайностямъ, которыя приписываются народу, и благословляетъ Небо за то, что не рожденъ въ этихъ преступныхъ странахъ» [1]). Такими чертами изображаетъ туристовъ-порицателей приверженецъ другого метода описанія странъ. Фонвизинъ велъ за границею не такую жизнь, чтобъ изучить народъ и страну, въ которой жилъ. Для описанія ихъ онъ обращался къ книгамъ. «Парижа описывать вамъ не хочу», пишетъ онъ къ роднымъ,—«потому что вы изъ книгъ также его узнаете, какъ я» [2]). Какому же роду «путешествій» отдаетъ преимущество Фонвизинъ? Конечно, сатирическому. Самъ онъ, по природной склонности къ насмѣшливости, смотрѣлъ на заграничную жизнь глазами сатирика и описанія путешествій выбиралъ также написанныя въ сатирическомъ духѣ. «Я лучше хочу не быть читанъ, нежели быть скученъ», говоритъ Фонвизинъ въ письмѣ Козодавлеву. Сатирическое изображеніе народа и страны давало ему средство избѣжать скучнаго изложенія.

1) Les Italiens, ou moeurs et coutumes d'Italie. Ouvrage traduit de l'Anglais de M. Baretty. 1778, pp. 1—3.

2) Сочиненія, стр. 372.

Часто, знакомясь съ описываемою страною изъ книгъ, Фонвизинъ оттуда же извлекалъ и свои обвиненія. Такъ напримѣръ, въ письмахъ его къ сестрѣ изъ второго путешествія есть заимствованія изъ журнала того времени (1783 г.) *Litteratur und Völkerkunde*. Отсюда переведенъ почти весь разсказъ о Пизѣ[1]). Можетъ быть, причиною ожесточенія Фонвизина на французскихъ философовъ было то общество, въ которое попалъ онъ въ Петербургѣ, и въ которомъ не могъ онъ не видѣть вліянія французской философіи, хотя и извращенной. Во всякомъ случаѣ обвиненія, на которыя такъ щедръ онъ въ своей заграничной перепискѣ, были очень распространены въ то время въ сочиненіяхъ европейскихъ путешественниковъ.

Въ 1784 году Фонвизинъ въ третій разъ отправился за границу, съ цѣлію посѣтить особенно Италію; въ 1785 году онъ возвратился въ Россію. Въ слѣдующемъ году онъ снова предпринялъ путешествіе для поправленія разстроеннаго своего здоровья, жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, потомъ пользовался цѣлительными водами въ Карлсбадѣ, Тренчинѣ. Письма изъ этого путешествія и журналъ его — грустная historia morbi Фонвизина. Въ послѣднихъ числахъ августа[2]) 1785 года ударъ паралича лишилъ его употребленія руки, ноги и языка — «безъ чего истинно жизнь моя мнѣ въ тягость», замѣчаетъ онъ.

Къ сожалѣнію, мы не много знаемъ о частной жизни Фонвизина, особенно въ послѣдніе годы. Въ 1768 году Елагина, его начальника, смѣнилъ Стрекаловъ. Кромѣ Н. И. и П. И. Паниныхъ, нашъ авторъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими знаменитыми личностями своего времени. Къ Н. И. Панину онъ былъ очень привязанъ и пользовался благодѣяніями его до самой смерти вельможи. Съ П. И. Панинымъ онъ велъ

---

1) Ср. письма Фонвизина изъ Италіи съ статьею: «Aus dem ungedruckten Tagebuche eines Reisenden»; она перепечатана въ *St.-Peterburgische Bibliothek der Journale, welche in Russland, Deutschland, England, Frankreich und Schweden herauskommen*, 1783, December.

2) Фонъ-Визинъ, соч. князя *Вяземскаго*, стр. 155, 170.

безпрерывную переписку, сообщалъ ему важнѣйшія депеши и бумаги, спрашивалъ его мнѣнія о нихъ. Расположеніе Панина доставляло Фонвизину случай ходатайствовать за своихъ друзей и товарищей, къ которымъ онъ сохранялъ постоянную привязанность. «Ежели отпустятъ меня паче чаянія», писалъ къ нему А. Ил. Бибиковъ, — «то буду я самолично тебя благодарить за всѣ твои дружескія мнѣ въ бытность здѣсь (въ Польшѣ) одолженія». «Будьте увѣрены», писалъ къ Фонвизину Я. И. Булгаковъ, университетскій его товарищъ, — «что все мое стараніе обращу заслужить вашу довѣренность и вселить въ васъ мнѣніе, что и въ глуши есть люди, кои умѣютъ отдавать справедливость имѣющимъ достоинства». Въ другомъ письмѣ къ нему Булгаковъ говоритъ: «Еслибъ въ первомъ случаѣ, который далъ мнѣ познать доброе ваше сердце и почувствовать плоды вашего обо мнѣ попеченія, отказали вы мнѣ помощь вашу, я бы меньше, признаюсь, васъ любилъ, но оставилъ бы въ покоѣ и тишинѣ пользоваться всѣмъ хорошимъ въ вашемъ мѣстѣ, не требуя, чтобы вы удѣлили и на насъ, бѣдныхъ, свѣта лучей, изливаемыхъ на васъ отъ солнца» и т. д. Другой товарищъ Фонвизина по университету, Марковъ, находясь въ Варшавѣ подъ начальствомъ нашего министра при Польскомъ дворѣ Сальдерна, потерпѣлъ отъ послѣдняго несправедливое заключеніе и обиды. Марковъ письмомъ просилъ Фонвизина о ходатайствѣ передъ Панинымъ и былъ въ самомъ дѣлѣ оправданъ.

Финансовыя обстоятельства Фонвизина никогда не были въ блестящемъ положеніи. Процессъ и отдача денегъ въ заемъ разстроивали его небогатое состояніе. Въ 1778 году онъ писалъ изъ-за границы: «Дорога, трактиръ и аптека стоятъ мнѣ гораздо больше, нежели я воображалъ. Кредитива моего только что стало сюда (до Парижа) доѣхать, а здѣсь нашелъ дороговизну несказанную въ вещахъ необходимыхъ, а въ излишнихъ дешевизну безпримѣрную. Квартира, столъ, карета стоятъ вдвое противъ петербургскаго; галантерейныя вещи, платье, книги, эстампы и пр. тоже или и дешевле. Платье нашелъ здѣсь из-

лишнимъ для того, что здѣсь и безъ него обойтиться можно. Мы ходимъ благополучно въ траурѣ, и тотъ почитается уже хорошо одѣтымъ, кто одѣтъ чисто; но такъ какъ здѣсь обычай носить трауръ для экономіи, то великая была бъ для насъ экономія, еслибъ могли мы сдѣлать здѣсь по нѣскольку платьевъ на чистыя деньги, ибо въ долгъ если бъ—пришлось бы не дешевле петербургскаго. По расположенію, которое сдѣлалъ въ моихъ доходахъ, я, конечно, могу съ сими доходами пріѣхать въ Петербургъ, но уже не воспользуюся ни въ чемъ здѣшнею дешевизною и не могу купить ничего ни для себя, ни для пріятелей. Тысячи рублевъ было бы предовольно на покупки. Итакъ, если весь мой доходъ собранъ былъ исправно, то нижайше васъ прошу перевесть еще тысячу на покупки изъ денегъ, занятыхъ у меня княземъ Гагаринымъ» и т. д. Изъ Москвы Фонвизинъ писалъ къ Пассеку отъ 4-го февраля 1784 года: «За милостивое покровительство ваше по дѣлу моему съ графинею Гендриковою, какъ и за почтеннѣйшее письмо ваше отъ 20 прошедшаго мѣсяца, приношу вашему высокопревосходительству покорнѣйшее благодареніе. Я отдаю на собственный вашъ судъ, не прискорбно ль бъ мнѣ было за то, что̀ у меня похищено наглымъ образомъ, взять половину той цѣны, за которую бы я ей не продалъ добровольно, а сверхъ того, и съ издержекъ моихъ также принять на мой счетъ половину. Я, конечно, имѣю все почтеніе къ ея полу и къ ея лѣтамъ; но знаю то, что для нея, по ея богатству, 2500 р. ничего не значатъ, и что несогласіе ея происходитъ, откровенно сказать, отъ одной скупости. Ваше высокопревосходительство знаете мою къ вамъ совершенную преданность, за которую подали мнѣ новый знакъ вашего ко мнѣ благодѣянія. Я имѣю къ вашему правосудію такую полную довѣренность, что за счастіе почту, если вы, милостивый государь, возьмете трудъ на себя рѣшить дѣло совѣстнымъ образомъ. Я напередъ даю вамъ честное слово повиноваться всему тому, что̀ вы присудите; пусть то же сдѣлаетъ графиня Гендрикова. Ваше рѣшеніе пусть будетъ для обѣихъ насъ безъ апелляціи. Я, съ одной стороны,

увѣренъ, что вы ни мнѣ для графини, ни ей для меня никакого предпочтенія не сдѣлаете, а съ другой — могу васъ увѣрить, что у меня въ головѣ нѣтъ взять съ нея больше, нежели что̀ слѣдуетъ мнѣ по правосудію. Ожидая отъ васъ, какъ отъ моего благодѣтеля, сего новаго опыта вашей ко мнѣ милости, пребываю и пр.»[1]). Въ письмѣ къ роднымъ отъ 7-го августа 1785 года Фонвизинъ также жалуется на разстройство своихъ дѣлъ; однако же онъ умеръ, не оставивши никакихъ послѣ себя долговъ.

Но возвратимся къ его литературной дѣятельности.

Въ 1783 году началось изданіе *Собесѣдника любителей Россійскаго слова.* Фонвизинъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе. Уже въ первой части этого журнала находимъ «Опытъ Россійскаго сословника» (стр. 126—134), который продолжался въ нѣсколькихъ книжкахъ *Собесѣдника*[2]). Большею частію опредѣленія значенія синонимическихъ словъ заимствованы изъ «Synonymes François» аббата Жирара; рѣдко извлекаются они изъ употребленія словъ въ языкѣ славянскомъ и русскомъ. Но, заимствуя у Жирара опредѣленія синонимовъ и примѣры, Фонвизинъ старается примѣнить послѣдніе къ русской жизни, или къ объясненіямъ французскаго аббата подставляетъ русскіе примѣры[3]). Нѣкто Любословъ, въ посланіи къ издателямъ *Собесѣдника*[4]), напалъ на нѣкоторыя мѣста «Сословника», и Фонвизинъ написалъ ему колкій и остроумный отвѣтъ въ томъ же *Собесѣдникѣ.* Въ четвертой части *Собесѣдника* находимъ статью: «Повѣствованіе мнимаго Глухаго и Нѣмаго», писанную, какъ увѣряетъ С. Н. Глинка[5]), Фонвизинымъ. Здѣсь очень

1) Черновой подлинникъ этого послѣдняго письма хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

2) *Собесѣдникъ,* IV, 143; X, 137.

3) «Le fainéant aime à être desoeuvré; il haït l'occupation et fuit le travail», читаемъ у Жирара. У Фонвизина иначе: «Праздный обыкновенно шатается или безъ дѣла у двора, или въ непрестанныхъ отпускахъ, или не служа въ отставкѣ, и исчезаетъ съ именемъ презрительнаго тунеядца» и т. д.

4) *Собесѣдникъ,* II, 106—117.

5) *Руской Вѣстникъ въ пользу семейственнаго воспитанія,* издаваемый *С. Глинкою,* 1815 г., кн. 2, стр. 64.

рѣзко и смѣло очерчены нѣкоторые провинціальные типы того времени; жаль, что эта любопытная, по видимому, не лишенная намековъ на нѣкоторыя живыя личности статья не имѣла продолженія. Одно изъ описываемыхъ лицъ напоминаетъ живо Скотинина: «Съ правой стороны», говоритъ авторъ, — «главный нашъ сосѣдъ былъ отставной маіоръ изъ салдатскихъ дѣтей, по женѣ разбогатѣвшій, и назывался, какъ теперь помню, Пиминъ Прохоровъ сынъ Щелчковъ. Онъ былъ мужикъ пресильной, и человѣкъ преглупой, превеликаго росту, и пренискова духу, по вся дни пилъ, весь день былъ пьянъ, а ночи сыпалъ багатырскимъ сномъ. Пьяной былъ неугомоненъ. Лутчая его въ деревнѣ забава состояла въ томъ, чтобъ выбравъ сильныхъ мужиковъ ставить ихъ на колѣни, и щелкать по лбу. Онъ въ семъ искуствѣ такъ отмѣннно былъ силенъ, что во всемъ его селѣ не было лба, у котораго бы онъ однимъ щелчкомъ не отшибалъ памяти». Такова была сатира въ журналѣ, въ которомъ императрица принимала живое участіе, печатая въ немъ произведенія своего пера. Съ своимъ яснымъ взглядомъ на писателя Фонвизинъ не разъ касался въ своихъ мелкихъ статьяхъ важныхъ вопросовъ общественныхъ и государственныхъ. Въ «Челобитной Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей» онъ выставляетъ шаткое, неопредѣленное мѣсто русскаго писателя въ обществѣ, презрѣніе, съ которымъ смотрѣли на литераторовъ люди должностные. Послѣдніе составили опредѣленіе: «1) всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ при дѣлахъ уже находящихся отъ дѣлъ отрѣшать». Писатели, въ лицѣ Фонвизина, просятъ императрицу: «дабы Вашего божественнаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять, и таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы именованные служа россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы Вашего Величества»[1]). Біографіи нашихъ

1) *Собесѣдникъ*, IV, 7—10.

писателей прошлаго столѣтія свидѣтельствуютъ, что взглядъ на писателя, какъ на человѣка, неспособнаго къ серьезной работѣ, служебному поприщу, былъ очень распространенъ въ то время. Державинъ, испытывавшій на себѣ всѣ непріятности подобнаго взгляда со стороны своего начальника, энергически вооружился противъ подобной мысли; протесту противъ него Фонвизинъ придалъ еще большее значеніе. Нигдѣ впрочемъ съ такою силою и смѣлостью Фонвизинъ не высказалъ роли писателя, какъ въ «Вопросахъ сочинителю Былей и Небылицъ»[1]). Здѣсь хотѣлъ онъ коснуться вопросовъ, «могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе». Но вопросы предложены были императрицѣ слишкомъ рѣзко, слишкомъ живо задѣвалъ авторъ нѣкоторыя струны нашего общественнаго устройства; императрицѣ не понравилось это какъ бы фамиліарное обращеніе къ ней, и продолженія «Вопросовъ», вопреки обѣщанію автора, не было. Екатерина противоставила имъ ловкіе отвѣты, но она была недовольна «свободоязычіемъ» Фонвизина и дала ему это замѣтить. Въ статьѣ «Былей и Небылицъ», напечатанной въ слѣдующей книжкѣ *Собесѣдника*, очень ясно высказала императрица свое мнѣніе о «Вопросахъ». Вотъ какой отзывъ произноситъ дѣдушка, герой «Былей и Небылицъ»: «Молокососы! не знаете вы, что я знаю; въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся не умѣстны; шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ». Другой герой «Былей», прочитавъ первый вопросъ, «нахмурился и сталъ такъ пасмуренъ, какъ будто между солнцемъ и имъ проходящее тѣло покрыло его мракомъ, свободоязычіе отпряглось изъ одноколки, на которой скакало на двадцативопросной станціи, видя пыль, вертящуюся около роспусокъ съ отвѣтами». По словамъ дѣдушки, «въ прежнія времена врать не

1) *Собесѣдникъ*, III, 160—166.

смѣли, а паче письменно, безъ опасенія». Фонвизинъ не оставилъ безъ оправданія обвинительныхъ пунктовъ. Въ «Письмѣ къ сочинителю Былей и Небылицъ» онъ сознается, что не могъ дать вопросамъ своимъ приличнаго оборота, и объявляетъ, что намѣренъ отмѣнить заготовленные уже вопросы «не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ свободоязычіи, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго всей душею ненавижу». Для *Собесѣдника* была приготовлена была «Всеобщая придворная грамматика»; но ея не напечатали.

30-го сентября 1783 года послѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи Россійской академіи. 21-го октября того же года происходило открытіе и вмѣстѣ первое ея засѣданіе; въ числѣ членовъ, присутствовавшихъ при открытіи академіи, находился и Фонвизинъ. Цѣлью главныхъ занятій новаго учрежденія поставлено было составленіе словаря и грамматики. Для начертанія правилъ и порядка въ сочиненіи словаря составленъ былъ особый отдѣлъ изъ пяти членовъ академіи: Гавріила, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, Фонвизина, Н. В. Леонтьева, Ст. Як. Румовскаго и И. И. Лепехина. Начертаніе было написано и читано въ засѣданіи 11-го ноября. Оно раздѣлено было на четыре части: въ 1-й разсматривался выборъ словъ и реченій, во 2-й — грамматическое оныхъ употребленіе, въ 3-й — объясненіе ихъ знаменованія, въ 4-й — порядокъ алфавитный[1]). Однако, въ слѣдующемъ году это начертаніе подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Иванъ Никитичъ Болтинъ

1) Князь Вяземскій, въ приложеніяхъ къ своей книгѣ о Фонвизинѣ, напечаталъ это «Начертаніе для составленія толковаго словаря славяно-россійскаго языка», равно какъ и замѣчанія Болтина. Но въ письмѣ Козодавлеву Фонвизинъ самъ пишетъ: «Сочинитель примѣчаній, кажется, весьма недоволенъ нашимъ «Начертаніемъ» (Соч., стр. 626). Въ «Краткой исторіи Россійской академіи» г. *Красовскаго* подробно изложенъ ходъ работъ по составленію словаря на основаніи официальныхъ актовъ Академіи; тамъ указаны лица, участвовавшія въ словарѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть LX, отд. III, стр. 25 и слѣд.

представилъ свои примѣчанія на «Начертаніе», и академія по большинству голосовъ согласилась принять нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ перемѣнъ. Главнѣйшая состояла въ томъ, что при изданіи словаря принятъ былъ порядокъ словопроизводный, а не алфавитный. Фонвизинъ въ письмѣ къ О. П. Козодавлеву, члену издательнаго отдѣла, остроумно показалъ нелѣпость многихъ примѣчаній И. Н. Болтина. Собраніе и обработка словъ по буквамъ раздѣлены были между членами Академіи; Фонвизинъ представилъ слова на букву *л*, изъ Архангелогородскаго лѣтописца слова на букву *е* и вмѣстѣ съ преосвященнымъ Гавріиломъ трудился надъ словами на букву *к* [1]). Время показало справедливость Фонвизинскаго «Начертанія для составленія словаря» и опроверженій на планъ Болтина; при второмъ изданіи словаря академія приняла тѣ правила, которыя предлагалъ Фонвизинъ, начиная съ алфавитнаго порядка и до поставленія глаголовъ въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Этимъ заключаемъ обзоръ литературной дѣятельности Фонвизина. Не останавливаемся на прочихъ мелкихъ статьяхъ, которыя такъ хорошо извѣстны каждому образованному человѣку, что нѣтъ нужды исчислять ихъ. Въ 1788 году авторъ «Недоросля» думалъ издавать журналъ: *Другъ честныхъ людей или Стародумъ;* но памятникомъ этого предпріятія осталось одно только объявленіе и нѣсколько мелкихъ статей, приготовленныхъ для журнала. Фонвизинъ хотѣлъ снова воззвать къ жизни *Трутень*, *Живописецъ;* въ своемъ *Стародумѣ* онъ хотѣлъ удержать не только направленіе ихъ, но даже и эпистолярную форму, которая такъ срослась съ нашими сатирическими журналами прошлаго столѣтія. Болѣзнь отвлекла Фонвизина отъ журнала; онъ снова предпринялъ путешествіе съ медицинскою цѣлью въ Ригу, Бальдонъ и Митаву (въ 1789 году). Напрасно хлопоталъ онъ о возстановленіи утраченнаго здоровья; 1-го декабря 1792 года кончилась печальная, страдальческая жизнь нашего даровитаго сатирика.

1) Тамъ же, стр. 96, 97.

Къ мѣсту своего воспитанія, Московскому университету, Фонвизинъ до конца жизни сохранилъ самыя благодарныя чувства, самую теплую привязанность. Въ 1787 году напечатанъ былъ *Распускающійся цвѣтокъ, или собраніе разныхъ сочиненій и народовъ, издаваемыхъ питомцами учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Вольнаго благороднаго пансіона.* Здѣсь, среди юношескихъ произведеній питомцевъ пансіона, встрѣчаемъ басню Фонвизина: «Лисица казнодѣй». Въ примѣчаніи издатели *Распускающагося цвѣтка* «изъявляютъ признательность свою къ славному стихотворцу, извѣстному свѣту многими своими громкими сочиненіями, который доставилъ имъ сію басню для поощренія ихъ къ дальнѣйшему полученію вкуса въ свободныхъ наукахъ». Сидя однажды въ университетской церкви, Фонвизинъ обратился съ наставленіемъ къ студендамъ. «Дѣти!» говорилъ онъ, — «возьмите меня въ примѣръ». Подавленный тѣлесными недугами, онъ въ послѣдніе годы жизни любилъ предаваться религіознымъ размышленіямъ и проповѣдывать спасительную силу живой вѣры въ Бога.

I.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ФОНВИЗИНА.

АЛЬЗИРА

ТРАГЕДІЯ

СОЧИНЕНІЯ ГОСПОДИНА ВОЛТЕРА

ПЕРЕВЕДЕНА СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ГОСПОДИНОМЪ ФОНЪ-ВИЗИНЫМЪ.

1763.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Донъ Гусманъ, правитель города Перу.

Донъ Альваръ, отецъ Гусмановъ, бывшій правитель.

Заморъ, государь части Потозской.

Монтезъ, государь другой части.

Альзира, дочь Монтезова.

Емира } наперсницы Альзиры.
Цефана }

Донъ Алонзъ.

Американцы.

Дѣйствіе въ городѣ Лосъ-Рей, или Лимѣ.

АЛЬЗИРА

или

АМЕРИКАНЦЫ

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альваръ и Гусманъ.

Альваръ.

Мадрита вышній судъ уже опредѣлилъ,
Чтобъ ты, любезной сынъ, по мнѣ преемникъ былъ.
Ты сдѣлай, чтобъ народъ сей новой свѣта части
Подверженъ божеской и княжеской былъ власти;
Владѣй ты брегомъ симъ, гдѣ много было бѣдъ:
Онъ злато во грѣхахъ живущимъ подаетъ.
Любезный сынъ! тебѣ всю власть я поручаю
И бремя съ слабыхъ рукъ, состарѣвшись[1], слагаю.
Съ младенчества еще въ Америкѣ я жилъ;
Я первой[2] въ Мексикѣ граждaнъ тому училъ,
Какъ зданья[3] по водамъ крылатыя летаютъ

---

[1] «Состарѣвшихъ» *(РМ, Б)*. [2] «И первой» *(РМ, Б)*. [3] «Зданьи» *(РМ, Б)*.

Сихъ смертныхъ чудеса такія удивляютъ:
Къ звѣздамъ Медвѣдицы отъ Магеллана водъ[1]
Кастильски воины мой учредили ходъ.
Ахъ! естли бы я могъ во мзду то получити,
Чтобъ вѣру христіанъ въ сердца ихъ вкоренити!
Но дерзость счастливыхъ героевъ кто смягчитъ?
Суровость славѣ ихъ гремѣти не велитъ.
Я много сожалѣлъ и больше, нежель должно,
Что славой ихъ сердца исправить невозможно.
Уже послѣдній шагъ мнѣ къ смерти настаетъ,
Безъ огорченія оставлю я сей свѣтъ,
Когда увижу я, что истинной святою
Ты началъ царствовать и градомъ, и страною.

Гусманъ.

Я варварску страну съ тобой завоевалъ;
Подъ предводительствомъ твоимъ я побѣждалъ:
Какъ править, у тебя я долженъ научиться—
Законы принимать, не подавать стремиться.

Альваръ.

Не можетъ вышня власть быть многимъ вручена.
Уже моя душа силъ прежнихъ лишена:
Я править не могу; довольно, коль въ совѣтѣ
Вамъ буду помогать, въ дѣлахъ я славныхъ въ свѣтѣ[2].
Повѣрь, что я возмогъ[3] сердца людей узнать:
Безъ пользы тѣ труды, чтобъ ими управлять.
Я Богу моему, за должность небреженну,
Днесь старость посвящу, трудами отягченну.

---

[1] Въ *ИМ* описка: «до Магелана водъ». Въ *РМ* и въ *Б* «отъ Магеланскихъ водъ». Въ подлинникѣ: «Des mers de Magellan». [2] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «Вамъ буду помогать я въ славныхъ дѣлахъ въ свѣтѣ?» Въ подлинникѣ: C'est assez si ma voix Parle encore au conseil et règle vos exploits». [3] «Повѣрь мнѣ, что я могъ» *(РМ, Б).*

Но отъ тебя, мой сынъ, я требую того,
О томъ тебя прошу, какъ друга своего:
Пусти невольниковъ, во градѣ заключенныхъ,
Отъ стражей сего дня у вратъ остановленныхъ.
Воспомни, что сей день къ веселью учрежденъ,
Не правосудію, — щедротѣ посвященъ.

Гусманъ.

Прошеньемъ, государь, ты мнѣ повелѣваешь;
Но разсуждай о томъ, на что теперь дерзаешь.
Намъ время не было сей городъ укрѣпить,
Но варварамъ сюда мы должны путь закрыть:
Повѣрь, что варваровъ не должно допускати
Къ суровости меча имъ страшно привыкати,
Чтобъ нашъ законъ у нихъ въ презрѣнье не пришелъ;
И, чтобы презирать народъ сей насъ не смѣлъ[1],
Намъ должно, чтобъ они[2] отъ нашихъ силъ дрожали,
На строгость нашу къ нимъ со трепетомъ взирали.
Американцы здѣсь жесточе дикихъ чудъ:
Желѣзо на себѣ во трепетѣ грызутъ;
Робѣютъ, какъ на нихъ оковы налагаютъ,
Но, вольность прежню взявъ, намъ сами угрожаютъ.
Гдѣ слабость царствуетъ, тамъ власти уже нѣтъ,
И строгость ихъ одна къ покорности ведетъ.
Что Кастиланцы долгъ всегда свой наблюдаютъ,
Довольно ихъ дѣла меня въ томъ увѣряютъ;
Но въ рабствѣ живша[3] вѣкъ другая свѣта часть
Желаетъ ввергнути сама себя въ напасть,
И сами боги здѣсь моленья не внимаютъ,
Коль кровію людской алтарь не обагряютъ!

---

[1] «народъ насъ не посмѣлъ» *(РМ, Б)*. [2] «Довольно, чтобъ они. . .» *(РМ, Б)*. Въ подлинникѣ: «Il faut toujours, qu'il tremble». [3] «живши» *(РМ, Б)*.

Альваръ.

Сколь ненавижу я сихъ мерзкихъ Богу дѣлъ!
Возможно ль, чтобъ мой сынъ къ нимъ склонности имѣлъ?
Ты долженъ исполнять законы христіанства
И къ Богу обращать народъ сей изъ поганства.
Еще ль свирѣпостью твой духъ не возмущенъ[1],
Чрезъ кою здѣшній[2] брегъ совсѣмъ опустошенъ?
Но для того ль меня Европа посылала
Въ страну, которую сама еще не знала,
Чтобъ мнѣ свидѣтелемъ сего несчастья быть,
Какъ христіяне здѣсь обыкли зло творить?
Увы! не для того отъ Бога мы посланны:
Намъ должно имъ предать законы, намъ преданны;
Но мы страну сію стремимся погубить:
За злато вредное готовы всѣхъ[3] разить;
Рушители того, что учимъ исполняти,
Мы ищемъ только кровь невинну проливати;
Предметы въ кровь и прахъ стремимся превращать
И только небесамъ лишь громомъ подражать!
Гишпанцовъ ужасомъ въ странахъ сихъ почитаютъ;
Отъ имя нашего въ отчаянье впадаютъ:
Тирановъ въ насъ своихъ имѣетъ новый свѣтъ;
Свирѣпству нашему нигдѣ примѣровъ нѣтъ.
Американецъ здѣсь, подверженъ своей долѣ,
Намъ равенъ въ храбрости, но въ кротости насъ болѣ.
Ахъ! естли бъ такъ, какъ вы[4], свирѣпствомъ былъ прельщенъ,
Давно бъ, любезной сынъ, меня[5] ты былъ лишенъ!
Ты вспомни, что они избавительми были,
Когда меня сіи народы окружили

---

[1] «не утомленъ» (*РМ, Б*). [2] Такъ въ *РМ* и въ *Б;* въ *ИМ*: «бѣдный». Въ подлинникѣ: «Qui de ce continent dépeuplent les rivages». [3] «Все» *Б*. [4] «ты» (*РМ, Б*). Ср. ниже, примѣчаніе къ этому стиху. [5] Такъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «меня бъ».

И, нашей строгостью жестоко возмутясь,
Хотѣли погубить лютѣйшей казнью насъ!
Всѣ воины мои убиты предо мною;
Самъ думалъ умереть подъ варварской рукою;
Но вдругъ оружіе народъ сей положилъ:
Отъ имя моего онъ лютость усмирилъ.
Одинъ изъ нихъ въ слезахъ усердныхъ мечь бросаетъ,
Съ смиреніемъ мои колѣна обнимаетъ.
«Альваръ!» сказалъ онъ мнѣ: «тебя ли вижу я?
«Намъ добродѣтель здѣсь нужна всегда твоя.
«Живи! Мы въ милостяхъ отцомъ тя почитаемъ
«И симъ примѣромъ мы злодѣевъ увѣряемъ,
«Что, не смотря на ихъ жестоку строгость къ намъ,
«Спасеніе даемъ смиреннѣйшимъ сердцамъ.
«Скажи народамъ тѣмъ, что насъ звѣрьми считаютъ,
«Сколь добродѣтели здѣсь свято исполняютъ».
Вздыхаешь ты, мой сынъ, услыша ихъ дѣла?
Въ смущеніе твой духъ ихъ кротость привела?
Такъ человѣчество со мной тебѣ вѣщаетъ.
Ахъ! ежели тобой свирѣпство обладаетъ,
Возможно ли тебѣ достойнымъ быти той,
Которая твоей ужъ властвуетъ душой,
Которой праотцы владѣли сей страною,
Въ нещастье вверженной тиранскою рукою?
Не думаешь ли тѣмъ союзъ сей укрѣпить[1],
Что кровь гражданъ ея стремишься ты пролить?
Иль ожидаешь ты, чтобъ слезы, вопль несчастныхъ
Исторгли острый мечь изъ рукъ твоихъ ужасныхъ?

Гусманъ.

Я только съ тѣмъ готовъ скончать плѣненныхъ стонъ,
Чтобъ приняли они священный нашъ законъ,

[1] «утвердить» *(РМ, Б)*.

Который намъ велитъ невѣрныхъ обращати,
А грубыхъ варваровъ злой смерти предавати.
Закону своему мы ихъ пріобрѣтемъ,
Принудимъ разумы и волю въ плѣнъ возьмемъ,
Къ подножью алтаря неволей ихъ поставимъ[1]
И мысли премѣнить сихъ варваровъ заставимъ,[2]
Научимъ вѣровать ихъ въ Бога одного,
Отъ власти[3] трепетать монарха своего.

АЛЬВАРЪ.

Желаніе мое къ тому всегда клонилось,
Чтобъ царство истинны въ странѣ сей обновилось,
Чтобъ волею они нашъ приняли законъ;
Но, ахъ! къ чему я здѣсь вседневно слышалъ стонъ!
Внемли, любезной сынъ, чтó истинна вѣщаетъ:
«Богъ истинной есть тотъ, который намъ прощаетъ».

ГУСМАНЪ.

Я не противлюся желаніямъ твоимъ:
Имѣешь полну власть надъ сыномъ ты своимъ.
Ты лютость звѣрскую словами умягчаешь,
Въ свирѣпыя сердца ихъ[4] кроткой духъ вселяешь.
Когда же отъ небесъ ты даръ имѣешь сей,
То будь причиною[5] всей радости моей:
Альзира хоть со мной сей день во бракъ вступаетъ,
Но сей невольной бракъ меня не утѣшаетъ.
Люблю ее, люблю, страдаю въ сей любви:
Неволею она родилася въ крови. . . .
Но, ахъ! хоть вѣчно мнѣ въ семъ пламени горѣти,
Мой гордой духъ себя не можетъ одолѣти,

---

[1] «неволя ихъ поставитъ» *(РМ, Б)*. Ср. ниже примѣчаніе къ этому стиху. [2] «заставитъ» *(РМ, Б)*. [3] «Отъ власти жъ» *(РМ, Б)*. [4] «ты» *(РМ, Б)*. [5] Слово «причиною» въ *ИМ* пропущено; внесено изъ *РМ*.

Не можетъ и къ тому себя онъ принуждать,
Чтобъ гордости ея ласканьемъ[1] угождать.
Альзирѣ не хочу дать власти надъ собою,
Но счастливымъ я быть однимъ могу тобою:
Ты можешь ко всему отца ея склонить
И тѣмъ меня на вѣкъ счастливымъ учинить.
Скажи ему, чтобъ онъ, родительскою властью
Принудя дщерь свою, пресѣкъ пути къ несчастью.
Скажи въ послѣдній разъ. . . . Но что я предпріялъ?
Къ прошенію отца для сына я склонялъ!

Альваръ.

Монтезъ уже давно мое желанье знаетъ
И дщерь свою къ тому теперь уже склоняетъ.
Весь родъ ихъ здѣсь въ плѣну строжайшемъ пребывалъ,
Но я одинъ имъ всѣмъ неволю облегчалъ:
Для Бога нашего Монтезъ боговъ оставилъ;
Онъ къ истиннѣ святой Альзиру самъ наставилъ.
Она народамъ симъ примѣръ собой даетъ,
Народное къ себѣ вниманіе влечетъ.
Кастильцамъ ею всѣхъ сердца пріобрѣтенны,
И будемъ мы всегда Америкой почтенны:
Святая вѣра здѣсь свой корень распрострѣтъ;
Блаженство здѣшнихъ мѣстъ твой бракъ съ собой влечетъ;
Два свѣта чрезъ него навѣкъ соединятся,
И варварски сердца совсѣмъ преобратятся.
Увидя царску дщерь въ объятіяхъ твоихъ,
Оставятъ гордость всю сердецъ они своихъ;
А-я уже, мой сынъ, тому буду свидѣтель,
Что царствуетъ вездѣ святая добродѣтель. . . .[2]

---

1) «мнѣ лаской» (*РМ*, *Б*). 2 Этотъ стихъ, пропущенный писцомъ, вписанъ собственною рукою Фонвизина. Въ *РМ*: «Что царствуетъ во всѣхъ святая добродѣтель». Такъ и въ *Б*.

Но се Монтезъ идетъ; поди во храмъ теперь,
Куда придетъ и съ нимъ его прекрасна дщерь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Альваръ и Монтезъ.

Альваръ.

Ужели наконецъ Альзиру ты склонилъ
И мысли гордыя ея перемѣнилъ?

Монтезъ.

Несчастливыхъ отецъ! не ставь то мнѣ виною,
Что дщерь моя, всегда терзаяся тоскою,
Не можетъ ужаса[1] изъ сердца истребить
И смѣло къ олтарю не можетъ приступить.
Тѣ узы, что въ сей день Европу съединятъ
Съ отечествомъ ея, Альзиринъ духъ страшатъ.
Но только лишь тебя въ примѣръ она[2] представитъ,
То предразсудокъ сей на вѣкъ уже оставитъ:
Тобой узнали мы Небеснаго Отца,
Тобой исправлены суровыя сердца.
Одинъ Кастильской мечъ сей новой свѣтъ сражаетъ,
Мы — добродѣтели, онъ силѣ уступаетъ.
Мечемъ гражданъ твоихъ произведенный стонъ
Привелъ къ намъ въ ненависть спасительной законъ;
Мы, варварство то зря, ихъ самихъ проклинали[3],
И только мы въ тебѣ власть Вышняго познали.
Ты божье бытіе собою доказалъ:
Мы видѣли, что Богъ тобою управлялъ.
Вотъ для чего я твой законъ уже примаю

---

[1] «ужасу» *(РМ, Б)*. [2] «въ примѣръ тебя она» *(РМ, Б)*. [3] **Описка:** «приклоняли», исправлена переводчикомъ собственноручно. Въ *Б*: «ихъ Бога проклинали.» Въ подлинникѣ: «Nous détestions ce Dieu qu'annonça leur fureur».

И дщерь мою тебѣ любезную вручаю[1].
Альзирѣ будь отецъ и[2] въ милостяхъ своихъ
Подобно не оставь и гражданъ ты[3] моихъ.
Гусманова рука страну сію сражала,
А дщерь моя плодомъ сея побѣды стала.
Поди теперь во храмъ — ко браку учреждать
И тамо торжество вели уже начать.
Поди.... Я зрю уже душевными очами,
Что жители небесъ снисходятъ къ смертнымъ сами,
Альзира къ олтарю готова приступить
И клятву[4] вѣрности Гусману приносить.

Альваръ.

Коль узы ихъ въ сей день уже соединятся,
То буду съ жизнію доволенъ разставаться,
Дражайшій мой Монтезъ! ты новой свѣтъ открылъ,
Старайся, чтобъ его ты нынѣ просвѣтилъ.
Богъ истинный теперь на клятвы ихъ взираетъ,
Которы въ сихъ странахъ онъ въ первый разъ примаетъ.
Поди и привлеки Америку къ себѣ,
Которая должна дивитися судьбѣ;
А я окончить бракъ теперь уже стараюсь,
Тебѣ за счастіе я должнымъ признаваюсь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Монтезъ *(одинъ)*.

Разитель тѣхъ боговъ, которымъ я служилъ,
О Боже истинный,[5] тебѣ я жизнь вручилъ!
Одну имѣю дщерь, все протчее теряю,
И только я о ней просить тебя дерзаю.

---

[1] «И дщерь любезную мою тебѣ вручаю» *(РМ, Б)*. [2] «ты» *(РМ, Б)*. [3] «ты и гражданъ» *(РМ, Б)*. [4] «клятвы» *(РМ, Б)*. [5] Въ рукописяхъ: «истинны».

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Монтезъ, Альзира.

Монтезъ.

О дщерь! склонись свое ты счастье совершить
И сердце съ мыслію моей соединить.
Ты сдѣлай счастье всѣхъ, плѣненныхъ защищая
И побѣдительми сама повелѣвая!
Гаси ты молнію въ рукахъ злодѣевъ сихъ,
Изъ бѣдности всходи на тронъ отцовъ своихъ[1]
И свойство премѣни ты въ новомъ состояньи:
Будь мнѣ послушна въ томъ, исполнь мои желаньи,
Оставь ты прежней нравъ, Гишпанцамъ подражай.
Слезами ты теперь меня не раздражай.

Альзира.

Я вся въ твоихъ рукахъ, гонимая судьбою!
Но, видя скорбь мою, ахъ! сжалься надо мною!

Монтезъ.

Не думай тѣмъ меня на жалость преклонить:
Ужъ слова даннаго не можно премѣнить.

Альзира.

Ты сдѣлалъ, что я все исполнить обѣщала;
Но тотъ ли часъ теперь, чтобъ я во бракъ вступала?
Въ сей день, въ сей злѣйшій день лишилась я того,
Что было для меня любезнѣе всего:
Въ сей день мечемъ рука Гусманова сражала
И Солнцевыхъ дѣтей жилище[2] разрушала.

---

[1] «твоихъ» *(РМ, Б)*. [2] «жилища» *(РМ, Б)*.

О день! несчастный день, причина вѣчныхъ слезъ!
Мы строгость чувствуемъ разгнѣванныхъ небесъ.

Монтезъ.

Бываемъ сами мы несчастію причиной:
Мы можетъ управлять одни своей судьбиной.
Предразсужденіе оставить ты должна:
Жрецами мысль сія народу подана,
А предками еще то болѣ[1] утвержденно,

Альзира.

Но сердце, ахъ! мое надежды ужь лишенно!
Въ сей день погибъ Заморъ, защитникъ здѣшнихъ странъ,
Который мнѣ тобой супругомъ былъ избранъ.

Монтезъ.

Довольно я жалѣлъ о сей его злой долѣ,
Но мертвый вѣрности не требуетъ ужъ болѣ.
Предстань теперь во храмъ, имѣя бодрый духъ,
Отъ тщетной отвращай любви теперь свой слухъ,
Ты можешь погасить страсть прежню безъ препятства,
Послушна будучи закону христіянства:
Богъ истинной судилъ сей бракъ тебѣ свершить;
Не помышляй его упрямствомъ раздражить.
Внемли ты гласъ его. . .

Альзира.

Но можно ль быть послушной?
Въ семъ случаѣ нельзя мнѣ быть великодушной.
Я знаю дѣтской долгъ къ родителямъ своимъ;
Я[2] жертвовать собой должна словамъ твоимъ.

---

[1] «больше» *(РМ, Б)*. [2] «что» *(РМ, Б)*.

Покорность ужъ моя предѣлы превышаетъ,
Что долгу естество сему опредѣляетъ.
Ты самъ меня во всемъ старался наставлять:
Тобою я[1] боговъ узнала презирать;
Я зрѣла уже ихъ величество попранно,
Что Богу новому сдались они безбранно.
Но ты, который мя въ тоскѣ моей презлой
Увѣрилъ, что найду желаемый покой
Въ законѣ истинномъ, въ спасительномъ ученьѣ[2],
Не думай, чтобы тѣмъ скончалъ мое мученье!
Не уменьшилась[3] грусть, не уменьшилась[4] страсть.
И вѣчно мнѣ терпѣть лютѣйшую напасть!
Дражайшая мечта мой томный духъ смущаетъ,
Страданіи[5] мои всечасно умножаетъ:
Заморъ не выйдетъ вѣкъ изъ памяти моей.
Коль должно, осуждай несчастный пламень сей;
Но страсть сія во мнѣ пребудетъ уже вѣчно.
Не ты ли[6] мнѣ велѣлъ любить его сердечно?
Отдай ты гордому тирану дщерь свою:
Коль тѣмъ спасти могу отъ бѣдъ страну мою,
Я въ жертву приношу себя къ ея спасенью[7],
Готова быть сему послушна повелѣнью.
Но, ахъ! страшись ты сей окончить мнѣ ударъ,
Чтобъ не было тебѣ отмщенья Неба въ даръ,
За то, что ты меня ко браку осуждаешь
И сердце страстное другому ты вручаешь.

Монтезъ.

О, дщерь любезная, престань мой духъ смущать!
Престань родительско ты сердце поражать,

---

[1] «и» *(РМ, Б)*. [2] Такъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «ученьи». [3] «не уменьшалась» *(РМ, Б)*. [4] «не уменьшалась» *(РМ, Б)*. [5] «страданія» *(РМ, Б)*. [6] *РМ*, *Б;* въ *ИМ* ошибочно: «А естли». [7] «приношу себя ея спасенью» *(ИМ)*.

Помысля, что теперь въ твоей уже то власти
На счастье премѣнить суровость лютой части.
Ты тѣмъ оставши дни мои не сокращай,
Но пользу моего желанья проницай.
Я дѣлалъ то всегда, что долгъ повелѣваетъ,
Поди и ты, куда тебя онъ призываетъ:
Въ сей день судьба свое теченье премѣнитъ
И къ пользѣ общей всѣхъ тебя опредѣлитъ.
Сей свѣтъ во трепетѣ спасенья ожидаетъ
И на тебя одну надежду полагаетъ,
Скрывай ты страсть свою. . .

Альзира.

Возможно ль скрыть ее?
Притворствъ не знаю я.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Д. Гусманъ, Альзира.

Д. Гусманъ.

Желаніе мое
Не исполняется еще поднесь тобою;
Довольно оскорбленъ я медленностью тою:
Я строгость для тебя законовъ уменьшалъ,
Злодѣямъ я своимъ пощаду даровалъ;
Но я не тѣмъ хочу любовь твою снискати,
Что воли я твоей стараюсь угождати;
Подобно не хочу и власть употребить,
Чтобъ тѣмъ теперь мое желанье совершить:
Взаимной склонности я требую въ награду;
Ты ею мнѣ подашь въ любви моей отраду.
И можно ль было мнѣ то въ мысляхъ вображать,
Чтобъ счастіе мое могло твой духъ терзать.

Альзира.

О Небо! утиши суровость лютой части
И отврати теперь грозящи намъ напасти!
Ты видишь, что тоска мой томный духъ мятетъ,
И сердце бѣдное она смертельно рветъ.
Довольно то лицо мое изображаетъ,
Которое совсѣмъ притворствъ еще не знаетъ.
Что чувствуетъ душа, являетъ то мой видъ:
Въ немъ видно то всегда, что сердце говоритъ.
Тотъ можетъ измѣнить, кто знаетъ притвориться,
Не будемъ никогда у васъ тому учиться!

Гусманъ.

Я вижу искренность въ словахъ теперь твоихъ
И знаю, что еще изъ мыслей ты своихъ
Замора мертваго поднесь не истребила,
Котораго моя рука уже сразила.
Возможно ль, чтобы онъ еще мой духъ мутилъ?
Я варвара сего живаго побѣдилъ,—
Могу ли мертваго теперь его страшиться?
Не оскорбляй меня: престань о немъ крушиться.
Ты тѣмъ безславіе влечешь обѣимъ намъ,
Я ревность чувствую къ ліющимся слезамъ.

Альзира.

Теперь ужъ мѣста нѣтъ ни ревности, ни злобѣ:
Что сдѣлаетъ тебѣ соперникъ твой во гробѣ?
Несчастной сей странѣ Заморъ надеждой былъ;
Любила я его, и онъ меня любилъ.
Признаюсь въ томъ тебѣ, что смерть сего героя
Лишила въ жизни сей на вѣкъ меня покоя.
Теперь уже ты скорбь мою не осуждай
И лутче о моемъ ты сердцѣ разсуждай.

Оставить гордость всю тебѣ со мною должно,
И вѣрность заслужить мою, коль то возможно.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Гусманъ *(одинъ).*

Я гордости дивлюсь въ Альзириныхъ очахъ,
И нравится ея мнѣ искренность въ словахъ.
Возможно ль для меня досады быть сей злые?
Иль всѣхъ побѣдъ надъ ней побѣда мнѣ трудняе?
Природа въ красотѣ ее произвела,
Почто же сердце ей суровое дала?
Но долгъ ея ко мнѣ принудитъ покориться:
Мнѣ все подвластно здѣсь, она противна зрится.
Пусть бракъ окончитъ все, и чтобъ тотъ не былъ часъ,
Владыка и герой когда бъ[1] имѣлъ отказъ!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Заморъ и Американцы.

Заморъ.

Друзья! вашъ бодрый духъ съ чѣмъ можетъ здѣсь сравниться,
Чтò въ горестяхъ живетъ, въ опасностяхъ родится?
Преславны спутники въ несчастіи моемъ!
Когда начнемъ отмщать или когда помремъ?

---

[1] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «когда».

Или, отечество оставя, жить мы будемъ?
Иль долгъ къ Альзирѣ нашъ навѣкъ уже забудемъ?
Когда проклятую грудь Гусмана мы сразимъ
И жизни варвара свирѣпаго лишимъ,
Котораго рука страну мою сражала?
О боги суетны[1], знать, сила ваша мала!
Не помогли вы намъ, но предали всѣхъ насъ:
Шестьсотъ Гишпанцовъ здѣсь не устрашились васъ!
Страну мою, престолъ и храмы раззорили,
Васъ храмовъ, а меня престола ужъ лишили.
Сраженна уже вся отъ нихъ страна моя;
Лишились мы всего, лишенъ Альзиры я!
Печали, гнѣвъ и стыдъ мой духъ восколебали;
Дремучіе лѣса меня отъ нихъ скрывали.
Съ горящихъ здѣшнихъ странъ[2] я странствовалъ, стеня:
Свѣтило дневное взирало на меня
До самой той страны, которой достигая,
Заходитъ отъ сихъ странъ, лучей своихъ лишая.
Но я еще всея[3] надежды не лишенъ:
Я вашимъ мужествомъ и дружбой укрѣпленъ;
Они меня въ моемъ желаньи ободряютъ,
Которое любовь и мщеніе раждаютъ..
Мы собрали теперь безстрашныхъ тѣхъ друзей,
Что вѣчные враги всѣхъ нашихъ злыхъ судей[4].
Мы войско храброе въ лѣсахъ постановили,
Чтобъ крѣпость здѣшнихъ стѣнъ враги отъ насъ не скрыли.
Но только ко вратамъ я города пришелъ,
То варваровъ я тамъ, стрегущихъ насъ, нашелъ,
Которые меня въ темницѣ[5] заключили
И съ тѣми, кои мнѣ участниками были.
Потомъ судьбины сей перемѣнился часъ[6];

---

[1] «О боги слабые» *(РМ, Б.)* [2] «мѣстъ» (*РМ*, *Б*). [3] «совсѣмъ» (*РМ*, *Б*) [4] *РМ*, *Б*; въ *ИМ:* «злей людей.» [5] «въ темницу» *(РМ, Б)*. [6] «Потомъ судьбина сей перемѣнила часъ» *(РМ, Б)*

Теперь уже опять освободили насъ.
О вѣрные друзья! гдѣ мы теперь, скажите
И здѣшнихъ странъ царя[1] мнѣ имя объявите.
Альзира гдѣ теперь, — могуль я то узнать?
Рабомъ ли здѣсь Монтезъ остался умирать?
Еще ли онъ не мертвъ и здѣсь ли онъ страдаетъ?
И что̀ въ опасностяхъ своихъ онъ предпримаетъ?[2]
Замора бѣднаго несчастные друзья!
Скажите вы мнѣ то, чего не знаю я.

Одинъ Американецъ.

Окованны, какъ ты, несчастны[3], мы терзались;
Въ различныхъ здѣсь мѣстахъ поднесь мы всѣ скитались.
Достигши разнымъ мы чертоговъ сихъ путемъ,
Не знаемъ ничего о жребіи твоемъ.
Касикъ, — несчастливый, достойной лутчей части!
Коль варвары тебѣ готовятъ злы напасти!
Мы всѣ хотимъ съ тобой охотно умирать;
Что намъ ни повелишь, готовы мы избрать[4].

Заморъ.

Героямъ истиннымъ побѣда лавръ сплетаетъ;
По ней смерть славная дѣла ихъ украшаетъ;
Но жизнь свою въ такомъ безславіи скончать,
Чтобъ[5] отчество свое въ оковахъ оставлять[6],
Погибнуть, не отмстя обиду жесточайшу,
Отъ тѣхъ тирановъ намъ вкусити смерть горчайшу,
Которыхъ мечь страну несчастную сразилъ
И гражданъ нашихъ кровь[7] немилосердо лилъ;

---

[1] Въ *ИМ* эта строка вписана собственною рукою переводчика. [2] *ИМ;* въ *РМ* и *Б:* «И что въ опасностяхъ своихъ предпринимаетъ. [3] «несчастьемъ.» (*РМ, Б.*) [4] «начать» (*РМ, Б.*) [5] Въ *ИМ* и въ *Б:* «Что»; въ *РМ:* «Чтобы». [6] «Чтобы отечество въ оковахъ оставлять» (*РМ, Б*). [7] «И кровь нашихъ гражданъ» (*РМ, Б.*)

Взирать на трупы намъ героевъ прелюбезныхъ
И непрерывно зрѣть теченіе дней слезныхъ,
Альзиру звѣрству ихъ оставить наконецъ—
Вотъ смерть безсчастная для горестныхъ сердецъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Альваръ, Заморъ, Американцы.

Альваръ.

Свободой пользуйтесь, живите. . .

Заморъ.

Ужасаюсь;
Я, добродѣтель зря такую, удивляюсь.
Не божество ль пришло меня здѣсь удивлять?
Гишпанецъ можетъ ли столь щедро намъ прощать?
Не царь ли ты сихъ странъ? Въ твоей ли градъ сей власти?

Альваръ.

Не царь, но я храню невинныхъ отъ напасти.

Заморъ.

Чтожъ суждено тебѣ судьбою исполнять?

Альваръ.

Несчастнымъ въ сей странѣ усердно помогать.

Заморъ.

Но кто вселилъ въ тебя столь славну чрезвычайность?

Альваръ.

Вселилъ въ меня то Богъ, законъ и благодарность.

ЗАМОРЪ.

Твой Богъ? Законъ? Ахъ! можно ль тому быть?
Тираны, что хотятъ всю землю поразить
И кои кровію вселенну обагрили,
Отечество мое въ пустыню претворили
И не насытятъ всѣхъ[1] желаніевъ своихъ...
Конечно, не одинъ съ тобою богъ у нихъ?

АЛЬВАРЪ.

Они единаго со мной имѣютъ Бога,
Но ахъ! не та имъ всѣмъ показана дорога;
Не тѣ отъ Вышняго законы имъ даны,
По коимъ лютыми они здѣсь почтены:
Они всю власть свою во зло употребили[2]
И Вышняго Творца тѣмъ вяще[3] раздражили.
Но знай[4], къ чему и я судьбою привлеченъ:
Два раза кругъ земной ужъ солнцемъ обойденъ
Послѣ того, какъ здѣсь одинъ изъ вашихъ воевъ
Великодушіемъ[5] превысилъ всѣхъ героевъ:[6]
Имѣя власть меня оставшихъ дней лишить,
Безвинно не хотѣлъ меня онъ умертвить.
Съ тѣхъ поръ имѣю къ вамъ усердіе сердечно,
Которое хранить я буду уже вѣчно.
И сколь бы я тогда благополученъ былъ,
Когда бъ нашелъ того, кто жизнь мнѣ сохранилъ.

ЗАМОРЪ.

Симъ взоромъ, кротостью, премудрыми словами
Увѣренъ я, что зрю Альвара предъ очами.

---

[1] «тѣмъ» *(РМ, Б)*. [2] «Всю власть свою во зло они употребили» *(РМ, Б)*. [3] *РМ*; въ *ИМ* выскоблено; въ *Б*: «тѣмъ сами.» [4] такъ въ *РМ* и въ *Б*; въ *ИМ*: «Не знавъ». [5] *РМ, Б*; въ *ИМ*. не дописано. [6] «всѣхъ превзошелъ героевъ» *(РМ, Б)*.

То онъ, Альваръ, теперь предъ нами здѣсь предсталъ:
Познаешь ли того, кто жизнь твою спасалъ?

АЛЬВАРЪ.

Что вижу я? То онъ, кѣмъ жизнь моя спасенна! [1]
Какимъ теперь душа весельемъ восхищенна!
Несчастны очи! вы, ослабѣвая, днесь
Почто столь медленно искали его [2] здѣсь?
Избавитель! мой другъ! [3] Я долгъ свой не забуду,
Живи ты въ сихъ странахъ, тебѣ отцомъ я буду,
И смерть нарочно вѣкъ не прекратила мой,
Чтобъ можно было мнѣ исполнити долгъ свой.

ЗАМОРЪ.

Дражайшій мой Альваръ! когда бъ хоть искра мала [4]
Сей кротости въ твоихъ народахъ возсіяла, [5]
Повѣрь, что вся сія сраженная страна
Давно бы вамъ собой была покорена;
Но сколько кротостью душа твоя сіяетъ,
Столь много звѣрство ихъ природу устрашаетъ.
Я взора не могу сихъ варваровъ терпѣть
И лутче соглашусь охотно умереть.
Но вотъ чего мой духъ узнать теперь желаетъ:
Еще ли ихъ рука, что злобно насъ сражаетъ,
Присвоя въ лютости себѣ надъ нами власть,
Монтезову еще не кончила напасть?
Отецъ Альзиры. . . [6] Ахъ! воспоминанье слезно!
Я слезы лью о томъ, что было мнѣ любезно. . . .

---

[1] «То онъ . . . имъ жизнь моя спасенна!» (*РМ*, *Б*). [2] «его искали» (*РМ*, *Б*). [3] «Мой избавитель! другъ!» (*РМ*, *Б*). [4] Такъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ* испорчено. [5] *ИМ*; въ *РМ* и *Б*: «восполяла». [6] «Отца Альзиры» (*РМ*, *Б*).

АЛЬВАРЪ.

Почто стараешься ты слезы сокрывать?
Мы человѣчество тѣмъ можемъ доказать.
Злодѣямъ лишь однимъ то дѣлать непривычно[1],
Которымъ сжалиться на бѣдныхъ необычно.
Узнай теперь, что твой во славѣ другъ живетъ
И дни оставшіе въ спокойствіи ведетъ.

ЗАМОРЪ.

Увижу ль я его?

АЛЬВАРЪ.

Какое въ томъ сумнѣнье?[2]
О, естьли бъ[3] ты одно съ нимъ принялъ разсужденье!

ЗАМОРЪ.

Чтожъ предпріялъ Монтезъ?

АЛЬВАРЪ.

Узнаешь отъ него
Всѣ обстоятельствы Монтеза самого;
Узнаешь тотъ союзъ, что съ нами васъ спрягаетъ,
Который, къ счастью всѣхъ, мой сынъ постановляетъ.
А я теперь иду союзъ тотъ утвердить,
Чѣмъ можемъ мы всѣхъ насъ навѣкъ соединить.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Заморъ и Американцы.

ЗАМОРЪ.

Еще въ бѣдахъ моихъ надежды не теряю;
Я мужа праведна въ странахъ сихъ обрѣтаю.

---

[1] «неприлично» *(РМ, Б)*. [2] «сомнѣнье» *(РМ, Б)*. [3] «Ахъ! естьли бъ» *(РМ, Б)*.

Альваръ, конечно, богъ, снизшедшей къ намъ съ небесъ,
Чтò кротости примѣръ злодѣямъ симъ принесъ.
Я слышалъ отъ него, что онъ имѣетъ сына;
И, естьли[1] мысль его съ родителемъ едина,
То будетъ онъ навѣкъ любезнѣйшій мнѣ другъ.
Какой надеждою я ободренъ сталъ вдругъ!
Монтеза наконецъ сюды я ожидаю;
Я три года ужъ съ нимъ въ разлукѣ[2] провождаю,
А ты, которой жизнь въ услуги посвятилъ,
Для коей я, чтò могъ, то все ужъ учинилъ,
И безъ которой вѣкъ душа пребудетъ сира,—
Ахъ! здѣсь ли ты теперь, любезная Альзира?
Еще ль ты вѣрность мнѣ обѣщанну хранишь?
Еще ль ты жизнь мою мнѣ ею возвратишь
И кончишь всѣ мои мученьи сердца злобны?
Несчастныя сердца подозрѣвать способны. . . .
Но кто, почтенный мужъ, еще сюда вошелъ?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Монтезъ, Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Дражайшій мой Монтезъ! тебя ли я узрѣлъ?
Узнай Замора ты, избѣгшаго злой части:
Я ожилъ защищать Монтеза отъ напасти.
Узнай того, кто былъ тебѣ любезный другъ
И дщери твоея назначенный супругъ.
Еще ли въ сихъ мѣстахъ Альзира пребываетъ.
Скажи: къ чему меня судьбина осуждаетъ?

---

[1] «ежель» *(РМ, Б)*. [2] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «разлучкѣ.»

Монтезъ.

Касикъ несчастливый! Услыша жалкой слухъ
О гибели твоей, страдалъ тогда нашъ духъ,
Мы лютую судьбу тобою укоряли,
И руки наши гробъ тебѣ возстановляли;
А ты живешь!.. О другъ! живи съ покоемъ ты.
Скончайте, небеса, здѣсь[1] наши всѣ бѣды!
Но ахъ! почто теперь ты здѣсь, не понимаю.

Заморъ.

Отмстить боговъ, тебя, Альзиру я желаю.

Монтезъ.

Что слышу я? . . . .

Заморъ.

Тотъ день воспомяни, Монтезъ,
Которой былъ намъ всѣмъ[2] причиной вѣчныхъ слезъ,
Когда Гишпанецъ здѣсь свирѣпою рукою
Разилъ безъ жалости, что̀ видѣлъ предъ собою
И Солнцевыхъ дѣтей онъ стѣны разорилъ.
Гусманъ причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій былъ,
Свирѣпствы коего наводятъ[3] страхъ всемѣстно,
Мнѣ имя лишь его и варварство извѣстно,
Гонимый лютостью несчастья моего,
Я болѣе о немъ не знаю ничего.
Отъ имени сего Альзиры я лишился;
Весь родъ твой въ тяжкія оковы заключился;
Престолъ нашъ[4] и тотъ храмъ въ конецъ ужъ[5] раззоренъ,
Гдѣ долженъ быть мой бракъ съ Альзирой заключенъ.

---

[1] «днесь». Ср. Примѣчанія къ этому стиху. [2] *РМ*; въ *Б*: «намъ былъ всѣмъ;» въ *ИМ*. испорчено. [3] *РМ*. и *Б*; въ *ИМ*. описка. [4] *РМ*, *Б*; въ *ИМ* слово «нашъ» пропущено. [5] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «уже».

Злодѣи повлекли тогда меня къ Гусману,
На муку преданъ былъ я лютому тирану;
За сребролюбіе злодѣевъ[1] я страдалъ,
Хоть тѣ сокровища[2] мой духъ и презиралъ,
Къ которымъ варвары тѣ алчно устремлялись[3]
И кои отъ меня всегда уничтожались.
Среди тиранскихъ мукъ я мертвъ оставленъ былъ,
Навѣки злобу ихъ я въ память вкоренилъ:
Три года собиралъ друзей я огорченныхъ
И въ ненависти къ нимъ навѣки утвержденныхъ;
Они теперь въ лѣсахъ часа способна ждутъ
Отмстить Америку иль,[4] мстя ее, помрутъ.

Монтезъ.

Жалѣю о тебѣ. Ахъ! что предпринимаешь?
Ты смерть противъ себя напрасно вооружаешь.
Что могутъ произвесть теперь твои друзья,
Оружье слабое и сила вся твоя,
Безсильны марморы, въ песокъ преобращенны,
И воины, почти совсѣмъ необученны,
Противъ злодѣевъ[5] тѣхъ, которы въ гнѣвѣ зломъ,
Бросаютъ молнію, бросаютъ страшный громъ,
Стремящейся на насъ, какъ вѣтръ: имъ покоренны,
По быстринамъ несутъ чудовищи военны[6].
Вселенну уступить привлекъ одинъ ихъ взоръ:
Уступимъ же и мы, любезный мой Заморъ.

---

[1] «Отъ сребролюбія злодѣевъ» *(РМ, Б)*. [2] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ*: «то сокровище». [3] Тамъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ* испорчено. [4] Такъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ:* «и». [5] «гигантовъ» *(РМ.)*. [6] Это мѣсто испорчено въ той и другой рукописи. Въ *ИМ:* «Стремящейся на насъ Какъ вѣтръ имъ покоренны По быстринамъ несутъ чудовищи военны». Въ *РМ:* «Стремящейся на насъ Какъ вѣтеръ имъ покорны по быстринамъ несетъ чудовищи военны». Въ спискѣ *Б.* «Противъ гигантовъ тѣхъ, которы въ гнѣвѣ зломъ бросаютъ молнію, бросаютъ страшный громъ, Стремящейся на насъ Какъ вѣтеръ, имъ покорный, по быстринамъ несетъ чудовища военны».

Заморъ.

Замору уступить, имѣя въ сердцѣ рану?
А я еще живу — и мстить я имъ престану?[1]
Ахъ! нѣтъ, Монтезъ! Повѣрь, что молніи и громъ[2],
Желѣзо, чѣмъ разятъ[3] они въ свирѣпствѣ зломъ,
Тѣ зданья, что, стремясь, по быстринамъ летаютъ,
Лишь взоры въ первый разъ невинныхъ устрашаютъ;
Но видъ ихъ никогда не могъ меня смутить:
Безстрашнымъ духомъ ихъ возможно побѣдить.
Ихъ новость, что сей свѣтъ собой имъ покоряетъ[4],
Плѣняетъ робкихъ всѣхъ, а храбрымъ уступаетъ.
Раждаясь злато здѣсь, блистающей тотъ ядъ[5],
За что тираны насъ безвинно всѣхъ губятъ[6],
Европу лишь сюда, во вредъ намъ, привлекаетъ,
Отъ коей насъ въ бѣдахъ оно не защищаетъ[7].
Желѣза нѣтъ у насъ; сей даръ посланъ[8] не намъ,
Зловреднымъ посланъ онъ и варварскимъ рукамъ;
Но ко отмщенію невиннаго народа
Имѣемъ не того оружія мы рода:
Мы добродѣтель всѣ въ сердцахъ своихъ хранимъ
И ею мы свои обиды всѣ отмстимъ;
Сражаясь, побѣжду, Альзиру защищая.

Монтезъ.

Оставь намѣренье ты, ревность утишая:
Ужъ премѣнилось все. . . . .

Заморъ.

Но что мнѣ до того,
Когда не премѣнилъ ты сердца своего,

---

[1] «и мстить имъ перестану»? (*РМ*, *Б*). [2] *РМ* и *Б*; въ *ИМ* испорчено. [3] *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «разорятъ.» [4] Въ *РМ* и *Б*: «То новость, что весь свѣтъ собою покоряетъ.» [5] *ИМ*; въ *РМ* и *Б*: «Рождаетъ злато здѣсь блистающій тотъ ядъ». [6] Этотъ стихъ внесенъ изъ *РМ* и *Б*; въ *ИМ* онъ пропущенъ. [7] *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «онѣ не защищаютъ». [8] «сей посланъ даръ не намъ» (*РМ*, *Б*).

Коль вѣрность прежнюю Альзира сохранила,
Когда она еще Замора не забыла?
Смущается твой духъ. . . Ты отвращаешь взоръ. . . .
Ты плачешь. . . . Но къ чему?

Монтезъ.

Несчастливый Заморъ!

Заморъ.

Иль больше сыномъ ты меня не признаваешь?
Я вижу, что и ты мысль прежню оставляешь
И беззаконію отъ варваръ наученъ.

Монтезъ.

Твой духъ противъ меня напрасно возмущенъ.
Ни въ чемъ невиненъ я и тѣ герои сами,
Которы нашими владѣютъ днесь странами.
Напрасно имя здѣсь тирановъ злыхъ несутъ:
Не для побѣды ихъ назначилъ Божій судъ.
Они намъ вѣчное блаженство всѣмъ устроютъ,
Безсмертны таинствы, извѣстны имъ, откроютъ,
Научатъ мыслить[1] насъ, научатъ насъ, какъ жить,
И, имъ послѣдуя, какъ счастливыми быть.

Заморъ.

Какія ты слова произносить дерзаешь?
Альзира — плѣнница, а ты ихъ похваляешь!

Монтезъ.

Не плѣнница она.

Заморъ.

Дражайшій мой Монтезъ!
Прости несчастію причину моихъ слезъ.

---

[1] Такъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «мыслямъ.»

Воспомни, что союзъ мы клятвой утвердили,
Безсмертные тому свидѣтелями были:
Она не измѣнитъ мнѣ вѣчныхъ клятвъ своихъ.

Монтезъ.

Не призывай боговъ: я презираю ихъ;
Чудовищъ сихъ мой духъ богами не признаетъ:
Богъ истинный боговъ всѣхъ ложныхъ посрамляетъ.

Заморъ.

Что слышу я? Законъ и вѣра праотцовъ. . . .

Монтезъ.

Оставилъ уже я всѣхъ ложныхъ тѣхъ боговъ.
О Боже истинный, творецъ всесовершенный!
Ты просвѣти его всѣ мысли помраченны!
Несчастливый Заморъ! ты истинну познай
И Бога онаго съ Европой почитай.

Заморъ.

Жестокой! Ты теперь совсѣмъ перемѣнился:
Конечно, духъ въ тебя тѣхъ варваровъ вселился!
Усердіе къ богамъ оставилъ ты своимъ:
Чтобъ измѣнити мнѣ, ты измѣняешь имъ[1].
Не та ли[2] слабость днесь Альзирой обладаетъ?
Страшись. . . .

Монтезъ.

Меня ни въ чемъ мой духъ не укоряетъ.
Судьбу мою велитъ мнѣ должность прославлять,
А о твоей жалѣть и слезы проливать.

---

[1] *РМ, Б*; въ *ИМ*., вмѣсто этихъ двухъ стиховъ, одна строка: «Усердіе къ богамъ оставилъ, ты измѣняешь имъ». [2] *РМ, Б*; въ *ИМ*: «Не та».

Заморъ.

Раскается твой духъ, вину свою узная,
Жалѣй меня ты самъ, въ мученье повергая;
Жалѣй и зри того, чью воспалили кровь
Усердіе къ богамъ, отмщеніе, любовь:
Гусмана здѣсь ищу, Альзиру защищаю[1],
У ногъ ея теперь умрети я желаю.
Узрѣть ее меня ты счастья не лиши[2];
Страшись[3] отчаянья несчастливой души,—
Оставь ты мысли тѣ, что кротость изгоняютъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Монтезъ, Заморъ, воины.

Одинъ воинъ *(къ Монтезу).*

Тебя, о государь, къ обрядамъ[4] ожидаютъ,

Монтезъ.

Я слѣдую тебѣ. . . .

Заморъ.

Иду и я съ тобой,
Жестокій! Но[5] какихъ весельевъ ждетъ духъ твой?
Монтезъ![6]. . .

Монтезъ.

Старайся ты отселѣ удалиться. . . .

Заморъ.

Пускай, противъ меня хоть Небо воружится,
Иду. . . .

---

[1] *РМ*, *Б*; въ *ИМ* описка. [2] *РМ*, *Б*; въ *ИМ* изъ всей строки написаны только первыя два слова. [3] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «Страшись». [4] *ИМ*; въ *РМ* и въ *Б*: «ко храму». [5] Въ *РМ* и въ *Б:* «Ахъ!» [6] Такъ въ *РМ* и въ *Б;* въ *ИМ* слово это пропущено по недосмотру.

Монтезъ.

Прости теперь стараніямъ моимъ!

(*Къ воинамъ*)

А вы препятствуйте итти ко храму имъ:
Въ законахъ будучи воспитаны поганскихъ,
Не должны тамъ они зрѣть таинствъ христіанскихъ.
Законы вамъ давать, хоть я не долженъ самъ,
Но чрезъ меня Гусманъ повелѣваетъ вамъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Что слышалъ я? Гусманъ? Проклятая измѣна!
О сборище злодѣйствъ! Жестокая премѣна!
Гусману служитъ онъ! Отчаянье духъ рветъ!
Иль добродѣтели на свѣтѣ больше нѣтъ?
Альзира! . . . Но твой нравъ еще ль[1] не премѣнился? . . .
Еще ль сей злобный ядъ въ твой духъ не вкоренился,—
Тотъ ядъ, который намъ тираны принесли
И съ нимъ конечну намъ погибель навели?
Такъ здѣсь Гусманъ! Теперь что̀ дѣлать, я не знаю.

Одинъ Американецъ.

Полезный намъ совѣтъ подать тебѣ дерзаю.
Тотъ, чью ты жизнь спасалъ, теперь сюда придетъ[2]
И сына своего съ собою приведетъ.
Они теперь уйти[3] изъ града намъ помогутъ,
И наши умыслы успѣхъ имѣти могутъ[4]. . . .

---

[1] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «еще». [2] Въ *РМ* и въ *Б*: «Тотъ, коего ты жизнь спасалъ, сюда придетъ». [3] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «итти». [4] *РМ, Б*; въ *ИМ*: этотъ стихъ пропущенъ.

Пойдемъ, противъ враговъ, что должно, учредимъ;
Альвара съ сыномъ мы лишь только пощадимъ.
Я видѣлъ, что они тамъ валы[1] созидали,
Науки новыя натуру побѣждали[2];
Раскаты, рвы, бугры, устроенные тамъ,
И ады мѣдяны, гремящи по валамъ,
Которы всякой часъ намъ смертью угрожаютъ,
Душевной крѣпости моей не колебаютъ.
Граждане наши, здѣсь живущіе въ плѣну,
Ужъ должны защищать ужасну намъ страну;
Орудье противъ насъ они приготовляютъ,
Увы! неволею тиранству угождаютъ.
Увидя въ насъ они отмстителей своихъ[3],
Всю силу обратятъ противу варваръ сихъ,
И разорятъ всіô то, что ими соруженно[4],
Что ими во плѣну несчастномъ учиненно.
Герои, устремясь разить тирановъ[5] тамъ,—
По мертвымъ трупамъ путь они отворятъ намъ.
Пойдемъ и обратимъ ударъ на нихъ жестокій,
На варваровъ прольемъ мы пламенны потоки,
Селитру съ пламенемъ смѣшая, ихъ побьемъ,
Котору мы сперва священнымъ чли огнемъ;
Разрушимъ силы тѣ, чѣмъ насъ одолѣвали,
Чѣмъ гордыя сердца невинныхъ поражали.

Заморъ.

Съ какимъ веселіемъ я храбрость вашу зрю!
Однимъ желаніемъ я съ вами днесь[6] горю,

---

[1] «валы тамъ» *РМ*. [2] Въ *РМ* и въ *Б*: «Искусства новыя натуру побѣждали». [3] «Но видя насъ они отмстителей своихъ» (*РМ*, *Б*). [4] *РМ* и *Б*; въ *ИМ* вмѣсто этихъ двухъ стиховъ одна строка: «всю силу обратитъ, всіо то, что ими соруженно». [5] «противъ тирановъ» (*РМ*, *Б*). [6] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «здѣсь».

Накажемъ варварство свирѣпаго Гусмана!
Отмстимъ отечество, прольемъ мы кровь тирана!
Печально божество, чѣмъ духъ горитъ въ сей часъ,
Отмщенье правое,[1] вооружи ты насъ!
Пускай тобой[2] тиранъ жестокій умираетъ,
Но, ахъ! несчастіе всю храбрость превышаетъ:
Стремимся наказать, а сами во плѣну!
Кляну жестокую судьбу мою, кляну!
Альваръ нейдетъ сюда, Монтезъ намъ измѣняетъ,
И, можетъ быть, тиранъ любезной обладаетъ.
Сомнѣніе одно живитъ теперь мой духъ. . . .
Но что за звуки нашъ пронзаютъ громко слухъ?
Вожженныя свѣщи свѣтъ дневной умножаютъ,
И громы въ сихъ мѣстахъ намъ слышно ударяютъ—
Какое торжество приготовляютъ здѣсь?
Иль чѣмъ еще разитъ тиранска злоба[3] днесь?
Увидимъ, коль теперь изъ града[4] выттить можно,
Могу ль я васъ спасти, иль намъ погибнуть должно.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альзира (*одна*).

О, тѣнь дражайшая! тебѣ я измѣнила,
Свершилось[5] все: во бракъ съ Гусманомъ я вступила.
Великій океанъ[6], что землю раздѣлилъ,

---

[1] *ИМ;* въ *РМ* и *Б:* «правдою». [2] *ИМ;* въ *РМ* и *Б:* «съ тобой». [3] Такъ въ *РМ* и въ *Б;* въ *ИМ* испорчено. [4] Такъ въ *РМ* и въ *Б;* въ *ИМ:* «изъ гроба». [5] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «свершила». [6] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «океянъ».

Предѣлы слабые межъ нами положилъ.
Уже клялася я ему предъ алтарями,
И приняты теперь тѣ клятвы небесами!
О, тѣнь кровавая, терзающа[1] всегда!
Изъ мыслей ты нейдешь смущенныхъ никогда.
Коль слезы и тоска, мученьи сердца злобны,
Проникнувъ къ мертвымъ[2], прахъ тронути твой способны,
Коль твой геройскій духъ власть вышняя хранитъ
И сердце нѣжностью ко мнѣ твое[3] горитъ,
Душа, въ которой страсть любви[4] ко мнѣ хранилась,
До самаго часа, какъ съ тѣломъ разлучилась,—
Прости невольный[5] мнѣ и горестный бракъ сей!
Я жертвую собой, по должности моей,
Родительскимъ словамъ, спасенію народа,
Котораго любить велитъ моя природа,
Слезамъ, ліющимся отъ варварскихъ побѣдъ,
Вселенной, въ коей, ахъ! тебя ужъ больше нѣтъ.
Заморъ, оставь меня! Пускай мой духъ страдаетъ,
Дай слѣдовать тому, что долгъ повелѣваетъ[6].
Сноси ты бремя то, что намъ послалъ рокъ злой;
Дозволь тѣмъ[7] узамъ быть, которы рвутъ духъ мой.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Альзира, Емира.

АЛЬЗИРА.

Еще ль лишатъ меня, мои умноживъ бѣдства[8],
Присутствія гражданъ, дражайшихъ мнѣ издѣтства?

---

[1] Такъ въ *ИМ;* въ *РМ* и *Б:* «терзаюсь я». [2] *РМ* и *Б;* въ *ИМ*: «смертнымъ». [3] «твое ко мнѣ» (*РМ* и *Б*). [4] Такъ въ *ИМ;* въ *РМ* и *Б:* «въ любви». [5] Такъ въ *ИМ*; въ *РМ* и въ *Б:* «невѣрной». [6] «что Небо налагаетъ» (*РМ* и *Б*). [7] *РМ, Б;* въ *ИМ* описка. [8] *РМ, Б;* въ *ИМ*: «Еще ль лишать меня и умножать мнѣ бѣдства».

Увижу ли я тѣхъ плѣненныхъ наконецъ
И раздѣлю ль я грусть несчастливыхъ сердецъ?

Емира.

Ахъ! лутче ты страшись Гусманова злодѣйства;
Страшись къ отечеству и плѣнникамъ[1] свирѣпства:
Ужаснымъ слухъ теперь намъ бѣдствіемъ грозитъ[2]—
Что злоба насъ въ сей день навѣки поразитъ.
Въ сей часъ воинскія знамена распускаютъ
И скрытые въ землѣ огни днесь возжигаютъ[3];
Совѣтъ вредительный и страшный ихъ[4] собранъ,
Родитель твой и самъ туда уже былъ званъ:
Вотъ что узнала я. . . .

Альзира.

О, Небо прогнѣвленно!
Смущается мой духъ и сердце пораженно.
Возможно ль, чтобъ, отшедъ[5] отъ алтаря, Гусманъ
Лютѣе для меня сталъ прежняго[6] тиранъ?
Несчастной быть во вѣкъ я[7] клятву учинила[8]:
О клятва! ты меня навѣки поразила!
Почто родитель мой союзъ сей утвердилъ?
Жестокій бракъ! ты всѣ бѣды мои свершилъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Альзира, Емира, Цефана.

Цефана.

Одинъ изъ плѣнниковъ, въ сей день освобожденный,
Для брака твоего свободой награжденный,

---

[1] «къ плѣнникамъ» (*РМ* и *Б*). [2] Въ *РМ* и *Б*: «Ужасный слухъ теперь намъ бѣдствіемъ грозитъ»; въ *ИМ*: «Ужасное теперь намъ бѣдствіе грозитъ». [3] *РМ* и *Б*; въ *ИМ* этотъ стихъ пропущенъ. [4] «намъ» (*РМ* и *Б*.) [5] *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «отшелъ». [6] *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «прежней». [7] *РМ* и *Б*; въ *ИМ* описка. [8] Въ *РМ*. «Несчастною быть въ вѣкъ я клятву учинила».

Желаетъ здѣсь къ твоимъ повергнуться стопамъ[1].

АЛЬЗИРА.

Ты плѣнника сего представь[2] моимъ очамъ:
О немъ, друзьяхъ его душа моя стенаетъ[3],
Къ отечеству и къ нимъ усердьемъ духъ пылаетъ.
Почтожъ одинъ хотѣлъ со мною говорить?

ЦЕФАНА.

Онъ хочетъ таинство тебѣ теперь[4] открыть.
Геройству тѣмъ его[5] хвала пріобрѣтенна,
Что жизнь Альварова рукой его спасенна.

ЕМИРА.

Онъ въ сихъ мѣстахъ тебя, я видѣла[6], искалъ,
Но отъ очей твоихъ Монтезъ его скрывалъ;
Въ жестокой горести душа его терзалась
И важной мыслію объята быть казалась.

ЦЕФАНА.

Смущеніе и скорбь всѣмъ взоръ его являлъ;
Онъ имя во слезахъ Альзиры называлъ:
Въ сокрытыхъ жалобахъ намъ то изображаетъ,
Что сана онъ твово и славы днесь не знаетъ[7].

АЛЬЗИРА.

Какая слава то и санъ, Емира, мой![8]
Ахъ! можетъ быть, и сей несчастливый герой
Отъ крови нашея къ погибели родился
И нашей славою онъ прежде веселился,

---

[1] *РМ, Б;* въ *ИМ* этотъ стихъ испорченъ. [2] Въ *ИМ* пропущено слово: «представь». [3] *РМ, Б;* въ *ИМ* этотъ стйхъ испорченъ. [4] *ИМ;* въ *РМ* и *Б:* «теперь тебѣ». [5] *ИМ;* въ *РМ* и *Б:* «Геройствомъ днесь его». [6] *РМ, Б;* въ *ИМ* пропущены слова: «я видѣла». [7] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «Что славы онъ твоей поднесь еще не знаетъ». [8] *ИМ;* въ *РМ* и *Б:* «Какая слава то и санъ, Цефана, мой?» Въ подлинникѣ «Quel éclat, chère Emire !»

Иль можетъ быть и то, что онъ Замора зналъ. . .
И не при немъ ли мой любовникъ умиралъ?
Онъ ищетъ зрѣть меня? Безплодное старанье!
Удвоитъ гласъ[1] его теперь мое страданье,
Растворитъ рану онъ и сердце поразитъ;
Но пусть желаніе исполненнымъ онъ зритъ.
Смущеніе теперь мой томный духъ терзаетъ. . . .
Ахъ! что оно, ахъ! что несчастной предвѣщаетъ?
Въ чертогахъ сихъ когда спокойна я была?
Лишь только слезы здѣсь я горестны лила,
Ни малой я себѣ[2] отрады не видала.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Альзира, Заморъ, Емира.

Заморъ.

Ее ли вижу я? Она ль очамъ предстала?

Альзира.

О, Небо! Гласъ его таковъ былъ, станъ и взоръ!
Я чувствъ лишаюся[3], трепещу.... Ахъ, Заморъ!

Заморъ.

Узнай любовника. . . .

Альзира.

Заморъ у ногъ Альзиры!
Ахъ! не мечту ли мнѣ являютъ очи сиры?

Заморъ.

Я ожилъ для тебя; я ожилъ для того,
Чтобъ клятвы возвратить мнѣ сердца твоего.

---

[1] *РМ*; въ *ИМ* и *Б*: «глазъ». [2] *РМ, Б;* въ *ИМ*: «къ себѣ». [3] *РМ*; въ *ИМ*: «лишаюсь».

О божество, моей владѣюще[1] душою!
Любовь моя къ тебѣ умножилась тобою.
Не премѣнила ль ты священныхъ клятвъ своихъ?[2]

АЛЬЗИРА.

О день веселія, день лютостей презлыхъ!
Дражайшій мнѣ предметъ печали и веселья!
Узрѣла я тебя къ собранію мученья
И, слыша рѣчь твою, терзаю, ахъ! себя. . . .

ЗАМОРЪ.

Ты рвешься, зря меня? . . . . . .

АЛЬЗИРА.

Я поздно зрю тебя.

ЗАМОРЪ.

О смерти моей слухъ повсюду простирался.
Далеко странствуя, я сердцемъ сокрушался
Съ тѣхъ поръ, какъ я лишенъ отъ варваровъ былъ сихъ
Боговъ, владычества и прелестей твоихъ.
Гусманова рука мнѣ смертью угрожала
И ранами меня несчетными сражала.
Ты знаешь ли, что твой назначенный супругъ
Немилосердымъ былъ убійцамъ преданъ вдругъ?
Ты чувствуешь тотъ гнѣвъ, что духъ мой воспламеняетъ,
И ужасъ словъ моихъ теперь твой духъ смущаетъ.
Конечно, богъ любви отъ насъ не отступалъ;
Въ опасностяхъ меня несчастнаго спасалъ.
Ты богу нѣжностей всегда была покорна;
Не сдѣлалась ему, Альзира, вѣроломна.

---

[1] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «владѣюща». [2] «твоихъ» (*РМ* и *Б*).

Я слышалъ, что Гусманъ во градѣ семъ живетъ;
Отмщеніе къ нему теперь меня ведетъ,
Альзиру отъ сего чудовища избавлю;
Во власти я его Альзиру не оставлю[1].
Коль любишь ты меня, отмстимъ мы злость его;
Отдай на жертву мнѣ ты варвара сего!

Альзира.

Отмщай, Заморъ! Теперь отмстить тебѣ возможно.
Рази! . .

Заморъ.

Но, ахъ! кому.... кому отмстить мнѣ должно?

Альзира.

Рази меня теперь: я недостойна жить.

Заморъ.

Монтезъ жестокій![2] ты стремился мя сразить!

Альзира.

Иль онъ дерзнулъ открыть, что я ужъ измѣнила?
Ты знаешь ли, съ кѣмъ я въ супружество вступила?

Заморъ.

Скажи: меня теперь ничто не удивитъ.

Альзира.

Зри бездну ту, во что судьба насъ погрузитъ[3];
Зри слѣдствіе вины, съ чѣмъ зло соединилось!

---

[1] «Во власти я тебя тиранской не оставлю» *(РМ, Б)*. [2] Въ *РМ* и *Б*: «жестоко». Въ подлинникѣ: «Ah, Montèze! Ah, cruel!» [3] *РМ, Б*; въ *ИМ* это слово пропущено.

ЗАМОРЪ.

Альзира! . . .

АЛЬЗИРА.

То — Гусманъ!

ЗАМОРЪ.

О, Небо!

АЛЬЗИРА.

Все свершилось!
Убійцы твоего супругой стала я.

ЗАМОРЪ.

Его! . . .

АЛЬЗИРА.

Обманута ужъ молодость моя!
Причиною тому Альваръ съ Монтезомъ были:
Они меня къ тому, они опредѣлили.
Любовница твоя союзъ свершила сей,
У христіянскихъ здѣсь кляняся[1] алтарей.
Въ присутствіи почти любезнаго я[2] взора
Оставила боговъ, отечество, Замора!
Для имени всѣхъ трехъ ты жизни мя лиши,
Ударомъ прекрати страданіе души.

ЗАМОРЪ.

Гусманъ — тебѣ супругъ? Альзира! можно ль вѣрить?

АЛЬЗИРА.

Я предъ тобой теперь могла бы лицемѣрить;
Во оправданіе представить бы могла,
Что власть родительска къ тому меня влекла,

---

[1] «клялася» *(РМ, В)*. [2] «мнѣ» *(РМ, Б)*.

Что слухъ о гибели твоей распространился,
Что три года о томъ мой томный духъ крушился;
Какъ горестная мысль причиною была,
Что Богу новому себя я отдала,
А прежни боги мнѣ [1] совсѣмъ противны стали,
Которые тебя ни въ чемъ не защищали. . . .
Но сердце, ахъ! мое не то мнѣ говоритъ!
Нѣтъ оправданія, когда любовь винитъ.
Ты живъ, а я тебѣ всѣ клятвы измѣнила,
Другому уже дни ужасны посвятила. . . .
Но что ты на меня съ суровостью не зришь?

ЗАМОРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! Къ чему себя, Альзира, ты винишь?
Коль любишь ты меня, къ чему жъ тебѣ терзаться?
Могу ли я твоей любовію ласкаться?

АЛЬЗИРА.

Когда Монтезъ, Альваръ, иль самъ отмститель богъ
Со христіянами во храмъ привесть мя могъ,
О смерти я твоей была предубѣжденна,
Съ Гусманомъ узами навѣкъ соединенна.
Я память призвала твою у алтарей;
Причину знали всѣ злой горести моей:
И небо, и земля, и самъ Гусманъ то знаетъ,
Что страстный духъ къ тебѣ любовію пылаетъ.
Въ минуту страшную, когда тебя я зрю,
Въ послѣдній разъ тебѣ о томъ же говорю.

ЗАМОРЪ.

Въ послѣдній разъ теперь я вижуся съ тобою;
Терзаться долженъ я еще разлукой злою. . .
Ахъ! естьли бы любовь, что духъ теперь мятетъ. . . .

---

[1] «Страны сей боги мнѣ» (*РМ, Б*).

Альзира.

О, Небо! се Гусманъ съ отцомъ своимъ идетъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Альваръ, Гусманъ, Заморъ, Альзира, воины.

Альваръ *(къ*[1] *Гусману).*

Ты зришь теперь того, кѣмъ жизнь моя спасенна.

(Къ Замору).

О, ты[2], чья кротостью душа превознесенна!
Прибавь къ веселіямъ[3] днесь радость ты свою
И съ сыномъ раздѣли теперь любовь мою.

Заморъ.

Что слышу я! Гусманъ—твой сынъ? Сей варваръ страшный?

Альзира.

О, Небо! отврати удары преужасны!

Альваръ.

Въ какомъ смущеніи. . . .

Заморъ.

Возможно ль быть тому,
Чтобъ недостойный сынъ былъ данъ отцу сему?

Гусманъ *(къ*[4] *Замору).*

Невольникъ! ты теперь полнъ дерзостей ужасныхъ;
Но знаешь ли, кто я?

---

[1] Въ *РМ* и *Б* нѣтъ слова «къ». [2] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «А ты».
[3] «веселію» *(РМ* и *Б).* [4] Въ *РМ* и *Б* нѣтъ слова «къ».

Заморъ.

Ты ужасъ странъ несчастныхъ.
Въ числѣ поверженныхъ въ бѣды твоей рукой
Замора видишь ты теперь передъ собой![1]

Гусманъ.

Замора?

Альваръ.

Можно ль то? . . . .

Заморъ.

Ты зришь того, конечно,
Что думалъ честь отнять, лишая[2] жизни вѣчно,
Кого стремился ты мучительно сразить,
Чей взоръ одинъ тебя возможетъ устыдить[3].
Ты варварство свое повсюду простираешь;
Что мнѣ милѣй[4] всего, теперь меня лишаешь:
Желѣзомъ, что однимъ дано тиранамъ[5] въ даръ,
Отмстительной руки[6] предупреждай ударъ.
Рука, которой жизнь Альварова спасенна,
Ужъ будетъ кровію твоею обагренна;
И смертнымъ, и богамъ услугу[7] покажу:
Родителя почту, а сына накажу.

Альваръ (*къ*[8] *Гусману*).

О, Небо! ты меня навѣки поражаешь!
Или виновенъ ты? Почто не отвѣщаешь?

---

[1] Въ *Б*: «тобой». [2] «лишивши» (*РМ* и *Б*). [3] Такъ въ *Б*; въ *ИМ*: «утвердить». [4] «миляй» (*РМ* и *Б*). [5] Такъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «что однимъ тиранамъ данно». [6] *РМ* и *Б*; въ *ИМ* ошибочно: «рукой». [7] *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «услуги». [8] Въ *РМ* и *Б* нѣтъ слова: «къ».

Гусманъ.

Я долженъ ли ему на дерзость отвѣчать,
Когда велитъ мнѣ долгъ преступника карать?
Почтенье я къ тебѣ сыновне наблюдаю
И для того теперь его не поражаю.

(Къ Альзирѣ).

Тебѣ извѣстно все мученіе мое,
Которое влечетъ мнѣ сердце, ахъ! твое.
Коль славу ты свою, Альзира, сохраняешь,
Почтожъ изъ мыслей [1] ты его не истребляешь?
Слезами ты меня стараешься [2] терзать;
Престань ты ревностью мой духъ теперь [3] смущать.

Альзира *(къ Гусману).*

Жестокій!

(Къ Альвару).

Государь, защитникъ отъ напасти,
Отецъ его!.. *(Къ Замору).*
И [4] ты, кому я въ прежней части
Вручила навсегда несчастну жизнь мою!
Взирайте на судьбу ужасную свою [5],
И трое всѣ теперь удару [6] вы страшитесь:
Страдаю, рвуся [7] я — и вы о томъ крушитесь.

(Указывая на Замора).

Его супругомъ мнѣ родитель мой избралъ,
Какъ мною новый свѣтъ и знаемъ не бывалъ,

---

[1] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ* «изъ мысли». [2] *РМ* и *Б;* въ *ИМ* описка. [3] «теперь мой духъ» (*РМ* и *Б.*) [4] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ* описка: «А». [5] Такъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «сію». [6] *РМ* и *Б;* въ *ИМ*: «удары». [7] *РМ* и *Б;* въ *ИМ*: «рвусь».

Когда еще насъ всѣхъ Европа не[1] плѣнила.
О смерти его вѣсть[2] вселенну поразила:
Я зрѣла гиблюще отечество мое
И премѣнилось все на свѣтѣ бытіе;
Узнала уже власть я вышнихъ надъ собою.
Несчастный мой отецъ, терзаяся тоскою,
На помощь вашего онъ Бога призывалъ:
Сей христіянскій Богъ на клятвы тѣ взиралъ,
Свершила у Его[3] я узы олтарей;
Убійцѣ поклялась я[4] въ вѣрности моей.
Любовника теперь я клятвами[5] теряю
И можетъ быть, что тотъ законъ не понимаю[6];
Но вѣрю одному я сердцу своему:
На свѣтѣ предпочту Замора я всему,
Люблю тебя и страсть я вѣчную имѣю;
Но, клятвы принеся, твоей я быть не смѣю.
Гусманъ! хотя тебѣ супругой стала я,
По варварствѣ твоемъ я больше не твоя.
Но кто жъ изъ васъ теперь отмщеніе пріемлетъ?
На[7] сердце, ахъ! мое кто руку днесь подъемлетъ?
Весь свѣтъ теперь меня несчастную винитъ:
Тотъ вѣроломною, другой невѣрной чтитъ[8].
Но чьей бы я рукой судьбу мою свершила,
Чтобъ вамъ обѣимъ я по смерть не измѣнила?
Гусманъ! ты кровь моихъ гражданъ стремился лить—
Ты можешь легче всѣхъ несчастну поразить:
Отмщай любовь и бракъ[9], ударъ тебѣ не труденъ,
Казни преступницу и буди правосуденъ.

---

[1] *РМ* и *Б*; въ *ИМ* пропущено «не». [2] «И смерти вѣсть его» (*РМ*). [3] *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «него» [4] «Убійцѣ я клялась днесь» (*РМ* и *Б*). [5] «съ клятвами» (*РМ* и *Б*). [6] *ИМ*; въ *РМ* и *Б*: «что вашъ законъ не понимаю». [7] *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «Но». [8] *РМ* и *Б*; въ *ИМ* описка. [9] *РМ*; въ *ИМ* испорчено.

Гусманъ.

Терпѣніе мое ты хощешь[1] презирать,
Чѣмъ тщился я твое упорство[2] побѣждать?
Коль хочешь ты того, готово наказанье,
Готово смертію его тебѣ страданье.
Вступайте[3], воины!

Альзира.

Жестокій!

Альваръ.

Что начнешь?
Иль кротость ты его и бѣдность не почтешь?
Какимъ теперь душа смущеніемъ стѣсненна!
Единому далъ жизнь[4], другимъ моя спасенна!
Любезны дѣти! Вы[5] для имени сего[6]
Не умножайте днесь несчастья моего!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Альваръ, Гусманъ, Альзира, Заморъ, Донъ Алонзъ, полководецъ Гишпанскій,

Д. Алонзъ.

Ступай, о государь! Ступай, не медли[7] болѣ!
Злодѣями теперь занято ратно[8] поле;
Они уже къ стѣнамъ съ оружіемъ идутъ,
Замора имя въ знакъ другъ другу подаютъ.
Повсюду въ воздухѣ то имя раздавалось,

---

[1] «хочешь» (*РМ* и *Б*). [2] *РМ* и *Б;* въ *ИМ* описка. [3] «Вступите» (*РМ*). [4] «Единому жизнь далъ» (*РМ* и *Б*). [5] *РМ* и *Б;* въ *ИМ* это слово пропущено. [6] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «его». [7] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «не медля». [8] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «давно». Въ подлинникѣ: «D'armes et d'ennemis ces champs sont inondés».

Съ воинскимъ крикомъ ихъ теперь уже смѣшалось[1];
Златые ихъ щиты велятъ полямъ стенать,
И эхо страшный крикъ стремится повторять[2].
Сомкнувшися, они осаду начинали —
Въ порядкѣ, коего предъ тѣмъ[3] они не знали:
Народъ, что бременемъ землѣ[4] казался быть,
Могъ хитрости у насъ воински изучить![5]

Гусманъ.

Пойдемъ и взору мы враговъ теперь явимся
И въ прахъ ихъ превратить въ минуту всѣхъ[6] потщимся!
Кастильски воины! вамъ даръ побѣды данъ;
Владѣйте славою: сей свѣтъ для васъ созданъ,
А имъ рабами быть судьба опредѣляетъ.

Заморъ.

Подобный смертный мнѣ рабами насъ считаетъ?

Гусманъ.

Возьмите, воины!

Заморъ.

Что хощешь[7] ты начать?
Тиранъ! дерзаешь ты за истинну карать?

(Къ Гишпанцамъ, окружающимъ его[8]).

Иль боги вы[9], что вамъ противустать не можно?
Иль кровью нашею вамъ[10] жертвовати должно?

---

[1] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «слышалось». [2] *РМ* и *Б;* въ *ИМ* эти два стиха очень испорчены. [3] *РМ* и *Б;* въ *ИМ* испорчено. [4] «земли» *(РМ* и *Б).* [5] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «обучить». [6] *РМ;* въ *ИМ* и въ *Б* это слово пропущено. [7] «хочешь» (*РМ* и *Б*). [8] «Гишпанцамъ, его окружающимъ» (*РМ* и *Б*) [9] *РМ* и *Б*; въ *ИМ:* «Не боги вы». Въ подлинникѣ: «Êtes-vous donc des dieux»....
[10] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «всѣмъ».

ГУСМАНЪ.

Покорствуй. . . . .

АЛЬЗИРА.

Государь! . . . .

АЛЬВАРЪ.

Но въ ярости своей
Представь, что имъ спасенъ моихъ остатокъ дней!

ГУСМАНЪ.

Что должно побѣдить, я только вспоминаю;
Стремлюсь[1]. . .

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Альваръ, Альзира.

АЛЬЗИРА *(становясь на колѣни).*

Твои теперь колѣна обнимаю,
Тѣмъ жертвую твоей я кротости[2] въ сей часъ;
Унизила судьба меня такъ въ первый разъ.
Отмсти, о, государь, карая огорченну,
Честь сына твоего, супругою презрѣнну!
Но первы узы вѣкъ[3] мной будутъ обладать:
Кто сердце два раза возможетъ отдавать?
Замора я люблю, Замору жизнь врученна[4],
Заморомъ и твоя отъ смерти жизнь спасенна.
Лишаюся я чувствъ. . . . . Волнуетъ во мнѣ кровь. . . .

---

[1] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «Стрѣляюсь». [2] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «ярости»; въ подлинникѣ: «C'est à votre vertu que je rends cet hommage». [3] Въ *РМ* и *Б:* «въ вѣкъ». [4] Такъ въ *ИМ*; въ *РМ* и *Б:* «Замору я врученна».

Альваръ.

Я отческу къ тебѣ всегда хранилъ любовь[1];
Жалѣю я о немъ, и о тебѣ жалѣю,
Усердіе къ нему сердечное имѣю;
Но вспомни, что ты бракъ окончила въ день сей.
Ты больше не смущай теперь души моей,
Будь мнѣ любезна дщерь: уже союзъ сей вѣченъ.
Я знаю, что Гусманъ здѣсь былъ безчеловѣченъ,
Хоть ужасомъ меня смертельно то разитъ;
Но онъ мнѣ сынъ, и духъ его къ тебѣ[2] горитъ;
На нѣжность сжалится[3] дражайшаго онъ взора.

Альзира.

Почтожъ не ты отецъ несчастнаго Замора!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альваръ, Гусманъ.

Альваръ.

Старайся славы сей, мой сынъ, достоинъ быть;
Ты храбрость, множество враговъ возмогъ сразить[4],
Отмстителей сихъ странъ несчастныхъ и ужасныхъ;
Одни скончали жизнь, а тѣ въ оковахъ страшныхъ.
Ты цѣну сихъ побѣдъ не кровію купи,
Щедроту съ славою теперь совокупи,

---

[1] «Отеческу къ тебѣ всегда храня любовь» (*РМ* и *Б*). [2] «духъ къ тебѣ его» (*РМ* и *Б*). [3] Такъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «жалится». [4] «Ты храбрость и число возмогъ его (=враговъ?) сразить» (*РМ* и *Б*).

Я облегчать хочу плѣненныхъ лютость[1] части
И бѣдныхъ утѣшать[2] въ жестокой ихъ напасти.
Хотя теперь мое прошенье не забудь:
Прости Замора ты, примѣромъ кроткихъ будь.
Иль твой жестокій нравъ не можетъ премѣниться?
Не можешь ты[3] сердецъ побѣдой веселиться?

Гусманъ.

Мое ты сердце рвешь. И жизнь отнять стремись[4],
Но гнѣву моему дать волю согласись:[5]
Оставь рожденный гнѣвъ печалію моею.
Ахъ! льзя ль ему простить? Любимъ сей варваръ ею!

Альваръ.

Онъ въ большихъ горестяхъ. . .

Гусманъ.

О немъ ли сожалѣть?
Мнѣ бъ въ горестяхъ его пріятно умереть.

Альваръ.

Ты свой жестокій гнѣвъ еще воспламеняешь
И къ подозрѣнію ревнивость[6] прибавляешь.

Гусманъ.

Но можешь ли мою ты[7] ревность осуждать?
Или смущеніе[8], въ чемъ долженъ я страдать,
Что сердцу моему стыдомъ и грустью данно,

---

[1] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «лютой» [2] *РМ* и *Б;* въ *ИМ* испорчено. [3] Такъ въ *РМ* и *Б;* въ *ИМ*: «Не можешь ли». [4] *РМ* и *Б;* въ *ИМ*: «стремилъ». [5] *РМ* и *Б;* въ *ИМ*: «согласилъ». [6] *РМ;* въ *ИМ:* «ревность». Не слѣдуетъ ли читать: «И къ подозрѣнію ты ревность прибавляешь?» [7] *РМ* и *Б;* въ *ИМ* пропущено слово «ты». [8] *РМ* и *Б;* въ *ИМ* «смѣшеніе» (смятеніе?); въ подлинникѣ: «ce juste transport».

Тобою можетъ быть во мнѣ неоправданно?
Безъ жалости ты зришь отчаянье мое.

Альваръ.

Не умножай теперь смущеніе свое:
Альзира кроткій духъ имѣетъ несомнѣнно
И сердце ласкою въ ней можетъ быть смягченно[1].
Суровость здѣшнихъ мѣстъ она хранитъ еще:
Тутъ[2] кротость дѣйствуетъ, а строгость вся вотще;
Одною ласкою сердца плѣнить возможно.

Гусманъ.

Ахъ! мнѣ ли гордости[3] ея ласкати должно?
Могу ль презрѣніе спокойно я снести,
Чтобъ новую печаль тѣмъ сердцу навести?
Не осуждай мой гнѣвъ въ моемъ жестокомъ бѣдствѣ,
Ты долженъ взять еще участіе въ свирѣпствѣ.
Довольно, что я могъ рабу въ супруги[4] взять,
Которая меня дерзаетъ презирать,
Которой страстію къ другому духъ пылаетъ
И коей къ бѣдствію мой духъ теперь сгараетъ.

Альваръ.

Раскаянье въ любви пристойно ли[5] тебѣ[6]?
Мы чрезвычайностью наносимъ[7] вредъ себѣ:
Дай слово мнѣ теперь, что ты одинъ собою
Не примешь ничего, не видяся со мною.

---

[1] *РМ;* въ *ИМ*: «умягченно». [2] «здѣсь» *(РМ* и *Б).* [3] *РМ* и *Б;* въ *ИМ* пропущено слово: «гордости». [4] «супругой» (*РМ* и *Б*). [5] Въ *ИМ* пропущено: «ли». [6] «Раскаянье въ любви прилично ли тебѣ»? *(РМ* и *Б).* [7] «наводимъ» (*РМ* и *Б).*

Гусманъ.

Въ чемъ можетъ сынъ отцу когда преслушенъ быть?[1]
Я гнѣвъ мой соглашусь на время умягчить,
Но больше требовать тебѣ не остается.

Альваръ.

Я только время жду. . . . *(отходитъ*[2]*).*

Гусманъ *(одинъ).*

Мой[3] духъ отмщеньемъ рвется.
Люблю и каюсь въ томъ; еще я не отмщенъ
И зрѣть я счастливымъ Замора принужденъ,
Который, если бы Европою былъ знаемъ,
То бъ[4] человѣкомъ тамъ онъ не былъ почитаемъ....
О Небо! что я зрю?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Гусманъ, Альзира и Емира.

Альзира.

Теперь тоё ты зришь[5],
Которy[6] ревности своей предметомъ чтишь,
Въ которой долгъ къ тебѣ почтенье возбуждаетъ.
Которая тебя жалѣетъ, раздражаетъ[7]
И хочетъ у тебя всей помощи искать.
Не тщилась ничего я отъ тебя скрывать:
Величество ль къ тому, иль слабость привлекала,

---

[1] «Какъ можетъ сынъ отцу въ чемъ непослушенъ быть»? (*РМ* и *Б*). [2] «уходитъ» (*РМ* и *Б*). [3] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «А». [4] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «то». [5] «Теперь ты тую зришь» (*РМ*, *Б*). [6] *РМ*; въ *ИМ*: «которое». [7] *РМ* и *Б*; въ *ИМ* описка.

Другой владѣетъ мной, тебѣ уже сказала.
То искренность моя къ несчастью говоритъ
И, можетъ быть, она Замора погубитъ;
Но[1] я еще твой духъ тѣмъ больше удивляю[2],
Что отъ тебя ему спасенья ожидаю.
Я мышлю[3], что Гусманъ, хоть гордъ, жестокосердъ
И сколь ни страшенъ онъ, быть долженъ милосердъ.
Я мню, что тотъ герой, чей къ славѣ духъ пылаетъ,
Въ прощеніи[4] вины и славу полагаетъ.
Здѣсь можно кротостью сильняй сердца плѣнить,
Чѣмъ злато здѣшнихъ мѣстъ могло васъ ослѣпить.
Когда душа твоя столь много премѣнится,
То можетъ и моя совсѣмъ преобратиться.
Вообрази мое усердіе къ себѣ,
Почтенье сохраню я съ[5] вѣрностью къ тебѣ[6],
Я буду то желать, чего желать мнѣ должно,
(Коль тѣ желаніи почесть любовью можно).
Смущаюсь. . . . Но потщись теперь то испытать.
Гишпанка, можетъ быть, могла бъ твой гнѣвъ смягчать[7]:
Она бы прелести слезъ горькихъ истощила
И тѣмъ свирѣпый духъ на жалость бы склонила.
Лишило естество мя прелестей такихъ,
И сердце подражать не можетъ нраву ихъ:
Желая гнѣвъ смягчить, оно лишь раздражаетъ,
Но только отъ тебя премѣны ожидаетъ;
Ты долженъ наконецъ сей способъ испытать:
Старайся ты его щедротой побѣждать[8].

---

[1] «А» (*РМ*, *Б*). [2] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «удивлю». [3] «мыслю» (*РМ*, *Б*). Въ первоначальномъ текстѣ «Бригадира» обыкновенно: «мышлю». [4] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «въ прощаніи». [5] Въ *ИМ*, кажется, пропущено «съ». [6] «Почтенье сохраню и вѣрность я къ тебѣ» (*РМ*, *Б*). [7] «Гишпанка лучше бы могла твой гнѣвъ смягчать» (*РМ*, *Б*). [8] *РМ*; въ *ИМ*: «побуждать». Эта описка вкралась и въ *Б*, но здѣсь она исправлена.

Гусманъ.

Коль добродѣтели душа твоя послушна,
Узнай ее теперь и будь великодушна:
Старайтеся[1] у насъ тѣ нравы обучать,
Которы[2] прежде вы стремились презирать.
Къ повиновенію васъ должность привлекаетъ,
Но вотъ что долгъ тебѣ теперь[3] повелѣваетъ:
Изъ мыслей истреби навѣки ты того,
Кому вручила власть ты сердца своего,
Чтобъ имя то уже тобой не вспоминалось,
Чѣмъ сердце страстное поднесь еще терзалось.
Ты мщеніе должна въ молчаньи ожидать,
Которымъ я хочу злодѣя наказать,
И есть ли твой супругъ, любовью огорченный,
Проститъ досады всѣ, тобою приключенны,
Великодушіе довольно тѣмъ явитъ.
Не такъ меня твой духъ, не такъ, я вижу, чтитъ,
И кажется тебѣ мой гнѣвъ неугасимымъ:
Тебѣ ли почитать меня неупросимымъ?[4]

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Альзира, Емира.

Емира.

Ты сердце страстное въ немъ можешь умягчать.

Альзира.

Но ревность страсть сію обыкла возмущать.
Прошеньемъ я своимъ Замора погубила,

---

[1] «Старайтесь вы» *(РМ, Б)*. [2] *РМ, Б;* въ *ИМ*: «которыхъ». [3] «теперь тебѣ» *(РМ, Б)*. [4] «неукротимымъ» *(РМ, Б)*.

Мучительную смерть ему я ускорила!
Но что жъ ты помощи мнѣ больше не даешь?
Далеко ль онъ теперь ушелъ, ты то познала?[1]
И вѣрность стража ты[2] ужели испытала?[3]

ЕМИРА.

Взоръ воина сего дарами ослѣпленъ
И къ нашей сторонѣ онъ златомъ привлеченъ.

АЛЬЗИРА.

Еще насъ сей металлъ не вовсе погубляетъ;
Симъ способомъ мой духъ надежду получаетъ....
Не медли болѣе. Сомнѣніе къ чему?

ЕМИРА.

Не ужели ужъ смерть готовится ему,[4]
Когда Альваромъ та напасть не премѣнится?
И наконецъ Совѣтъ. . . .

АЛЬЗИРА.

Всего мой духъ страшится.
Неограниченну зришь власть тирановъ сихъ:
Имъ кажется, что сей и созданъ свѣтъ для нихъ,
Что власти долженъ быть злодѣйской онъ покорнымъ.
Заморъ хоть самъ былъ царь, но чтятъ его виновнымъ.
Совѣтъ убійцъ! Гусманъ! Народъ, что зломъ прельщенъ!
Я предварю ударъ, что вами мнѣ сужденъ. . . .
Но воинъ тотъ итти почто не поспѣшаетъ?

---

[1] Такъ въ *РМ* и *Б*; въ *ИМ*: «Далеко ль онъ теперь? ужель ты то познала?» [2] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «ти». [3] «И вѣрность стража ты еще ль не испытала?» (*РМ*, *Б*). Въ подлинникѣ: «Du soldat qui le garde as-tu tenté la foi?» [4] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «Но есть ли уже смерть готовится ему?» Въ подлинникѣ «Mais aurait-on juré la perte de Zamore? Alvarez aurait-il assez peu de crédit?».

Емира.

Сей воинъ привести Замора обѣщаетъ.
Въ темницу онъ пошелъ теперь, и темна ночь
Всѣ подозрѣнія отъ насъ отводитъ прочь.
Убійствомъ[1] утомясь и крови напившися,
Въ глубокой сонъ теперь тираны всѣ вдалися.

Альзира.

Проводитъ ко дверямъ насъ воинъ тотъ. Пойдемъ
И изъ темницы мы невинность изведемъ.

Емира.

Цефана предъ тебя и съ нимъ теперь предстанетъ[2];
Но естьли въ темну ночь васъ всѣхъ кто здѣсь застанетъ,
То можетъ славы всей[3] навѣкъ тебя лишить. . . .

Альзира.

Я только чту за стыдъ Замору измѣнить.
Та честь, которую за благо почитаютъ,
Едина есть мечта, у насъ ея[4] не знаютъ:
То къ славѣ лишь любовь и укоризны страхъ,
Хотя во вѣкъ живутъ пороки въ тѣхъ сердцахъ.
Емира! въ сихъ странахъ не славы я искала,
Я добродѣтели послѣдовать желала,
Мнѣ честь теперь того спасать повелѣваетъ,
Котораго уже и Небо оставляетъ.

---

[1] «Убивствомъ» (*РМ*, *Б*). [2] «Цефана вскорѣ съ нимъ передъ тебя предстанетъ» (*РМ*, *Б*). [3] *РМ;* въ *ИМ:* «сей». [4] «ея у насъ» (*РМ*, *Б*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Альзира, Заморъ, Емира, воинъ.

Альзира.

Погибло все теперь къ спасенью твоему:
Побѣда варваровъ конецъ ведетъ всему;
Коль здѣсь умедлишь ты, погибнешь ихъ рукою.
Ступай, возьми сего ты воина съ собою.
Надежду сихъ убійцъ обманемъ мы, повѣрь[1];
Но, ахъ! ты зришь мое отчаянье теперь!
Зависитъ отъ тебя любовника избавить
И въ преступленіи супруга не оставить.
Америка тебя на помощь уже ждетъ,
А[2] ночь всѣ[3] способы тебѣ къ тому даетъ.
Жалѣй себя, о мнѣ старанья не имѣя.

Заморъ.

Невѣрнаго жена, невольница злодѣя,
Столь много мя любя, велишь[4] мнѣ долѣ жить!
Или дерзаешь въ слѣдъ судьбѣ моей иттить?
Лишенный скипетра, безъ помощи страдаю,
Пустыню только я и сердце предлагаю,
А прежде повергалъ я скиптръ къ твоимъ стопамъ[5].

Альзира.

Любезнѣе всего на свѣтѣ ты мнѣ самъ.
Вселенну при тебѣ считаю суетою,
Въ пустыни страстный духъ стремится за тобою;

---

[1] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «теперь». [2] «И» *(РМ, Б).* [3] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «вся». [4] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «велить». Въ подлинникѣ: «Tu m'ordonnes de vivre». [5] «А прежде повергалъ вѣнецъ къ твоимъ стопамъ» *(РМ, Б).* Въ подлинникѣ: «Autrefois à tes pieds j'ai mis un diadème».

А я остануся въ ужасныхъ сихъ мѣстахъ
Влачити жизнь въ тоскѣ, увянути въ бѣдахъ,
Въ раскаяньи умреть, что клятвѣ измѣнила,
Что, страсть къ тебѣ храня, съ другимъ я въ бракъ[1] вступила.
Ступай, возьми съ собой ты счастіе мое,
Оставь мнѣ строгій долгъ, несчастно бытіе.
Мнѣ долгъ спасать тебя и славу поручаетъ,
Священными мой духъ обѣихъ признаваетъ.

ЗАМОРЪ.

Какая слава духъ могла твой возмутить?
Европа чѣмъ тебя могла еще прельстить?[2]
Возможно ль, чтобъ тобой та[3] клятва принесенна,
Тотъ христіанскій храмъ, чѣмъ ты уже прельщенна,
Тотъ Богъ, что всѣхъ боговъ отеческихъ сразилъ,
Царей поставилъ вамъ[4],—съ тобой мя разлучилъ?

АЛЬЗИРА.

Мнѣ всякій равенъ богъ[5]; довольно: я клялася.

ЗАМОРЪ.

Отъ клятвы, ахъ! твоей[6] мнѣ гибель началася:
Погибни и тотъ богъ, и клятвы тѣ! Прости!

АЛЬЗИРА.

Постой, Заморъ! Постой! Ахъ! можно ль то снести?

ЗАМОРЪ.

Гусманъ тебѣ супругъ! . . .

---

[1] «съ другимъ во бракъ» (*РМ, Б*). [2] *РМ, Б;* въ *ИМ* описка: «премѣнить». [3] *РМ, Б;* въ *ИМ* это слово пропущено. [4] «намъ (*РМ, Б*); въ подлинникѣ: «et te donnent des maîtres». [5] «Какой бы ни былъ богъ» (*РМ, Б*). [6] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «твоя».

Альзира.

Жалѣй, не укоряя.

Заморъ.

Воспомни прежню страсть! . . .

Альзира.

Рвусь, бѣдство[1] вспоминая.

Заморъ.

Жестокая! клянясь, забыла ты меня.

Альзира.

Я вновь преступница, любовь къ тебѣ храня. . .
Оставь одну умреть; ты долженъ сокрываться.
Въ какомъ смущеніи драгія очи зрятся?
Заморъ! . . .

Заморъ.

Свершилось все. . . .

Альзира.

Куда идешь?

Заморъ.

Иду —
И сей свободою спасеніе найду.

Альзира.

Когда погибнешь ты, умру и я съ тобою[2].

---

[1] «бѣдность» (*РМ, Б*). [2] «умру я за тобою» (*РМ, Б*).

Заморъ.

Ахъ! можноль съединить любовь съ минутой злою?
Оставь мя[1]: день насталъ и время ужъ спѣшитъ.
Послѣдуй, воинъ, мнѣ. . .

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Альзира, Емира.

Альзира.

Мятусь, а онъ бѣжитъ.
Что хочетъ онъ начать? О, грозная минута!
Кого оставила для варвара я люта!
Пойди[2], Емира, ты; старайся поспѣшать[3]:
Узнай, гдѣ онъ теперь; должна ль я ожидать?[4]
Мнѣ служитъ ли тотъ стражъ, иль онъ мнѣ измѣняетъ?
(*Емира уходитъ*).
Но что смертельна грусть несчастной предвѣщаетъ?
Конечно, мя сей день навѣки поразитъ.
О, христіанскій Богъ, что гнѣвомъ злымъ[5] грозитъ!
Закона твоего немного я познала:
Едва во мракъ очей проникнуть начинала[6]
Рука твоя теперь съ[7] небесной высоты;
Но, естьли огорченъ моей любовью Ты,
Пролей на мя одну Ты гнѣвъ своей святыни!
О, Боже! проводи Замора Ты въ пустыни!
Иль только свѣтомъ тѣмъ Ты будешь управлять?
Европѣ ли одной Ты хощешь[8] помогать?

---

[1] *РМ, Б*; въ *ИМ*: «Оставь, сей». [2] «Поди» (*РМ, Б*). [3] «поспѣшить» (*РМ, Б*). [4] «должна ль еще я жить?» (*РМ, Б*). [5] «намъ» (*РМ, Б*). [6] «Едва сгустѣвшій мракъ снимать съ очей мнѣ стала» (*РМ, Б*). Въ подлинникѣ: «ta main, du haut des cieux, Perce à peine un nuage épaissi sur mes yeux». [7] *РМ, Б*; въ *ИМ* пропущено «съ». [8] «хочешь» (*РМ, Б*).

Или — сихъ мѣстъ[1] тиранъ, а тѣхъ — благотворитель?
И плѣнникъ во слезахъ—и гордый побѣдитель[2],
Мы всѣ — творенiе руки Твоей одной. . . .
Но что за страшный крикъ проникъ теперь слухъ мой?
Замора имя то. О Небо! измѣнили. . . .
Удвоился тотъ крикъ. . . . Замора погубили!

ЯВЛЕНIЕ ШЕСТОЕ.

Альзира, Емира.

АЛЬЗИРА.

Емира! ты ли то?[3] Что зрѣла, мнѣ вѣщай
И изъ отчаянья мой духъ ты извлекай!

ЕМИРА.

Надежды лучъ теперь навѣки намъ прервался![4]
Оружьемъ воина, который съ нимъ остался[5],
Онъ руки храбрыя свои вооружилъ,
А воинъ тотъ себя отъ всѣхъ теперь сокрылъ.
Въ чертогъ къ Гусману твой любовникъ устремлялся
И мною межъ враговъ онъ въ страхѣ провождался[6]
Между убiйцъ, въ крови, заснувшихъ въ оный часъ,
Гдѣ грозна ночь, смерть, страхъ тогда тревожилъ насъ.
Я зрѣла, что онъ шелъ въ чертогъ Гусмановъ прямо;
Глазами, голосомъ звала его я тамо,
Но тщетно было то.... Вдругъ страшный крикъ возсталъ....
«Умри, злодѣй! умри!» всякъ въ ужасѣ кричалъ.
Уже къ оружiю народъ весь приступаетъ. . . .

---

[1] «Иль сихъ ты мѣстъ» *(РМ, Б)*. [2] Какъ плѣнникъ во слезахъ, такъ гордый погубитель« *(РМ, Б)*. Въ подлинникѣ: «Les vainqueurs, les vaincus». [3] Такъ въ *ИМ* и въ *Б;* въ *РМ:* «ты ли это?». [4] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «прорвался». Можетъ быть: «порвался?» [5] «что тамо съ нимъ остался» *(РМ, Б)*. [6] Такъ въ *ИМ* и въ *Б;* въ *РМ:* «провожался».

Спасайся! Страхъ сердца всѣхъ смертныхъ поражаетъ.
Спѣши! . . .

АЛЬЗИРА.

Иду къ нему я[1] помощь подавать. . . .

ЕМИРА.

Что можешь ты теперь?

АЛЬЗИРА.

Могу я жизнь скончать.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Альзира, Емира, Донъ Алонзъ и воины.

Донъ Алонзъ.

Послѣдовать ты мнѣ имѣешь повелѣнье.

АЛЬЗИРА.

Чѣмъ множишь, варваръ, ты еще мое мученье?
Но гдѣ Заморъ теперь? . . . .

Донъ Алонзъ.

Въ жестокій оный часъ
Мнѣ только велѣно сказать вамъ сей приказъ.
Послѣдуй! . . .

АЛЬЗИРА.

О судьба! престрогое[2] отмщенье!
Еще ль не кончишь ты мнѣ смертію мученье?
Замора нѣтъ, увы! Ношу оковы я! . . .
Смущается уже, злодѣй, душа твоя.
Иль злобныя сердца на жалость то склоняетъ?
Коль смерть теперь мя ждетъ, пускай она сражаетъ!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

---

[1] «Иду ему я» (*РМ, Б*). [2] «жестокое» (*РМ, Б*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альзира и воины.

АЛЬЗИРА.

Ужель тираны мнѣ готовы смерть послать,
Которыхъ можете судьями вы назвать?
Иль въ ужасѣ моей несчастливой судьбины
Не скажете мнѣ часъ жестокія кончины?
Подъ стражу воиномъ теперь я отдана[1];
Не знаю, жизнь иль смерть мнѣ, бѣдной, суждена:
Замора имя въ страхъ и воиновъ приводитъ;
Трепещутъ варвары; въ смущенье все приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Монтезъ, Альзира.

АЛЬЗИРА.

Дражайшій отче мой!

МОНТЕЗЪ.

Жестокія бѣды—
Вотъ всей твоей любви проклятые плоды!
Замору испросить я милость устремлялся,
Въ исканіи того Альваръ со мной старался;
Но нѣкій воинъ вдругъ предъ очи намъ предсталъ—
Тотъ самый былъ Заморъ: онъ рвался, трепеталъ . . . .
Премѣной мы его одежды обманулись,
И, мечъ въ рукахъ его увидя, ужаснулись.
Въ свирѣпствѣ онъ летѣлъ къ Гусману мимо насъ,

[1] «Стрегутъ меня, со всѣхъ я странъ заключена». . . . (*РМ*, *Б*).

Напалъ, сразилъ его ударомъ въ одинъ разъ.
Супруга твоего кровь быстро истекала [1]
И твоего отца въ теченьи окропляла;
Въ минуту и Заморъ свирѣпство умягчилъ:
Къ ногамъ Альвара палъ, покоренъ, кротокъ былъ,
Въ крови сыновней мечъ онъ подалъ обагренный.
«Уже отмстилъ я всѣ обиды приключенны»,
Вѣщалъ Заморъ ему: «стремись меня сразить,
«Ты долженъ естество сей смертію отмстить».
Потомъ простерся [2] онъ, кончины ожидая.
Альваръ палъ въ руки къ намъ, всѣ чувства ужъ теряя [3];
Смутились всѣ тогда, и страшный крикъ возсталъ;
Всякъ жизнь Гусманову спасати поспѣшалъ:
Текущу быстро кровь изъ ранъ остановляли,
Искусство жизнь спасать они употребляли.
Народъ тебя на казнь, стеная [4], осуждалъ,
Тебя въ убивствѣ семъ виновною призналъ. . . .

АЛЬЗИРА.

И ты? . . .

МОНТЕЗЪ.

Нѣтъ! я тебя ни въ чемъ не обвиняю;
Не ты тому виной, довольно я [5] то знаю [6].
Порокъ не коснется во вѣкъ душѣ твоей,
Закрыты очи ты имѣла въ безднѣ сей.
Желалъ и я того, но, ахъ! чѣмъ рокъ кончаетъ!
Супруга твоего любовникъ поражаетъ!
Уже осудятъ казнь тебѣ они терпѣть [7],
Въ безславіи должна и мукахъ умереть.
Пойду просить Совѣтъ скончать мое мученье
И смертію моей купить твое спасенье.

---

[1] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «истекла». [2] «простерлся» *(РМ, Б).* [3] «всѣ чувствы потерявъ» *(РМ, Б).* [4] «во крикѣ» *(РМ, Б);* въ подлинникѣ: «à grands cris». [5] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «и». [6] «я то довольно знаю» *(РМ, Б).* [7] *РМ, Б;* въ *ИМ* этотъ стихъ испорченъ.

Альзира.

Спасенья хочешь мнѣ у варваровъ просить?
Живи, не преставай мя, отче мой, любить.
Мнѣ жаль, что такъ строга Гусманова судьбина;
Но больше жаль, что самъ онъ былъ тому причина [1].
Заморъ однимъ лишь тѣмъ [2] обиду могъ отмстить:
Не можно мнѣ его ни править, ни винить,
Хотѣла въ горестяхъ его я не оставить.
Умреть — брегись меня отъ смерти ты избавить [3].

Монтезъ.

О, Небо! утоли страданіе мое! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Альзира (*одна*) [4].

О, Небо! уничтожь несчастно бытіе!
Тотъ [5] Богъ, кому служу, меня не избавляетъ!
Почтожъ онъ грудь мою пронзить мнѣ запрещаетъ?
Тѣ боги, коихъ я оставила давно,
Мнѣ бъ смерть дозволили, убѣжище одно.
Но чѣмъ же новаго я Бога прогнѣвляю,
Что я ударъ его часомъ предускоряю? [6]
Изъ чаши, въ коей Рокъ потщился смерть сокрыть,
Должна ли медленно я горесть злую пить?
Но [7] въ тѣлѣ смертномъ семъ святыня ли хранится,
Что духъ не можетъ съ нимъ по волѣ разлучиться?

---

[1] *РМ, Б;* вмѣсто этихъ двухъ стиховъ въ *ИМ* одна строка: «Мнѣ жаль, что самъ онъ былъ тому причина». [2] «лишь только тѣмъ» *(РМ, Б)*. [3] «Умреть онъ—берегись отъ смерти мя избавить» *(РМ, Б)*. [4] Въ *РМ* несогласно съ подлинникомъ: «Альзира и воины». [5] «Коль» (*РМ, Б*); въ подлинникѣ: «Quoi! ce Dieu que je sers me laisse sans secours!» [6] Такъ въ *ИМ*, въ *Б* и въ *РМ*. Не слѣдуетъ ли читать: «Что часомъ я ударъ его предускоряю»? [7] «И» (*РМ, Б*).

Народъ, что молніей себя вооружилъ,
Иль правы[1] пустошить вселенну получилъ?
Имъ только жизнь мою однимъ скончать возможно[2],
А мнѣ и кровь свою пролить самой не должно?
Мой духъ себѣ того не можетъ[3] дозволять,
Что правами они дерзаютъ почитать? . . .
Замору мукою отверзты двери гроба!
Тираны! . . .

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Заморъ окованный, Альзира, воины.

ЗАМОРЪ.

Здѣсь теперь умреть мы должны оба.
Подъ видомъ истинны совѣтъ опредѣлилъ
И, жаждущъ крови онъ, на смерть тебя судилъ.
Гусманъ еще живетъ. Отчаянной рукою
Не разлучилъ его я тѣла вдругъ съ душою;
Скончать мои бѣды еще тиранъ живетъ
И, кровью обагренъ дражайшею, умретъ:
При умирающемъ Гусманѣ жизнь скончаемъ,
Забаву варварску ему уготовляемъ.
Альваръ намъ скажетъ здѣсь лютѣйшій тотъ отвѣтъ,
Который учинилъ тиранской намъ совѣтъ:
Погибнешь ты теперь отважностью моею.

АЛЬЗИРА.

Коль я умру съ тобой, о смерти не жалѣю.
Въ любви твоей мое и[4] счастье состоитъ:
Благословенъ ударъ, что бракъ сей[5] разрушитъ!

---

[1] «Право» (*РМ*, *Б*); въ подлинникѣ: «droit». [2] «Ему лишь только жизнь мою скончать возможно» (*РМ*, *Б*). [3] «не будетъ» (*РМ*, *Б*). [4] «все» (*РМ*, *Б*). [5] «мой» (*РМ*, *Б*); въ подлинникѣ: «mon hyménée».

И только въ оный часъ, какъ къ мертвымъ преселяюсь [1],
Я совѣстью къ тебѣ въ любови не терзаюсь.
Я, казнью свободясь, себѣ возвращена;
Надъ сердцемъ воля мнѣ теперь ужъ вручена [2].
Приготовленіе, что [3] къ смерти обрѣтаю,
Есть тотъ алтарь [4], гдѣ огнь я первый возвращаю [5].
Невѣрность извинитъ къ тебѣ [6] душа моя,
Къ чему привлечена [7] была неволей я.
Но то [8] меня теперь несчастну огорчаетъ,
Что отъ Альвара духъ сей казни ожидаетъ.

ЗАМОРЪ.

Но се [9] идетъ и онъ, и полны очи слезъ.

АЛЬЗИРА.

Кто больше бѣдъ изъ насъ, о Небо! перенесъ?
И сколько собрала несчастныхъ здѣсь судьбина!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Альзира, Заморъ, Альваръ, воины.

ЗАМОРЪ.

Тобою быть должна мнѣ сказана кончина.
Угодно Небу то. Что должно, ты твори;
Безъ страха жду того, безъ страха говори.
Ты сдѣлай, чтобъ [10] ударъ надъ тѣмъ теперь свершился [11],
Кто сына поразилъ и другъ отцу явился [12].

---

[1] *РМ*, *Б;* въ *ИМ* этотъ стихъ очень испорченъ. [2] Въ *РМ* и *Б:* «Чрезъ казнь будетъ моя свобода возвращенна», «И вѣрность наконецъ тебѣ моя врученна». [3] *РМ*, *Б;* въ *ИМ:* «я». [4] *РМ*, *Б;* въ *ИМ*: «И на алтарь». [5] «Есть тотъ алтарь, гдѣ жаръ я первый возвращаю» (*РМ*, *Б*). [6] «тогда» (*РМ*, *Б*). [7] «приведена» (*РМ*, *Б*). [8] «что» (*РМ*, *Б*). [9] «вотъ» (*РМ*, *Б*). [10] *РМ*, *Б;* въ *ИМ:* «что» [11] Такъ въ *ИМ* и *Б;* въ *РМ*: «свершался». [12] «остался» (*РМ*).

Но чѣмъ могла тебя Альзира раздражить?
За что невинную ты хочешь поразить?
Или свирѣпости Гишпанцовъ подражаешь?
Почто неправедно отмщенье[1] начинаешь?
Ужъ имя кроткаго ты хочешь оставлять
И руки во крови невинной обагрять!

Альзира.

Сыновню смерть отмщай, готовь ты всѣмъ мученья,
Но не имѣй на мя въ убивствѣ подозрѣнья.
Ты знаешь, что женой Гусману я была;
То значитъ[2], что не я Гусмана предала,
Что[3] сына твоего по смерть я защищала,
Почтенье я къ нему и вѣрность сохраняла,
Хоть сердце злобою поднесь[4] къ нему горитъ.
Пускай народъ меня иль хвалитъ, иль бранитъ,
Я мнѣніемъ твоимъ всю славу получаю,
Въ почтеньи отъ тебя — довольна умираю[5]
И больше не хочу на свѣтѣ ничего.
Умру, лишась навѣкъ Замора моего,
И только жду того[6] и о тебѣ страдаю.

Альваръ.

Въ горячности моей я ужасъ[7] обрѣтаю:
Тотъ жизнь мою мнѣ спасъ, кто сына умертвилъ![8]
Заморъ! ты тѣмъ меня спасеньемъ погубилъ,
И дорого сей даръ душѣ моей достался......
Хоть я отецъ ему, но человѣкъ остался.

---

[1] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «отмщенья». [2] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «Ты знаешь». [3] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «чтобъ». [4] «и днесь» (*РМ, Б*). [5] «Коль почтена тобой, довольной умираю» (*РМ, Б*). [6] «Я только того жду» (*РМ, Б*). [7] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «уже» (ужесъ). [8] «Кто жизнь мою мнѣ спасъ, тотъ сына умертвилъ» (*РМ, Б*).

Хотя свирѣпствомъ[1] мя твой духъ и раздражаетъ,
Хоть голосъ крови днесь и мщенья ожидаетъ,
Но щедрость[2] я твою еще не позабылъ.
А ты, котору я какъ дщерь свою любилъ
И кою я еще такъ въ скорби называю,—
Отъ имени того[3] я слезы проливаю,—
Престань ты въ мысляхъ то себѣ воображать,
Чтобъ мщеньемъ я хотѣлъ страданье облегчать.
Увы! навѣкъ сразитъ минута днесь едина
Того, кто жизнь спасалъ[4], и дщерь мою, и сына!
Совѣтъ уже всѣхъ васъ во гнѣвѣ осудилъ,
Отмстительнымъ мечемъ отца вооружилъ.....
Ужасно таинство[5] я на себя примаю
И тѣмъ обѣихъ васъ спасти теперь желаю.
Заморъ! ты можешь все.....

Заморъ.

Спасется мной Альзира?
Скажи: что дѣлать мнѣ?

Альваръ.

Узнай[6] Творца ты міра.
Ты словомъ можешь[7] всю судьбу перемѣнить:
Здѣсь христіянину законъ велитъ простить.
Законъ, что ревность здѣсь священна учреждала,
Нарочно для тебя власть Вышняго послала:
Тотъ Богъ, что, намъ въ примѣръ, вины собой[8] проститъ,—
Онъ благодатію Замора осѣнитъ.
Ты гнѣвъ Гишпанцовъ всѣхъ возможешь утушити,

---

[1] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «свирѣпство». [2] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «Но *и* щедрость». [3] «сего» (*РМ, Б*). [4] «кто жизнь мнѣ спасъ» (*РМ, Б*). [5] «То исполненіе» (*РМ, Б*); въ подлинникѣ: «ce ministère affreux»: переводчикъ сначала смѣшалъ ministère съ mystère. [6] «Познай» (*РМ, Б*). [7] «Ты можешь словомъ» (*РМ, Б*). [8] «вины наши» (*РМ, Б*).

Священну кровь твою за братню будутъ[1] чтити;
Ударъ тотъ, чѣмъ они хотятъ[2] отмстить себя,
Ужъ больше не сразитъ Альзиру и тебя.
Вы можете спастись, я въ томъ васъ увѣряю,
И отъ тебя, Заморъ, того я ожидаю.
Ты гласа слабаго теперь не презирай,
Въ другой ты разъ мнѣ жизнь несчастную спасай[3].
За то, что сына мя рука твоя лишаетъ[4],
Нещастливый отецъ спасти тебя желаетъ.
Прими законъ ты нашъ, Альзирѣ подражай
И тѣмъ ея ты жизнь и дни свои спасай:
Ты можешь сей цѣной кровь сына наградити.

Заморъ *(Альзирѣ).*

Альзира! Должно ль[5] намъ такъ жизнь свою любити?
И должно ль намъ ее безславіемъ искать?
Для Бога ихъ мнѣ льзя ль боговъ своихъ отстать?[6]

(Альвару).

Ужель[7] ты злобою и сына превышаешь?
Иль ей умреть, иль мнѣ злодѣемъ быть желаешь?
Когда подвержена была мнѣ жизнь твоя
И естьли бъ дней твоихъ цѣна была сія,
Дерзнулъ ли бъ ты тогда боговъ своихъ[8] забыть?[9]

Альваръ.

Что дѣлаю теперь, я тоже бъ сталъ творить[10],
Просилъ бы Вышняго твой разумъ просвѣтить:
Ты христіяниномъ, Заморъ, достоинъ быть.

---

[1] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «будетъ». [2] «чѣмъ хотятъ они» (*РМ*, *Б*). [3] «Въ другой разъ мнѣ симъ жизнь несчастную спасай» (*РМ*, *Б*). [4] Этотъ стихъ испорченъ во всѣхъ рукописяхъ. Въ *ИМ:* «За что ты сына мя рука твоя лишаетъ»; въ *РМ* и *Б:* «Спасай, что сына мя рука твоя лишаетъ». [5] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «Должно». [6] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «оставить». [7] «Еще ль» (*РМ*, *Б*). [8] Такъ въ *ИМ* и *Б*; въ *РМ:* «твоихъ». [9] «забыти» (*РМ*, *Б*). [10] «я бъ тоже сталъ творити» (*РМ*, *Б*).

ЗАМОРЪ.

О боги! что за страхъ! какое наказанье!
Которое избрать я долженъ злодѣянье?

(Къ Альзирѣ).

Тебя или боговъ я долженъ оставлять?
Коль смѣешь ты любить, дерзай и разсуждать.
Тебѣ я предаюсь, что сердце тѣмъ ласкаешь,
Что ты безславія Замору не желаешь[1].

АЛЬЗИРА.

Ты знаешь мнѣ отцомъ несчастнымъ данну часть;
Онъ сердца, страстнаго тобой, похитилъ власть:
Я[2] Бога новаго теперь уже признала.
Погрѣшность ли къ тому, иль слабость привлекала,
Что хочешь, обвиняй; но мнѣ законъ ихъ милъ:
Мой разумъ истинну святую въ немъ открылъ.
Какъ въ суетѣ боговъ мой духъ уже признался,
То совѣстью тогда нимало не терзался.
Но презрить божество, что сердце хочетъ чтить,
Такой вины никакъ не можно извинить:
Измѣна Богу то, кого не признаваешь,
Измѣна и тому, кого предпочитаешь;
Измѣна Небу то, вселенной и себѣ![3]
Умремъ, но я сказать желаю то тебѣ,
Что ты меня[4], Заморъ, достоинъ умираешь:
Коль мысль свою ты тѣмъ еще не просвѣщаешь[5],
То долженъ честности законы исполнять.

---

[1] «Я на тебя кладу, что должно мнѣ избрать: Ты любишь столь меня, и сердце мнѣ ласкаетъ, Что духъ безславья твой Замору не желаетъ» (*РМ*, *Б*). [2] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «И». [3] *РМ*, *Б;* въ *ИМ* эти три стиха сильно испорчены. [4] *РМ*, *Б;* въ *ИМ*: «смена». [5] «Коль новымъ свѣтомъ мысль свою не просвѣщаешь» (*РМ*, *Б*).

ЗАМОРЪ.

Я слышу твой отвѣтъ. Готовъ я жизнь скончать;
Умру съ тобою я, но славы не лишусь[1].

АЛЬВАРЪ.

Обѣимъ вамъ теперь удара я страшусь[2],
Мой духъ щедротою въ свирѣпство не проникъ;
Внемлите: часъ насталъ, и сей плачевный крикъ.....

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Альваръ, Заморъ, Альзира, Алонзъ, Американцы, Гишпанцы.

АЛОНЗЪ.

Гусмана предъ тебя несчастна[3] Рокъ представитъ,
Въ объятіяхъ твоихъ онъ жизнь теперь оставитъ.
Народъ, любя его, стремится все губить,
И смерть его хотятъ мучительно отмстить[4],
Убійцы и жены кровь винну проливая[5].

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Альваръ, Гусманъ, Заморъ, Американцы[6].

ЗАМОРЪ.

Тираны! дайте казнь, Альзиру сохраняя.

---

[1] «лишуся» (*РМ*, *Б*). [2] «страшуся» (*РМ*, *Б*). [3] «несчастной» (*РМ*, *Б*). Въ подлинникѣ: «On amène à vos yeux votre malheureux fils». [4] «И хочетъ смертъ его мучительно отмстить» (*РМ*, *Б*). [5] *РМ*, *Б*; въ *ИМ*: «Убійцы ищутъ все, кровь винну проливая»; въ подлинникѣ: «Du peuple qui l'aimait une troupe en furie, S'empressant près de lui, vient se rassasier Du sang de son épouse et de son meurtrier» [6] «Тѣже и Гусманъ» (*РМ*, *Б*).

Альзира.

Нѣтъ, пусть насъ всѣхъ троихъ смерть люта съединитъ!

Альваръ.

Мой сынъ кончаетъ жизнь! Чѣмъ Рокъ меня разитъ!

Заморъ *(Гусману).*

Я зрю, что ты еще свирѣпствомъ воружился.
Пролей ты кровь мою, коль жизни не лишился;
Взирая на меня, учися умирать.

Гусманъ.

Не злобству я хочу тебя днесь научать[1]:
Подамъ тому примѣръ, что долгъ повелѣваетъ.

(Къ Альвару).

Мнѣ Небо смерть пославъ, ее остановляетъ;
Въ послѣдній разъ къ тебѣ оно меня ведетъ.
Почти душа моя изъ тѣла вонъ идетъ,
Остановляется она передъ тобою,
Чтобъ, слѣдуя тебѣ, быть кроткою душою[2].
Упала завѣса, свѣтъ новый возсіялъ,
При смерти только я своей себя позналь:
До самого часа, какъ дверь отверзлась гроба,
Тягчили[3] смертныхъ родъ мой гордый духъ и злоба.
Отмщается земля; мнѣ жизнію моей
Не можно заплатить пролитой крови сей.
Я счастьемъ былъ прельщенъ — Рокъ вывелъ изъ обману;
Прощаю я тому, кѣмъ Богъ послалъ мнѣ рану.
Я правлю здѣсь еще, владыкою здѣсь былъ:

---

[1] *РМ*, *Б;* въ *ИМ:* «Не злобствую, хочу тебя я научать». [2] *РМ*, *Б;* въ *ИМ.* «быть съ кроткою душою». [3] *РМ*, *Б*; въ *ИМ* описка.

Одинъ могу прощать, Замору я простилъ.
Живи, о гордый врагъ, свободенъ будь[1], то зная,
Что христіянинъ долгъ хранитъ свой, умирая.

(Къ Монтезу и Американцамъ).

Монтезъ и вы, что мой носили тяжкой плѣнъ!
Щедротою моей теперь онъ награжденъ:
Америкѣ, царямъ своимъ вы то внушите,
Что христіянъ вы здѣсь правительми чините.

(Къ Замору).

Различіе боговъ ты долженъ днесь познать:
Твои велятъ тебѣ отмщать и умерщвлять,
А мой, когда меня рука твоя сражаетъ,
Съ жалѣньемъ о тебѣ простить повелѣваетъ[2].

АЛЬВАРЪ.

Ты кротость съ мужествомъ теперь, мой сынъ, сравнилъ.

АЛЬЗИРА.

О Боже! можно ли, чтобъ[3] онъ то говорилъ!..

ЗАМОРЪ.

Ты самъ меня привлечь къ раскаянью желаешь![4]

ГУСМАНЪ.

Я болѣе хочу, какъ нежели ты чаешь.
Хочу, чтобъ ты ко мнѣ почтенье сохранилъ;
Альзиринъ вѣкъ во всемъ нещастливъ[5] мною былъ.

---

[1] *РМ, Б;* въ *ИМ*: «борды» (бодрый?). [2] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «Жалѣть и то тебѣ простить повелѣваетъ». [3] *РМ, Б;* въ *ИМ:* «что». [4] Въ подлинникѣ: «Quoi! tu veux me forcer *moi-même* au repentir!» [5] *РМ;* въ *ИМ:* «нещасливымъ».

Кончая жизнь, тебѣ Альзиру я вручаю;
Оставь ты ненависть, я скипетръ возвращаю,
Воздвигни съ славою остатокъ вашихъ стѣнъ;
Коль можно, сдѣлай ты, чтобъ не былъ я[1] забвенъ.

(Къ Альвару).

О счастливыхъ теперь супругахъ ты старайся,
И Небомъ чрезъ тебя ихъ вѣкъ благословляйся!
Коль въ христіянску мысль Заморъ свой умъ вперитъ,
Онъ будетъ сынъ тебѣ, меня онъ наградитъ.

ЗАМОРЪ.

Безгласенъ, изумленъ, недвижимъ остаюся;
Я въ христіянинѣ сей кротости дивлюся!
Законъ, который днесь къ сему тебя влечетъ, —
За божеской его[2] мой разумъ признаетъ.
Я вѣру, дружество[3] и вѣрность признаваю[4];
Но сей великой духъ превыше силъ считаю.
Я бременемъ себѣ вмѣняю щедрость ту,
Стыжусь отмщенія, люблю тебя и чту.

(Бросается къ ногамъ).

АЛЬЗИРА.

Стыдясь, къ ногамъ твоимъ Альзира припадаетъ.
Ахъ![5] за тебя въ сей часъ умреть она желаетъ.
Смущаяся теперь Заморомъ и тобой[6],
Мой духъ терзается раскаяньемъ, тоской.
Я чувствую мое днесь злое преступленье[7]....

---

[1] *РМ*, *Б;* въ *ИМ:* «онъ». [2] «теперь» (*РМ*, *Б*). [3] *РМ*, *Б;* въ *ИМ:* «Я вѣрю дружеству»; въ подлинникѣ: «J'ai connu l'amitié, la constance, la foi». [4] «познаваю» (*РМ*, *Б*). [5] *РМ*, *Б;* въ *ИМ:* «И». [6] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «Смущаюся теперь, Заморъ, и я тобой»; въ подлинникѣ: «Entre Zamore et vous mon âme déchirée Succombe au repentir dont elle est dévorée». [7] *РМ* и *Б;* въ *ИМ:* «Я чувствую вину и злое преступленье», въ подлинникѣ: «Je me sens trop coupable; et mes tristes erreurs....»

Гусманъ.

Вамъ все прощается: зрю ваше огорченье[1].
Прости въ послѣдній разъ, дражайшій отче мой,
Живи въ спокойствіи ты вѣкъ счастливой[2] свой,
Люби Альзиру, я тебѣ ее вручаю.

(Къ Замору).

Будь христіяниномъ ты!..... Доволенъ, умираю.

Альваръ *(къ Монтезу).*

Десницу Вышняго зрю въ горестяхъ моихъ,
И духъ отчаянный въ напастяхъ таковыхъ
Во власть Всевышняго себя теперь вручаетъ,
Что гнѣвомъ[3] насъ разитъ и щедростью прощаетъ.

Конецъ пятаго и послѣдняго дѣйствія.

---

[1] Въ *РМ*, и *Б:* «Вамъ все прощается, зря ваше огорченье»; въ подлинникѣ: «Tout vous est pardonné, puisque je vois vos pleurs». [2] «счастливо» (*РМ*, *Б*). [3] *РМ*, *Б*; въ *ИМ:* «въ гнѣвѣ».

КОРІОНЪ

КОМЕДІЯ

ВЪ

ТРЕХЪ АКТАХЪ

ПЕРЕДѢЛАННАЯ ВЪ РУССКУЮ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

ДЕНИСОМЪ ФОНВИЗИНЫМЪ.

(Представлена была въ Москвѣ августа 16 дня 1769 года).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Коріонъ.
Менандръ, другъ его.
Зеновія, любовница Коріонова.
Андрей, слуга Коріоновъ.
Крестьянинъ.

Дѣйствіе въ подмосковной деревнѣ Коріоновой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Андрей.

Уединенну жизнь какъ мнѣ ни выхваляли,
Я вижу, что о томъ пустое мнѣ болтали.
Возможно ли Москву съ деревнею сравнять?
Тамъ нѣтъ полей и рощъ, а есть гдѣ погулять.
Во вѣки не могу я къ жизни сей привыкнуть,
Пріятности ея не въ силахъ я проникнуть.
Свирѣлей нѣжной гласъ не милъ моимъ ушамъ:
Въ Москвѣ я живучи, привыкъ къ колоколамъ.
Ужъ три дни, какъ я здѣсь, въ угодность господину,
Скучаю, рвусь, бѣшусь, кляну мою судьбину,
Не вѣдая, зачѣмъ пріѣхалъ онъ сюда.
Никакъ пришла ему взбѣситься череда!
Не знаю, для какой пріятной здѣсь награды
Оставилъ онъ Москву, гдѣ балы, маскарады[1]
Имѣютъ полну власть изъ ночи дѣлать день,
Изъ солнечныхъ лучей ночную дѣлать тѣнь.
Что здѣлалося съ нимъ? Что здѣлалось со мною?
Неужель мы навѣкъ разстанемся съ Москвою?
Тому, кто такъ[2], какъ онъ, безпечно жизнь ведетъ,

---

[1] «маскерады» *(РМ)*. [2] «тамъ» *(РМ)*.

Казалось бы, на умъ деревня не пойдетъ:
Онъ молодъ и богатъ, и щастливъ въ нѣжномъ полѣ —
Чево жъ ему еще желать осталось болѣ?
Но нѣтъ!... Онъ прежде самъ веселу жизнь любилъ,
Теперь сталъ весь не тотъ: печаленъ и унылъ;
Жестокая тоска ево тревожить стала:
Она одна сюда на почтѣ насъ примчала.
Въ деревню отъ роду прiѣхавъ[1] въ первой разъ,
За цѣлыя сто лѣтъ щитаю всякой часъ....
Пойду теперь, пойду, спрошу я господина:
Какая бы ево тоски была притчина?
Пойду, пойду къ нему.... Но чтожъ я оробѣлъ? *(Воротясь).*
Онъ мнѣ къ себѣ входить безпросу не велѣлъ....
Однакожъ я пойду.... Иль[2] онъ лишенъ разсудка?...
Нѣтъ... нѣтъ... Останусь здѣсь!... Теперь не кстати шутка:
Съ сердитыми шутить, я знаю, каково. *(Помолчавъ).*
Кромѣ меня съ собой онъ не взялъ никово;
За службу вѣрную, въ награду, для покою[3],
По милости своей меня онъ взялъ съ собою.
Что десять дѣлали, я дѣлаю одинъ:
Худая жизнь слугѣ, коль бѣшенъ господинъ!
Собачья жизнь моя! Терпѣнiя[4] не стало!
Да что за чудо мнѣ въ глаза теперь попало?
Какое странное и глупое лицо?

ЯВЛЕНIЕ ВТОРОЕ.

Андрей и Крестьянинъ.

Крестьянинъ.

Съ Москвы-ста къ барину[5] прислали письмецо.

---

[1] «приѣхалъ» *(РМ)*. [2] «Аль» *(РМ)*. [3] «За службу вѣрную, за службу для покою» *(РМ)*. [4] *РМ;* въ *Т:* «терпѣнья». [5] «барину» *(РМ)*.

Андрей.

Подай! Не знаю я, что бъ это за притчина!...
Скажи мнѣ: ради ль вы пріѣзду господина?

Крестьянинъ.

Какъ вашей милости не радимъ-ста намъ быть!

(Хочетъ итти[1]*).*

Андрей.

Постой, мнѣ нужда есть съ тобой[2] поговорить.
Скажи мнѣ: здѣсь не всіо ль живутъ одни медвѣди[3]
И есть ли кромѣ ихъ другіе вамъ сосѣди?

Крестьянинъ.

Оборони-ста Богъ! Здѣсь мало ли людей?
Да что же то?[4].... Никакъ-ста милости твоей
Пришла здѣ вотцына[5] боярска не по нраву?

Андрей.

По правдѣ, я нашолъ худую здѣсь забаву:
Я долженъ или здѣсь съ ума сходить одинъ,
Иль видѣть, какъ грустить и рвется господинъ.
Такъ время проводить несносно человѣку.

Крестьянинъ.

Да также-сто[6] и здѣсь, отъ насъ неподалеку,
Тому ужъ года три бояриня[7] живетъ:
Всіо плацытъ да грустить, не взмилилъ ей и свѣтъ.
И Господи спаси отъ едакой круцыны![8]
А отъ цево? Никто не вѣдаетъ притцины[9].

[1] «иттить» *(РМ)*. [2] *РМ*; въ *Т:* «съ тобою». [3] «одни живутъ медвѣди» *(РМ)*. [4] «Да что же-ста?» *(РМ)*. [5] Въ *РМ* напрасно поправлено: «вотчина». [6] «также-ста» *(РМ)*. [7] Такъ въ *Т*; вѣроятно, слѣдъ Фонвизинскаго правописанія: «бояраня»; въ *РМ:* «боярыня». [8] Въ *РМ* неумѣстная поправка: «кручины». [9] Въ *РМ*: «причины».

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Коріонъ *(читая письмы)*, **Андрей.**

АНДРЕЙ.

Не прогнѣвлю ли я васъ смѣлостью такою,
Прося, чтобъ молвили два слова вы съ слугою?
О чемъ грустите вы? дозвольте доложить.
И долго ль будетъ намъ въ такой пустынѣ жить?
Коль здѣсь останемся еще на долго время,
Я вижу, мнѣ не снесть такова скуки бремя:
Оставилъ въ городѣ въ злой грусти я одну
Любезную мою и вѣрную жену.
Хоть приращенія[1] мой лобъ не ожидаетъ,
Однако сатана жонъ вѣрныхъ[2] искушаетъ;
Такою хитростью пресильнаго врага
Нечаенно носить случается рога.
Дождусь ли я отъ васъ пріятнаго отвѣта?
Молчанье для меня недобрая примѣта.

КОРІОНЪ.

Черниль, перо!

АНДРЕЙ.

Къ чему жъ?....

КОРІОНЪ.

То дѣлай, что велятъ.

АНДРЕЙ.

Ево слова — меня, мои — ево вздурятъ.

---

[1] *РМ;* въ *Т*: «прирощенья». [2] *РМ;* въ *Т* описка: «вредныхъ».

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Коріонъ *(сидя).*

Съ тѣхъ поръ, какъ я къ тому всѣ мысли обращаю,
Въ лютѣйшей горести отраду ощущаю.
Для твердыхъ душъ оковъ судьбою не дано:
Коль бѣдству зримъ конецъ, не страшно намъ оно.

(Написавъ нѣсколько строкъ).

«О ты, чьей горести я злобной былъ содѣтель,
Которой обожать я долженъ добродѣтель,
Которой за любовь измѣной заплатилъ,
Которой щастіе въ напасти превратилъ!
Коль ты еще жива, тронись моей тоскою,
Какъ нынѣ тронутъ я твоею сталъ судьбою!
Зеновія! тебѣ, кончая жизнь мою,
Я все мое теперь богатство отдаю.
Менандръ, мой другъ, тебѣ вручитъ ево, конечно;
А мнѣ противенъ свѣтъ[1] и съ нимъ ростанусь вѣчно:
Отрады для меня нигдѣ не можетъ быть».

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Коріонъ и Андрей.

Андрей *(въ сторону).*

Съ такой тоски весь свѣтъ не трудно позабыть!
Что я держу въ рукахъ, и то позабываю;
Послѣдуя ему, послѣдній[2] умъ теряю.

(Кладетъ письмо на столъ).

---

[1] «вѣкъ» *(РМ).* [2] Въ *Т* по общеупотребительному правописанію прошлаго и XVII вѣка: «послѣдни»; въ *РМ*: «послѣдней».

Письмо, которое забылъ отдать я вамъ.

(Въ сторону).

Однако онъ теперь писать изволитъ самъ.
Конешно, онъ въ Москву послать ково намѣренъ,
Да только не меня, я твердо въ томъ увѣренъ.

(Взявъ перо, чинитъ).

Коріонъ.

Что хочешь дѣлать ты?

Андрей.

Писать письмо къ женѣ,
И къ братьямъ, и къ друзьямъ [1], и всей моей роднѣ;
Мнѣ должно имъ сказать, куда я преселился:
Изъ бездны ль вышелъ бѣдъ, иль въ бездну провалился [2].
Друзья не вѣдаютъ, куда ихъ скрылся другъ;
Жена не вѣдаетъ, гдѣ кроется супругъ.
Скажите, для чево бъ не пользоваться вѣкомъ
И, въ свѣтѣ живучи, быть мертвымъ человѣкомъ?
Въ деревню должно тѣмъ на вѣкъ переѣзжать,
Кто хочетъ жителямъ деревни подражать,
У коихъ, — естьли кто моей повѣритъ справкѣ, —
Подобно какъ они, и разумы въ отставкѣ. —
Размножился у насъ такихъ невѣжей родъ:
Тутъ нельзя разобрать съ крестьянами господъ!
Иной изъ нихъ, служа и тѣлеси, и духу,
Во здравіе свое до смерти гнетъ сивуху;
Иной и день, и ночь, проливъ струями потъ,
Гоняясь за скотомъ, и самъ бываетъ скотъ,
И лутчіе изъ нихъ равняются со пнями;
Кто много хвастаетъ своими деревнями,

---

[1] «и друзьямъ» *(РМ)*. [2] «повалился» *(РМ)*.

Щитая то за верхъ блаженства своево,
Чтобъ ночь проспать, а днемъ не дѣлать ничево.

Коріонъ.

Будь веселъ: завтра ты увидишься съ Москвою.

Андрей.

Какъ? мнѣ, воскреснуть мнѣ назначено судьбою?

Коріонъ.

Иль не мило тебѣ со мной въ деревнѣ жить?

Андрей.

Веселымъ господамъ охотнѣя служить.
Я знаю, что Москва свои имѣетъ нравы,
Гдѣ сердце веселятъ различныя забавы.
Какое множество въ Москвѣ прекрасныхъ лицъ!
Тамъ всякой найдетъ рай въ собраніи дѣвицъ.
Не вы ли прежде тамъ весельемъ[1] восхищались?
Не вы ль прелестными[2] московскими прельщались?
Я самъ въ Москвѣ, я самъ въ окошко видѣлъ рай,
А здѣсь въ окно одинъ лишь вижу я сарай.
Вы только лишь теперь меня и воскресили,
Сказавши мнѣ, что тѣ минуты наступили,
Въ которы выѣдетъ со мною господинъ.....

Коріонъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я буду здѣсь, поѣдешь ты одинъ.

Андрей.

Неужель должно мнѣ безъ васъ Москву увидѣть?
Съ чево вы вздумали весь свѣтъ возненавидѣть?

---

[1] «въ веселье» (*PM*). [2] «Не вы ли прелестьми» (*PM*).

Какой вы вкусъ нашли жить въ скукѣ одному?
Могу ль я вѣдать, что притчиною тому?
Неужель къ тѣмъ сердцамъ, которы вамъ вручились,
Безвременно еще наслѣдники явились?
Неужель вѣчной жаръ красавицы какой.
Погаснувъ самъ, пожралъ съ собою вашъ покой?
Иль та, которая, взявъ въ плѣнъ свой, васъ сковала,
Оковы расковавъ, въ деревню васъ прогнала?
Но какъ бы то ни есть, я чѣмъ виновенъ въ томъ?
За что былъ долженъ я остаться здѣсь скотомъ?

КОРІОНЪ.

Теперь тебя съ письмомъ къ Менандру отправляю.

АНДРЕЙ.

А я вамъ отъ нево письмо теперь вручаю:
Мнѣ можно было то по надписи узнать.

КОРІОНЪ.

Но кто бъ изъ васъ ему осмѣлился сказать,
Что я въ деревнѣ здѣсь?

(Распечатавъ письма, читаетъ одно, оставя приложенныя на столъ).

Онъ быть ко мнѣ намѣренъ,
Да мнѣ ево пріѣздъ не нуженъ: я увѣренъ,
Что можешь ты ево въ Москвѣ еще застать.

АНДРЕЙ.

Оставя васъ грустить, и рваться, и вздыхать?
По крайней мѣрѣ вы задумчивымъ не будьте
И этова еще прочесть не позабудьте.

(Подаетъ ему[1] достальныя).

[1] «кладетъ» (*РМ*).

Коріонъ *(прочитавъ).*

Изрядно: я теперь полковникъ....

Андрей.

Вамъ данъ чинъ!
Теперь то къ радости довольно мнѣ притчинъ!
Не правду ль я сказалъ? Хоть нѣтъ отъ васъ отвѣту,
Однако я велю закладывать карету.
Иль долгу своево не можете понять?
Не должно ль намъ въ Москву, какъ можно, поспѣшать?
Хоть сами вы себя немного приневольте!
Оттуда въ Питербурхъ отправиться извольте,
Вамъ щастья своево не долго будетъ ждать,
Коль станете во всемъ вы знатнымъ угождать:
Извѣстны вамъ самимъ большихъ господъ законы,
Что жалуютъ они нижайшіе поклоны:
Умножьте вы число особою своей
Стоящихъ съ трепетомъ въ передней ихъ людей.
И естьли за чины не велѣно дарить,
Такъ должно вамъ хотя за то благодарить,
Что милость здѣлали и васъ не обошли,
Что, живши въ отпуску, вы чинъ себѣ нашли....
Да чтожъ!... Никакъ и та вамъ милость непріятна?
Клянусь, что ваша мнѣ холодность непонятна![1]

Коріонъ.

Андрей, возьми письмо!...

Андрей.

Не знаю, что зачать[2]
И что на это вамъ мнѣ должно отвѣчать.

---

[1] *РМ;* въ *Т:* «Клянусь, что ваша холодность мнѣ непонятна». [2] *РМ;* въ *Т:* «начать».

Смущеніе, тоска, печальны[1] разговоры,
А болѣе всево отчаянные взоры
Смущаютъ и меня, усерднаго слугу;
И естьли доложить о томъ я вамъ могу,
Скажите: для чево, когда васъ грусть терзаетъ,
Вы пишете къ тому[2], кто важно разсуждаетъ?
Неужель вамъ Менандръ одинъ остался другъ?
Въ Москвѣ у васъ друзей бывало по сту вдругъ.

Коріонъ.

Тѣхъ временныхъ[3] друзей всегда превратны нравы:
Не грусть они дѣлятъ, дѣлятъ одни[4] забавы;
Хоть, кажется, они усердіемъ горятъ,
Однако[5] ихъ сердца иное говорятъ,
И дружба такова преходитъ[6] скоротечно:
Менандръ, одинъ Менандръ мнѣ другомъ будетъ вѣчно[7].

Андрей.

По крайней мѣрѣ я хочу оставить васъ
Въ хорошемъ обществѣ: я самъ почти сей часъ
Услышалъ, что живетъ красавица въ сосѣдствѣ
Въ отчаяньи, въ тоскѣ, и горести, и бѣдствѣ.
Я слышалъ, что она всечасно слезы льетъ:
Подобно, какъ и вамъ, противенъ сталъ ей свѣтъ[8].
Не должно ли подать вамъ помощи ей руку?
Вотъ способъ прогонять свою тоску и скуку;
Прекрасной госпожи плачъ въ радость премѣня,
Оставьте вы тогда служанку для меня.

Коріонъ.

Какой прескучной[9] вздоръ!

---

[1] *РМ;* въ *Т:* «печалныи». [2] «вы пишете тому» (*РМ*). [3] «времянныхъ» (*РМ*). [4] «они» (*РМ*). [5] «Однакожъ» (*РМ*). [6] «проходитъ» (*РМ*). [7] «мнѣ будетъ другомъ вѣчно» (*РМ*). [8] «противенъ ей сталъ свѣтъ» (*РМ*). [9] *РМ;* въ *Т:* «пречудной».

Андрей.

На вздоръ ли то походитъ,
Когда случай сюда красавицу приводитъ?
Коль вздоромъ кажется вамъ этотъ разговоръ,
Такъ посему и[1] все у васъ на свѣтѣ вздоръ!
Да естьли бъ съ вами я и въ томъ не думалъ розно,
За этотъ взяться вздоръ вамъ все еще не поздно[2].
Послушайте тово, кто хочетъ вамъ добра,
Которое для васъ полутче серебра:
Богатства вы теперь имѣете довольно;
Но весело ли съ нимъ тому, чье сердце вольно?
И естьли для тово, чтобы спокойно жить,
На сердце должно вамъ оковы наложить,
Мнѣ кажется, что тѣ пречудныя оковы
Въ сосѣдствѣ здѣсь давно для васъ уже готовы.
Когда угодно вамъ, пойду и полѣчу. . . . .

Коріонъ.

Останься! Никого я видѣть не хочу.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Андрей.

Ево уже ничто на разумъ не приводитъ,
И больше отъ часу съ ума мой баринъ сходитъ.
Когда жъ судьба ему велитъ съ ума сойти[3],
То трудно будетъ здѣсь умняй меня найти[4].
Но въ самомъ дѣлѣ все, что онъ ни начинаетъ,

---

[1] *РМ;* въ *Т:* «Такъ поэтому все». [2] «и вамъ еще не поздно» *(РМ).*
[3] «Когда жъ судьба велитъ ему съ ума сойтить» *(РМ).* [4] «найтить» *(РМ).*

Меня и самого чрезмѣрно огорчаетъ.
Хоть много я теперь расхвастался умомъ,
Однако дѣлать я не знаю что съ письмомъ.
Отчаянье ево отъѣздъ мой усугубитъ:
Оставшись здѣсь одинъ, онъ самъ себя погубитъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Андрей, Крестьянинъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да та-ста бараня[1] зоветъ тебя къ себѣ,
Объ[2] коей прежъ сево я сказавалъ тебѣ:
Передъ себя она меня призвавши, баетъ,
Цто[3] будто-сто она и вашу милость знаетъ.

АНДРЕЙ.

Теперь не до тово. Мой другъ, ты долженъ знать,
Что велѣно тебѣ сей часъ въ Москву скакать.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Помилуй-ста, не дай въ конецъ мнѣ раззориться!

АНДРЕЙ.

Не плачь! Поѣздка та не можетъ долго длиться:
Къ Менандру долженъ ты отвезть письмо туда.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Теперь-ста не за мной осталась череда —
Обидно, батюшко!

---

[1] Въ *T* описка: «бояраня». Фонвизинъ писалъ: «государаня». Въ написаніи «бояраня» остался слѣдъ этого правописанія. [2] «О» *(PM.)* [3] *PM;* въ *T*: «Что».

Андрей.

Ужъ ты, братъ, мнѣ и скучишь!
Одной поѣздкою себя ты не измучишь:
Какая тягость та?

Крестьянинъ.

Да мы раззорены.

Андрей.

Скажи мнѣ: отъ чево вы въ то приведены?

Крестьянинъ.

Платя-ста барину оброкъ въ указны сроки,
Бываютъ-ста еще другіе съ насъ оброки,
Отъ коихъ уже мы погибли-сто въ конецъ.
Нерѣдко ѣздитъ къ намъ изъ города гонецъ,
И въ городъ старосту съ собою онъ таскаетъ,
Которого-сто міръ, сложившись, выкупаетъ.
Слухъ есть, что здѣланъ вновь въ приказѣ приговоръ,
Чтобъ цасцѣ[1] былъ такой во всемъ уѣздѣ сборъ.
Не мало и тово збирается въ народѣ,
Цѣмъ кланяемся мы поцасту воеводѣ,
Къ тому жа зборщики драгуны ѣздятъ къ намъ
И безъ посцады[2] бьютъ кнутами по спинамъ,
Коль денегъ-ста когда даемъ мы имъ немного.

Андрей.

О, о! Мнѣ кажется, ужъ это слишкомъ строго!
Какую бѣдную крестьяне жизнь ведутъ,
Коль грабятъ ихъ и тѣ, которымъ преданъ судъ! . .
Однако долженъ ты, что велѣно, исполнить.

---

[1] *РМ;* въ *Т:* «чаще». [2] *РМ;* въ *Т:* «пощады».

Крестьянинъ.

Пожалуй-ста, хоть впредь изволь словцо замолвить;
А мы готовы вамъ и сами отслужить. . . .

Андрей.

Изрядно; перестань о томъ теперь тужить,
Поди скоряе ты къ отъѣзду убираться.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Коріонъ и Андрей.

Коріонъ.

Готовъ ли ѣхать ты?

Андрей.

Готовъ я здѣсь остаться.

Коріонъ.

Какъ! . . . Что это? . . .

Андрей.

Такъ. . . Я. . . раздумалъ ѣхать самъ:
Зачѣмъ же ѣхать мнѣ, коль васъ не будетъ тамъ?

Коріонъ.

Что значитъ это все? . . .

Андрей.

Что я о васъ жалѣю,
И одново я васъ оставить здѣсь не смѣю.
Вы скоро съ жизнію поссоритесь своей:
Безъ вашей жизни мнѣ что будетъ и въ моей?[1]
И для тово боюсь отселѣ удалиться,
Хотя бъ я долженъ былъ отъ скуки здѣсь взбѣситься.

[1] Въ *РМ* перестановка: «Безъ вашей жизни мнѣ что будетъ и въ моей? Вы скоро съ жизнію поссоритесь своей».

Коріонъ.

Кто сказывалъ тебѣ? . . .

Андрей.

Никто, никто. . . А такъ
Мнѣ показалось то затѣмъ, что я дуракъ
И легче всѣхъ могу во всемъ я прошибаться.[1]
Однако нѣтъ вреда во всемъ остерегаться;
Я жизнію шутить ничьею не могу,
И съ жизнію моей[2] я вашу берегу.

Коріонъ.

Еще тебѣ сей свѣтъ, я вижу, не противенъ?

Андрей.

Кому такой вопросъ покажется недивенъ?
Мое намѣренье, коль Богъ благословитъ,
Не въ важности какой, въ бездѣлкѣ состоитъ;
И ежели мнѣ въ томъ не помѣшаютъ черти,
Такъ весело прожить желаю я до смерти:
На свѣтѣ семъ никто два раза не живетъ —
Вотъ мнѣніе мое и вотъ вамъ мой отвѣтъ.
То правда, что у всѣхъ бываютъ разны вкусы:
Хоть много храбрыхъ есть, однако есть и трусы.
Въ числѣ послѣднихъ былъ и прадѣдъ мой, и дѣдъ,
Которымъ, какъ и мнѣ[3], любезенъ былъ сей свѣтъ;
И естьли отъ меня мои родятся дѣтки,
Такъ будутъ таковы жъ, какъ ихъ отецъ и предки,
И времянной[4] сей свѣтъ полюбятъ и они,
Хотя и не всегда бываютъ красны дни.

---

[1] «ошибаться» *(РМ)*. [2] «своей» *(РМ)*. [3] *РМ;* въ *Т* пропущено *и*. [4] «временной» *(РМ)*.

Коріонъ.

Ты скучишь. Не тебѣ ль скоряя ѣхать должно?

Андрей.

Что жъ дѣлать мнѣ? Никакъ быть этому не можно.

Коріонъ.

Ужъ больше отъ тебя терпѣть моихъ нѣтъ силъ!
Довольно ты меня, мнѣ кажется, бѣсилъ,
И я съ тобой мое терпѣніе теряю.

Андрей.

Ужъ ли[1] я вамъ моимъ усердьемъ досаждаю?
Себѣ ли въ пользу я остаться здѣсь хочу?

Коріонъ.

Ты будешь ли молчать?

Андрей.

Извольте, я молчу.

Коріонъ *(въ сторону)*.

Севодни цѣлой день передо мной онъ бредитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Коріонъ, Андрей и Крестьянинъ.

Крестьянинъ *(къ Андрею)*.

Готовъ-сто, батюшко!

Коріонъ.

Куда?

---

[1] «Ужель» *(РМ)*.

Андрей.

Въ Москву онъ ѣдетъ.

Коріонъ.

Бездѣльникъ! Такъ ты съ нимъ письмо хотѣлъ послать
И всѣ мои слова ты сталъ пренебрегать?
Такъ ты теперь ужъ самъ[1] быть хочешь господиномъ?

Андрей.

Не льстился я во вѣкъ такимъ великимъ чиномъ.
Я знаю, что всегда я долженъ быть слугой;
Однако. . . . иногда совѣтъ бываетъ мой. . .
Извольте бить меня, замучьте, притаскайте,
Лишь только отъ себя меня не отпускайте.

Коріонъ *(крестьянину)*.

Изрядно, ты въ Москву не медля поѣзжай.

(Къ Андрею)[2].

А ты по крайней мѣрѣ то хотя теперь узнай,
Что я не буду вѣкъ терпѣть слуги такова,
И что тебѣ давно отпускная готова.

(Уходитъ).

Андрей.

Хоть онъ отпускную изволитъ обѣщать,
Однако вѣкъ ему меня не отпущать.
Хоть много на меня изволитъ онъ сердиться,
Однако безъ меня не можетъ обойтиться.
Подобно безъ нево и мнѣ не можно жить:
Я самъ привыкъ ему съ усердіемъ служить.

---

[1] *РМ;* въ *Т:* «чаягъ». [2] «Андрею» *(РМ)*.

Щастливы господа усердными слугами,
А слуги добрыми щастливы господами.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Менандръ, Андрей.

АНДРЕЙ.

Насилу могъ тово дождаться я часа,
Въ которой васъ сюда прислали небеса!
А естли бъ вы еще помедлили подолѣ,
То бъ должно было мнѣ взбѣситься по неволѣ.
Спросите у нево, зачѣмъ онъ здѣсь живетъ
И отъ чево ему противенъ сталъ весь[1] свѣтъ.
Недавно къ вамъ съ письмомъ крестьянинъ отправлялся:
Я думаю, что онъ на встрѣчу вамъ попался.

МЕНАНДРЪ.

Письма отсюда я еще не получалъ;
Но здѣсь въ близи я самъ двухъ женщинъ обогналъ,
Которыхъ разсмотрѣть не можно было точно.
Не знаешь ли ты, кто?

АНДРЕЙ.

Я самъ пойду нарочно
Узнать, зачѣмъ они изволятъ ѣхать къ намъ:
Въ такомъ случаѣ я проворенъ очень самъ.

---

[1] «сей» *(PM)*.

Менандръ.

Неужель Коріонъ еще тово не знаетъ,
Что я. . . . .

Андрей.

Отъ васъ-то онъ теперь и убѣгаетъ,
И болѣе узнать не можно вамъ ево:
Онъ сталъ совсѣмъ не тотъ. . . .

Менандръ.

Скажи мнѣ: отъ чево
Онъ началъ такъ грустить, печалиться и рваться?

Андрей.

Притчины я и самъ не могъ тому добраться,
И, сколько мыслями моими[1] ни брожу,
Однако я ее нигдѣ не нахожу.

Менандръ.

Какая бъ быть могла поѣздки сей причина?

Андрей.

Слуга не вѣдаетъ; спросите господина,
Который, весь свой вѣкъ намѣрясь промолчать,
Мнѣ кажется, и вамъ не будетъ отвѣчать.
Досаденъ иногда и жалокъ онъ бываетъ:
Что здѣлать самъ велитъ, то тотчасъ забываетъ.
Такая на нево была еще пора,
Что вздумалъ и меня гнать въ шею со двора!
А, обошедшися со мною такъ сурово,
Чрезъ полчаса забылъ здержать свое въ томъ слово.

---

[1] «своими» (*РМ*).

И естьли не былъ онъ сперва кому знакомъ,
Такъ тотъ сочтетъ ево конечно дуракомъ.
Хоть дерзко я сказалъ, да вы не осердитесь[1]:
Я знаю, что тому вы сами удивитесь,
Увидя, какъ себѣ онъ голову вскружилъ.
Когда бъ онъ боленъ былъ, я бъ менея[2] тужилъ:
Тогда бъ помочь ему нашлось какое средство;
А это зляе всѣхъ болѣзней въ свѣтѣ бѣдство,
Чтобъ чувствовать тоску и слезы проливать
И самому притчинъ тоски своей не знать. . . .
Да вотъ онъ самъ идетъ. Побудьте съ нимъ подолѣ,
Заставьтя вы ево открыться по неволѣ;
Старайтесь отъ нево узнать всю тайну вдругъ[3].
Я васъ оставлю здѣсь однихъ. . . .

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Коріонъ, Менандръ.

Менандръ.

Любезный другъ! *(Обнимаетъ).*
Съ какою радостью тебя я обнимаю!
Повѣрь, что щастіе твое своимъ щитаю[4].
Хотя старался то въ письмѣ изобразить,
Однако я письмомъ не могъ доволенъ быть,
И самъ пріѣхалъ я съ тобою повидаться. . . .

Коріонъ.

Дозволь мнѣ искренно, мой другъ, тебѣ[5] признаться,
Что естьли бъ ты пріѣздъ дни на два отложилъ,
То бъ тѣмъ меня еще ты больше[6] одолжилъ.

---

[1] «не разсердитесь» *(РМ)*. [2] «менѣе» *(РМ)*. [3] *РМ;* въ *Т* этотъ стихъ пропущенъ. [4] «что счастіе своимъ твое считаю» *(РМ)*. [5] *РМ;* въ *Т* «себѣ». [6] *РМ;* въ *Т:* «больше ты».

Недавно я и самъ письмо послалъ отселѣ,
Въ которомъ я просилъ тебя о важномъ дѣлѣ.
Ахъ! естьли бъ на себя ты трудъ хотѣлъ принять,
И обстоятельствы. . .

МЕНАНДРЪ.

Я не могу понять,
Зачѣмъ ты здѣсь живешь. Что здѣлалось съ тобою?
Спѣши скорѣй отсель ты выѣхать со мною:
Не должно ли тебѣ за чинъ благодарить? . . .

КОРІОНЪ.

За чинъ! . . . Но онъ меня не можетъ веселить.
Отъ дружбы я твоей тово не сокрываю,
Что къ прежней жизни я весь вкусъ уже теряю[1]:
Противенъ городъ мнѣ, и дворъ, и весь сей свѣтъ:
Они наполнены премножествомъ суетъ.
Я отвращенье къ нимъ жестокое имѣю;
Доволенъ буду я судьбиною моею,
Когда останусь здѣсь въ спокойствіи[2] весь вѣкъ
И буду отъ суетъ свободный человѣкъ.

МЕНАНДРЪ.

Я долженъ твоему намѣренью дивиться:
Прилично ли тебѣ отъ свѣта удалиться,
Когда уже нашолъ ты щастіе свое? . . .
Не безразсудно ли намѣренье сіе?
Всѣ тѣ, которые ево предпринимаютъ,
Нерѣдко[3] со стыдомъ его уничтожаютъ:
Оставя свѣтъ, сперва скучаютъ мыслью сей;
За скукой идетъ грусть, раскаянье за ней—

---

[1] *РМ;* въ *Т:* «весь вкусъ уже я теряю». [2] *РМ;* въ *Т:* «въ покойствіи».
[3] *РМ;* въ *Т:* «Оставя».

И послѣ въ свѣтъ вступить желаньи вновь родятся,
А возвратясь, они смѣшными становятся.
Скоряя всѣхъ тово свѣтъ можетъ позабыть,
Который въ немъ ничѣмъ не могъ доволенъ быть.
Довѣренность его и щастье пропадаетъ:
Онъ — свѣтъ, а свѣтъ ево оставить предпримаетъ.
Тогда онъ отстаетъ отъ мѣста своево,
Гдѣ могутъ обойтись легко и безъ нево;
Потомъ занять ево хоть мысль опять приходитъ[1],
Но мѣсто прежнее онъ занятымъ находитъ.
Скажи мнѣ: чтобъ какой снискать душѣ своей,
Оставить должно ль свѣтъ и бѣгать отъ людей?
Разумный человѣкъ, которому природа
Велѣла въ обществѣ для пользы быть народа[2],
Оставить должности не хочетъ никогда,
И, гдѣ велитъ долгъ жить, онъ тамъ живетъ всегда:
Хоть при дворѣ жить вѣкъ судьба ево приводитъ,
Уединенье онъ среди двора находитъ;
И естьли иногда онъ такъ захочетъ жить,
На тотъ часъ можетъ онъ всю пышность отложить,
Не помышлять о томъ, что важно и полезно,
И видѣть только то, что есть ему любезно.
Но ты мнѣ искренно скажи, любезный другъ:
Какая темна мысль тебя объяла вдругъ?
И ежели тебя о томъ спросить я смѣю[3],
Печаль? . . .

КОРІОНЪ.

Я никакой печали не имѣю,
И мнѣ еще къ тому притчинъ ни малыхъ нѣтъ.

---

[1] «Потомъ занять его опять хоть мысль приходитъ» (*РМ*). [2] *РМ;* въ *Т:* «быть для пользы народа». [3] «И ежели о томъ спросить тебя я смѣю» (*РМ*).

Менандръ.

Такъ для чево жъ тебѣ противенъ нынѣ свѣтъ?
Хоть нравы у людей и стали повреждении,
Однако мы нашъ вѣкъ жить съ ними принужденны.
Мы должны завсегда покорны быть судьбѣ —
Послѣдовать сему совѣтую тебѣ,
И убѣгать людей притчины я не вижу.

Коріонъ.

Я ихъ, любезный другъ, и самъ не ненавижу;
Современникомъ[1] я могу ли быть злодѣй?[2]
Могу ль я быть въ числѣ превратныхъ тѣхъ людей[3],
Которые безъ винъ, безъ права, безъ притчины
Злословятъ весь сей свѣтъ до самой ихъ кончины?
Хулитель таковой съ излишествомъ суровъ:
Развратны люди есть; но всякой ли таковъ?
Я много разъ бывалъ и самъ[4] тому свидѣтель,
Что многими еще хранится добродѣтель[5].
Имѣлъ притчину я людей не презирать
И узы общества усердно почитать;
И никогда не зналъ такихъ веселій злобныхъ,
Чтобъ огорчать, язвить и гнать себѣ подобныхъ.

Менандръ.

Къ чему же убѣгать ты свѣта принужденъ?

Коріонъ.

Но что бъ ты здѣлалъ самъ? Я къ скукѣ осужденъ,
Тоскою пораженъ, страдаю и крушуся,
И уже самъ себѣ я въ тягость становлюся:

---

[1] «Современникамъ» *(РМ)*. [2] *РМ;* въ *Т:* «могу ли быть я злодѣй?». [3] *РМ;* въ *Т* испорчено. [4] «И самъ бывалъ» *(РМ)*. [5] *РМ;* въ *Т* испорчено.

Хочу отъ свѣта скрыть навѣки я тово,
Который въ немъ лишенъ спокойства своево[1].
Не будь встревоженъ ты, мой другъ, моимъ отвѣтомъ:
Скучаетъ мною свѣтъ, а я скучаю свѣтомъ.
Пришло то время, чтобъ я тѣхъ забавъ бѣжалъ,
Которы я любилъ, которы обожалъ.
Ихъ жизни нашея считалъ я красотою
И[2] ихъ же я теперь считаю суетою:
Они стремятся насъ спокойствія лишать,
Но[3] онаго опять не могутъ возвращать.
Теченіе сусетъ на колесо похоже,
Которое глазамъ всегда представитъ тоже.
Обманомъ, хитростью и лестью полонъ свѣтъ,
Убѣжища отъ нихъ нигдѣ намъ больше нѣтъ!
Мнѣ самымъ опытомъ то все извѣстно стало,
И въ свѣтѣ ко всему желаніе пропало,
Я въ пышной суетѣ всю жизнь мою провелъ;
Все видѣлъ, все вкусилъ, узналъ, пересмотрѣлъ:
Уже ничто меня на свѣтѣ не прельщаетъ;
Ничто опять меня въ нево не возвращаетъ;
Ничѣмъ отъ мыслей сихъ не буду отведенъ
И здѣсь останусь жить, отъ свѣта удаленъ. . . .

Менандръ.

Питая грусть, тоску, отчаянье презлое?
Ты хочешь оправдать намѣренье такое?
Но всѣ ли ты вкусилъ блаженствы[4] жизни сей?
Достигнуть ихъ и знать во власти есть твоей —
Старайся ихъ вкусить и ими наслаждаться.
Къ чему тебѣ грустить? Къ чему тебѣ терзаться?
И[5] не въ отчаяньѣ ль ты мнѣ теперь сказалъ,
Что ты на свѣтѣ всѣ веселіи узналъ?

---

[1] «спокойствія всего» *(РМ)*. [2] Слово «И» внесено изъ *РМ*. [3] «И» *(РМ)*. [4] *РМ;* въ *Т:* блаженство». [5] Слово «И» внесено изъ *РМ*.

Но только ль то одно блаженство составляетъ,
Во что насъ молодость слѣпая привлекаетъ?
Иль кромѣ тѣхъ страстей, что̀ свойство юныхъ[1] лѣтъ,
Другова щастія на свѣтѣ смертнымъ нѣтъ?
Но естьли будемъ мы разсудка слушать болѣ,
Другое мы найдемъ своимъ желаньямъ поле;
Не будутъ наши въ томъ стараніи вотще.
Повѣрь, любезный другъ: мы не жили еще.
Какъ скоро обществу служить намъ время стало,
Съ тѣхъ поръ и жизни мы должны щитать начало.
Кто къ общей пользѣ всѣ стараньи приложилъ[2]
И къ славѣ своево отечества служилъ,
Тотъ въ жизнь свою вкусилъ веселіе прямое:
Веселье для нево не можетъ быть иное,
Какъ то, о коемъ онъ старался весь свой вѣкъ,
Чтобъ жить и умереть, какъ честной человѣкъ. . . .
Не внемлешь словъ моихъ и очи отвращаешь?

Коріонъ.

Ты съ здравымъ разумомъ согласно мнѣ вѣщаешь;
Но чувство побѣдить уже не можетъ онъ;
Разсудокъ чувствію не дѣлаетъ препонъ.
Ступай ты тѣмъ путемъ, по коимъ за тобою
Итти было и мнѣ назначено судьбою.
Но, ахъ! мнѣ больше жить уже надежды нѣтъ!
Ты[3] тщетной[4] мнѣ даешь, любезный другъ, совѣтъ;
Ты тщетно нову жизнь представить мнѣ желаешь
И щастье новое ты мнѣ изображаешь:
Нѣтъ больше для меня веселья и забавъ,
И сталъ совсѣмъ не тотъ, какъ прежде былъ, мой[5] нравъ.

---

[1] *PM;* въ *T* испорчено: «двухъ». [2] «Кто къ общей пользѣ самъ старанье приложилъ» *(PM)*. [3] *PM;* въ *T:* «То». [4] «тщетно» *(PM)*. [5] *PM;* въ *T* пропущено слово: «мой».

Менандръ.

Сколь[1] много мысль твоя отъ истинны далека!
Погрѣшность такова безславитъ человѣка.
Но естьли бъ свѣта ты и долженъ былъ бѣжать,
Такъ нужно ль для тово и жизнь свою скончать?
Кто знаетъ разсуждать, тотъ самъ собой доволенъ,
Жить можетъ, отъ суетъ собою самъ уволенъ,
И, отвращеніе имѣя къ жизни сей[2],
Не скучитъ никогда онъ долею своей.
А чтобы всякой быть доволенъ могъ судьбою,
То надобно умѣть довольнымъ быть собою.
Желаніе сіе имѣя, человѣкъ
Въ уединеньѣ жить не долженъ весь свой вѣкъ[3];
Онъ долженъ раздѣлить свой вкусъ поперемѣнно:
То жить во обществѣ, то жить уединенно.
И ежели ты здѣсь побольше поживешь,
Желанье видѣть свѣтъ ты самъ въ себѣ найдешь.
Премѣна такова бываетъ часто нравамъ:
Отдыхновеніе должно быть и забавамъ[4]:
Они становятся нерѣдко въ тягость намъ.
Примѣромъ быть сему теперь ты можешь самъ:
Ты долженъ всѣхъ забавъ на нѣсколько лишиться,
Чтобъ къ нимъ желаніе опять могло родиться.
И только отъ тово нещастливымъ ты сталъ,
Что ты уже и самъ быть щастливымъ усталъ.
Ты хочешь повторить слова свои конечно,
Что нельзя побѣдить[5] намъ чувствіе сердечно?
Но я такую мысль совѣтую забыть:
Какими хочемъ мы, такими можемъ быть[6],

---

[1] «Какъ» *(РМ)*. [2] «И отвращеніе имѣвъ отъ жизни сей» *(РМ)*. [3] «Въ уединеньи жить не можетъ весь свой вѣкъ» *(РМ)*. [4] «Отдохновеніе быть должно и забавамъ» *(РМ)*. [5] Въ *РМ* и *Т*: «побудить». [6] «Какимъ захочемъ мы, такимъ и можемъ быть» *(РМ)*.

Разсудокъ чувствіе свободно одолѣетъ;
Надъ сердцемъ человѣкъ власть полную имѣетъ.
Прошу тебя, мой другъ, скажи мнѣ: отчево
Не хочешь слушать словъ ты друга своево,
Котораго къ тебѣ усердье непремѣнно?
Скажи мнѣ наконецъ, скажи мнѣ откровенно:
Чево недостаетъ къ спокойству твоему
И чѣмъ могу служить я другу своему?
Я раздѣлю мое имѣніе съ тобою.

Коріонъ.

Я искренностію обязанъ таковою;
Но ты узнаешь самъ, что я не расточилъ
Тово, что я себѣ въ наслѣдство получилъ.

Менандръ.

Ты болея[1] меня въ смущеніе приводишь.
Какую же грустить притчину ты находишь?

Коріонъ.

Чтобъ отогнать скоряй печальны мысли прочь,
Уединеніе въ томъ можетъ мнѣ помочь:
Прошу тебя, мой другъ, сокройся ты отселѣ
И помоги мнѣ[2] въ томъ начатомъ мною дѣлѣ,
О чемъ ты изъ письма узнаешь моево:
Спокойство состоитъ въ томъ друга твоево.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Менандръ *(одинъ)*.

Мнѣ подозрительно спокойствіе такое.
Конешно, принялъ онъ намѣреніе злое.

---

[1] «Болѣе» *(РМ)*. [2] «И помоги ты» *(РМ)*.

Въ отчаяньи, тоскѣ, вздыхая и стеня,
Онъ, тайны не открывъ, сокрылся отъ меня.
Я самъ въ смущеніи жестокомъ здѣсь оставленъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Менандръ, крестьянинъ.

Крестьянинъ.

Я къ вашей милости съ письмомъ въ Москву отправленъ,
Однако здѣсь въ близи, по щастью моему,
Сказали мужики на первомъ мнѣ яму,
Что ты-сто мимо ихъ къ намъ ѣхать торопился,
Такъ для тово и я назадъ-сто воротился.

Менандръ.

Подай скоряй письмо. Поди отсюда вонъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Менандръ *(одинъ)*.

Узнаю, отчево нещастливъ Коріонъ.
(Читаетъ).
«Ты жизни былъ моей, любезный другъ, свидѣтель;
«Ты зналъ Зеновіи любовь и добродѣтель;
«Ты знаешь наконецъ предъ ней мою вину,
«За что я самъ себя въ раскаяньи кляну.
«Я къ смерти подалъ ей невѣрностью причину.
«Но естьли рокъ ея остановилъ кончину
«И естьли ты найдешь еще въ живыхъ ее[1],

---

[1] *РМ;* въ *Т* вмѣсто этихъ двухъ стиховъ одна строка: «Но естьли ты найдешь еще въ живыхъ ее».

«Вручи ты ей, мой другъ, богатство все мое;
«Увѣрь ее, что я въ раскаяньи страдаю
«И что съ любовью къ ней я душу испускаю.
«Приходитъ время мнѣ оковы разорвать....
«Какъ станешь ты, мой другъ, письмо сіе читать,
«Уже тогда мой духъ отъ тѣла отлучится».
Онъ самъ себѣ, увы! убійцей становится!
Ударъ сей долженъ быть скоря отвращенъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Менандръ, Коріонъ *(выходитъ съ смущеннымъ видомъ).*

Менандръ *(обнявъ его).*

Возьми ты сей залогъ, чѣмъ духъ мой возмущенъ.
Жестокой! Все твое притворство мнѣ открылось.

Коріонъ.

Когда же отъ тебя ничто не утаилось,
Жалѣй меня, мой другъ! О, какъ сталъ бѣденъ я!
Уже несносна мнѣ нещастна жизнь моя.
Хоть то я отъ тебя скрывалъ и притворялся,
Однако внутренно я болея терзался.
Весь свѣтъ, къ которому привязанъ я судьбой,
Возненавидѣлъ я, гнушаясь самъ собой.
Отчаянье во мнѣ столь сильно вкоренилось,
Что больше въ свѣтѣ жить желанье истребилось:
Разсудокъ, чувствіе и сердце мнѣ мое
Велятъ скоряй скончать нещастно бытіе.
Не должно ль намъ желать скоряй своей кончины,
Когда даны судьбой намъ слабости едины?
Когда и жизнь сама намъ скукой можетъ быть,

Не должно ль намъ хотѣть скоряй ее избыть?[1]
Мнѣ кажется, что тѣ чрезмѣрно[2] малодушны,
Которые во всемъ судьбѣ своей послушны,
Которые оковъ не смѣютъ разорвать:
Нещастной долженъ знать, какъ должно умирать.

Менандръ.

Тебя твоя тоска въ безуміе ввергаетъ,
Которое[3] мой духъ мятетъ и ужасаетъ.
Иль созданъ ты на свѣтъ лишь только для себя
И общество еще не требуетъ тебя?
Богатство, время, жизнь, что ты своимъ щитаешь,
Тебѣ не надлежитъ[4], ты мыслью погрѣшаешь:
Ты долженъ посвятить отечеству свой вѣкъ,
Коль хочешь навсегда быть честной человѣкъ.
Иль никуды тебя твой долгъ не призываетъ?
Молчаніе твое сильняй меня терзаетъ.

Коріонъ.

Поняти не могу я долгу своево:
Я въ обществѣ совсѣмъ не значу ничево:
Когда часть слабая захочетъ отдѣлиться,
Такъ можетъ ли чрезъ то вредъ цѣлому случиться?
Не буду никакой подверженъ я винѣ....
Что было до меня, то будетъ и по мнѣ.
И многихъ таковыхъ намѣреніе строго —
Окончить жизнь свою, свѣтъ трогаетъ немного.

Менандръ.

Жестокой! продолжай такъ[5] ложно разсуждать
И истинны въ своихъ погрѣшностяхъ искать!

---

[1] «Не должно ль намъ скоряй ево забыть?» *(РМ)*. [2] «безмѣрно» *(РМ)*. [3] *РМ;* въ *Т:* «Которая». [4] «не надлежатъ» *(РМ)*. [5] «столь» *(РМ)*.

Но естьли въ свѣтѣ тебя ничто не привлекаетъ,
Неужели твой духъ и дружбу презираетъ?

Коріонъ.

О, гнѣвная судьба! Къ чему я приведенъ!
Отъ свѣта я всего желаю быть забвенъ!

Менандръ.

Когда же дружество мое съ тобой[1] презрѣнно,
Когда оно твоей взаимности лишенно,
По крайней мѣрѣ, та нѣжнѣйшая любовь,
Которая въ тебѣ усилилася вновь,
Остановитъ твое намѣреніе злое.
Должна ль любовь вселять отчаянье такое?
Или не хочешь ты Зеновіи искать?...

Коріонъ.

Ты хочешь болѣе еще мой духъ терзать?
Не говори ты мнѣ о сей нѣжнѣйшей страсти!
Я самъ притчиною былъ общія напасти:
Любовь ея къ себѣ измѣной заплатилъ
И щастіе ея въ злу горесть превратилъ.
Теперь я самъ себя за то возненавидѣлъ
И, естьли бъ я ее, любезный другъ, увидѣлъ,
Возможно ль мнѣ еще достойнымъ быть ея?
Прерву, прерву скоряй нещастно бытіе!
Ахъ! можешь ли, мой другъ, ты то себѣ представить,
Какъ могъ я нѣжную любовницу оставить?
Но знаю ль я то самъ? Я вѣкъ[2] въ порокахъ жилъ[3]
И щастія тово ничѣмъ не заслужилъ,
Которо намъ даетъ любовь и добродѣтель.

---

[1] «тобой» *(РМ)*. [2] «въ вѣкъ» *(РМ)*. [3] *РМ;* въ *Т:* «слылъ».

О, мой любезной другъ! ты былъ тому свидѣтель,
Какъ ею былъ любимъ, какъ я ее любилъ,
Какъ я ее своей измѣной погубилъ;
Какъ добродѣтелью я строгой огорчился
И какъ отъ прелестей Зеновьи удалился.
Я оскорбилъ чрезъ то и самую любовь,
Которая теперь меня[1] терзаетъ вновь.
Забывъ Зеновію, я выѣхалъ спокоенъ:
Ахъ! могъ ли я тогда быть слезъ ея достоенъ,
Которы обо мнѣ нещастная лила?
Любовь награждена измѣною была!
Зеновія чрезъ то такъ много огорчилась,
Что скоро изъ Москвы сама она сокрылась
И, можетъ быть, мой другъ, на свѣтѣ нѣтъ ея:
Вотъ вся моя напасть! Вотъ бѣдствіе[2] мое!
Но какъ уже опять я въ городъ возвратился,
Объяла мною грусть, и духъ мой возмутился.
И, не нашедъ ее, страдаю и грущу,
Кляну судьбу мою и смерти я ищу.
Лишь тѣмъ вину хочу лишь нѣсколько поправить[3],
Что я намѣренъ ей богатство все оставить.
Что дѣлать мнѣ еще?[4] Скажи мнѣ, научи....

Менандръ.

Сыскать ее ты мнѣ старанье поручи[5].

Коріонъ.

Стараніе твое все будетъ безполезно.
Не буду зрѣть тебя, сокровище любезно!
Надежду всю мою лютѣйшій рокъ пресѣкъ!
Не буду зрѣть тебя, Зеновія, во вѣкъ!

---

[1] «Которая меня теперь» (*РМ*). [2] *РМ;* въ *Т:* «безпокойствіе». [3] «Лишь тѣмъ хочу вину хоть нѣсколько поправить» (*РМ*). [4] *РМ;* въ *Т* нѣтъ слова: «еще». [5] «Сыскать ты мнѣ ее старанье поручи» (*РМ*).

Меня съ тобою все на свѣтѣ разлучаетъ....
Я вижу, что ко мнѣ смерть люта приступаетъ,
Готовитъ мнѣ ударъ, стремится поразить!
Ахъ! можешь ли ты то себѣ вообразить,
Что представляется мнѣ въ разумъ расточенный?
Какую казнь сулитъ мнѣ рокъ ожесточенный!
Терзаютъ томной духъ ужасныя мечты!
Зеновія, увы! куды сокрылась ты?
Почувствуй скорбь мою и сжалься надо мною! . . .
Но сжалился ли я, жестокой, надъ тобою,
Когда слезъ горькихъ токъ изъ глазъ твоихъ былъ литъ?

Менандръ.

Она твою вину, любезный другъ, проститъ,
Какъ скоро о твоемъ раскаяньѣ узнаетъ:
Погрѣшности такой всегда любовь прощаетъ.
Ты можешь провести спокойно съ нею вѣкъ....

(Андрей входитъ).

Коріонъ.

Презлополучный я на свѣтѣ человѣкъ!...
Оставь нещастнаго самимъ собой стыдиться
Который вдругъ тебя и любитъ, и боится.

Менандръ.

Оставить можно ли[1] мнѣ друга своево?

(Хочетъ итти).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Менандръ, Андрей.

Андрей *(останавливая Менандра).*

Постойте....

---

[1] «должно ли» *(PM).*

Менандръ.

Я иду....

Андрей.

Не бойтесь ничево.
Не страшны намъ ево грозящіе отвѣты:
Я шпагу взялъ къ себѣ и прибралъ пистолеты,
И, словомъ, отъ нево я все то отобралъ[1],
Что онъ себѣ къ своей погибели искалъ.
Осталось одново лишь только намъ желати,
Чтобъ не продлилася ево тоска.... А, кстати!
Мы должны поскоряй нашъ кончить разговоръ:
Теперь та взъѣхала карета къ намъ на дворъ[2],
Которую вы здѣсь недавно обогнали.
Конешно, небеса нарочно ихъ прислали,
Чтобъ чудо славное надъ нами здѣсь явить
И чтобъ покойника скоряя воскресить.
Надѣюсь, кажется, тово не безъ притчины,
Что прежде своея воскреснетъ онъ кончины.
Идутъ.... Вы видите, что я не обманулъ...
А я теперь пойду на прежней караулъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Зеновія, Менандръ.

Менандръ.

Что вижу? О, судьба! не льстишь ли мнѣ мечтою?
Зеновія! тебя ль я вижу предъ собою?

Зеновія.

Сей радостный восторгъ, скажи, Менандръ, къ чему
Въ тотъ часъ, какъ жду конца я року моему?[3]
Какую я, увы! премѣну обрѣтаю!

---

[1] «все то я обобралъ» *(РМ)*. [2] «карета намъ на дворъ» *(РМ)*. [3] «своему» *(РМ)*.

Насилу на тебя я[1] взоръ свой обращаю!
Но прежде, нежели мнѣ рокъ мой[2] злобенъ сталъ,
Я знаю, что меня ты много почиталъ.
Еще ль въ тебѣ, Менандръ, тѣ мысли обитаютъ?
Нерѣдко безъ вины нещастныхъ обвиняютъ,
И, можетъ быть, меня готовъ ты обвинить?

Менандръ.

Ахъ, нѣтъ, Зеновія! Престань ты слезы лить:
Награда сей любви назначена судьбиной —
Сей день быть долженъ вамъ веселія притчиной.

Зеновія.

Что слышу я теперь?

Менандръ.

Раскаясь, Коріонъ. . . .

Зеновія.

Ахъ! можно ль, чтобъ еще былъ страстенъ мною онъ?
Прелестная мечта! . . .

Менандръ.

Ты кончишь всѣ напасти:
Мой другъ сильняй еще подверженъ нѣжной страсти.

Зеновія.

Дай въ чувство мнѣ приттить! Ты жизнь мнѣ возвратилъ.
Какое слабый духъ веселье ощутилъ!
Вся жизнь моя была подобна смерти лютой;
Казался всякой день послѣдней мнѣ минутой.
Не льстишь ли ты, Менандръ?

---

[1] «ни» (*РМ*). [2] «мой рокъ мнѣ» (*РМ*).

Менандръ.

Вѣрь сердцу моему.
Тобою онъ любимъ, и ты мила ему. . . .
Но чѣмъ въ сіи мѣста ты стала привлеченна?

Зеновія.

Влекла меня сюда судьбина раздраженна.
Хотя уже меня надежды онъ лишилъ,
Однако тѣмъ во мнѣ любви не уменьшилъ:
Лишась надежды, я ево еще любила[1]
И только для тово себя не погубила,
Что не могла ево изгнать изъ сердца вонъ.
Ты помнишь, какъ меня оставилъ Коріонъ:
Оставилъ онъ меня злымъ горестямъ на жертву,
Терзаему тоской, почти оставилъ мертву;
Сокрылся, погасивъ[2] любви нѣжнѣйшей жаръ.
Но скоро мнѣ другой готовился ударъ:
Въ то время самое я матери лишилась —
Вотъ для чево, Менандръ, сюда я удалилась.
Въ уединеньи здѣсь я съ сродницей моей[3]
Провесть оставши дни хотѣла жизни сей;
Но, ахъ! и тутъ нашла спокойствію[4] препону:
Сосѣднія мѣста подвластны Коріону.
Они, сильняй еще мой духъ терзая[5] вновь,
Представили на мысль мнѣ прежнюю любовь.
Я часто по полямъ здѣсь въ горести ходила —
Вездѣ ево, вездѣ я образъ находила!
А чтобъ тоску мою хоть мало утолить,
Я сколько разъ мѣста хотѣла премѣнить;
Но нѣкая тому противилася сила,

---

[1] «я еще его любила» *(PM)*. [2] «погасилъ» *(PM)*. [3] «своей» *(PM)*. [4] «спокойствія» *(PM)*. [5] «терзаютъ» *(PM)*.

Котора въ сихъ мѣстахъ меня остановила.
Три года я жила здѣсь, плача и стеня. . . .
Но вдругъ смущеніе объяло вновь меня:
Терзался томный духъ и сердце трепетало,
Какъ мнѣ прибытіе ево извѣстно стало.
Еще невѣрному желаю я предстать,
Въ послѣдній разъ «навѣкъ прости!» ему сказать,
И естьли не могу тронуть ево слезами,
То мертвую меня онъ узритъ предъ глазами.
Но что мы медлимъ здѣсь? Пойдемъ скоряй къ нему,
Чтобъ возвратилъ покой онъ сердцу моему.

Менандръ.

Ты будешь щастлива, — останься въ сей надеждѣ:
Съ горячностью тебя онъ любитъ такъ, какъ прежде.
Но должно напередъ мнѣ то ему сказать,
Что хочетъ предъ него любезная предстать:
Отчаянье ево такъ сильно поразило! . . .
Я послѣ разскажу все, что происходило.
Теперь уже тебѣ притчины нѣтъ тужить:
Любовью онъ свой вѣкъ спокойно будетъ жить. . .
Свиданье ваше я съ досадой отлагаю.

Зеновія.

Я медленность сію довольно понимаю. . . .
Жестокой! ты мнѣ льстишь: еще не вѣренъ онъ! . . .

Менандръ.

Но естьли то сказать, что дѣлалъ Коріонъ
Для утвержденія спокойства твоево,
Не будешь обвинять ты болѣе ево. . . .
Оставь меня спѣшить желанною минутой.

Зеновія.

Не мучь меня, Менандръ, сей медленностью лютой!
Тебѣ вручаю я все щастіе мое,
Надежду положивъ на дружество твое.
Я буду жизнь мою такъ долго ненавидѣть,
Покамѣсть не могу любовника увидѣть.

конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Коріонъ.

Свершилось все теперь: часъ смерти мнѣ насталъ!
Тотъ ядъ, который я безъ ужасу пріялъ[1],
Спокойной смертію всѣ чувствы покрываетъ
И бреніе сіе въ сонъ вѣчный повергаетъ.
Ни совѣсть, ни печаль мой разумъ не мятетъ:
Невольникъ виненъ ли, когда оковы рветъ?
Судью, что днесь меня въ нощь[2] мрачну ожидаетъ,
И другомъ, и отцомъ природа вся щитаетъ.
Безсмертная душа, Его щедротой льстясь,
Въ объятье отчее стремится, не страшась.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Коріонъ, Менандръ.

Менандръ.

Мой другъ, ты всѣ мои стараньи презираешь.
Къ чему ты отъ меня, къ чему ты убѣгаешь?

---

[1] «принялъ» *(РМ)*. [2] «ночь» *(РМ)*.

Я тщетно цѣлый часъ вездѣ тебя искалъ;
Нашедъ тебя, опять мой духъ спокоенъ[1] сталъ.
Ты больше чувствовать не будешь грусти бремя:
Теперь способное къ тому настало[2] время,
Чтобъ сердцу твоему спокойство принести.

Корiонъ.

Прости, любезный другъ! Въ послѣднiй разъ прости!

Менандръ.

Что слышу я еще? Твой духъ опять мятется?

Корiонъ.

Какъ скоро отъ меня душа моя возьмется,
И естьли зритъ еще Зеновiя сей свѣтъ,
Исполнь, о чемъ просилъ. . . .

Менандръ.

Она еще живетъ.
Не презри дружества, не презри страсть нѣжнѣйшу,
Старайся утолить ты горесть прелютѣйшу!
Скажи мнѣ: естьли вдругъ предстанетъ предъ тебя
Любезная твоя, еще тебя любя,
Въ томъ образѣ, какъ ты плѣнился прежде ею,
Какъ вѣрнымъ быть клялся ты жизнею своею,—
Скажи мнѣ: естьли ты теперь увидишь ту,
Которой обожалъ любовь и красоту,
И ежели она вину твою забудетъ
И съ равною къ тебѣ любовiю пребудетъ,—
Что въ случаѣ такомъ ты думаешь начать?

---

[1] «покоенъ» *(РМ)*. [2] «осталось» *(РМ)*.

Еще ль не отмѣнишь ты жизнь свою[1] скончать?
И слѣдуя опять намѣренію злому,
Противиться ль начнешь ты щастію такому[2],
Чтобъ страстію сердца взаимно наполнять,
Желанье, щастье, жизнь съ любезной раздѣлять?

Коріонъ.

Ты знаешь, чѣмъ вину намѣренъ я исправить,
Когда бы рокъ хотѣлъ въ живыхъ ее оставить.
Престань, любезный другъ, престань о мнѣ жалѣть:
Хотя она жива, мнѣ должно умереть!
Мнѣ должно умереть! Я твердъ въ своемъ обѣтѣ.
Не вѣрю, чтобъ была Зеновія на свѣтѣ.

Менандръ.

Теперь повѣришь ты, мой другъ, моимъ рѣчамъ:
Предстань, Зеновія, предстань его очамъ!

Коріонъ.

Зеновія! . . . Что зрю! . . . Не сонъ ли льститъ мнѣ ложно?
Я зрю Зеновію. . . . Какъ быть тому возможно?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Зеновія, Коріонъ, Менандръ.

Зеновія.

Возможно быть тому, когда, въ своей винѣ
Признаясь, отдаешь опять ты сердце мнѣ.
Еще тебѣ судьба велѣла ту увидѣть,
Котора не могла тебя возненавидѣть. . . .

---

[1] «твою» *(РМ)*. [2] «ты счастію таковому» *(РМ)*.

Не внемлешь словъ моихъ и очи отвратилъ?
Менандръ! ты, сердцу льстя, сильняй меня сразилъ.

Коріонъ.

Къ прощенію вины надежду тотъ теряетъ,
Ково на свѣтѣ все согласно обвиняетъ.
Хотя бы ты, мою свирѣпость извиня,
Помыслила простить, дражайшая, меня,
Я самъ себѣ тово злодѣйства не прощаю,
Я казни за нево лютѣйшей ожидаю.
Уже готовъ конецъ жестокостямъ моимъ:
Я стою ли тово, чтобъ быть когда твоимъ?

Зеновія.

Жестокости твои хотя меня крушили,
Но, ахъ! они во мнѣ любви не уменьшили.

Коріонъ.

Престань о мнѣ жалѣть для счастья твоево!
Узнала страсти всѣ ты сердца моево.
Когда бъ судьба моя съ твоей соединилась,
Печальный бы мой нравъ ты видя, сокрушилась.

Зеновія.

Кто тѣмъ любимъ, къ кому питаетъ въ сердцѣ страсть,
Тово не устрашитъ и самая напасть.
Въ печали бы тебя утѣшить я старалась,
Веселіемъ сама твоимъ бы утѣшалась[1].
А естьли грусть твою не можно побѣдить,
Я стала бы сама съ тобой ее дѣлить;

---

[1] «Веселіемъ твоимъ сама бы утѣшалась» *(РМ)*.

Желаніи твои считала бъ за уставы
И презрила бы я[1] на свѣтѣ всѣ забавы.
Зеновія съ тобой счастлива можетъ быть.

Коріонъ.

Надежду сладкую мнѣ должно истребить!
Въ тотъ часъ, когда бъ я могъ быть щастливъ несравненно,
Мнѣ жизнь мою скончать судьбой опредѣленно;
Какъ должно радостью наполнить намъ сердца,
Я жду себѣ тогда лютѣйшаго конца.

Зеновія.

Какое варварство еще ты предпримаешь?
Какія лютости ты мнѣ приготовляешь?
Что слышу отъ тебя? . . . Жестокой, утуши
Смущеніе моей прискорбныя души!
Когда бъ тобой любовь не такъ владѣла мало,
Намѣренье твое меня бъ не возмущало:
Тогда бы жизнь свою ты болея любилъ,
Смертельную бъ тоску изъ сердца истребилъ.
Блаженство нашихъ дней любовь опредѣляетъ
И новую совсѣмъ въ насъ душу полагаетъ.
Ты знаешь, что двоихъ согласіе сердецъ
Судьбиною на тотъ устроено конецъ,
Чтобъ смертные чрезъ то всѣ бѣдствы услаждали,
Страданіи свои весельемъ награждали,
Чтобъ тѣмъ себѣ могли[2] спокойствіе принесть,
Украсить жизнь свою и щастье пріобрѣсть.

Коріонъ.

Какъ сердце горестнымъ отчаяньемъ терзалось,
Тогда мнѣ щастія сего не представлялось[3].

---

[1] «И презирала бы я» *(РМ)*. [2] «Чтобъ тѣмъ могли себѣ» *(РМ)*. [3] «не появлялось» *(РМ)*.

Но, ахъ! когда тебя въ послѣдній вижу разъ,
Какая вдругъ теперь завѣса спала съ глазъ!
Все въ свѣтѣ мракъ скрывалъ; все нову жизнь примаетъ
И въ туже бездну все возвратно упадаетъ!
Любовью, ужасомъ мой духъ наполненъ сталъ:
Я чувствую, что мнѣ лютѣйшій часъ насталъ[1].
Что здѣлалъ я, увы! что сдѣлалъ я съ собою!
Зеновія! навѣкъ разстанусь[2] я съ тобою.
Бѣги ты варвара! . . .

Зеновія.

За всю нѣжнѣйшу страсть,
Жестокой, ты одну готовишь мнѣ напасть!
И ненависть твоя ко мнѣ не утаилась:
Ты хочешь, чтобы я отъ глазъ твоихъ сокрылась!
(Выходя).
А ты къ чему, Менандръ, къ чему нещастной льстилъ?

Коріонъ *(останавливая ее и бросясь на колѣни).*

Постой, дражайшая! Онъ правду говорилъ:
Какъ я тебя люблю, сильняй любить не можно.
Коль клялся онъ о томъ, то клялся онъ неложно.
Прости, Зеновія, прости мою вину!
Злодѣйство то теперь у ногъ твоихъ кляну,
Которо отъ тебя къ нещастью удаляло
То сердце, что тебѣ навѣкъ принадлежало.
Но естьли я еще въ глазахъ твоихъ злодѣй,
Такъ вѣдай, что отмстилъ я лютости моей.
Любовь сего часа къ отмщенью ожидала. . . .

---

[1] «Я чувствую, что мнѣ рокъ лютости насталъ» *(РМ)*. [2] «разстался» *(РМ)*.

Зеновія.

Какая темна мысль еще тебя объяла?

Коріонъ.

Ахъ! что тебѣ, ахъ! что, жестокой говорю!
Я въ щастіи моемъ отчаяніе зрю!
Возобновила жаръ любовь во мнѣ напрасно:
Терзаетъ грудь мою раскаянье ужасно.
Открылось поздно мнѣ пространство той мечты,
Въ которую меня повергли суеты.
Ахъ! гдѣ скрывалась ты? Куда мой разумъ скрылся?
Какою злобою мой лютый рокъ свершился?

Зеновія.

Престань прошедшее нещастье вспоминать.
Могу ли я тебя виновнымъ почитать,
Когда въ раскаяньи страдаешь предо мною
И хочешь съединить мою съ своей[1] судьбою?
Но, ахъ! когда тебѣ въ томъ щастьѣ нѣтъ препонъ,
Къ чему ты слезы льешь, любезный Коріонъ?

Коріонъ.

О, щастье суетно! ты съ ужасомъ смѣшенно[2].
О, сердце бѣдное! надежды ты лишенно.
Забудь ты варвара, драгая, навсегда!
Я больше зрѣть тебя не буду никогда:
Рокъ лютый разлучитъ меня съ тобою грозно! . . .
Увидѣлъ я тебя, но, ахъ! увидѣлъ поздно!
Не знаешь ты всѣхъ бѣдствъ. . . . Въ сію лютѣйшу ночь
Навѣки отъ меня мой духъ возьмется прочь. . .
Узнай отчаянья лютѣйшаго притчину!

---

[1] «съ твоей» *(РМ)*. [2] «сплетенно» *(РМ)*.

Оплачь, оплачь мою нещастную кончину,
Къ чему привелъ себя я лютостію самъ!
Несносенъ я землѣ, противенъ небесамъ!

(Отдавая Зеновіи письмо, писанное къ Менандру).

Вотъ что любовь моя тебѣ[1] приготовляла,
Когда моя душа въ раскаяньи страдала.

Зеновія *(читаетъ).*

Что вижу я? Умѣрь ты грусть мою[2], умѣрь!
Что здѣлать ты хотѣлъ?

Коріонъ.

Свершилось все теперь,
И помощи нигдѣ найти уже не чаю:
Я выпилъ лютый ядъ и смерти ожидаю.

Зеновія.

Увы! . . .

Менандръ.

Нещастный другъ!

Зеновія.

Спасай ты жизнь ево!
Бѣги, спѣши, спасай ты друга своево!
И ежели еще надежда въ немъ примѣтна[3]. . . .

Менандръ.

Останься ты здѣсь съ нимъ.

Коріонъ.

Уже надежда тщетна.

---

[1] *Т;* въ *РМ:* «къ тебѣ». [2] *РМ;* въ *Т:* «свою». Въ подлинникѣ «Ayez pitié de mon coeur alarmé». [3] *РМ;* въ *Т* этотъ стихъ выскобленъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Коріонъ, Зеновія.

Зеновія.

Жестокой! вотъ какъ ты хранилъ ко мнѣ любовь!

Коріонъ.

При смерти ты моей меня терзаешь вновь!
Ахъ! естьли ты меня еще подозрѣваешь,
Ты тѣмъ лютѣйшую мнѣ смерть предускоряешь.
Не должно ль было мнѣ карать за то себя,
Что въ свѣтѣ долженъ былъ я жить не для тебя?
Свиданія сево мнѣ въ мысль не представлялось.
Мнѣ въ свѣтѣ больше жить[1] притчинъ не оставалось;
И, видя, что собой я къ смерти осужденъ,
Хотѣлъ, чтобъ былъ ея ударъ предупрежденъ.
Хотѣлъ увидѣть я, разставшись съ суетою,
Вселенну новую, украшенну тобою.
Открылось поздно мнѣ, что я обманутъ сталъ!
Я вижу смерть мою, и ужасъ мной объялъ!
За то, что былъ я такъ въ печали малодушенъ,
Что власти Вышняго я сталъ уже преслушенъ,
Что погубить я самъ отважился себя,
Лишаюся[2] навѣкъ и жизни и тебя.
Карать меня за то готова адска злоба.
Я вижу вѣчну ночь! Отверзлись двери гроба!
Нѣмѣютъ члены всѣ ... Кровь стынетъ.... Меркнетъ свѣтъ....
Трепещетъ сердце. . . . Духъ изъ тѣла вонъ идетъ. . . .
Терзаюсь, мучусь, рвусь лютѣйшею тоскою. . . .

---

[1] «Мнѣ больше въ свѣтѣ жить» *(РМ)*. [2] «Лишаюсь я» *(РМ)*.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Коріонъ, Зеновія, Менандръ, Андрей.

МЕНАНДРЪ *(Андрею)*.

Чѣмъ хочешь ты помочь?

АНДРЕЮ.

Лѣкарство есть со мною.
Вы щастливы. . . .

КОРІОНЪ.

Къ чему безумный приведі͡онъ?

АНДРЕЙ.

На этотъ случай я довольно былъ умі͡онъ.
Болѣзни вашей я принесъ теперь свободу:
Вы выпили не ядъ, а выпили вы воду.
Въ тотъ часъ, когда вашъ духъ отчаяніемъ[1] рвался,
Я въ спальню къ вамъ тогда тихохонько пробрался[2]
И, видя на столѣ въ стаканѣ ядъ готовый,—
Желудку нашему напитокъ нездоровый,
Я зналъ, что дѣлать мнѣ съ находкою такой:
Ядъ выливши, стаканъ наполнилъ я водой,
Которой вы потомъ изволили напиться.
Вы живы такъ, какъ я, мнѣ можно въ томъ божиться.

ЗЕНОВІЯ.

Что слышу я? . . .

МЕНАНДРЪ.

Мой другъ! . . .

---

[1] «въ отчаяньѣ» *(РМ)*. [2] «вобрался» *(РМ)*.

Коріонъ.

Иль вижу то во снѣ? . . . .
Зеновія! . . . Менандръ! . . . А ты, который мнѣ
Притчиной сталъ теперь и жизни, и отрады! . . .
Чѣмъ можно заплатить? . . .

Андрей.

Не требую награды.
Я вамъ изъ одного усердія служу
И въ томъ одномъ свое веселье нахожу.
Я жизни щастливой усердно вамъ желаю
И съ днемъ рожденія нижайше поздравляю.

Коріонъ.

О ты, которая украсишь жизнь мою,
Которой сердце я навѣки отдаю!
Забудь вину мою, забудь ее, драгая!
Судьбиною на то дана мнѣ жизнь другая,
Чтобъ щастіе мое съ тобою раздѣлять,
Чтобъ мнѣ тебя по смерть любить и обожать!

Андрей.

Не должно никогда такъ свѣтомъ намъ гнушаться:
Мы видимъ, каково со свѣтомъ разставаться.
Хоть въ жизни много намъ случается тужить,
Однако хочется подолѣе пожить.

Конецъ комедіи.

БРИГАДИРЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Бригадиръ.
Бригадирша.
Совѣтникъ.
Совѣтница.
Софья, дочь Совѣтника.
Добролюбовъ, женихъ и любовникъ ея.
Иванъ, сынъ Бригадира.
Слуга.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату, убранную по деревенски. Бригадиръ въ сертукѣ ходитъ и куритъ табакъ; сынъ его въ дезабилье, кабеняся, пьютъ чай. Совѣтникъ, въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ совѣтница, въ дезабилье и корнетѣ, и, жеманяся, чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одаль и чулокъ вяжетъ. Софья сидитъ такъ же одаль и шьютъ въ танбурѣ.

Совѣтникъ *(смотря въ календарь).*

Такъ ежели Богъ благословитъ, то 26-е число быть свадьбѣ.

Иванъ.

Геласъ![1]

Бригадиръ.

Очень изрядно, дорогой[2] сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ: такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи брегадиру, и я началъ уже съ вами со всѣми[3] обходиться безъ чиновъ.

---

[1] «Hélas!» *Б.* [2] «доброй» *Б.* [3] «со всѣми вами» *Б.*

Совѣтница.

Для насъ, сударь, фасоны не нужны; мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша.

Ахъ, мать моя! какая церемонія между нами! *(Указывая на совѣтника.)* Хочетъ онъ [1] выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ божьимъ благословеніемъ; а чтобъ лучше на него, Господа, положиться было можно, то дайте [2] вы ей и родительское свое награжденіе: начто тутъ церемонія?

Совѣтница.

Ахъ! сколь щастлива дочь наша! она идетъ за таво, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Иванъ *(вслушавшись)*.

Мадамъ! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскова: наша жизнь пошла бы гораздо щастливѣе.

Бригадирша.

О, Иванушка! [3] Богъ милостивъ, вы конешно станете жить лутче нашева. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатей Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

---

[1] «когда хочетъ онъ» *Б.* [2] «даете» *Б.* [3] Такъ, по произношенію, въ *Р*; въ *Т* и *Б*: «Иванушко». Въ звательномъ падежѣ существительныхъ именъ м. р. на *а* («батюшка», «сосѣдушка») удерживаемъ правописаніе *Р*; въ *Т* и *Б* не только въ такихъ формахъ, но и въ имен. пад. стоитъ *о*. Первое изданіе «Недоросля» придерживается въ такихъ случаяхъ правописанія *Р*.

Бригадиръ.

Жена! не всіо ври, что знаешъ.

Совѣтникъ.

Полно, сосѣдушка! Не грѣши, ради Бога, не гнѣви Господа. Знаешъ ли ты, какую разумную сожительницу имѣешъ? Она годится быть коллегіи президентомъ. Вотъ какъ[1] премудра Акулина Тимофѣевна!

Бригадиръ.

Премудра? Вотъ на, сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишъ; а мнѣ кажется, будто премудрость-та[2] ея очень на глупость походитъ. О! иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна! Я сказать ей могу[3], въ глаза и за глаза[4], что ума у неіо цѣлая палата. Я мущина и брегадиръ, однако ей, ей! радъ бы потерять всѣ мои патенты и чины, которые купилъ я кровію моею, лишъ бы только имѣть разумъ ея высокородія.

Иванъ.

Дыіо![5] Сколько прекрасныхъ комплементовъ, батюшка, тесть, матушка, тіоща! А! Сколько умовъ! голова головы лутче.

Совѣтникъ.

А я могу и о тебѣ такъ же сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ; прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Иванъ.

Къ какимъ дѣламъ? Что читать?

Бригадиръ.

Читать артикулъ и уставъ воинской; не худо прочесть такъ же и инструкцію межевую молодому человѣку.

---

[1] «Какова» *Т*. [2] Такъ въ *Т*; въ *Р* и *Б*: «премудрость». [3] «Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу» *Б*. [4] «въ глаза» *Р*. [5] «Dieu!» *Б*.

Совѣтникъ.

Паче всево изволь читать уложенье и указы: кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша.

Не худо пробѣжать такъ же и мои расходныя тетратки; лутче плуты люди тебя не обманутъ: ты тамо не дашъ уже пяти копѣекъ, гдѣ надобно дать четыре копѣйки съ денежкой.

Совѣтница.

Боже тебя отъ таво сохрани, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришъ, какъ такія книги просвѣщаютъ: я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурою [1].

Иванъ.

Мадамъ [2]! вы говорите правду, вузаве резонъ [3]. Я самъ кромѣ романовъ ничево не читывалъ, и для таво-та я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья *(въ сторону)*.

Для таво-та ты и дуракъ.

Иванъ.

Мадемоазель [4], что вы говорить изволите?

Софья.

То, что я о васъ думаю.

Иванъ.

А что жъ бы это было? Же ву при [5], не льстите мнѣ.

---

[1] Такъ въ *Р* и въ *Б;* въ *Т:* «навѣки остаться дурою». [2] «Madame» *Б.* [3] «O! vous avez raison» *Б.* [4] «Mademoiselle» *Б.* [5] «je vous prie» *Б.*

Совѣтникъ.

Оставь ее, зятюшка: она, не знаю о чемъ-та, съ ума сходитъ.

Бригадиръ.

О! это пройдiôтъ. У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразумiи здравствуетъ, что никто таво и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда-нибудь была умнѣе.

Бригадирша.

Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье![1] Продли Богъ твои долгiе вѣки! А я, за тобой живучи[2], ума не потеряла.

Совѣтникъ.

Всеконечно; и мнѣ весьма прiятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница *(вздыхаетъ)*.

Для чево моей падчерицѣ и не быть вашей снохой? Мы всѣ дворяне[3], мы всѣ равны.

Совѣтникъ.

Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно то въ военной службѣ, что я въ статской. Тебѣ еще до брегадирства распроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ[4] ослѣпъ въ коллегiи. Въ утѣшенiе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, которой нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и полутче, ежели бы жена моя не такая[5] была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ времянному, ни къ вѣчному блаженству.

---

[1] «здоровья» *Т.* [2] «съ тобой живучи» *Б.* [3] «дворяня» *Т.* [4] Словъ: «въ Москвѣ», нѣтъ въ *Р.* [5] «не такова» *Т.*

Совѣтница.

Неужели ты меня мотовкой называешъ, батюшка? Опомнись, полно скиляжничать! Я капабельна съ тобою развестися, ежели ты меня еще[1] такъ шпетить станешъ.

Совѣтникъ.

Безъ власти Создателя и святѣйшаго синода развестись намъ невозможно. Вотъ маѿ мнѣніе. Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Иванъ.

Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе — любить, измѣнять, жениться и[2] разводиться.

Совѣтникъ.

Да то во Франціи, а не у насъ, правовѣрныхъ. Нѣтъ, дорогой зять! какъ мы, такъ и жены наши всѣ въ руцѣ Создателя: у Нево и всѣ власы[3] главы нашея изочтены суть.

Бригадирша.

Вить вотъ, Игнатей Андрѣевичь, ты меня часто ругаешъ, что я то и дѣло деньги да деньги щитаю. Какъ же это? самъ Господь волоски наши щитать изволитъ, а мы, раби[4] Ево, мы и деньги щитать лѣнимся, — деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосковъ на силу алтынъ за тритцать достать можно.

Бригадиръ.

Враки. Я не вѣрю, чтобъ у всѣхъ волосы сочтены были. Не диво, что наши перещитаны[5]: я брегадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ[6] не щитаютъ, такъ у каво же и щитать ихъ?[7]

---

[1] «еще меня» *Б.* [2] *Т* и *Б;* въ *Р* нѣтъ слова *и.* [3] «У него всѣ власы» *Б.* [4] «рабы» *Б.* [5] «Я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены» *Б.* [6] «волосъ» *Р.* [7] Такъ въ *Р* и *Т;* въ *Б:* «и считать ихъ Ему»?

Бригадирша.

Не грѣши, мой батюшка, ради Бога: у Нево генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ.

Ай, жена[1]! я тебѣ говорю: не вступайся, или я скоро здѣлаю то, что и впрямъ на твоей головѣ нечево щитать будетъ. Какъ бы ты Бога-та знала побольше, такъ бы ты такой пустоши и не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, который всё знаетъ, неизвѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? Стыдное дѣло!

Совѣтница.

Оставьте такіе разговоры[2]. Выбрали такую сурьёзную матерію, которую я не понимаю.

Бригадиръ.

Я и самъ, матушка, не говорю таво, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталіи и ни до чево[3] такова, что бы. . . .

Совѣтникъ.

Что бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца, или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, неохотно говорю о томъ, о чемъ разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложенье.

Бригадирша.

Мнѣ самой скушны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакова барыша. *(Къ совѣтницѣ.)* Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ: что у васъ идетъ людямъ — застольное или деньгами, свой ли авёсъ ѣдятъ лошади[4], или купленой?

---

[1] «Эй, жена» *Т.* [2] Такъ въ *Р;* въ *Т:* «Оставьте такіе сурьіозные разговоры. Выбрали такую матерію, которую я не понимаю». Въ *Б:* «Оставьте такіе разговоры. Развѣ не льзя о другомъ дискютировать? Выбрали такую серьезную матерію, которой я не понимаю». [3] «ничего» *Б.* [4] Такъ въ *Р* и въ *Б;* въ *Т:* «свой ли овесъ идетъ лошадямъ».

Иванъ.

Се плюзентересанъ[1].

Совѣтница.

Шутишъ, радость? Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина!

Совѣтникъ *(къ женѣ)*.

Не стыди меня, матушка Акулина Тимоѳѣевна! Люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою: ей до таво дѣла нѣтъ:[2] хлѣбъ и авїо̂съ я самъ выдаю.

Бригадирша.

Такъ-та у меня мой Игнатей Андрѣевичъ: ему ни до чево дѣла нѣтъ; я одна хожу въ анбары[3].

Совѣтникъ *(въ сторону)*.

Сокровище, а не женщина! Какія у нее медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешъ:[4] нельзя не прельститься.

Бригадиръ.

Что ты это говоришъ, сватъ? *(Въ сторону.)* Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ.

Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней економіи.

Бригадиръ.

Благодаренъ я за ео̂ економію: она для нео̂[5] больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

---

[1] «C'est plus intéressant» *Б*. Въ *Т* позднѣйшимъ почеркомъ приписано: «Это-то самое интересное». [2] Въ *Т*: «нѣтъ дѣла». [3] Въ *Т*: «въ анбаръ». [4] Такъ въ *Б* и *Т*; въ *Р*: «послушать только ее, рабъ грѣха и будешь». [5] «для ея» *Р*.

Бригадирша.

Да какъ же, мой батюшка? Вить скотъ самъ о себѣ думать не можетъ, такъ не надобно ли мнѣ о[1] немъ подумать? Вотъ[2] ты, кажется, и поумнѣя ево, а хочешъ, чтобъ я за тобою присматривала.

Бригадиръ.

Слушай, жена! Мнѣ всі̂о равно, съ дура ли[3] ты врі̂ошъ, или изъ ума, только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей, ей! будетъ худо[4].

Иванъ.

Монъ перъ![5] не горячитесь.

Бригадиръ.

Что не горячитесь?

Иванъ.

Монъ перъ![5] я говорю: не горячитесь.

Бригадиръ.

Да первова-та слова, чортъ те знаетъ, я не разумѣю.

Иванъ.

Ха! ха! ха! ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по французски не знаете!

Бригадиръ.

Экъ онъ горло-та распустилъ. Да ты, смысля по руски, для чего мелешъ то, чево здѣсь не разумѣютъ?

Совѣтница.

Полно, сударь! Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

---

[1] «объ» *Р*. [2] Этого слова нѣтъ въ *Б*. [3] Такъ въ *Т* и въ *Б*; въ *Р*: «съ дури ли». [4] Такъ въ *Р* и въ *Б*; въ *Т*: «худо будетъ». [5] «Mon père!» *Б*.

Бригадирша.

Батюшка Игнатей Андрѣевичь! пусть Иванушка говоритъ, какъ хочетъ: по мнѣ все равно. Иное говоритъ онъ, кажется, и по руски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить! ученье свѣтъ, неученье тьма.

Совѣтникъ.

Конечно, матушка! Кому Богъ открылъ[1] грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать Ево. Нынѣ, слава Богу, не прежнія[2] времена. Сколько грамотей[3] у насъ завелось! и то-та кому[4] Господь откроетъ. Прежде бывало кто писывали[5] хорошо по руски, такъ тѣ знавали грамматику, а нынѣ почти ею никто не знаетъ[6], а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, которой что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою во вѣки таво разумѣть не можетъ.

Бригадиръ.

На что, сватъ, грамматика? Я безъ нее дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвіолъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за дватцать, а онъ,—въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, — и не слыхивалъ о грамматикѣ.

Бригадирша.

Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешъ, такъ вить ее купить еще надобно, заплатишъ за нее гривенъ восемь; а выучишъ ли, нѣтъ ли — Богъ знаетъ.

Совѣтница.

Чортъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ! Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты[7].

---

[1] Такъ въ *Т* и *Б;* въ *Р:* «откроетъ». [2] Въ *Б:* «не прежни». [3] Такъ въ *Р* и въ *Б;* въ *Т:* «грамотѣевъ». [4] «вѣдь кому» *Б.* [5] Такъ въ *Р* и въ *Б;* въ *Т:* «писывалъ». [6] Такъ въ *Р;* въ *Т:* «а нынѣ почти никто ея не знаетъ»; въ *Б:* «а нынѣ никто ея не знаетъ». [7] Въ *Т:* «изорвала бы я на папильоты».

Иванъ.

Вузаве резонъ![1] На что грамматика? Я самъ писывалъ тысячу бильеду и мнѣ кажется, что «свѣтъ мой», «душа моя», «адьо, ма ренъ»[2] можно сказать, не заглядывая въ грамматику.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ жъ и слуга.

Слуга.

Господинъ Добролюбовъ пріѣхать[3] изволилъ.

Софья *(въ сторону)*.

Боже мой! онъ пріѣхалъ, а я невѣста другому.

Совѣтникъ.

Пойдемъ-те же[4] на встрѣчу сына друга моево, и погуляемъ-те[5] съ нимъ по саду.

Бригадиръ *(совѣтницѣ)*.

Не изволите ли и вы проходиться?

Совѣтница.

Нѣтъ, сударь, я останусь здѣсь. Мнѣ сынъ вашъ сдѣлаетъ компанію.

Иванъ.

Де ту монъ кёръ![6] О![7] я съ вами наединѣ быть радъ.

Совѣтникъ *(бригадиршѣ)*.

Вы, матушка, не изволите ли такъ же[8] прогуляться?

---

[1] Такъ въ *Р* и въ *Т;* въ *Б:* «J'en suis d'accord». [2] «Adieu, ma reine!» *Б.* [3] Въ *Т:* «пріѣхать сюда». [4] «Пойдемъ же» *Б.* [5] «погуляемъ» *Б.* [6] «De tout mon coeur» *Б.* [7] Этого слова нѣтъ ни въ *Т*, ни въ *Б.* [8] Въ *Т:* «также не изволите ли».

Бригадирша.

Изволь, изволь, мой батюшка!

Совѣтница *(Софьѣ)*.

А ты по крайней мѣрѣ сдѣлай компанію своей свекрови.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Совѣтница, Иванъ.

Иванъ *(садится очень близко къ совѣтницѣ)*[1].

Мнѣ кажется, сударыня, что вашъ сожитель не больше свѣту знаетъ, сколько для отставнова совѣтника надобно.

Совѣтница.

Вы правду сказали: онъ ни съ кѣмъ въ жизнь свою не обходился, какъ съ секретарями и подъячими.

Иванъ.

Онъ, я вижу, походитъ въ этомъ[2] на маево батюшку, который во весь свой вѣкъ[3] разумныхъ людей бѣгалъ.

Совѣтница.

Ахъ, радость моя! Мнѣ мило твое чистосердечіе: ты не щадишъ и отца сваево. Вотъ прямая добродѣтель нашева вѣка!

Иванъ.

Чортъ меня возьми, ежели я помышляю его менажировать!

---

[1] Такъ въ *Р*; въ *Т* и *Б*: «близко совѣтницы». [2] Такъ въ *Р* и *Т*; въ *Б* нѣтъ словъ: «въ этомъ». [3] Такъ въ *Р* и въ *Т*; въ *Б*: «въ свой вѣкъ».

Совѣтница.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь моя, мнѣ кажется, онъ не умнѣя маево мужа, которова глупѣя на свѣтѣ, можетъ быть, и бываютъ, однако, я думаю, очень рѣдко[1].

Иванъ.

Вашъ резонеманъ справедливъ. Скажите жъ, сударыня, что вы думаете о моей матери?

Совѣтница.

Какъ, радость! Въ глаза мнѣ это тебѣ[2] сказать совѣстно.

Иванъ.

Пожалуй, говори, что изволишъ: я индиферанъ во всёмъ томъ, что надлежитъ до маево отца и матери.

Совѣтница.

Не правда ли, что она свѣту знаетъ столько же, сколько вашъ батюшка?

Иванъ.

Дьё![3] какой ты[4] знатокъ въ людяхъ! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что съ вами надобно объ эвтомъ[5] говорить безъ всякой диссимуляціи. *(Вздохнувъ.)* Итакъ, вы знаете, что я пренещастливый на свѣтѣ человѣкъ[6]: живу уже двадцать пять лѣтъ, и имѣю еще отца и мать! Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами, а я, чортъ меня возьми, я живу съ животными![7]

Совѣтница.

Я сама стражду, душа моя, отъ маево урода. Мужъ мой — прямая приказная строка. Я живу нѣсколько лѣтъ съ нимъ здѣсь

---

[1] Въ *Б*: «котораго глупѣе на свѣтѣ и бываютъ, однако очень рѣдко». [2] Въ *Т*: «тебѣ это». [3] «Dieu!» *Б*. [4] Такъ въ *Р*; въ *Т* и *Б* ошибочно: «вы». [5] Въ *Т* и *Б*: «объ этомъ». [6] Въ *Б*: «пренесчастливый человѣкъ». [7] Въ *Т*: «а я живу съ животными».

въ деревнѣ, и клянусь тебѣ, что всѣ способы къ отмщенію до сего времени у меня отняты были. Всѣ сосѣды наши такіе неучи, такіе скоты, которые сидятъ по домамъ, обнявшися съ женами. А жоны ихъ, ха! ха! ха! ха! а жоны ихъ не знаютъ еще и до сихъ поръ, что это—дезабилье, и думаютъ, что будто можно прожить на семъ свѣтѣ въ полшлафоркѣ. Они, душа моя, ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о столовыхъ припасахъ — прямыя свиньи.

Иванъ.

Пардьі͡о![1] Поэтому мать моя годится въ число вашихъ сосѣдокъ. . . . А давно ли вы живі͡оте съ такою тварью?

Совѣтница.

Мой мужъ пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ: онъ увидѣлъ, что ему въ коллегіи дѣлать стало нечево, и для таво паві͡озъ меня мучить[2] въ деревню.

Иванъ.

Которую конешно нажилъ до указа?

Совѣтница.

При всі͡омъ томъ онъ скупъ, какъ кащей[3].

Иванъ.

Или какъ моя матушка. Я безъ лести могу сказать объ ней[4], что она за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами.

Совѣтница.

Мой уродъ при всі͡омъ томъ еще ужасная ханжа: не пропускаетъ[5] ни обѣдни, ни завтрени, и думаетъ, радость моя, что будто Богъ столь[6] комплезанъ, что онъ за всеношную проститъ ему то, что дні͡омъ наворовано.

---

[1] «Pardieu!» *Б.* [2] Такъ въ *Р* и *Б*; въ *Т*: «мучить меня». [3] Такъ въ *Р* и *Т*; въ *Б*: «какъ кремень». [4] Такъ въ *Р*; въ *Б*: «о ней»; въ *Т* нѣтъ словъ: «объ ней». [5] Въ *Т*: «не пропуститъ». [6] Въ *Б*: «столько».

Иванъ.

Напротивъ таво, мой отецъ кромѣ зари никогда не маливался. Онъ, сказываютъ, до женитьбы не вѣрилъ, что и чортъ есть, однакожъ[1], женясь на моей матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ.

Совѣтница.

Перемѣнимъ рѣчь[2]: мои уши терпѣть не могутъ слышать о чертяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые столь много на нихъ походятъ.

Иванъ.

Мадамъ[3]! скажите мнѣ: какъ вы ваше время проводите?

Совѣтница.

Ахъ! душа моя, умираю съ скуки[4]; и естьли бы[5] по утру не сидѣла я часовъ трiохъ у туалета, то, могу сказать, умереть бы всiо равно для меня было. Я тѣмъ только и дышу, что изъ Москвы присылаютъ ко мнѣ нерѣдко головные уборы, которые я то и дѣло надѣваю на голову.

Иванъ.

По моему мнѣнiю, кружево[6] и блонды составляютъ головѣ наилутчее украшенiе. Педанты думаютъ, что это вздоръ, и что надобно украшать голову[7] снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто? А наружное всякъ видитъ.

Совѣтница.

Такъ, душа моя: я сама съ тобою одинхъ сентиментовъ. Я вижу, что у тебя на головѣ пудра, а есть ли что въ головѣ, таво, чортъ меня возьми, примѣтить не могу.

---

[1] Въ *Б*: «однако». [2] Въ *Б* послѣ этого: «Je vous en prie». [3] «Madame» *Б*. [4] «со скуки» *Б*. [5] Въ *Т*: «естьли бъ». [6] Въ *Б*: «кружева». [7] Въ *Т*: «голову украшать».

Иванъ.

Конешно, этова никто примѣтить не можетъ.

Совѣтница.

Послѣ туалета лутчее мнѣ[1] препровожденіе въ томъ, что я загадываю въ карты.

Иванъ.

Вы знаете загадывать? Гранъ Дьё![2] Я самъ могу назваться пророкомъ. Хотите ли, чтобъ показалъ я вамъ мое искусство?[3]

Совѣтница.

Ахъ, душа моя! ты одолжишь меня чрезвычайно.

Иванъ *(придвинулъ столикъ[4] съ картами)*.

Сперва вы мнѣ отгадайте, а тамъ я вамъ.

Совѣтница.

Съ радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Иванъ *(подумавъ)*.

Загадалъ.

Совѣтница *(раскладываетъ карты)*.

Ахъ, что я вижу! свадьба! *(Вздыхаетъ.)* Король женится.

Иванъ.

Боже мой! онъ женится! Что мнѣ этова несноснѣе!

Совѣтница.

А дама ево не любитъ. . . .

---

[1] Такъ въ *Р*; въ *Т* и *Б*: «мое». [2] «Grand Dieu!» *Б*. [3] Въ *Т*: «Хотите ли, чтобъ я вамъ показалъ мое искусство?» [4] «придвинувъ столъ» *Б*.

Иванъ.

Чортъ меня возьми, ежели и я ее люблю![1] Нѣтъ, нѣтъ силъ болѣе терпѣть! Я загадалъ о себѣ. А, мадамъ![2] или вы не видите таво, что я жениться не хочу?

Совѣтница *(вздыхая и жеманясь)*.

Вы жениться не хотите? Развѣ падчерица моя не довольно плѣнила ваше сердце? Она столько[3] постоянна.

Иванъ.

Она постоянна! . . . О, верхъ маево нещастія! Она еще и постоянна! Клянусь вамъ, что ежели я это въ ней, женяся, примѣчу, то въ ту же минуту разведусь съ нею: постоянная жена во мнѣ ужасъ производитъ. А, мадамъ![2] Ежели бъ вы были жена моя[4], я бы вѣкъ не развелся съ вами.

Совѣтница.

Ахъ, жизнь моя! чево не можетъ быть, начто о томъ терзаться? Я думаю, что и ты не наскучилъ бы мнѣ лишними претензіями.

Иванъ.

Позволь теперь, мадамъ[5], отгадать мнѣ что нибудь вамъ: задумайте и вы короля и даму.

Совѣтница.

Очень хорошо! Король трефовой[6] и кіоровая дама.

Иванъ *(разложивъ карты)*.

Король смертно[7] влюбліонъ въ даму.

---

[1] Такъ въ *Т*; въ *Р*: «ежели ее люблю»; въ *Б*: «ежели и я люблю». [2] «Ah Madame!» *Б*. [3] Такъ въ *Т* и *Б*; въ *Р*: «столь». [4] Такъ въ *Р* и *Б*; въ *Т*: «естьли бъ вы были моя жена». [5] «Madame» *Б*. [6] Такъ въ *Т* и въ *Б*; въ *Р*: «трефовый король». [7] «смертельно» *Т*.

Совѣтница.

Ахъ, что я слышу! Я въ восхищеніи. Я внѣ себя съ радости.

Иванъ *(смотрѣвъ[1] на нее съ нѣжностію).*

И дама къ нему не безъ склонности.

Совѣтница.

Ахъ, душа моя! не безъ склонности! Скажи лутче: влюблена до безумія.

Иванъ.

Я бы жизнь свою, я бы тысячу жизней отдалъ за то, чтобъ свѣдать, кто это[2] кі̂ровая дама. . . . Вы краснѣетесь?[3]. . . Вы блѣднѣете? . . . Конешно это. . . .

Совѣтница.

Ахъ! какъ несносно признаваться въ своей пассіи!

Иванъ *(съ торопливостью).*

Такъ это вы?

Совѣтница *(притворясь, будто послѣднее слово дорого ей стоитъ).*

Я, я сама!

Иванъ *(вздохнувъ).*

А кто этотъ преблагополучный трефовой король, который возмогъ пронзить сердце кі̂ровой дамы?

Совѣтница.

Ты хочешъ, чтобъ я вдругъ всі̂[4] тебѣ сказала.

---

[1] «посмотрѣвъ» *Б.* [2] Такъ въ *Р* и *Т;* въ *Б:* «эта». [3] «краснѣете» *Б.*
[4] Такъ въ *Т* и *Б;* въ *Р:* «все вдругъ».

Иванъ *(вставъ).*

Такъ, мадамъ, такъ! Я этова хочу[1]; и ежели не я тотъ преблагополучный трефовой король, такъ пламень мой къ вамъ худо награжденъ.

Совѣтница.

Какъ! И ты ко мнѣ пылаешъ?

Иванъ *(кинувшись на колѣни).*

Я разжонъ тобою.

Совѣтница *(поднимая ево).*

А я тобою[2].

Иванъ *(въ восхищеніи).*

О, счастье, О бонёръ[3]!

Совѣтница.

Можетъ быть, ты, душа моя, и не вѣдаешъ таво, что невѣста твоя влюблена въ Добролюбова, и что онъ самъ влюблiôнъ въ нее смертно?[4]

Иванъ.

Съ! съ! они идутъ. И ежели это правда, о кё ну сомъ зёрё![5] Намъ надобно непремѣнно оставить ихъ въ покоѣ, чтобъ они со временемъ въ покоѣ насъ оставили.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ жъ, Добролюбовъ, Софья.

Софья.

Вы изволили здѣсь остаться одни, матушка; я нарошно пришла къ вамъ для таво, чтобъ вамъ однимъ не было скушно.

---

[1] Такъ въ *Р* и въ *Б*; въ *Т*: «хочу непремѣнно». [2] См. въ примѣчаніяхъ. [3] «O bonheur!» *Б.* [4] «смертельно» *Т.* [5] «oh! que nous sommes heureux!» *Б.*

Добролюбовъ.

А я, сударыня, взялъ смѣлость проводить ее къ вамъ.

Совѣтница.

Намъ очень здѣсь нескушно: мы загадывали въ карты.

Иванъ.

Мнѣ кажется, мадемоазель[1], что вы какъ нарошно пришли сюда свѣдать о вашей судьбинѣ[2].

Софья.

Что это значитъ?

Совѣтница.

Мы загадывали о тебѣ, и естьли вѣрить картамъ, которыя впротчемъ никогда не лгутъ, то бракъ твой не очень удаченъ.

Софья.

Я это и безъ картъ знаю, матушка.

Иванъ.

Вы это знаете! Начто жъ вы рискуете?

Софья.

Тутъ никакова риску нѣтъ, а есть очевидная моя погибель, въ которую ведутъ меня батюшка и матушка.

Совѣтница.

Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай: ты сама знаешъ, что я отъ роду таво не хотѣла, чево отецъ твой хочетъ.

---

[1] «mademoiselle» *Б.* [2] Такъ въ *Р* и *Т;* въ *Б* испорчено: «что вы какъ нарочно сюда, свѣдать о вашей свадьбѣ».

Иванъ.

Начто[1] такія изъясненія? *(Къ совѣтницѣ.)* Мы[2] другъ друга довольно разумѣемъ. Не хотите ли вы сойтиться съ компаніею?

Совѣтница.

Для меня нѣтъ ничево комоднѣе свободы. Я знаю, что всё равно, имѣть ли мужа, или быть связанной.

Иванъ *(даетъ ей знаки, чтобъ она Софью и Добролюбова оставила[3]).*

Да развѣ вы никогда отсюда вытти не намѣрены?

Совѣтница.

Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Добролюбовъ и Софья.

Добролюбовъ.

Они насъ оставили однихъ. Что это значитъ?

Софья.

Это значитъ то, что мой женихъ ко мнѣ нимало[4] не ревнуетъ.

Добролюбовъ.

А мнѣ кажется, что и мачихѣ твоей не противно бъ было, естьли бъ твоя свадьба чѣмъ нибудь разорвалась.

Софья.

Это гораздо примѣтно[5].

---

[1] Въ *Т:* «Начто мнѣ». [2] «Madame, мы» *Б.* [3] «чтобъ ихъ оставить» *Т.* [4] Въ *Т:* «нимало ко мнѣ». [5] Послѣ этого въ *Б:* «Мнѣ кажется, что мы очень некстати къ нимъ взошли».

Добролюбовъ.

Тѣмъ лутче, ежели этотъ дуракъ въ нее влюбился; да и ей простительно имъ плѣниться.

Софья.

Вразсужденіи ее кокетства очень простительно, и она лутчева себѣ любовника найти конешно не можетъ [1]; однако я жалѣю о батюшкѣ.

Добролюбовъ.

О! пожалуй о немъ не тужите: батюшка вашъ, кажется мнѣ, съ отмѣнною нѣжностію глядитъ на брегадиршу.

Софья.

Нѣтъ, этова я не думаю [2]. Батюшка мой конешно и для таво мачихѣ моей не измѣнитъ, чтобъ не прогнѣвить Бога.

Добролюбовъ.

Однако онъ вѣдаетъ и то, что Богъ долготерпѣливъ.

Софья.

Ежели жъ это правда, то кромѣ брегадирши, кажется мнѣ, будто здѣсь влюблены всѣ до единова.

Добролюбовъ.

Правда; только разница состоитъ въ томъ, что ихъ любовь смѣшна, позорна и дѣлаетъ имъ безчестіе; наша же любовь основана на честномъ намѣреніи и достойна таво, чтобъ всякой пожелалъ нашево щастія. Ты знаешь, что ежели бъ мой малый достатокъ не отвратилъ отца твоево имѣть меня своимъ зятемъ, то бы я давно ужъ былъ тобою [3] благополученъ.

---

[1] Такъ въ *Т* и *Б;* въ *Р:* «и она лутчева себѣ полюбовника конечно найти не можетъ». [2] Такъ въ *Р* и въ *Б;* въ *Т:* «я этого не думаю». [3] Въ *Т:* «съ тобою».

Софья.

Я тебя увѣряла и теперь увѣряю, что любовь моя къ тебѣ кончится съ жизнію моею. Я всю̂ предпринять готова, лишь бы только быть твоею женою. Малый твой достатокъ меня не устрашаетъ [1], я все на свѣтѣ для тебя снести рада.

Добролюбовъ.

Можетъ быть, и достатокъ мой скоро умножится: дѣло маю̂ приходитъ къ концу. Оно давно бы уже и кончилось, только большая часть судей ныньче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ: вотъ для чево до сихъ поръ бѣдное маю̂ состояніе не перемѣняется.

Софья.

Мы долго заговорились, намъ надобно итти къ нимъ, для избѣжанія подозрѣнія.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Совѣтникъ и Софья.

Совѣтникъ.

Поди сюда, Софьюшка. Мнѣ о многомъ съ тобою поговорить надобно.

Софья.

О чомъ [2] изволите, батюшка?

---

[1] Такъ въ *Т* и въ *Б*; въ *Р*: «не устрашитъ». [2] Такъ въ *Т* и *Б*; въ *Р*: «А о чомъ».

Совѣтникъ.

Вопервыхъ, о чомъ ты печалишся?

Софья.

О томъ, батюшка, что ваша воля съ моимъ желаніемъ несогласна.

Совѣтникъ.

Да развѣ дѣти могутъ желать таво, чево не хотятъ родители? Вѣдаешъ ли ты[1], что отецъ и дѣти должны думать одинаково? Я не говорю о нынѣшнихъ временахъ: нынѣ всѣ̂ пошло новое, а въ маѣ̂ время, когда отецъ виноватъ бывалъ, тогда дерутъ сына; а когда сынъ виноватъ, тогда отецъ за нево отвѣчаетъ. Вотъ какъ въ старину у насъ бывало!

Софья.

Слава Богу, что въ наши времена[2] этова нѣтъ.

Совѣтникъ.

Тѣмъ хуже! Нынѣ кто виноватъ, такъ[3] тотъ и отвѣчай; а съ инова что ты содрать изволишъ? Начто и приказы заведены, ежели только виноватъ одинъ виноватой?

Софья.

А правому, батюшка, для чево жъ быть виноватымъ?

Совѣтникъ.

Для таво, что всѣ грѣшны человѣцы. Я самъ бывалъ судьею: виноватой, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду, итакъ въ маѣ̂ время всѣ довольны были: и судьи, и истецъ, и отвѣтчикъ.

---

[1] Въ *Т*: «Вѣдаешь ли ты то». [2] Въ *Т*: «въ наше время». [3] Въ *Б* этого слова нѣтъ.

Софья.

Позвольте мнѣ, батюшка, усумниться: я думаю, что правый конешно оставался тогда недоволенъ [1], когда онъ обвиненъ былъ.

Совѣтникъ.

Пустое! Когда правый по приговору судейскому обвиненъ [2], тогда онъ уже сталъ не правый, а виноватой; такъ ему нечево тутъ умничать. У насъ указы потверже, нежели у челобитчиковъ: челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то есть на свой, а нашъ братъ, судья, для общей пользы, манеровъ на дватцать одинъ указъ толковать можетъ.

Софья.

Чево жъ наконецъ, батюшка, вы отъ меня желаете? [3]

Совѣтникъ.

Таво, чтобъ ты мой указъ итти за мужъ толковала не по нашему судейскому обычаю, и шла бы [4] за таво, за каво я тебѣ велю.

Софья.

Я вамъ должна повиноваться, только представьте себѣ маіô нещастіе: я буду женою такова дурака, который набитъ одними французскими глупостьми, который не имѣетъ ко мнѣ не только любви, ни малѣйшаго [5] почтенія.

Совѣтникъ.

Да какова ты почтенія отъ нево изволишъ? Мнѣ кажется, ты ево почитать должна, а не онъ тебя: онъ будетъ главою твоею, а не ты ево главою. Ты, я вижу, дѣвочка молодая и не читывала священнаго писанія.

---

[1] Такъ въ *Р* и *Т*; въ *Б*: «виноватымъ». [2] Такъ въ *Т* и въ *Б*; въ *Р*: «виненъ». [3] Въ *Т*: «требуете». [4] Такъ въ *Б*; въ *Т*: «а шла бы»; въ *Р*: «шла бы». [5] Въ *Т*: «но и ни малѣйшаго».

Софья.

По крайней мѣрѣ, батюшка, будьте вы въ томъ увѣрены, что онъ и васъ почитать не будетъ: руской французъ обыкновенно никаво, кромѣ себя и французовъ, не почитаетъ. Да развѣ вы не знаете, какова большая часть нашихъ пріѣзжихъ изъ Парижа? [1]

Совѣтникъ.

Знаю, всё знаю; однако твой женихъ имѣетъ хорошее достоинство.

Софья.

Какое, батюшка?

Совѣтникъ.

Деревеньки-та [2] у нево [2] изрядныя, а естьли зять мой не станетъ рачить о своей економіи [3], то я примусь за правленіе деревень ево.

Софья.

Я не думаю, чтобъ будущей мой свекоръ захотѣлъ васъ трудить присмотромъ за деревнями ево сына; свекровь моя такъ же хозяйничать охотница: впротчемъ я ни черезъ то, ни черезъ другое не выигрываю. Я привыкла быть свидѣтельницею доброй економіи.

Совѣтникъ.

Тѣмъ лутче: ты своево не растеряешь. А это развѣ малое тебѣ щастіе, что ты имѣть будешъ такую свекровь, которая, мнѣ кажется, превосходитъ всякую [4] тварь своими добротами?

Софья.

Я по нещастію моему ихъ въ ней примѣтить еще не могла.

---

[1] Послѣднихъ строкъ: «Русской Французъ»—«изъ Парижа», нѣтъ въ *Б.*
[2] Въ *Б*: «Деревеньки у него». [3] Такъ въ *Т* и *Б*; въ *Р*: «о экономіи».
[4] «всяку» *Б.*

Совѣтникъ.

Это всё таки отъ таво же, что ты дѣвочка молодая и не знаешъ, въ чомъ состоятъ прямыя доброты[1]. Ты не вѣдаешъ, я вижу, ни своей свекрови, ни прямаго пути къ своему спасенію.

Софья.

Я удивляюсь, батюшка, какое участіе свекровь моя можетъ имѣть въ прямомъ пути къ моему спасенію[2].

Совѣтникъ.

А вотъ какое: вышедъ за мужъ, почитай свекровь свою; она будетъ тебѣ и мать, и другъ, и наставница; а ты имѣй ее первую по Бозѣ[3], угождай во всемъ быстропроницательнымъ очамъ ея, и перенимай у нее всё доброе. О таковомъ вашемъ согласіи и люди на землѣ возвеселятся, и аньгели на небесехъ возрадуются.

Софья.

Какъ, батюшка! Неужели ангеломъ на небесехъ такъ много дѣла до моей свекрови, что они тогда радоваться будутъ, ежели я ей угождать стану?

Совѣтникъ.

Конешно, такъ. Или думаешъ ты, что у Господа въ книгѣ животной Акулина Тимофѣевна не написана?

Софья.

Батюшка, я не вѣдаю[4], есть ли въ ней она[5].

Совѣтникъ.

А я вѣрую[6], что есть. Поди же, другъ мой, къ гостямъ, и какъ будто отъ себя, выскажи ты своей будущей свекрови, что я наставляю тебя угождать ей.

---

[1] «добродѣтели» *Б.* [2] «въ пути моего спасенія» *Б.* [3] «чти ее первую по Бозѣ» *Б.* [4] «я не знаю» *Б.* [5] Такъ въ *Р* и *Б*; въ *Т*: «она въ ней». [6] Такъ въ *Р* и *Б*; въ *Т*: «вѣдаю».

Софья.

Позвольте мнѣ вамъ доложить, батюшка, начто это? Не довольно ли таво, естьли я угождать ей буду безъ всякаго высказыванія.

Совѣтникъ.

Я велю тебѣ ей высказывать, а не меня выспрашивать: вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Пошла!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Совѣтникъ *(одинъ)*.

Она не дура, однако со всѣмъ ее умомъ догадаться не можетъ, что я привязанъ къ ея свекрови, привязанъ очами, помышленіемъ, и всѣми моими чувствы. Не знаю, какъ объявить ей о моемъ окаянствѣ. Вижу, что гублю душу мою, желая соблазнить непорочную[1]. О, грѣховъ моихъ тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моленіе, что сотворитъ со мною Игнатей Андреевичь, который столько же хранитъ свою супругу, сколько я свою; хотя впротчемъ и не проходило у насъ сряду двухъ часовъ безссорно? Вотъ до чево доводитъ къ чужой женѣ любовь! Выдаю дочь мою противъ желанія за ее сына для таво только, чтобъ чаще возмогъ я по родству видѣться съ возлюбленною сватьею: въ ней нахожу я нѣчто отмѣнно разумное, котороа другіе примѣтить въ ней не могутъ. Я не говорю о ее мужѣ: онъ хотя и всегда слылъ мужикомъ разумнымъ, однако военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ—не столько иногда любитъ жену свою, сколько свою лошадь. А! да вотъ она идôтъ[2].

[1] «неблазную» *Б.* [2] «и она идетъ» *Т.*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Совѣтникъ, Бригадирша.

СОВѢТНИКЪ.

Ахъ![1]

БРИГАДИРША.

О чомъ ты, мой батюшка, вздыхаешъ?

СОВѢТНИКЪ.

О своемъ окаянствѣ.

БРИГАДИРША.

Ты ужъ и такъ, мой батюшка, съ поста и молитвы скоро на усопшева походить будешъ, и долго ли тебѣ изнурять такъ свое тѣло?

СОВѢТНИКЪ.

Ахъ[2], моя матушка! тѣло маѿ еще не изнурено. Далъ бы Богъ, чтобъ я довелъ ево грѣшнымъ моимъ моленіемъ и пощеніемъ до таво, чтобъ избавилося оно отъ всякаго искушенія! Не грѣшилъ бы я тогда ни на Небо, ни передъ тобою.

БРИГАДИРША.

Передо мною! А чѣмъ[2] ты, батюшка, грѣшишъ передо мною?

СОВѢТНИКЪ.

Окомъ и помышленіемъ.

БРИГАДИРША.

Да какъ это грѣшатъ окомъ?

СОВѢТНИКЪ.

Я грѣшу передъ тобою, взирая на тебя окомъ.

---

[1] «Охъ!» *Б.* [2] Въ *Р* и *Т*: «О чемъ».

Бригадирша.

Да я на тебя смотрю и обѣими: неужели это грѣшно?

Совѣтникъ *(говоритъ какъ суевѣръ)*[1].

Такъ-то грѣшно для меня, что естьли хочу я избавиться вѣчныя[2] муки на томъ свѣтѣ, то долженъ я на здѣшнемъ походить съ однимъ глазомъ до послѣдняго издыханія. Око маѿ меня соблазняетъ, и мнѣ исткнуть ево необходимо должно для душевнаго спасенія.

Бригадирша.

Такъ ты и вправду, мой батюшка, глазокъ себѣ выколоть хочешъ?

Совѣтникъ *(говоритъ какъ ябедникъ и суевѣръ)*[3].

Когда все грѣшное мое тѣло заповѣдямъ сопротивляется, такъ конешно и руки мои не столь праведны, чтобъ они одни[4] взялися исполнять писаніе. Да я страшусь теплыя вѣры твоего сожителя[5]: страшусь, чтобъ онъ, узрѣвъ грѣхъ мой, не совершилъ на мнѣ заповѣди Божіей.

Бригадирша.

Да какой грѣхъ?

Совѣтникъ.

Грѣхъ, емуже вси смертніи поработилися. Каждый человѣкъ имѣетъ духъ и тѣло: духъ хотя и бодръ, да плоть немощна, къ тому же нѣсть грѣха, который бы не могъ быти очищенъ покаяніемъ. *(Съ нѣжностію.)* Согрѣшимъ и покаемся.

---

[1] Словъ, поставленныхъ въ скобки, нѣтъ въ *Б*. [2] Такъ въ *Т* и *Б*; въ *Р*: «вѣчной». [3] Словъ, заключенныхъ въ скобки, нѣтъ въ *Б*. [4] Въ *Р*: «одни они». [5] Слова: «страшусь теплыя вѣры твоего сожителя», пропущены въ *Р* и *Т*.

БРИГАДИРША.

Какъ не согрѣшить, батюшка? Единъ Богъ безъ грѣха.

СОВѢТНИКЪ.

Такъ, моя матушка! И ты сама теперь исповѣдуешъ, что ты причастна грѣху сему.

БРИГАДИРША.

Я исповѣдываюся[1], батюшка, всегда въ великой постъ на первой недѣлѣ. Да скажи мнѣ, пожалуй: что тебѣ до грѣховъ моихъ нужды?

СОВѢТНИКЪ.

До грѣховъ твоихъ мнѣ такая же нужда, какъ и до спасенія: я хочу, чтобъ твои грѣхи и мои были одни и тѣ же, и чтобъ не могло ничто на свѣтѣ[2] разрушити совокупленія душъ и тѣлесъ нашихъ.

БРИГАДИРША.

А что это, батюшка, совокупленіе? Я церковнова-то языка столько же мало смышлю, какъ и французскова. Вить каво какъ Господь миловать захочетъ: иному такъ откроетъ онъ и французскую, и нѣмецкую и всякую грамоту; а я, грѣшная, и по руски-та худо смышлю. Вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а больше половины рѣчей твоихъ не разумѣю. Коли чью рѣчь я больше всѣхъ разберу, такъ это сваево Игнатья Андреевича: всѣ слова выговариваетъ онъ такъ чисто, такъ рѣчисто, какъ попугай. . . . Да видалъ ли ты, мой батюшка, попугаевъ?

СОВѢТНИКЪ.

Не о птицахъ предлежитъ намъ дѣло; дѣло идѣтъ о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешъ маево хотѣнія?

---

[1] Въ *Т*: «исповѣдуюсь». [2] Словъ: «на свѣтѣ», нѣтъ въ *Б*.

Бригадирша.

Не понимаю, мой батюшка! Да чево ты хочешъ?

Совѣтникъ.

Могу ли я просить? . . .

Бригадирша.

Да чево ты у меня просить хочешъ?[1] И естьли только, мой батюшка, не денегъ, то я всѣмъ ссудить тебя рада[2]. Ты знаешъ, каковы нынѣ деньги: ими никто даромъ[3] не ссуждаетъ, а для нихъ ни въ чомъ не отказываютъ.

(*Здѣсь входитъ Иванъ, а они ево не видятъ.*)

Совѣтникъ.

Не о деньгахъ рѣчь идôтъ; я самъ для денегъ на все могу согласиться[4]. *(Становится на колѣни.)* Я люблю тебя, моя матушка. *(Въ самое то время Совѣтникъ увидѣлъ Ивана, а Иванъ хохочетъ и бьетъ въ ладоши[5]).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ жъ и Иванъ.

Иванъ.

Брависсимо! брависсимо![6]

Бригадирша.

Что ты, Иванушка, такъ прыгаешъ? Мы говорили о дѣлѣ. Ты помѣшалъ ему[7]: онъ не знаю чево-та у меня просить хотѣлъ.

Иванъ.

Да онъ, матушка, дѣлаетъ тебѣ декларассіонъ анформъ[8].

---

[1] Въ *Р:* «Да чего ты хочешь?». [2] Въ *Б:* «ссудить тебя могу». [3] Въ *Т:* «даромъ никто». [4] Въ *Т:* «на все соглашусь». [5] Въ *Б:* «*Въ самое то время увидѣвъ Совѣтникъ сына, вскочилъ; а сынъ хохочетъ и апплодируетъ*». [6] Въ *Б:* «Bravissimo! bravissimo!». [7] «Артамону Власьичу» *Б.* [8] «Déclaration en forme» *Б.*

Совѣтникъ.

Не осуждай, не осужденъ будеши. *(Уходитъ).*

Бригадирша.

Иванушка! вытолкуй ты мнѣ лутче, что ты теперь сказалъ.

Иванъ.

Матушка! онъ съ тобою амурится. Разумѣешъ ли ты хотя это?

Бригадирша.

Онъ амурится! И, мой батюшка, что у тебя же на умѣ!

Иванъ.

Чортъ меня возьми, ежели это не правда!

Бригадирша.

Перекрестись. Какой божбой ты божишся! Опомнись: вить чортомъ не шутятъ. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Иванъ.

Матушка! я вижу, ты этому не вѣришъ. Да начто жъ[1] онъ становился на колѣни.

Бригадирша.

Я почемъ знаю![2] Неужели это для амуру? Ахъ, онъ проклятой сынъ! Да что онъ это вздумалъ?

---

[1] Такъ въ *Р* и *Т;* въ *Б:* «Да на что онъ». [2] «Я почему знаю, Иванушка!» *Б.*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ жъ и Совѣтница.

Иванъ.

Мадамъ! я теперь былъ свидѣтелемъ пресмѣшныя сцены[1]. Же пансе креве де риръ[2]. Твой мужъ объявилъ любовь свою моей матушкѣ. Ха! ха! ха!

Совѣтница.

Не въ правду ли? *(Во время рѣчи бригадиршиной, она отводитъ Ивана и нѣчто шепчетъ ему)*[3].

Бригадирша *(въ сердцахъ).*

Ахъ, онъ собака! Да что онъ и въ правду затѣялъ? Развѣ у меня Богъ языкъ отнялъ? Я теперь же всё разскажу Игнатью Андреевичу: пускай-ка онъ ему лобъ раскроитъ посвойски! Что это онъ вздумалъ? Вить я брегадирша! Нѣтъ, онъ плутъ не думай того, чтобъ онъ нашелъ на дуру! Мнѣ, слава Богу, ума не занимать![4] Я тотъ часъ пойду.

(Иванъ и Совѣтница ухватили ее за полы.)

Иванъ.

Матушка, постой! постой!

Совѣтница.

Постой, сударыня!

Иванъ.

Да развѣ ты, матушка, не примѣтила, что я шутилъ?

---

[1] Такъ въ *Р* и *Б;* въ *Т:* «пресмѣшной». [2] «J'ai pensé crêver de rire» *Б.* [3] Такъ въ *Р* и *Б;* въ *Т:* «*Отводитъ Ивана, какъ Бригадирша говоритъ, и шепчетъ*». [4] Такъ въ *Р* и *Б;* въ *Т:* «не занимать стало».

Бригадирша.

Какая шутка! Вить я слышала, какъ ты божился.

Совѣтница.

Онъ, сударыня, конешно шутилъ.

Иванъ.

Чортъ меня возьми, ежели это была не шутка!

Бригадирша.

Какъ! ты и теперь такъ же божишся? Что за дьявольщина! Да чему же вѣрить?

Совѣтница.

Какъ, сударыня? Вы не можете шутки отдѣлить отъ серьѳзнова?

Бригадирша.

Да нельзя, мать моя: вить онъ такъ божился, что мой языкъ этова и выговорить[1] не поворотится.

Совѣтница.

Да онъ конешно въ шутку и побожился.

Иванъ.

Конешно, въ шутку. Я зналъ въ Парижѣ да и здѣсь превеликое множество разумныхъ людей, е мемъ танъ де форъ онетъ жанъ[2], которые божбу ни во что ставятъ.

Бригадирша.

Такъ[3] ты и заправду, Иванушка, шутилъ?

---

[1] Въ *Т:* «и выговорить этого». [2] Въ *Б:* «et même fort honnêtes gens».
[3] Въ *Т:* «Какъ!».

Иванъ.

Хотите ли вы, чтобъ я еще вамъ побожился?

Бригадирша.

Да ты, можетъ быть, опять[1] шутить станешъ? То-то, ради Бога, не введи ты меня въ дуры.

Совѣтница.

Кстатѣ ли, радость моя! Будь спокойна: я знаю своего мужа; ежели бъ это была правда, о! я сама капабельна взбѣситься.

Бригадирша.

Ну, слава Богу, что это шутка! Теперь душа моя на мѣстѣ. *(Отходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Иванъ, Совѣтница.

Совѣтница.

Ты было всё дѣло испортилъ. Ну, ежели бы матушка твоя нажаловалась отцу твоему, вить бы онъ взбѣсился и ту минуту увёзъ отсюда и тебя съ нею[2].

Иванъ.

Мадамъ![3] ты меня въ этомъ простить можешъ. Признаюсь, что мнѣ этурдери свойственно, а инако худо подражалъ бы я[4] французамъ.

Совѣтница.

Мы должны, душа моя, объ томъ[5] молчать, и нескромность твою я ничѣмъ бы не могла экскюзовать, естьли бъ осторожность не смѣшна была въ молодомъ человѣкѣ, а особливо въ томъ, который былъ въ Парижѣ.

---

[1] Въ *Т:* «и опять». [2] Въ *Р:* «тебя и съ нею». [3] «Madame!» *Б.* [4] Въ *Т:* «худо бы подражалъ я». [5] Въ *Б:* «о томъ».

Иванъ.

Осторожность[1], постоянство, терпѣливость похвальны были, можетъ быть, тогда, когда люди не знали, какъ должно жить на свѣтѣ[2]; а мы, которые знаемъ, что это такое, ке дꙋ вивръ данъ ле гранъ мондъ[3], мы конешно были бы съ постоянствомъ очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ же разумныхъ людей, какъ мы.

Совѣтница.

Вотъ прямыя правила жизни! Душа моя! я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришъ самую истину[4]. Сердце человѣческое есть всегда сердце и въ Парижѣ, и въ Россіи: оно обмануть не можетъ.

Иванъ.

Мадамъ! ты меня восхищаешъ: ты, я вижу, такое же тонкое понятіе имѣешъ о сердцѣ, какъ я о разумѣ. Мондьё![5] какъ судьбина милосерда! Она старается соединить людей однаво ума, однаво вкуса, однаво нрава: мы созданы другъ для друга.

Совѣтница.

Безъ сомнѣнія[6], мы рождены подъ одною кометою.

Иванъ.

Всꙋ нещастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты руская. . . .

Совѣтница.

Это, ангелъ мой, конешно для меня ужасная погибель.

Иванъ.

Это такой дефо[7], которова ничѣмъ загладить уже нельзя.

---

[1] Передъ этимъ словомъ въ *Б* прибавлено: «O! vous avez raison». [2] Такъ въ *Р* и *Т*; въ *Б*: «въ свѣтѣ». [3] Въ *Б*: «que de vivre dans le grand monde». [4] Въ *Р*: «истинную». [5] «Mon Dieu!» *Б*. [6] Въ *Р*: «безъ сумнѣнія». [7] «défaut» *Б*.

Совѣтница.

Что жъ мнѣ дѣлать?

Иванъ.

Дай мнѣ въ себѣ волю. Я не намѣренъ въ Россіи умереть, я сыщу оказыі͡онъ фаворабль[1] увезти тебя въ Парижъ; тамо[2] остатки дней нашихъ, ле рестъ де но журъ[3], будемъ имѣть утѣшеніе проводить съ французами; тамо[4] увидишъ ты, что есть между протчими и такіе люди, съ которыми я могу имѣть сосьете[5].

Совѣтница.

Вѣрю, душа моя; только, я думаю, отецъ твой не согласится отпустить тебя въ другой разъ во Францію.

Иванъ.

А я думаю, что я и ево увезу туды съ собою. Просвѣщаться никогда не поздно, а я за то порукою, что онъ, съѣздя въ Парижъ, по крайней мѣрѣ хотя сколько нибудь на человѣка походить будетъ.

Совѣтница.

Не то на умѣ у отца тваево. Я очень увѣрена, что онъ нашу деревню предпочтетъ и раю, и Парижу,—словомъ, онъ мнѣ дѣлаетъ свой куръ.

Иванъ.

Какъ! онъ мой риваль? . . . .

Совѣтница.

Я примѣчаю, что онъ смертно[6] влюблі͡онъ въ меня.

---

[1] «occasion favorable» *Б.* [2] Такъ въ *Б;* въ *Т:* «тамъ»; въ *Р:* «тайно». [3] «les restes de nos jours» *Б.* [4] Въ *Р* и *Б:* «тамъ». [5] «société» *Б.* [6] Въ *Т:* «смертельно».

Иванъ.

Да знаетъ ли онъ право честныхъ людей? Да вѣдаетъ ли онъ, что за это дерутся?

Совѣтница.

Какъ, душа моя, ты и съ отцомъ подраться хочешъ?[1]

Иванъ.

Пуркуа нонъ?[2] Я читалъ въ прекрасной книгѣ, какъ бишъ ее зовутъ?.... ле номъ метешапе... Да, въ книгѣ «ле сотизъ дю танъ»[3], что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца сваево на дуель.... А я, или я скотъ, чтобъ не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилось[4] въ Парижѣ?

Совѣтница.

Твой отецъ очень смѣшонъ.... Такіе дураки.... Ахъ! какъ онъ легокъ на económinѣ-то!.... Вотъ онъ и идётъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ жъ и Бригадиръ.

Бригадиръ.

Я ужъ началъ здѣсь хозяйничать; пришолъ васъ звать къ столу. Да что ты, матушка, разговорилась съ моимъ повѣсою? А ты что здѣсь дѣлаешъ? Ты долженъ быть съ своею невѣстою.

Иванъ.

Батюшка, я здѣсь хочу быть[5].

Бригадиръ.

Да я не хочу.

---

[1] Въ *T:* «хочешь подраться». [2] «Et pourquoi non?» *Б.* [3] «Les sottises du temps» *Б.* [4] Въ *Б:* «случилося». [5] Въ *Б:* «я здѣсь быть хочу».

Совѣтница.

Да вамъ, сударь, какое до таво дѣло?

Бригадиръ.

Мнѣ не хочется, матушка, чтобъ онъ тебѣ болтаньемъ своимъ наскучилъ; я лутче бы хотѣлъ самъ съ тобою поговорить о дѣлѣ.

Совѣтница.

Поговорите[1]. Что вамъ угодно?

Бригадиръ.

Мнѣ угодно, чтобъ сынъ мой былъ отъ васъ подалѣ: онъ вамъ наскучитъ.

Совѣтница.

Нѣтъ, сударь, мы очень весело безъ васъ время проводили.

Бригадиръ.

Да мнѣ безъ тебя скушно[2]. *(Взглянувъ на сына).* Поди ты вонъ, повѣса!

Совѣтница *(Ивану).*

Когда время итти къ столу, такъ пойдемъ. (*Подаетъ ему руку, онъ ведетъ ее, жеманяся*[3]*; а Бригадиръ, идучи за ними*[4], *говоритъ:)*

Бригадиръ.

Добро, Иванъ! будетъ то время, что ты не такъ[5] кобениться станешъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

---

[1] Такъ въ *Р;* такъ было и въ *Т*, но впослѣдствіи первыя *двѣ* буквы зачеркнуты; въ *Б:* «говорите». [2] Въ *Б:* «Да я безъ тебя скучаю». [3] Эта фраза пропущена въ *Т.* [4] Въ *Т:* «*за ними идучи*». [5] Въ *Б:* «и не такъ».

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бригадиръ и Иванъ.

Бригадиръ.

Слушай, Иванъ! Я рѣдко съ молоду краснѣлся, однако теперь отъ тебя при старости сгорѣлъ было.

Иванъ.

Батюшка![1] или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на руской?

Бригадиръ.

Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Иванъ.

Тѣло мое родилося въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежалъ всегда[2] коронѣ французской.

Бригадиръ.

Однако, Иванъ, ты всїо таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи: вить въ тѣлѣ тваїомъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ[3].

Иванъ.

Вотъ, батюшка, теперь вы уже льстить[4] мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалася.

---

[1] Въ *Б*, вмѣсто этого слова: «Mon cher père!». [2] Это слово пропущено въ *Б*. [3] Въ *Б*: «Однако ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ». [4] Въ *Б*: «и льстить».

Бригадиръ.

Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешъ, что я льщу тебѣ. Эдакой осёлъ!

Иванъ *(въ сторону).*

Эдакой осёлъ![1] Я вамъ еще сказываю, батюшка[2], что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу[3] не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились: я такой же дворянинъ, какъ и вы, монсьё[4].

Бригадиръ.

Дурачина, дурачина! Что ты ни скажешъ, такъ всё врёшъ, какъ лошедь. Ну, кстатѣ ли отцу съ сыномъ щитаться въ дворянствѣ? Да хотя бъ ты и чужой мнѣ былъ, такъ тебѣ забывать таво по крайней мѣрѣ не надобно, что я отъ арміи брегадиръ.

Иванъ.

Же манъ мокъ[5].

Бригадиръ.

Что за «манъ мокъ»?

Иванъ.

То, что мнѣ до вашева брегадирства дѣла нѣтъ, я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ.

Бригадиръ.

О, ежели бъ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой[6], ты самъ объ этомъ напоминаешъ каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ, по нашему военному уставу, прогнать тебя шпицъ-рутеномъ.

---

[1] Въ *Б:* «Эдакой оселъ! *(Въ сторону.)* Il ne me flatte pas». Для французскихъ словъ въ *Р* оставлено мѣсто. [2] Въ *Б* послѣ этого: «je vous le répète». [3] Въ *Б* послѣ этого: «je vous en prie». [4] «monsieur», *Б.* [5] «Je m'en moque» *Б.* [6] Въ *Т:* «мой другъ».

Иванъ.

Батюшка! вамъ всё̂ кажется, будто вы стоите передъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ.

Твоя правда, не къ чему; а впере̂дъ какъ ты что нибудь соврё̂шъ, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ рускихъ[1] палокъ. Понимаешъ ли?[2]

Иванъ.

Жантанъ[3]. А вы сами поймё̂те ли[4] меня? Всякой галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; слѣдовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы ежели взойдё̂те[5] въ лѣсъ, и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ.

Эдакой уродъ! Отца примѣнилъ къ медвѣдю! Развѣ я на нево похожъ?

Иванъ.

Тутъ нѣтъ «развѣ». Я сказалъ вамъ то, что думаю: вуала монъ карактеръ![6] Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ.

Дуралей! я твой отецъ.

Иванъ.

Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, анимо[7], одинаковы?

---

[1] Въ *Р* слово «русскихъ» пропущено. [2] Эта фраза пропущена въ *Т*. [3] Въ *Б* вмѣсто этого: «Понимаю». [4] Въ *Т*: «понимаете ли?». [5] Въ *Б*: «ежели вы зайдете». [6] Въ *Б*: «voilà mon caractère». [7] Въ *Б*: «les animaux».

Бригадиръ.

Это къ чему? Конешно, всѣ: отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешъ?

Иванъ.

Послушайте [1]: ежели всѣ животныя одинаковы, то вить и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ.

Для чево нѣтъ? Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота, такъ ты какъ нибудь помѣстить себя тутъ можешъ [2].

Иванъ.

Очень хорошо! А когда щенокъ не обязанъ респектовать таво пса, кто былъ ево отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Бригадиръ.

Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжной человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишъ къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешъ. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Эдакой скосырь выѣхалъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Бригадирша.

Бригадирша.

Что за шумъ? Что ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишъ? Не здѣлалъ ли ты, Иванушка, какова намъ убытку? Не потерялъ ли ты чево нибудь?

---

[1] Въ *Т:* «Послушайте жъ». [2] Въ *Б:* «такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?».

Бригадиръ.

И очень много, пропажа не мала.

Бригадирша *(запыхалася)*.[1]

Что за бѣда? Что такое?

Бригадиръ.

Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у нево былъ.

Бригадирша *(отдыхая)*.

Тьфу, какая пропасть! Слава Богу! Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямъ не пропало ль что нибудь.

Бригадиръ.

А развѣ умотъ[2] ничто?

Бригадирша.

Какъ ничто? Кто тебѣ это сказывалъ[3], батюшка? Безъ ума жить худо: что ты наживiôшъ безъ нево?

Бригадиръ.

Безъ нево? А безъ нево нажила ты вотъ этова урода. Не говаривалъ ли я тебѣ: «жена, не балуй робенка; запишемъ ево въ полкъ, пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то и я дѣлывалъ?»[4] А ты всегда изволила болтать: «ахъ, батюшка! нѣтъ, мой батюшка! что ты съ младенцомъ дѣлать хочешъ? не умори ево, свѣтъ мой!» Вотъ, мать моя, вотъ онъ здравствуетъ! Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю: не изволишъ ли и ты послушать?

---

[1] Въ *Б:* «запыхаяся». [2] Въ *Т:* «умъ-то». [3] Въ *Т:* «сказалъ это». [4] Въ *Б:* «какъ то я дѣлывалъ».

Иванъ *(зѣваетъ).*

Кель эспесъ![1]

Бригадиръ.

Вотъ говори ты съ нимъ, пожалуй, а онъ лишъ только ротъ деріо̂тъ. Иванъ! не бѣси меня: ты знаешъ, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу; ты знаешъ, каковъ я.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ жъ и Совѣтница.

Совѣтница.

Что ты, сударь, затѣялъ? Возможно ль, чтобъ я стерпѣла здѣсь такое barbarie?[2]

Бригадиръ.

Я, матушка, хочу поучить немного своево Ивана.[3]

Совѣтница.

Какъ? Вы хотите поучить немного вашева сына, выломя у нево два ребра?

Бригадиръ.

Да вить, матушка, у нево не только что два ребра: ежели я ихъ и выломлю, такъ съ нево еще останется, а для меня всѐ равно, будутъ ли у нево два тѣ ребра[4], или не будутъ.

Бригадирша.

Вотъ, матушка, какъ онъ о рожденіи-та сваіо̂мъ говорить изволитъ!

---

[1] Въ *Б:* «Quels espèces!» [2] Это слово внесено изъ *Б;* въ *Р* и *Т* оно пропущено. [3] Въ *Т:* «своего сына». [4] Въ *Б:* «тѣ два ребра».

Иванъ *(къ совѣтницѣ).*

Се лѡмъ ле плюзенпертинанъ ке же коне![1]

Совѣтница.

Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша сыну[2] вашему меня безпокоитъ?

Бригадиръ.

А я[3], матушка, думалъ, что грубость ево ко мнѣ васъ безпокоитъ.

Совѣтница.

Нимало. Я не могу терпѣть пристрастія[4]: мериты должны быть всегда респектованы. Конешно, вы не видите достоинствъ въ вашемъ сынѣ.

Бригадиръ.

Не вижу. Да скажите же вы мнѣ, какія достоинствы вы въ немъ видите?

Совѣтница.

Да развѣ вы не знаете, что онъ былъ въ Парижѣ?

Бригадирша.

Только ли, матушка, что въ Парижѣ! Онъ былъ еще во Франціи. Шутка ль это!

Бригадиръ.

Жена! не полно ль тебѣ врать? . .

Бригадирша.

Вотъ, батюшка, правды не говори тебѣ!

Бригадиръ.

Говори, да не ври.

---

[1] Въ *Б:* «C'est l'homme le plus bourru, que je connais». [2] Въ *Б:* «къ сыну». [3] Такъ въ *Б* и *Т;* въ *Р:* «Я». [4] Въ *Т:* «имѣть пристрастіи».

Совѣтница *(къ бригадиру)*.

Вы, конешно, не слыхивали[1], какъ онъ былъ въ Парижѣ принятъ?

Бригадиръ.

Онъ этова сказать мнѣ до сихъ поръ еще не смѣлъ, матушка.

Совѣтница.

Скажите лутче, что не хотѣлъ. А ежели я васъ, мосьŏ[2], попрошу теперь, чтобы вы[3] о своемъ вояжѣ что нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать?

Иванъ.

Де ту монъ кёръ[4]; только при немъ[5] мнѣ не способно исполнить вашу волю: онъ зашумитъ, помѣшаетъ и остановитъ[6].

Совѣтница.

Онъ для меня этова конешно не здѣлаетъ.

Бригадиръ.

Для васъ, а не для каво болѣе[7] на свѣтѣ, молчать соглашусь[8], и то, пока мочь будетъ. Говори, Иванъ!

Бригадирша.

И я, мой батюшка, послушаю.

Иванъ.

Съ чево жъ начать?[9]. . .

---

[1] Въ *Т:* «не слыхали». [2] Въ *Б:* «monsieur». [3] Въ *Р:* «что вы бы». [4] Въ *Б:* «De tout mon coeur, madame!» [5] Такъ въ *Р* и *Т;* въ *Б:* «только въ присутствіи батюшки». [6] Въ *Б:* «помѣшаетъ, остановитъ». [7] Въ *Б:* «больше». [8] Въ *Б:* «я молчать соглашаюсь». [9] Послѣ этого въ *Б:* «par où commencer?»

Совѣтница.

Начните съ таво, чѣмъ вамъ Парижъ понравился, и чѣмъ вы, монсьô, понравились Парижу.

Иванъ.

Парижъ понравился мнѣ вопервыхъ тѣмъ, что всякой отличается въ немъ своими достоинствами.

Бригадиръ.

Постой, постой, Иванъ! Ежели это правда, то какъ же ты понравился Парижу?

Совѣтница.

Вы обѣщали, сударь, не мѣшать ему. По крайней мѣрѣ вы должны учтивостію дамамъ, которыя хотятъ слушать ево, а не васъ.

Бригадиръ.

Виноватъ[1], матушка, и для васъ, а не для каво болѣе, молчать буду.

Совѣтница *(Ивану)*.

Продолжайте, монсьô, континюе[2].

Иванъ.

Въ Парижѣ всѣ почитали меня такъ, какъ я заслуживаю: куда бы я ни приходилъ, вездѣ или я одинъ говорилъ, или всѣ обо мнѣ говорили; всѣ моимъ разговоромъ восхищались. Гдѣ меня ни видали, вездѣ у всѣхъ радость являлася на лицахъ, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, который прямо показывалъ, что они обо мнѣ думаютъ.

---

[1] Въ *Б:* «Я виноватъ». [2] Въ *Б:* «monsieur, continuez».

Совѣтница *(бригадиру)*.

Не должны ли вы притти[1] въ восхищеніе? Я, ничѣмъ не будучи обязана, я отъ словъ его въ восторгѣ.

Бригадирша (*плача*).

Я безъ ума отъ радости: Богъ привîолъ на старости видѣть Иванушку съ такимъ разумомъ.

Совѣтница *(бригадиру)*.

Что жъ вы ничево не говорите?

Бригадиръ.

Я, матушка, боюся васъ прогнѣвить[2], а безъ тово бы я, конешно, или засмѣялся, или заплакалъ.

Совѣтница.

Континюе[3], душа моя.

Иванъ.

Во Франціи люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то есть — не рускіе.

Совѣтница.

Смотри, радость моя, я тамъ не была, однако я о Франціи получила уже отъ тебя изрядную идею. Не правда ли, что во Франціи живутъ по большой части Французы?

Иванъ *(съ восторгомъ)*.

Вузаве ле донъ де девине[4].

---

[1] Въ *Т:* «приттить». [2] Такъ въ *Р;* въ *Т:* «прогнѣвать». [3] Въ *Б:* «Continuez». [4] Въ *Б:* «Vous avez le don de déviner».

Бригадирша.

Какъ же, Иванушка? Неужели тамъ люди-та не такіе, какъ мы всѣ рускіе?[1]

Иванъ.

Не такіе, какъ вы, а такіе, какъ я[2].

Бригадирша.

Для чего же? вить и ты маѣ̂ рожденье.

Иванъ.

Немпортъ![3] Всякой, кто, какъ я[4], былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про рускихъ, не включать себя въ число ихъ затѣмъ, что онъ уже сталъ больше французъ, нежели руской.

Совѣтница.

Скажи мнѣ, жизнь моя: можно ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они рускіе?

Иванъ.

Тоталеманъ[5] нельзя: это не такое нещастіе, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено[6]; однако нельзя и таво сказать, чтобъ оно живо было въ нашей памяти: оно представляется намъ какъ сонъ, какъ иллюзионъ[7].

Бригадиръ (*совѣтницѣ*).

Матушка, позволь мнѣ одно словцо на все ему сказать.

Иванъ (*совѣтницѣ*).

Села мекседъ, же ме ретиръ. (*Уходитъ.*)[8]

---

[1] Въ *Т:* «какъ мы здѣсь Русскіе?» [2] Въ *Б:* «Не такіе, какъ вы, а не какъ я». [3] Въ *Б:* «N'importe!» [4] Въ *Р:* «кто какъ» (пропущено «я»); въ *Т* и *Б:* «кто былъ». [5] Въ *Б:* «Tôtalement». [6] Въ *Т:* «могло быть въ мысляхъ заглажено». [7] Въ *Б:* «какъ illusion». [8] Въ *Б:* «Cela m'excède, je me retire (*выходитъ*).»

Бригадирша.

Что онъ, матушка, это выговорилъ? Не занемогъ ли Иванушка, что онъ такъ опрометью отсюда кинулся? Пойти посмотрѣть было.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бригадиръ и Совѣтница.

Совѣтница.

Вотъ что вы сдѣлали! Вы лишили меня удовольствія слышать исторію сына вашева [1] и цѣлаго Парижа.

Бригадиръ.

А я бы думалъ, что я избавилъ тебя отъ неудовольствія слышать дурачества. Развѣ, матушка, тебѣ угодно шутить надъ моимъ сыномъ?

Совѣтница.

Развѣ вамъ, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадиръ.

Надъ тобою? Боже меня избави! Я хочу, чтобъ меня ту минуту аркибузировали, въ которую помышлю я о тебѣ худо.

Совѣтница.

Благодарствую, сударь, за вашу эстиму.

Бригадиръ.

Не за что, матушка! [2]

Совѣтница.

Вашъ сынъ, я вижу, страждетъ отъ вашихъ грубостей.

---

[1] Въ *Б*: «вашего сына». [2] Въ *Р*: «За что матушка?»

Бригадиръ.

Теперь для васъ ему спускаю; однако, рано или поздно, я изъ нево французской духъ вышибу. Я вижу, что онъ и вамъ уже наскучилъ[1].

Совѣтница.

Вы ошиблись. Перестаньте грубить вашему сыну: вѣдаете ли вы, что я ево словами восхищаюсь?

Бригадиръ.

Какими?

Совѣтница.

Развѣ вы глухи? Развѣ вы безчувственны были, когда онъ расказывалъ о себѣ и о Парижѣ?

Бригадиръ.

Я хотѣлъ бы такимъ быть на этотъ разъ, матушка. Я вижу, что вы теперь шутить изволите: разсказы ево — пустошъ. Онъ хотя и мой сынъ, однако таить нечево: гдѣ онъ былъ? въ какихъ походахъ? на которой акціи? А ежели ты охотница слушать и впрямъ что нибудь пріятное, то прикажи мнѣ: я тебѣ въ одинъ мигъ разскажу, какъ мы Турковъ наповалъ положили. Я не жалѣлъ бусарманской[2] крови, и сколь тогда ни шумно было, однако всіо не такъ опасно[3], какъ теперь.

Совѣтница.

Какъ теперь? Что это такое?[4]

Бригадиръ.

Это то, о чомъ я съ тобой давно уже поговорить хотѣлъ, да проклятый сынъ мой съ бездѣлками своими мѣшалъ мнѣ всякой разъ; и ежели тебѣ угодно, то я ево за это завтре же безъ живота здѣлаю.

---

[1] Въ *Б*: «скученъ». [2] Такъ въ *Р* и *Т*; въ *Б*: «бусурманской». [3] Этого слова нѣтъ въ *Т*. [4] Въ *Т*: «А что это теперь?»

Совѣтница.

За что, сударь, хотите вы ево такъ изувѣчить?

Бригадиръ.

За то, что, можетъ быть, безъ нево я давно бы тебѣ сказалъ мой секретъ и взялъ бы отъ тебя отвѣтъ.

Совѣтница.

Какой секретъ? Какой отвѣтъ?

Бригадиръ.

Я чиновъ не люблю, а хочу одно изъ двухъ: да или нѣтъ?

Совѣтница.

Да чево вы хотите? Что вы такъ перемѣнились?

Бригадиръ.

О, ежели бы ты знала, какая теперь во мнѣ[1] тревога, когда смотрю я на твои бодрыя очи!

Совѣтница.

Что это за тревога?

Бригадиръ.

Тревога, которой я гораздо больше опасаюсь, нежели идучи противъ цѣлой непріятельской арміи. Глаза твои мнѣ страшнѣе всѣхъ пуль, ядеръ и картечей: одинъ первой ихъ выстрѣлъ прострѣлилъ уже навылетъ мое сердце, и прежде, нежели они меня ухлопаютъ, здаюся я твоимъ военноплѣннымъ[2].

Совѣтница.

Я, сударь, дискуру этова[3] вовсе не понимаю, и для того, съ позволенія вашева, я васъ оставляю.

---

[1] Въ *Т:* «во мнѣ теперь». [2] Такъ въ *Т* и *Б;* въ *Р:* «военноплѣнникомъ».
[3] Въ *Б:* «твоего».

Бригадиръ.

Постой, матушка, я тебѣ вытолкую всіо гораздо яснѣе. Представь себѣ фортецію, которую хочетъ взять храбрый генералъ: что онъ тогда въ себѣ чувствуетъ? Точно то теперь и я [1], какъ храброй полководецъ, а ты—моя фортеція, которая какъ ни крѣпка, однако брешу въ ней здѣлать можно.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ жъ, Совѣтникъ, Добролюбовъ.

Совѣтникъ *(Добролюбову)*.

Такъ дѣло тваіо уже рѣшено?

Добролюбовъ.

Рѣшено, сударь.

Бригадиръ.

О, чортъ ихъ побери! Который разъ принимаюсь, да не дадутъ кончить.

Совѣтница.

Что жъ вы, сударь?

Бригадиръ.

Матушка! это не такое дѣло, которое я дѣлалъ бы при вашемъ сожителѣ. *(Выходя.)* Я съ досады тресну!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Совѣтникъ, Добролюбовъ, Совѣтница.

Совѣтникъ.

Да ты какъ рано о дѣлѣ сваіомъ свѣдалъ?

Добролюбовъ.

Сей часъ.

---

[1] Такъ въ *Р* и *Т*. Въ *Б*: «Точно то теперь и я. Я какъ храбрый полководецъ».

Совѣтница.

Какъ! Вы вашъ процессъ выиграли?

Добролюбовъ.

Такъ, сударыня, состояніе маѹ гораздо поправилось: я имѣю двѣ тысячи душъ.

Совѣтникъ.

Двѣ тысячи душъ! О, создатель мой Господи! И при твоихъ достоинствахъ! Ахъ, какъ же ты теперь почтенія достоинъ!

Совѣтница.

Да не были ли вы притомъ и въ Парижѣ?

Добролюбовъ.

Нѣтъ, сударыня.

Совѣтница.

Жаль; это одно всѣ мериты помрачить можетъ.

Совѣтникъ.

Однако ежели у ково есть двѣ тысячи душъ, то, мнѣ кажется, они всѣ пороки наградить могутъ. Двѣ тысячи душъ и безъ помѣщичьихъ достоинствъ всегда двѣ тысячи душъ, а достоинствы безъ нихъ—какія къ чорту достоинствы! [1] Однако чудно мнѣ [2], что ты могъ такъ скоро выходить сваіô дѣло и, погнавшись за нимъ, не растерялъ и достальное.

Добролюбовъ.

Естьли бъ не страшились таво, что слухъ о несправедливости и грабежѣ можетъ въ нынѣшнее время дойти далѣе и получить достойное наказаніе, то бы я, конешно, выхаживая нынѣ

---

[1] Въ *Б*: «достоинства». [2] Въ *Б*: «Однако про насъ слово: чудно мнѣ».

маїо дѣло, имѣлъ случай совершенно раззориться. Со всѣмъ тѣмъ, когда ужъ взятки запрещены наистрожайшимъ образомъ, бездѣльники нашли нынѣ другую дорогу къ раззоренію.

Совѣтникъ.

Какую?

Добролюбовъ.

Долго обо всїомъ разсказывать. *(Совѣтницѣ.)* Я боюсь вамъ наскучить, сударыня.

Совѣтница.

Нѣтъ, сударь, я сама куріозна объ этомъ слушать.

Добролюбовъ.

Дорогу нашли такую, чтобъ дѣло волочить и тѣмъ самымъ заставить жалѣть публику уже и о томъ, что взятки запрещены, потому что, когда ихъ брали, то сколько [1] ни дорого становилось челобитчикамъ, однако деньгами можно было поспѣшить рѣшеніемъ; напротивъ таво, нынѣ взятокъ брать не смѣютъ, слѣдовательно [2] пресѣкся послѣдній путь къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ.

Совѣтникъ.

Ну, такъ! Не говорилъ ли я, что худо, эй, худо сдѣлано то, что взятки запретили? [3] Какъ можно рѣшить дѣла даромъ, за одно сваїо жалованье? Этова мы, какъ родились, не слыхивали: это противъ натуры человѣческой. Какъ же ты дошелъ до тово, что наконецъ дѣло твоїо рѣшено стало?

Добролюбовъ.

Мы щастливы тѣмъ, что всякой, кто не можетъ найти въ учрежденныхъ мѣстахъ своево права, можетъ итти наконецъ

---

[1] Въ *Т:* «сколь». [2] Въ *Т:* «слѣдственно». [3] См. ниже, въ «Примѣчаніяхъ».

прямо къ вышнему правосудію. Я принялъ смѣлость къ оному прибѣгнуть, и судьи мои принуждены были строгимъ повелѣніемъ рѣшить маѻ дѣло.

Совѣтникъ.

Хорошо, что тваѻ дѣло право, такъ ты и могъ итти далѣе! Ну, а ежели бы оно было не таково, какъ бы ты далѣе-то съ нимъ пашолъ?

Добролюбовъ.

Я бы не только не пашолъ тогда далѣе, да и не сталъ бы трудить судебное мѣсто.

Совѣтникъ.

Такъ хорошее ли это дѣло? А въ маѻ время всякой и съ правымъ и неправымъ дѣломъ шолъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьею, получить милостивую резолюцію. Въ маѻ время далѣе не совались. У насъ была пословица: «до Бога высоко, до царя далеко».

Совѣтница *(Добролюбову).*

Мнѣ кажется, что вамъ время уже себя этаблировать, время жениться.

Добролюбовъ.

Я ни на комъ жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь[1] за меня отдать дочь вашу[2].

Совѣтникъ.

Другъ мой сердешной! ты былъ недостаточенъ, да къ тому же и мои обстоятельства, право, теперь не таковы[3].

---

[1] Въ *Т:* «не согласитесь». [2] Въ *Т:* «вашу дочь». [3] Такъ въ *Р* и *Т;* въ *Б;* «да къ тому же и мои обстоятельства не таковы, чтобъ. . .».

Совѣтница.

Я съ моей стороны никогда въ вашемъ сватовствѣ не препятствовала.

Добролюбовъ.

Однако уже я льстится не могу?[1]

Совѣтникъ.

Теперь мнѣ ни таво, ни другова сказать нельзя. Пойдiôмъ-ка лутче, да выпьемъ по чашкѣ чаю. Послѣ обѣда о дѣлахъ говорить не ловко; я всегда интересныя дѣла рѣшилъ[2] по утрамъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Добролюбовъ и Софья.

Добролюбовъ.

Я великую надежду имѣю[3] къ совершенію нашева желанія.

Софья.

А я не смѣю еще ласкаться ею. Съ тобою я могу говорить откровенно. Естьли это правда, что батюшка мой измѣняетъ моей мачихѣ, то и перемѣна состоянія тваево не можетъ перемѣнить ево намѣренія.

Добролюбовъ.

Однако я видѣлъ, съ какимъ чувствіемъ услышелъ онъ вѣсть о рѣшеніи дѣла маево въ пользу мою. Я такъ же мыслей своихъ

---

[1] Въ *Б:* «Однако я уже льститься могу....» [2] Въ *Б:* «рѣшалъ». [3] Въ *Т:* «имѣю надежду».

отъ тебя скрывать не могу. Ты знаешъ сама, что отецъ твой любитъ богатство, а корыстолюбіе дѣлаетъ изъ человѣка такія же чудеса, какъ и любовь.

Софья.

Со всѣмъ тѣмъ корыстолюбіе рѣдко любовь побѣждаетъ. Я не знаю, буду ли я столько щастлива, чтобъ судьба твоя съ моей соединилась; однако я[1] и тѣмъ однимъ уже утѣшаюсь, что тваѡ состояніе поправилось.

Добролюбовъ.

Мое состояніе до тѣхъ поръ нещастно будетъ, пока не исполнится маѡ главнѣйшее[2] желаніе. Ты знаешъ, въ чомъ состоитъ оно[3]: тебѣ извѣстно маѡ сердце.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ жъ и Бригадирша.

Добролюбовъ *(увидя, что бригадирша слезы отираетъ)*.

О чомъ вы плакали, сударыня?

Бригадирша.

Я мой батюшка, не первой разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое[4] житье!

Софья.

Что такое, сударыня?

Бригадирша.

Закажу другу и ворогу[5] итти замужъ.

---

[1] Въ *Б*: «я однако». [2] Въ *Т*: «главнѣйшее мое». [3] Въ *Т*: «оно состоитъ». [4] Такъ въ *Р* и *Б*; въ *Т*: «каково мнѣ». [5] Въ *Т*: «недругу».

Софья.

Какъ, сударыня? Можете ли вы говорить это въ самое то время, когда хотите вы таво, чтобъ я женой была вашева сына?

Бригадирша.

Тебѣ, матушка, для чево за нево не итти? Я сказала такъ про себя.

Добролюбовъ.

Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бригадирша.

И вѣдомо.

Софья.

Какъ же это, то про себя, то про всѣхъ? Скажите, матушка[1], что нибудь одно.

Бригадирша.

Ты изволь говорить, а мнѣ что?

Добролюбовъ.

Что же вамъ угодно?

Бригадирша.

Ничево; я пришла сюда такъ поплакать въ свою волю.

Софья.

Да о чемъ же?

Бригадирша[2].

О томъ, что мнѣ грустно. Теперь Игнатей Андреевичь напади на меня ни за что, ни про что; ругалъ, ругалъ, а Господь вѣдаетъ, за что: ужъ я у нево стала и свинья, и дура. А вы и[3] сами видите, дура ли я.

---

[1] Въ *Б*: «сударыня». [2] Въ *Б* послѣ этого прибавлено: «плача». [3] Такъ въ *Р*; въ *Т* и *Б*: «а вы сами видите».

Добролюбовъ.

Конешно, видимъ, сударыня.

Софья.

Да за что онъ такъ на васъ теперь напалъ?

Бригадирша.

Такъ, слово за слово. Онъ же такова крутова нраву, что упаси Господи! Таво и смотрю, что рѣзнетъ меня, чѣмъ ни попало. Разсуди жъ, моя матушка: вить долго ль до бѣды? раскроитъ черепъ разомъ. Послѣ и спохватится да не што здѣлаешъ.

Добролюбовъ.

Поэтому ваша жизнь всякую минуту въ опасности?

Бригадирша.

До лихова часу долго ли?

Софья.

Неужели онъ съ вами столько варварски поступалъ, что вы отъ нево уже и терпѣли на это похожее?

Бригадирша.

То нѣтъ, моя матушка, этова еще не бывало, чтобъ онъ убилъ меня до смерти. Нѣтъ, нѣтъ еще!

Добролюбовъ.

Объ этомъ, сударыня, васъ никто и не спрашиваетъ.

Софья.

Довольно, ежели онъ имѣлъ варварство пользоваться правомъ сильнаго.

Бригадирша.

То онъ, силенъ, матушка! Однажды, и то безъ сердцовъ, знаешъ, въ шутку потолкнулъ[1] онъ меня въ грудь[2], такъ вѣришъ ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула? такъ глазки подъ лобъ и закатились, не взвидѣла свѣту божьева.

Софья.

И это было въ шутку!

Бригадирша.

Насилу отдохнула, а онъ, мой батюшка, хохочетъ да тѣшится.

Добролюбовъ.

Изрядной смѣхъ!

Бригадирша.

Недѣль черезъ пять, шесть и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть было чуть Богу души не отдала[3] безъ покаянія.

Добролюбовъ.

Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть было васъ[4] на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бригадирша.

Такъ и жить. Вить я, мать моя, не одна за мужемъ. Маѿ житьѿ-та худо, худо; а всѿ не такъ, какъ бывало нашихъ афицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашева полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у нево была[4] такая изрядная молодка. Такъ бывало, онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмельной, такъ вѣришъ ли Богу, мать моя,

[1] Въ *Т:* «толкнулъ». [2] Такъ въ *Т* и *Б;* въ *Р:* «въ груди». [3] Въ *Б:* «чуть было Богу души не отдала». [4] Это слово пропущено въ *Б.* [4] Въ *Т:* «была у него».

что гвоздитъ онъ, гвоздитъ его, бывало, въ чомъ душа останется, а ни дай, ни вынеси, за что! Ну мы — наша сторона дѣло, а ино наплачешся, на нее глядя.

Софья.

Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша.

Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешъ, каково же было терпѣть капитаншѣ?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ жъ, Иванъ и Совѣтница.

Иванъ[1].

Съ великою охотою, авекъ плезиръ[2].

Совѣтница.

Такъ велѣть подать карты! Лакей, столъ и карты! *(Добролюбову.)*[3] Не изволите ли вы здѣлать[4] партію въ кадриль?

Добролюбовъ.

Ежели вамъ угодно.

[*Между тѣмъ подаютъ столъ и креслы ставятъ; Иванъ разбираетъ карты и подаетъ каждому по картѣ для мѣстъ.*]

---

[1] Передъ этимъ словомъ въ *Р* и *Т* недостаетъ слѣдующихъ строкъ: «Совѣтница *(сыну)*. Не угодно ли сыграть партію въ карты?» *(Б)*. [2] Въ *Б*: «avec plaisir». [3] Въ *Р*: «Къ Добролюбову». [4] Въ *Б*: «здѣсь» (вм. «здѣлать»).

Иванъ *(Къ совѣтницѣ).*

Мадамъ![1] *(Къ бригадиршѣ.)*[2] Мадамъ![1]

Бригадирша.

Это начто, Иванушка? Да коли играть, такъ всѣ раздай. Развѣ, мой батюшка, нынѣ по одной карточкѣ[3] играютъ?

Иванъ.

Это для мѣстъ, матушка.

Бригадирша.

И! мнѣ и такъ, по милости хозяйской, мѣсто будетъ.

Иванъ.

Матушка! берите же.

Бригадирша.

Да что мнѣ, батюшка, въ одной карточкѣ?

Совѣтница.

Играете ли вы въ кадриль, сударыня?

Бригадирша.

И, мать моя! Я и слыхомъ не слыхала[4], что̀ это.

Совѣтница *(Софьѣ).*

Такъ[5] возьмите вы.

Иванъ.

Мадемоазель![6] *(Подаетъ карты, и всѣ садятся между тѣмъ, какъ Иванъ здаетъ карты.)*

---

[1] Въ *Б*: «Madame!» [2] Такъ въ *Б*; въ *Р* пропущено; въ *Т*: «Бригадиршѣ тожъ даетъ карту». [3] Въ *Р*: «картѣ». [4] Въ *Т*: «не слыхивала». [5] Въ *Р*: «То». [6] Въ *Б*: «Mademoiselle!»

Бригадирша.

А я сяду, матушка, да посмотрю на васъ, какъ вы забавляетесь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ жъ, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ.

Ба! здѣсь и картежъ завели!

Совѣтникъ.

А ты не изволишъ ли со мною игорку въ шахматы въ большую?

Бригадиръ.

Давай, бери.

(Садятся въ другомъ концѣ. Между тѣмъ совѣтникъ съ бригадиромъ выступаютъ, и одинъ другому говоритъ): я такъ, *(а тотъ ему):* а я такъ!

Совѣтница.

Въ кіорахъ волю.

Иванъ.

Пасъ![1] *(И всѣ пасуютъ.)*

Совѣтница.

Они и они.

Бригадирша.

Что за околесница? Они и они! А[2] кто это они?

Совѣтникъ *(услышевъ ее вопросъ).*

Нынѣ, матушка, всѣхъ игоръ и не разберешъ, въ которыя люди тѣшиться изволятъ.

---

[1] Въ *Б*: «Passe!» [2] Въ *Б* этого слова нѣтъ.

Бригадирша.

Такъ, мой батюшка, ужъ чево нынѣ не выдумаютъ! Они и они! Куды мудрѐнъ народъ! *(Заглянувъ къ Ивану въ карты.)* Ахъ, Иванушка, какъ на рукахъ-то у тебя жлудей, жлудей![1]

Иванъ.

Матушка! я брошу карты, же ле жетъ паръ теръ[2].

Совѣтница.

И впрямь, сударыня, вы бы могли это держать только на умѣ. . . . Рекизъ!

Бригадиръ *(вслушавшись въ рѣчь совѣтницы)*.

На умѣ! Было бы на чомъ! . . . . Шахъ!

Совѣтникъ.

Плохо, плохо мнѣ приходитъ.

Бригадиръ.

Не шути же[3], сватушка.

Иванъ *(показавъ[4] карты)*.

Санпрандеръ, шесть матадоровъ[5].

Бригадирша.

Что, мой батюшка, что ты сказалъ? Матадуры? Вотъ уже[6] нынче[7] стали играть и въ дуры, а бывало такъ всѐ въ дураки игрывали.

---

[1] Такъ въ *Р* и въ *Б*; въ *Т*: «жлудей-та, жлудей-та»! [2] Въ *Б*: «Je les jette par terre!» [3] Въ *Б*: «Не шути». [4] Въ *Т*: «*показывая*». [5] Въ *Р*, *Т* и *Б*: «матедоровъ». См. въ примѣчаніяхъ. [6] Въ *Б* этого слова нѣтъ. [7] Въ *Т*: «нынѣча».

Совѣтникъ.

Такъ, матушка моя! Мало ли чево[1] бывало и чево нѣтъ, чево не бывало и что есть.

Бригадирша.

Такъ, мой батюшка! Бывало, и я въ людяхъ, а нынѣ. . . что ужъ и говорить! Старость пришла, ужъ и памяти нѣтъ.

Бригадиръ.

А ума не бывало.

Иванъ *(поетъ французскую пѣсню; совѣтница пристаетъ къ нему).*

(Къ совѣтницѣ). Мадамъ! мы оба беты. Матушка! пропой ка ты намъ какой нибудь новинькой эръ[2].

Бригадирша.

Что пропѣть? И! мой батюшка, голосу нѣтъ, вамъ здоровье сказано[3], духъ занимаетъ. . . . Да что это у васъ за игра идѿтъ? Я не разберу, хоть ты меня зарѣжь. Бывало, какъ мы заведемъ игорку-та, такъ или въ марьяжъ, или въ дураки, а всево веселѣй, бывало, въ хрюшки: раздадутъ по три карточки: у каво пигусъ, тотъ и вышелъ; а кто останется, то драньѿ такое подымутъ, что и животики надорвѿшъ.

Совѣтникъ *(смѣется съ нѣжностію).*

Ха! ха! ха! я самъ такъ игрывалъ, бывало, и, помнится мнѣ, при всякой картѣ разныя забавы.

Добролюбовъ.

Медіаторъ[4]!

---

[1] Въ *Б:* «что». [2] Въ *Б:* «Пропойте-ка вы намъ какой-нибудь эръ». [3] Этой фразы нѣтъ въ *Б.* [4] Такъ въ *Т* и *Б;* въ *Р:* ошибочно: «матадоръ».

БРИГАДИРША.

Такъ, мой батюшка! *(Схватила со стола*[1] *одни карты, и подбѣжала къ совѣтнику).* Вотъ, бывало, коли кто виноватъ, такъ и скажутъ: «съ этой стороны[2] не проси вотъ этова, а съ этой этова», а потомъ *(держа*[3] *въ одной рукѣ карты, однимъ пальцомъ шмыгаетъ, между тѣмъ совѣтникъ покидаетъ игру въ шахматы, заглядевся на нее съ нѣжностью):* «чего хочешъ, тово просишъ»[4], — тотъ и выглядываетъ карточку. . А тамъ до этой карты и пойдiôтъ за всякую драньё разно: «краля по щекѣ, холопъ за ухо волокъ!»

БРИГАДИРЪ.

Жена! давай-ка въ хрюшки![5] *(Встаетъ.)* Воля твоя, мы эдакъ вѣкъ не кончимъ.

ИВАНЪ.

Гдѣ же карты? Не чортъ ли ихъ унесъ?[6]

БРИГАДИРША.

Нѣтъ, я, Иванушка!

ИВАНЪ *(вскоча).*

Илетемпосибль де жуе[7]. *(Всѣ встаютъ).*

БРИГАДИРША.

Да я вамъ что, мой батюшка, помѣшала? вить у васъ есть карты.

БРИГАДИРЪ.

Слушай, жена! Ты куда ни придiôшъ, вездѣ напроказишъ.

---

[1] Въ *Б* пропущены слова: «со стола». [2] Въ *Б:* «съ той стороны». [3] Въ *Т* послѣ этого слова прибавлено: «*между тѣмъ*». [4] Слова: «чего хочешъ, того просишъ», во всѣхъ печатныхъ текстахъ «Бригадира» пропущены. [5] Въ *Б:* «Давай-ка со мной въ хрюшки». [6] Въ *Т:* «взялъ». Въ *Б:* «*Сынъ.* Pardieu! Матушка! куда ты карты дѣвала? *Бригадирша.* Здѣсь, Иванушка». [7] Въ *Б:* «Il est impossible de jouer!»

Бригадирша.

Да я тебѣ, мой батюшка, чѣмъ помѣшала?[1] Ты бы зналъ, выступалъ своей игрой: вить я къ нему подошла *(указывая на совѣтника)*, а не къ тебѣ.

Бригадиръ.

У каво нѣтъ ума, тотъ, подошетчи къ одному, всѣмъ помѣшать можетъ.

Бригадирша.

Вотъ такъ! Я же и[2] виновата стала.

Иванъ.

Матушка! да развѣ я виноватъ? *(Указывая на Добролюбова.)* Этотъ мосьŝ? *(Указывая на женщинъ.)* Эти мадамъ?[3]

Совѣтникъ.

Полно, зятюшка; тебѣ бы и грѣшно было упрекать рождшую[4].

Совѣтница.

А вамъ стыдно, сударь, не въ ваши дѣла вступаться.

Бригадиръ.

Я, сватъ, тебя люблю, а съ женою моею, пожалуй, ты не мири[5] меня: свои собаки грызутся, чужая не приставай[6].

Иванъ.

Такъ, батюшка, всѣ пословицы справедливы, а особливо французскія. Не правда ли *(къ Добролюбову)*, монсьŝ?[7]

---

[1] Въ *Б:* «Да тебѣ, мой батюшка, чѣмъ я помѣшала?» [2] Въ *Б* пропущено слово: «*и*». [3] Въ *Б:* «*(указывая на Добролюбова)* ou ce monsieur? *(указывая на женщинъ)*, ou ces dames?» [4] Въ *Б:* «родшую». [5] Въ *Б:* «ты не мири». [6] Въ *Б:* «Развѣ ты, сватъ, не вѣдаешь пословицы: свои собаки» и т. д. [7] Въ *Б:* «Monsieur?»

Добролюбовъ.

Я знаю много и рускихъ очень справедливыхъ, — не правда ли, сударыня? *(Къ Софьѣ).*

Софья.

Правда.

Иванъ[1].

А какія жъ?

Софья.

Напримѣръ, сударь: «ври дуракъ, что хочешъ; со вранья пошлинъ не берутъ».

Бригадиръ.

Такъ, матушка! Ай, люблю! Вотъ тебѣ пословица и загадка! А ежели хочешъ ты, Иванъ, чтобъ я отгадалъ ею̂, такъ дуракомъ выдешъ ты.

Иванъ.

Паркель резонъ?[2]

Совѣтница.

По какому резону?

Бригадиръ.

По такому, матушка, что онъ вріо̂тъ безъ пошлины[3].

Бригадирша.

Слава Богу, милость божія, что на враньѣо̂-та пошлинъ нѣтъ: вить куда бы какое всѣмъ намъ было раззореніе!

Бригадиръ.

Ништо тебѣ[4]! Ты бы часовъ въ пять, шесть пошла по міру.

---

[1] Въ *Б* послѣ этого прибавлено: «*Къ Софьѣ*». [2] Въ *Б*: «Par quelle raison?» [3] Въ *Б*: «безпошлинно». [4] Въ *Б*, вмѣсто этого: «А особливо тебѣ».

Совѣтникъ.

Не гнѣвайся, матушка, на своево супруга: на нево севодни, видно[1], худой стихъ нашолъ.

Бригадирша.

И, мой батюшка! Мнѣ ль сердиться, когда онъ гнѣвается? Маіô дѣло убираться теперь далѣ[2]. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ, Софья, Иванъ.

Бригадиръ.

Дѣло и здѣлано[3].

Совѣтница *(къ Софьѣ).*

Поди жъ, сударыня, къ своей свекрови. Вить ей не одной сидѣть тамо!

Софья.

Иду, сударыня. *(Отходитъ)*[4].

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ, Иванъ.

Совѣтникъ.

Воля твоя, братецъ, ты весьма худо поступаешъ съ своею супругою.

Бригадиръ.

А она плохо со мною.

---

[1] Такъ въ *Р*; въ *Т:* «на него, видно, сегодни»; въ *Б* нѣтъ слова: «видно».
[2] Въ *Т:* «далѣе». [3] Въ *Б:* «Дѣло и сдѣлала». [4] Въ *Т* и *Б:* «*Уходитъ*».

Совѣтница.

Чѣмъ же, сударь?

Бригадиръ.

Тѣмъ, матушка, что она не къ мѣсту печальна, не къ добру весела: зажилась[1], грѣха много, не кстатѣ.

Совѣтникъ.

Какъ не кстатѣ! Что жъ ты и заправду, братецъ[2]? Дай Богъ ей многолѣтнее здравіе и долгіе вѣки! Съ умомъ ли ты? Кому ты желаешъ смерти!

Иванъ.

Желать смерти никому не надобно, батюшка[3], ниже собакѣ, не только моей матушкѣ.

Бригадиръ.

Иванъ! не учи ты меня. Я хотя это и молвилъ, однако всіô больше ей хочу добра, нежели ты намъ обѣимъ.

Иванъ.

Я васъ не учу, а говорю правду.

Бригадиръ.

Говори ее тогда, когда тебя[4] спрашиваютъ.

Совѣтница.

Для чево же вы говорите ему тогда, когда онъ васъ не спрашиваетъ?

---

[1] Въ *Б:* «зажилась долго». [2] Въ *Б:* «сватушка». [3] Въ *Б:* «mon cher père». [4] Въ *Б* нѣтъ этого слова.

Бригадиръ.

Для таво, матушка, что онъ мой сынъ. Каково же мнѣ будетъ, когда люди станутъ говорить, что у эдакова-то брегадира, человѣка заслужонова, есть сынъ негодница?

Иванъ.

Батюшка! Я негодница[1]? Я такой сынъ, по которомъ[2] свѣтъ узнаетъ васъ больше, нежели по вашемъ брегадирствѣ. *(Добролюбову.)* Вы, конешно, знаете сами многихъ дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ?

Добролюбовъ.

А еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ бещестье. Правда и то, что всему притчиною воспитаніе.

Бригадиръ.

Такъ, государь[3] мой, это правда. Дура мать ево, а моя жена притчиною тому, что онъ здѣлался повѣсою, и тѣмъ хуже, что здѣлался онъ повѣсою француcкою; худы руcкіе, а французcкіе еще гаже.

Совѣтникъ.

Э! Господа Бога не боишся ты, Игнатей Андреевичь[4]! За что ругаешъ ты такъ свою супругу, которая можетъ назваться вмѣстилищемъ человѣческихъ добродѣтелей?

Бригадиръ.

Какихъ?

Совѣтникъ.

Она смиренна яко агнецъ, трудолюбива яко пчела, прекрасна яко райская птица *(вздыхая)* и вѣрна яко горлица.

---

[1] Въ *Б* послѣ этого прибавлено: «Je vous demande pardon»! [2] Въ *Т*: «по которому». [3] Въ *Р*: «сударь». [4] Въ *Б*: «не боишься ты, сватушка»!

Бригадиръ.

Развѣ умна какъ корова, прекрасна, какъ кто бы[1]? . . . . какъ сова.

Совѣтникъ.

Э![2] какъ дерзаешъ ты примѣнять[3] свою супругу къ ношной птицѣ?

Бригадиръ.

Денную дуру къ ношной птицѣ примѣнить, братъ, можно[4].

Совѣтникъ *(вздыхаетъ)*.

Однако она всё тебѣ вѣрна пребываетъ.

Совѣтница.

Въ самомъ дѣлѣ много въ ней добродѣтели, естьли она васъ любитъ.

Бригадиръ.

Да кого же ей и любить-та, коли[5] не меня? Мнѣ дурно самому хвастать[6]; а, право, я, кажется, благодаря Бога, заслужилъ мой чинъ вѣрой и правдой; то есть, она по мнѣ стала брегадиршей, а не я по женѣ брегадиръ; а[7] это въ нынѣшнемъ свѣтѣ примѣтить надобно! Такъ какъ же ей другово-та и полюбить можно? А кабы я не таковъ былъ, тогда посмотрѣлъ бы её добродѣтель, а особливо, когда бы поискалъ въ ней кто нибудь такъ же изъ нашей братьи первыхъ пяти классовъ!

Совѣтникъ.

Нѣтъ, братецъ, не говори таво: супруга твоя воистинну не такова. Да не похвалится всяка плоть передъ Богомъ! А хотя

[1] Въ *Б*: «какъ бы кто»? [2] Въ *Б* нѣтъ этого слова. [3] Въ *Б*: «примѣнить». [4] Въ *Т*: «примѣнить можно»; въ *Б*: «примѣнить, кажется, можно». [5] Въ *Б*: «ежели». [6] Въ *Б*: «самому о себѣ хвастать». [7] Въ *Б* этого слова нѣтъ.

бы достойной и предостойной человѣкъ поискалъ въ ней, право бы ничево не нашолъ. Вить это, мой другъ, не городъ: штурмомъ не возьміошъ.

Бригадиръ.

Ты говоришъ это, а я знаю, каковъ я.

Иванъ.

Что жъ вы, батюшка!... ха! ха! ха! ха!... неужели вы думаете и[1] сердце взять штурмомъ?

Бригадиръ.

Иванъ! мнѣ кажется, нѣтъ ли таперь штурму въ твоей головушкѣ? Не можно ли потише?

Совѣтница.

Вы сами шумѣть больше всѣхъ любите. Я не знаю, для чево вы хотите, чтобъ сынъ вашъ не говорилъ таво, что онъ думаетъ? Вы ужесть какъ бизарны! *(Къ Ивану и Добролюбову.)* Месьіо[2]! я хочу оставить ихъ продолжать важные дискуры[3], и васъ прошу здѣлать тоже.

Иванъ.

Я иду за вами. Адьіо, мосьё![4] *(Уходитъ).*

Добролюбовъ.

Я волѣ вашей повинуюсь. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Бригадиръ, Совѣтникъ.

Совѣтникъ.

И жена моя уже примѣтила, что ты на свою супругу нападаешъ.

---

[1] Въ *Т* и *Б* этого слова нѣтъ. [2] Въ *Б:* «Messieurs». [3] Въ *Б*: «важные ихъ дискуры». [4] Въ *Б:* «Adieu, messieurs»!

Бригадиръ.

Нѣтъ; а я примѣтилъ, что она слишкомъ горячо вступается за маѳво сына.

Совѣтникъ.

Я таво не примѣчаю.

Бригадиръ.

Тѣмъ хуже.

Совѣтникъ.

А что же?

Бригадиръ.

Ничево, сватъ; однако я моей женѣ не совѣтовалъ бы за чужова дѣтину такъ при мнѣ вступаться.

Совѣтникъ.

Ты думаешъ, братецъ, что и я спустилъ бы моей женѣ, ежели бъ усмотрѣлъ я что нибудь у нѣе благое на умѣ? Слава Богу, у меня глаза-то есть! Я не изъ тѣхъ мужей, которые смотрятъ, да не видятъ.

Бригадиръ.

Я съ моей стороны спокоенъ: жена моя другова не полюбитъ.

Совѣтникъ.

Цѣломудріе ея извѣстно тому, кто по нещастію ослѣпленъ ея прелестями.

Бригадиръ.

Однако такова дурака нѣтъ на свѣтѣ, которому бы вспало на мысль за нею волочиться.

Совѣтникъ.

Да за что же[1] ты бранишся?

---

[1] Такъ въ *Б;* въ *Р:* «Да что же».

Бригадиръ.

Каво? Нѣтъ, братецъ. Я говорю, что этакова скота еще не родилось, который бы вздумалъ искать въ моей женѣ. . . .

Совѣтникъ.

Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ.

Будто я бранюсь, когда я[1] говорю, что надобно быть великому скареду, коли[2] прельститься моею женою.

Совѣтникъ.

Будто ты и не бранишся? *(Съ сердцемъ.)* Почему же тотъ дуракъ, который бы плѣнился Акулиной Тимофѣевной?

Бригадиръ.

Потому что она дура.

Совѣтникъ.

А она такъ разумна, что всѣ ея слова напечатать можно.

Бригадиръ.

Для чево не напечатать? Я слыхалъ, сватъ, что въ нонѣшнихъ печатныхъ книгахъ врутъ не умнѣе жены моей.

Совѣтникъ.

Возможно ли тому статься, чтобъ въ книгахъ врали? Да вѣдаешъ ли ты, братецъ, что печатному-та надлежитъ вѣрить всѣмъ намъ, православнымъ? Видно, что[3] вѣра-та у насъ нынѣ пошатнулась, еретиковъ стало больше.

---

[1] Въ *Б* нѣтъ этого слова. [2] Въ *Б*: «ежели». [3] Этого слова нѣтъ въ *Б*.

Бригадиръ.

А мнѣ кажется, что много печатнова вранья у насъ не отъ тово, что больше стало еретиковъ, а развѣ отъ тово, что больше стало дураковъ: вить я, говоря о женѣ моей, не говорю таво, чтобъ она всѣхъ была глупѣе.

Совѣтникъ.

А я говорю о твоей супругѣ[1], что нѣтъ ее разумнѣе.

Бригадиръ.

Ну, вотъ видишъ, сватъ, а мнѣ такъ кажется, будто твоя хозяйка всѣхъ разумнѣе[2].

Совѣтникъ.

Всякому, братецъ, въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Я въ твоей[3] женѣ многое[4] вижу, чево ты не видишъ.

Бригадиръ.

Положимъ, что это правда; однако и то не ложь, что я въ супругѣ твоей многое теперь вижу, чево ты не видишъ.

Совѣтникъ.

А что жъ такое?

Бригадиръ.

То, что ты, можетъ быть, увидишъ, да не будетъ ли поздно?

Совѣтникъ.

Я знаю, братецъ, къ чему ты пригибаешъ. Ты думаешъ, что я мало смотрю за моей женою; однако для щастія мужей, Господи Боже дай, чтобъ всѣ жоны таковы цѣломудренны были, какъ моя.

---

[1] Послѣ этого въ *Б* прибавлено: «и всегда скажу». [2] Въ *Б*: «Хотя бы мнѣ съ досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна». [3] Вездѣ ошибка: «своей». [4] Въ *Б*: «много».

Бригадиръ.

Женщины обыкновенно бываютъ цѣломудренны съ людьми заслуженными, а съ повѣсами рѣдко.

Совѣтникъ.

Мудрено, братецъ, и меня обмануть[1].

Бригадиръ.

А всево мудренѣе, коли[2] я въ этомъ обманываюсь.

Совѣтникъ.

Мы оба, кажется, не таковы, чтобъ наши жоны могли отъ насъ полюбить чужова мужика. Я съ первою женою жилъ лѣтъ съ пятнатцать, и могу, благодаря Бога, сказать, что она такъ же жила, какъ и эта. Я въ женахъ не бесчастенъ.

Бригадиръ.

Разумѣю.

Совѣтникъ.

Жена, какая бы ни была, да только коли у доброва мужа, то ей и на умъ не вспадѐтъ полюбить другова.

Бригадиръ.

Не говори, братецъ! Со мною служилъ въ одномъ полку секундъ-маѐръ, до имени нужды нѣтъ, мужикъ не дуракъ и на взглядъ дѣтинка[3] добръ: ростомъ чуть не въ двое меня выше. . . .

Совѣтникъ.

О[4], этому статься нельзя, братецъ!

---

[1] Въ *Б:* «Мудрено, братецъ Игнатей Андреевичъ, меня обмануть». [2] Въ *Б:* «ежели». [3] Въ *Б:* «дѣтина». [4] Въ *Б* этого слова нѣтъ.

Бригадиръ.

Однако я не лгу. Въ маю̂ время, когда я былъ помоложе, народъ былъ гораздо крупнѣе.

Совѣтникъ.

Только всю̂ не такъ крупенъ, какъ ты сказываешъ. Правда, что и въ нашей коллегіи былъ канцеляристъ одинъ чуть не въ пятеро меня толще.

Бригадиръ.

О[1], этому статься нельзя, братецъ!

Совѣтникъ.

Конечно такъ. Когда я былъ въ коллегіи, тогда отъ президента до сторожа все были люди дородные.

Бригадиръ.

Ты, братецъ, перебилъ только рѣчь мою. Да о чомъ бишъ я тебѣ хотѣлъ сказывать?

Совѣтникъ.

Право, я[2] не знаю.

Бригадиръ.

И я не вѣдаю. . . . О чомъ бишъ? Да, о секундъ-маіорѣ. . . Онъ былъ мужикъ предобрый, цѣлый полкъ зналъ, что жена ево любила нашева полковника, подполковника, премьеръ-маіора, или, лутче сказать, всѣ вѣдали, что изъ нашихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ не любила она однаво ево, а онъ, собачій сынъ, и мыслить не хотѣлъ, чтобъ она кромѣ ево каво нибудь полюбить могла.

---

[1] Въ *Б* этого слова нѣтъ. [2] Въ *Б* этого слова нѣтъ.

Совѣтникъ.

Что жъ мы такъ долго одни заговорились?

Бригадиръ.

О дѣлѣ я говорить не скучливъ; однако пойдiômъ туда, гдѣ всѣ. *(Выходя.)* Ежели говорить не переставая о томъ, какъ люди ошибаются, то мы не сойдiômъ съ мѣста до скончанія нашей жизни.

Совѣтникъ.

Пойдемъ же, пойдемъ!

конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бригадирша, Иванъ.

Бригадирша.

Не упрямься, Иванушка! Для чево тебѣ не жениться?

Иванъ.

Матушка! довольно видѣть васъ съ батюшкою, чтобъ получить совершенную аверсію къ женитьбѣ.

Бригадирша.

А что жъ бы такое, другъ мой[1]? То правда, что деньжонокъ у насъ не много, однакожъ они не переводятся.

---

[1] Въ *Б* послѣ этого прибавлено: «Развѣ мы спустя рукава живемъ»?

Иванъ.

Мало и[1] ничево — се ла мемъ шозъ[2], для меня всiô равно.

Бригадирша.

Какъ всiô равно, батюшка? Случится иногда и въ десяти копѣйкахъ нужда, такъ и тѣхъ изъ земли не выроешъ. Ужъ куда, право, нынѣ вы прихотливы стали! У васъ вотъ и десять копѣекъ за помiôтъ, а тово и не помните, что гривною человѣку[3] въ день можно быть сыту.

Иванъ.

Матушка, я хочу быть лутче[4] голоденъ, нежели сытъ за гривну[5] . . . . . Только когда вы ни говорите[6] о чемъ нибудь рускомъ, тогда желалъ бы я отъ васъ быть на сто миль францускихъ, а особливо когда дѣло идiôтъ до моей женитьбы.

Бригадирша.

Какъ, Иванушка! Вить мы уже и[7] на словѣ положили?

Иванъ.

Да я нѣтъ.

Бригадирша.

Да намъ что до этова[8]! Наше дѣло сыскать тебѣ невѣсту, а твое дѣло жениться. Ты ужъ не въ сваiô дѣло не вступайся.

Иванъ.

Какъ[9]! Я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбору[10] невѣсты?

---

[1] Въ *Б:* «иль» [2] Въ *Б:* «C'est la même chose». [3] Въ *Б* этого слова нѣтъ. [4] Въ *Т:* «лучше быть». [5] Въ *Б* послѣ этого: «*Бригадирша.* Куда больно, Иванушка! Не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-ка завтра, такъ ты небось и нашимъ сухарямъ радъ будешь. *Сынъ.* Въ случаѣ голода, осмѣливаюсь думать, что и природный Французъ унизилъ бы себя кушать наши сухари». [6] Въ *Т:* «ни заговорите»; въ *Б:* «Матушка, когда вы говорите». [7] Въ *Б* нѣтъ слова: *и.* [8] Въ *Б:* «Да что намъ до этого»? [9] Въ *Б* послѣ этого прибавлено: «ma mère». [10] Въ *Б:* «до выбора».

Бригадирша.

И вѣдомо. А какъ отецъ твой женился? А какъ я за нево вышла? Мы другъ о другѣ и слыхомъ не слыхали. Я съ нимъ до свадьбы отъ роду слова не говорила, и начала уже мало по малу кое-какъ заговаривать съ нимъ, недѣли три[1] спустя послѣ свадьбы.

Иванъ.

За то послѣ слишкомъ вы другъ съ другомъ говорили!

Бригадирша.

Дай то, Боже[2], чтобъ и тебѣ такъ же удалось жить, какъ намъ!

Иванъ.

Дьо манъ презервъ[3]!

Бригадирша.

Буди съ вами милость божія и маꙗ̑ благословеніе!

Иванъ.

Трезоближе[4]!

Бригадирша.

Или я глуха стала, или ты нѣмъ.

Иванъ.

Ни лонъ, ни лотръ[5].

Бригадирша.

Что это мнѣ съ тобою будетъ, Иванушка? Да по каковски ты со мною говорить изволишь?

---

[1] Въ *Б:* «двѣ». [2] Въ *Б:* «Господи». [3] Въ *Б:* «Dieu m'en préserve»! [4] Въ *Б:* «Trés obligé!» [5] Въ *Б:* «ni l'un, ni l'autre».

Иванъ.

А! виноватъ: я и забылъ, что мнѣ надобно говорить съ вами по руски. Же ву демандъ пардонъ, ма тре шеръ меръ. Же парлере тужуръ рюсъ авекъ ву[1].

Бригадирша.

Иванушка, другъ мой! или ты выучи меня по французскому, или самъ разучись: я вижу, что мнѣ никакъ нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить. *(Отходитъ).*

Иванъ.

Какъ изволишъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Иванъ и Совѣтница.

Совѣтница.

Знаешъ ли что, душа моя? Мнѣ кажется, будто твой отецъ очень ревнуетъ; намъ, какъ возможно, стараться надобно скрывать любовь нашу.

Иванъ.

Возможно ли скрыть[2] пожаръ, и такой сильный? Карлъ жё брюль, муа[3].

Совѣтница.

Я боюсь тово, чтобъ, свѣдавъ о нашемъ пламени, твой отецъ и дуракъ мужъ мой[4] не пришли его тушить.

Иванъ.

Такъ[5]! Ву заве резонъ[6]. Это такіе люди, которые не въ свои дѣла вступаться любятъ.

---

[1] Послѣднихъ французскихъ фразъ въ *Б* нѣтъ. [2] Въ *Б:* «Madame, возможно ли скрыть». [3] Въ *Б:* «Car je brûle, moi». [4] Въ *Т:* «мой мужъ». [5] Этого слова нѣтъ въ *Б.* [6] Въ *Б:* «Vous avez raison».

Совѣтница.

А особливо мужъ мой. Ему ничево нѣтъ пріятнѣе, какъ быть замѣшену, маль а пропо[1], въ такое дѣло, которое до нево не принадлежитъ; и чѣмъ меньше ему нужды до нашева пламени, тѣмъ больше онъ въ томъ интересоваться будетъ.

Иванъ.

Ле дьябль манпортъ![2] Какая[3] бы ему тутъ была нужда?

Совѣтница.

Вотъ какая: онъ говоритъ, жизнь моя, что будто мужъ и жена составляютъ однаво человѣка.

Иванъ.

Тѣмъ лутче: паръ консеканъ[4], ежели тебѣ пріятно любить меня, такъ и ему должно то быть пріятно, что ты меня любишъ.

Совѣтница.

Конешно, онъ самъ себѣ контрадируетъ.

Иванъ.

Мадамъ! ты не была въ Парижѣ, а знаешъ всѣ французскія слова. *(Садятся оба.)* Ду вьенъ села?[5] Авуе, *(съ веселымъ видомъ)* не имѣла ли ты конесансу съ какимъ нибудь французомъ?

Совѣтница *(застыдясь)*.

Нѣтъ, душа моя, мнѣ нельзя было ни съ кѣмъ, живучи въ Москвѣ, познакомиться.

---

[1] Въ *Б:* «mal à propos». [2] Въ *Б* этой фразы нѣтъ; вмѣсто нея: «Vous avez raison». [3] Въ *Б:* «И какая». [4] Въ *Б:* «par conséquent». [5] Эта фраза пропущена въ *Б.*

Иванъ.

Э пуркуа? Тамъ развѣ мало французовъ?

Совѣтница.

Я никакова[1] не знала, *(съ презрѣніемъ)* кромѣ учителей.

Иванъ.

Да знаешъ ли ты, каковы наши францускіе учители? Даромъ, что большая изъ нихъ половина грамотѣ не знаетъ, однако для воспитанія они предорогіе люди. Вѣдаешъ ли ты, что я,—я, которова ты видишъ,—до отъѣзду моево въ Парижъ былъ здѣсь на пансіонѣ у францускова кучера?

Совѣтница.

Ежели это правда, душа моя, съ сего часу я буду въ сердцѣ моемъ сохранять истинное почтеніе къ францускимъ кучерамъ.

Иванъ.

И совѣтую. Я одному изъ нихъ долженъ за любовь мою къ французамъ и за холодность мою къ рускимъ. Молодой человѣкъ подобенъ воску: ежели бъ малереземанъ[2] я попался къ рускому, который бы любилъ свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ.

Совѣтница.

Щастье тваѝ, душа моя, что ты попался къ францускому кучеру.

Иванъ.

Однако оставимъ кучера, и поговоримъ объ отцѣ маѝмъ и о тваѝмъ мужѣ.

---

[1] Такъ въ *Р* и *Т;* въ *Б:* «никого». [2] Въ *Б:* «malheureusement».

Совѣтница.

Возможно ли, душа моя, съ такой высокой матеріи перейти вдругъ въ такую низкую!

Иванъ.

Для разумныхъ людей нѣтъ невозможнова.

Совѣтница.

Говори же.

Иванъ.

Намъ надобно взять свои мѣры, прандръ но мезюръ [1]. *(Входятъ съ одного конца бригадиръ, а съ другова совѣтникъ; а они, не видя ихъ, продолжаютъ).*

Совѣтница.

Я, любя тебя, на всё соглашусь [2].

Иванъ.

На всё! *(Кидается [3] на колѣни.)* Идоль де монъ амъ! [4]

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Бригадиръ, Совѣтникъ.

Бригадиръ.

Ба! что это? [5] На яву или во снѣ?

Совѣтникъ.

Съ нами Богъ! Ужъ я не обмороченъ ли? [6]

Иванъ *(вскоча и оторопѣвъ).*

Сервитёръ трезёмбль! [7]

---

[1] Въ *Б:* «prendre nos mesures». [2] Въ *Б:* «соглашаюсь». [3] Въ *Т:* «бросается». [4] Въ *Б:* «Idole de mon âme!» [5] Въ *Б:* «Это что?» [6] Въ *Б:* «Ужъ не обмороченъ ли я?» [7] Въ *Б:* «Serviteur très humble!»

Бригадиръ.

Нѣтъ, Иванъ, теперь я съ тобой по руски поговорить хочу[1].

Совѣтница *(къ мужу)*.

Ты, мой батюшка, внѣ себя; что тебѣ здѣлалось?

Совѣтникъ *(къ женѣ)*[2].

Что мнѣ здѣлалось, проклятая? А развѣ не ты, говоря съ этою повѣсою, на всїо соглашалась?

Иванъ.

Да вы за что[3] меня браните? Пусть изволитъ меня бранить батюшка![4]

Бригадиръ.

Нѣтъ, другъ мой, я тебя поколотить збираюсь.

Совѣтница.

Какъ! Вы его за то бить хотите, что онъ изъ политесу сталъ передо мною на колѣни?

Бригадиръ.

Такъ, моя матушка! Видѣлъ я, видѣлъ! *(Къ совѣтнику.)*[5] Поздравляю тебя, братецъ, перемѣнивъ зятя на свояка.

Совѣтникъ.

О, создатель мой Господи! приходило ль на мое помышленіе видѣть такое богомерзкое дѣло?

Бригадиръ.

Я, братецъ, тебѣ[6], помнишъ, говорилъ: «береги жену, не давай ей воли»! Вотъ что и вышло! Мы съ тобой породнились,

---

[1] Въ *Б*: «Теперь я съ тобой, Иванъ, по русски поговорить хочу». [2] Въ *Б*: «Совѣтникъ *(съ яростію)*». [3] Въ *Т*: «Да вы что». [4] Въ *Т*: «Пусть бранитъ меня батюшка». [5] Внесено изъ *Т*. [6] Въ *Р*: «те».

да не съ той стороны: ты обиженъ, дочь твоя тоже, *(въ сторону)* да и я не меньше.

Иванъ *(къ совѣтнику)*.

Не все ли равно, мосьô?[1] Вы хотѣли имѣть меня своимъ свойственникомъ: я охотно. . . .

Совѣтникъ.

О, злодѣйка! Ты лишила меня чести, моево послѣднева сокровища!

Бригадиръ *(осердясь)*.

Ежели у тебя, сватъ, только сокровища и оставалось, то не слишкомъ же ты богатъ: не за чѣмъ и гнаться![2]

Совѣтникъ.

Разсуди жъ ты самъ, разумный человѣкъ: и это малое сокровище ввѣрилъ я вотъ въ какія руки! *(Указывая на жену свою)*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Бригадирша, Софья, Добролюбовъ.

Бригадирша.

Сокровище! Что за сокровище? Никакъ вы кладъ нашли? Чуръ вмѣстѣ![3]

Бригадиръ.

Кладъ не кладъ, а коя что нашли, чѣго и не чаяли.

Бригадирша.

Что такое?

Бригадиръ *(указывая на совѣтника)*.

Вотъ онъ въ прибыляхъ.

---

[1] Въ *Б:* «monsieur». [2] Въ *Р*: «и знаться». [3] Вмѣсто словъ: «Чуръ вмѣстѣ!» въ *Б:* «Дай-то, Господи!»

Совѣтникъ *(бригадиршѣ)*.

Проклятая жена моя, не бояся [1] Бога и не устыдяся [2] добрыхъ людей, полюбила сына твоево, а моево нареченнаго зятя.

Бригадирша.

И! какая околесница, мой батюшка! У Иванушки есть невѣста, такъ какъ ему полюбить другую? Это не водится.

Иванъ.

Конешно, не водится; да хотя бы и водилось, то за такую безделицу, пуръ багатель [3], честнымъ людямъ осердиться [4] невозможно; между людьми, знающими свѣтъ, этому смѣются.

Бригадиръ.

Да [5], кабы кто нибудь за моей старухой имѣлъ дурачество поволочиться, я бы не сталъ отъ нево ждать дальнихъ разговоровъ: отсочилъ бы я ему бока [6], гдѣ ни встрѣлся [7].

Совѣтникъ.

Нѣтъ, нѣтъ, государь мой! [8] Я знаю, что съ сыномъ вашимъ дѣлать. Онъ меня обещестилъ, а, сколько мнѣ бещестья положено по указамъ, объ этомъ я вѣдаю.

Бригадирша.

Какъ! намъ платить бещестье? Напомни Бога, за что?

Совѣтникъ.

За то, моя матушка, что мнѣ всево дороже — честь. Я всѣ денежки, определенныя мнѣ по чину, возьму съ нево и не уступлю ни полушки.

---

[1] Въ *Б*: «не убояся». [2] Въ *Б*: «не стыдяся». [3] Въ *Б*: «pour une bagatelle». [4] Въ *Б*: «сердиться». [5] Этого слова нѣтъ въ *Б*. [6] Въ *Р*: «а отсочилъ бы я ему бока». [7] Въ *Т* и *Б*: «гдѣ ни встрѣтился». [8] Въ *Б*: «Нѣтъ, государь мой!»

Бригадиръ.

Послушай же, братъ[1]: коли впрямь дойдетъ дѣло до платежа, то сыну моему должно будетъ платить одну половину, а другую пусть заплатитъ тебѣ жена твоя: вить они обещестили тебя заодно.

Бригадирша.

И вѣдомо, грѣхъ пополамъ.

Совѣтница *(къ мужу)*.

Развѣ вы не хотите имѣть ево своимъ зятемъ?

Совѣтникъ.

Загради уста свои, проклятая!

Софья.

Батюшка! послѣ такова поступка, который здѣлалъ мой женихъ, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я въ жизнь свою за нево не выду.

Совѣтникъ.

Я на это[2] согласенъ.

Добролюбовъ *(Софьѣ)*.

Надежда мнѣ льститъ отъ часу болѣе.

Бригадиръ.

И я не хочу тово, чтобъ сынъ мой имѣлъ такую цѣломудренную тіощу. *(Ивану.)* А съ тобой, Иванъ, я раздѣлаюсь вотъ чѣмъ. *(Указываетъ палкою)*.

Совѣтникъ.

Такъ, государь мой, ты палкою, а я монетою.

---

[1] Въ *Б*: «Слушай, братъ!» [2] Въ *Р*: «я за нево» (?).

Иванъ.

Батюшка! вы не слушайте ево: онъ не достоинъ имѣть ее женою.

Совѣтница *(подбѣжавъ къ мужу)*[1].

Измѣнникъ, варваръ, тиранъ!

Совѣтникъ *(оторопѣлъ)*[2].

Что, что такое?

Иванъ.

Развѣ не я[3] видѣлъ, какъ вы становились на колѣни передъ матушкою?

Бригадиръ.

Кто, на колѣни? Ба! передъ кѣмъ?

Иванъ.

Онъ, передъ моей матушкой.

Бригадиръ.

Слышишъ ли, другъ мой? А, что это?

Совѣтникъ.

Не смѣю воззрѣти на небо.

Бригадиръ *(женѣ своей)*.

Онъ за тобою волочился, а ты мнѣ это, дурища, и не сказала?

Бригадирша.

Батюшка мой Игнатей Андреевичь! какъ передъ Богомъ сказать, я сама объ этомъ не вѣдала; мнѣ послѣ сказали добрые люди.

---

[1] Словъ, заключенныхъ въ скобки, нѣтъ въ *Б.* [2] Слова, заключеннаго въ скобки, нѣтъ въ *Б.* [3] Въ *Т*: «я не».

Бригадиръ.

Братъ! съ Иваномъ-то я раздѣлаюсь; а тебѣ, я вижу, и на меня тоже челобитну подавать приходитъ, только не въ бещестьѣ, а въ увѣчьѣ.

Совѣтникъ *(струсилъ)*.[1]

Ваше высокородіе! и Господь кающагося пріемлетъ: прости меня, согрѣшилъ предъ тобою.

Иванъ.

Батюшка![2] изъ благопристойности. . . .

Бригадиръ.

Не учи ты меня, Иванъ! Не забудь таво, что я тебя поучить збираюсь.

Совѣтница *(къ бригадиру)*.

Что жъ ты и въ правду затѣялъ? *(Приступая[3] къ нему.)* Развѣ не ты объявлялъ мнѣ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, любовь свою?

Совѣтникъ.

Какъ! Что такое, государь мой?

Бригадиръ *(тише)*[4].

Чево изволишъ?

Совѣтникъ.

О комъ она сказываетъ?

Бригадиръ.

Обо мнѣ.

---

[1] Въ *Б*: «*струся*». [2] Въ *Б* вмѣсто этого: «Mon père!» [3] Въ *Т*: «приступая». [4] Этого слова нѣтъ ни въ *Т*, ни въ *Б*.

Совѣтникъ.

Такъ ты, государь мой, пріѣхалъ въ домъ мой за тѣмъ развѣ, чтобъ искушать жену мою?

Бригадиръ.

Коли такъ, то я назадъ поѣду.

Совѣтникъ.

Не мѣшкавъ ни часа.

Бригадиръ.

Ни минуты! Видно, что я къ честнымъ и заслуженнымъ людямъ въ руки попался! Иванъ! вели скорѣй подавать коляску. Жена! сей минуты[1] выѣдемъ вонъ изъ такова дому, гдѣ я, и честный человѣкъ, чуть было не здѣлался бездѣльникомъ.

Бригадирша.

Батюшка мой! дай мнѣ хоть прибрать кое что.

Бригадиръ.

Въ чомъ стоимъ[2], въ томъ со двора долой!

Совѣтникъ.

А что останется, то маіô.

Иванъ *(къ совѣтницѣ кинувшись)*.

Прости, ла моатье дîô монъ амъ![3]

Совѣтница *(кинувшись къ Ивану)*.

Адье[4], полъ души моей!

(Бригадиръ и совѣтникъ кидаются разнимать ихъ).

---

[1] Въ *Б*: «сію минуту». [2] Въ *Б*: «стоишь». [3] Въ *Б*: «la moitié de mon âme!» [4] Въ *Б*: «Adieu!»

Бригадиръ.

Куда, собака?

Совѣтникъ.

Куды, проклятая? О, Господи!

Бригадиръ *(передражнивая)*[1].

О, Господи! Нѣтъ, братъ, я вижу по этому, что у ково чаще всѣхъ Господь на языкѣ, у того чортъ на сердцѣ. . . . Вонъ, всѣ мои!

Совѣтникъ *(вслѣдъ за бригадиршей, всплеснувъ руками)*.

Прости, матушка моя Акулина Тимофѣевна!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Совѣтникъ, Совѣтница, Софья, Добролюбовъ.

Совѣтникъ.

О, Господи! наказуешъ насъ по дѣломъ нашимъ! А ты, Софьюшка, за что ты лишилась жениха своево?

Добролюбовъ.

Естьли ваша воля согласна[2] съ желаніемъ нашимъ, то я, ставъ женихомъ ея, почту себя преблагополучнымъ человѣкомъ[3].

Совѣтникъ.

Какъ! Ты, получивъ уже двѣ тысячи душъ, не перемѣняешъ[4] сваево намѣренія?

Добролюбовъ.

Меня ничто на свѣтѣ не привлечетъ перемѣнить ево.

---

[1] Этого слова нѣтъ въ *Б*. [2] Въ *Б*: «согласится». [3] Въ *Б*: «за преблагополучнаго человѣка». [4] Такъ въ *Р*; въ *Т* и *Б*: «не перемѣняешь».

Совѣтникъ.

И ты, Софьюшка, итьти за нево согласна?

Софья.

Естьли ваше и матушкино желаніе не препятствуетъ тому, то я съ радостію хочу быть ево женою.

Совѣтница.

Я вашему щастію никогда не препятствовала.

Совѣтникъ.

Ежели такъ, то[1] будьте вы женихъ и невѣста.

Добролюбовъ *(къ Софьѣ)*.

Желаніе наше совершается. Сколь много я благополученъ!

Софья.

Я однимъ тобою могу на свѣтѣ быть щастлива[2].

Совѣтникъ.

Будьте вы благополучны; а я за всѣ мои грѣхи довольно Господомъ наказанъ: вотъ моя геенна!

Совѣтница.

Я желаю вамъ счастливой ѳартуны, а я до смерти страдать осуждена: вотъ мой тартаръ!

Совѣтникъ *(къ партеру)*.

Говорятъ, что съ совѣстью жить худо, а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всево на свѣтѣ хуже.

Конецъ комедіи.

---

[1] Этого слова нѣтъ въ *Р*. [2] Такъ въ *Т* и *Б*; въ *Р*: «счастливой».

НЕДОРОСЛЬ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Сентября 24 дня 1782.

Продается у Клостермана, противъ адмиралтейства, въ домѣ мещанскаго клоба. No. 106.

Въ Санктпетербургѣ,

Печатана въ вольной типографіи у Шнора.

1783.

15*

ЛИЦА.

Простаковъ	Г. *Зоминъ.*
Гж. Простакова, жена ево.	Гж. *Михайлова.*
Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль	Г. *Черниковъ.*
Еремѣевна, мама Митрофанова	Г. *Шумскій.*
Правдинъ.	Г. *Плавильщиковъ.*
Стародумъ	Г. *Дмитревскій.*
Софья, племянница Стародума.	Гж. *Зорина.*
Милонъ	Г. *Марковъ.*
Г. Скотининъ, братъ Гж: Простаковой. .	Г. *Соколовъ.*
Кутейкинъ, семинаристъ	Г. *Петровъ.*
Цыфиркинъ, отставной сержантъ	Г. *Сусловъ.*
Вральманъ, учитель	Г. *Заводинъ.*
Тришка, портной.	Г. *Замировъ.*
Слуга Простакова.	
Камердинеръ Стародума.	

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Гж. Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна[1].

Гж. Простакова. *(осматривая кафтанъ на Митрофанѣ.)*

Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремѣевна отходитъ).* Онъ воръ вездѣ ево обузилъ. Митрофанушка другъ мой! Я чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. *(Митрофанъ отходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 2.

Гж. Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Гж. Простакова. *(Тришкѣ.)*

А ты скотъ подойди поближе. — Не говорилаль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ ширѣ. Дитя первое ростетъ; другое;[2] дитя и безъ узкова кафтана деликатнова сложенія. Скажи болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка.

Да вить я сударыня учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

---

[1] Въ *РМ* постоянно: «Еремѣвна». [2] Такъ исправлено въ перечнѣ «Ошибокъ».

Гж. Простакова.

Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе!

Тришка.

Да вить портной-то учился сударыня, а я нѣтъ.

Гж. Простакова.

Ища онъ же и споритъ. Портной учился у другова, другой у третьева; да первоетъ портной у ково же учился? говори скотъ.

Тришка.

Да первоетъ портной можетъ быть шилъ хужѣ и моево.

Митрофанъ. *(вбѣгаетъ.)*

Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотъ часъ.

Гж. Простакова.

Такъ поди же[1] вытащи ево, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ.

Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Простаковъ.

Гж. Простакова.

Што, што ты отъ меня прятаться изволишъ? Вотъ сударь до чево я дожила съ твоимъ потворствомъ. Какова сыну обновка къ дядину зговору? каковъ кафтанецъ? Тришка сшить изволилъ.

---

[1] Въ *РМ*: «Такъ подижь».

Простаковъ. *(отъ робости запинаясь.)*

Мѣ. . . . мѣшковатъ не много.

Гж. Простакова.

Самъ ты мѣшковатъ умная голова.

Простаковъ.

Да я думалъ матушка, что тебѣ такъ кажется.

Гж. Простакова.

А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ.

При твоихъ глазахъ мои ничево не видятъ.

Гж. Простакова.

Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь; не смыслитъ самъ разобрать, што широко, што узко.

Простаковъ.

Въ этомъ я тебѣ матушка и вѣрилъ и вѣрю[1].

Гж. Простакова.

Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди сударь, и теперь же накажи. . . . .

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ.

Ково? за што? въ день моево зговора! Я прошу тебя сестрица для такова праздника отложить наказаніе до завтрева; а

[1] Въ *РМ* и *Б*: «Въ этомъ, матушка, я тебѣ и вѣрилъ и вѣрю».

завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, естьли у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ сестрица одинъ обычай съ тобою; да за што жъ ты такъ[1] прогнѣвалась?

Гж. Простакова.

Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ.

Нѣтъ.

Простаковъ.

Да я и самъ уже вижу матушка, што онъ узокъ.

Скотининъ.

Я и этова не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Гж. Простакова. *(Тришкѣ.)*

Выди вонъ скотъ. — *(Еремѣевнѣ)* Подижъ Еремѣевна, дай позавтракать ребенку[2]. Вить я чаю скоро[3] и учители придутъ.

Еремѣевна.

Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ[4] скушать изволилъ.

Гж. Простакова.

Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! изволь смотрѣть.

Еремѣевна.

Да во здравіе, матушка. Я вить сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самова утра.

---

[1] Въ *РМ:* «таки». [2] Въ *РМ:* «робенку». [3] Въ *РМ:* «уже скоро». [4] Въ *РМ:* «булачекъ».

Гж. Простакова.

Ахъ мати Божія! што съ тобою здѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ.

Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ.

А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ.

Помнится, другъ мой, ты што-то скушать изволилъ.

Митрофанъ.

Да што! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремѣевна.

Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлой кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ.

И теперь какъ шельной хожу. Ночь всю така дрянь въ глаза лезла.

Гж. Простакова.

Какаяжъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Да то ты матушка, то батюшка.

Гж. Простакова.

Какъ же это?

Митрофанъ.

Лишъ стану засыпать, то и вижу, будто ты матушка изволишь бить батюшку.

Простаковъ. *(въ сторону.)*

Ну! бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ. *(разнѣжась.)*

Такъ мнѣ и жаль стало.

Гж. Простакова. *(съ досадою.)*

Ково Митрофанушка?

Митрофанъ.

Тебя матушка, ты такъ устала колотя батюшку.

Гж. Простакова.

Обойми меня, другъ мой сердечной! Вотъ сынокъ, одно мое утѣшеніе.

Скотининъ.

Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ.

По крайней мѣрѣ я люблю ево какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ; иногда я отъ нево внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ.

Только теперь забавникъ нашъ стоитъ што-то нахмурясь.

Гж. Простакова.

Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лутче самъ выздаравлю. Побѣгутка теперь на голубятню, такъ авослибо. . . .

Гж. Простакова.

Такъ авослибо[1] Господь милостивъ. Поди, порезвись Митрофанушка.

(Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 5.

Гж. Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ.

Штожъ я не вижу моей невѣсты? гдѣ она? Вечеру быть уже зговору, такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Гж. Простакова.

Успѣемъ, братецъ. Есть ли ей это сказать прежде времяни, то она можетъ еще подумать, что мы ее[2] докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ. *(Скотинину.)*

Правду сказать. Мы поступили съ Софьюшкой какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцомъ. Тому съ полгода, какъ еѣ матушкѣ, а моей сватьюшкѣ сдѣлался ударъ. . . . .

Гж. Простакова. *(показывая будто креститъ сердце.)*

Съ нами сила крестная.

Простаковъ.

Отъ которова она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея Г. Стародумъ поѣхалъ въ Сибирь: а какъ нѣсколько уже лѣтъ не

---

[1] Въ *РМ:* «авось либо». [2] Въ *РМ:* «еѣ».

было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ ево покойникомъ. Мы видя, что она осталася одна, взяли ее въ нашу деревеньку, и надзираемъ[1] надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Гж. Простакова.

Што, што ты севодни такъ разоврался мой батюшка? Еще[2] братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ.

Ну, какъ матушка ему это подумать? Вить Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ.

А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на ково не билъ-челомъ: а всякой убытокъ, чемъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ: такъ и концы въ воду.

Простаковъ.

То правда братецъ, весь околодокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешъ.

Гж. Простакова.

Хотя бы ты насъ поучилъ братецъ батюшка: а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничево уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скотининъ.

Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишъ жените меня на Софьюшкѣ.

Гж. Простакова.

Не уже ли тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

---

[1] Въ *Н*[2]: «надзирали». [2] Въ *РМ*: «Ища».

Скотининъ.

Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ.

Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скотининъ.

И не деревеньки: а то, что въ деревенькахъ-то ея водится, и до чево моя смертная охота.

Гж. Простакова.

До чево же, братецъ?

Скотининъ.

Люблю свиней, сестрица: а у насъ въ околодкѣ[1] такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора ставъ на задни ноги, не была бы вышѣ каждова изъ насъ цѣлой головою[2].

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же и Софья.

(Софья вошла, держа писмо въ рукѣ, и имѣя веселой видъ).

Гж. Простакова. *(Софьѣ.)*

Што такъ весела, матушка, чему обрадовалась?

Софья.

Я получила сей часъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничево не знали, которова я люблю и почитаю, какъ отца моево, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ.— Вотъ письмо, которое я отъ нево теперь получила.

---

[1] Въ *РН*[2]: «въ околоткѣ». [2] См. ниже въ *Примѣчаніяхъ* вставку, слѣдующую за этими словами въ *РМ* и *Б*.

Гж. Простакова. *(испугавшись, съ злобою.)*

Какъ! Стародумъ, твой дядюшка, живъ! и ты изволишь затевать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядной вымыселъ!

Софья.

Да онъ никогда не умиралъ.

Гж. Простакова.

Не умиралъ! а развѣ ему и умереть не льзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умной; онъ увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй не очень веселись; дядюшка твой конечно не воскресалъ.

Скотининъ.

Сестра! ну, да коли не умиралъ[1].

Простаковъ.

Избави Боже, коли онъ не умиралъ!

Гж. Простакова. *(къ мужу.)*

Какъ не умиралъ! что ты бабушку путаешъ? Развѣ ты не знаешъ, что ужъ[2] нѣсколько лѣтъ отъ меня ево и въ памятцахъ за упокой поминали? Не ушто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили! *(къ Софьѣ)* писмецо-то мнѣ пожалуй. *(почти вырываетъ)* Я объ закладъ бьюсь, что оно какое нибудь амурное. И догадываюсь отъ ково. Это отъ тово офицера, которой искалъ на тебѣ жениться, и за которова ты сама итти хотѣла. Да которая бестія безъ моево спросу отдаетъ тебѣ писма! Я доберусь. Вотъ до чево дожили. Къ дѣушкамъ письма пишутъ! дѣушки граматѣ умѣютъ!

---

[1] Въ *РМ:* «Сестра! ну, да коли онъ не умиралъ?» [2] Въ *РМ:* «уже».

Софья.

Прочтите ево сами сударыня. Вы увидите, что ничево невиннѣе быть не можетъ.

Гж. Простакова.

Прочтите ево сами! Нѣтъ, сударыня, я благодаря Бога не такъ воспитана. Я могу писма получать, а читать ихъ всегда велю другому. *(къ мужу)* Читай.

Простаковъ. *(долго смотря.)*

Мудрено.

Гж. Простакова.

И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

Скотининъ.

Я! Я отъ роду ничево не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья.

Позвольте мнѣ прочесть.

Гж. Простакова.

О, матушка! знаю что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро придетъ. Ему велю. . . . .

Скотининъ.

А ужъ зачали молодца учить граматѣ?[1]

Гж. Простакова.

Ахъ! батюшка братецъ! Ужъ года четыре какъ учится. Нѣчево, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митро-

---

[1] Въ *РМ* и *Б* «грамотѣ».

фанушку. Троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ ево батюшка одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вить отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ батюшка. По французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ ево нѣмецъ Адамъ Адамычь Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ. Сажаемъ за столъ съ собою. Бѣлье ево наши бабы моютъ. Куда надобно лошадь[1]. За столомъ стаканъ вина. На ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Фомка даромъ. Правду сказать и мы имъ довольны батюшка братецъ. Онъ ребенка не неволитъ. Вить мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота ево и понѣжить: а тамъ лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави боже, въ службу, всево натерпится. Какъ кому щастье народу написано братецъ. Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотритка на боку лежа летятъ себѣ въ чины. Чемъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба, да вотъ пожаловалъ къ статѣ дарагой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же и Правдинъ.

Гж. Простакова.

Братецъ, другъ мой! рекомендую вамъ дорогова гостя нашева господина Правдина; а вамъ, государь мой! рекомендую брата моево.

Правдинъ.

Радуюсь сдѣлавъ ваше знакомство.

Скотининъ.

Хорошо, государь мой! а какъ по фамиліи, я не дослышалъ.

---

[1] Въ *Н*[2]: «лошать». [2] Въ *РМ*: «чрезъ».

Правдинъ.

Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Скотининъ.

Какой уроженецъ, государь мой, гдѣ деревеньки?

Правдинъ.

Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Скотининъ.

А смѣю ли спросить, государь мой! имяни и отечества не знаю, въ деревенькахъ вашихъ водются ли свинки?

Гж. Простакова.

Полно братецъ о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ ка лучше о нашемъ горѣ. *(къ Правдину)* Вотъ батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать граматки[1] отъ дядюшекъ. Къ ней съ тово свѣта дядюшки пишутъ. Здѣлай милость мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ въ слухъ.

Правдинъ.

Извините меня сударыня. Я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья.

Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

---

[1] Такъ и въ *РМ;* въ *Н*[2]: «грамотки».

Правдинъ.

Естьли вы приказываете. *(читаетъ)*

«Любезная племянница! дѣла мои принудили меня жить нѣ-«сколько лѣтъ въ разлукѣ съ моими ближними; а дальность лишила «меня удовольствія имѣть о васъ извѣстіи. Я теперь въ Москвѣ, «проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибирѣ. Я могу служить примѣ-«ромъ, что трудами и честностію состояніе свое здѣлать можно. «Сими средствами съ помощію щастія нажилъ я десять тысячь «рублей доходу. . . . .

Скотининъ и оба Простаковы.

Десять тысячь!

Правдинъ. *(читаетъ)*

«Которымъ тебя моя любезная племянница, тебя дѣлаю на-слѣдницею. . . . .

Гж. Простакова. } *вмѣстѣ.*

Тебя наслѣдницею!

Простаковъ. } *вмѣстѣ.*

Софью наслѣдницею!

Скотининъ. } *вмѣстѣ.*

Еѣ наслѣдницею!

Гж. Простакова. *(бросясь обнимать Софью)*

Поздравляю, Софьюшка! поздравляю, душа моя! Я внѣ себя съ радости[1]. — Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лутчей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все таки думала, что Богъ ево хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

[1] Въ *РМ:* «отъ радости».

Скотининъ. *(протянувъ руку)*

Ну! сестрица, скоряй же по рукамъ.

Гж. Простакова. *(тихо Скотинину)*

Постой братецъ. Сперва надобно спросить еѣ, хочетъ ли еще она за тебя вытти?

Скотининъ.

Какъ! что за вопросъ! не уштo ты еѣ докладываться станешъ?

Правдинъ.

Позволите ли писмо дочитать?

Скотининъ.

А на што? да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячь не дочитаешься.

Гж. Простакова. *(къ Софьѣ)*

Софьюшка душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобой поговорить. *(увела Софью)*

Скотининъ.

Ба! такъ я вижу, что севодни зговору то врядъ и быть ли.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, Слуга.

Слуга. *(къ Простакову запыхавшись)*

Баринъ! баринъ! салдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ.

Какая бѣда! ну! раззорятъ насъ до конца.

16*

Правдинъ.

Чево вы испугались?

Простаковъ.

Ахъ ты отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Правдинъ.

Не бойтесь. Ихъ конечно ведетъ офицеръ, которой не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно.

(Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ)

Скотининъ.

Всѣ меня одново оставили. Пойти было прогуляться на скотной дворъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ[1].

ЯВЛЕНІЕ 1.

Правдинъ, Милонъ.

Милонъ.

Какъ я радъ, мой любезной другъ, что нечаянно увидѣлся съ тобою! скажи, какимъ случаемъ. . . .

Правдинъ.

Какъ другъ открою тебѣ притчину моево здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ членомъ въ здѣшнемъ намѣстничествѣ. Имѣю

---

[1] Такъ и въ *РМ;* въ *Н* [2]: «Дѣйствіе 2».

повелѣніе объѣхать здѣшней округъ: а при томъ изъ собственнаго подвига сердца моего, не оставляю замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ еѣ во зло безчеловѣчно. Ты знаешъ образъ мыслей нашева намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждующему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды вышней власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно. Я живу здѣсь уже три дни. Нашолъ помѣщика дурака безчотнова, а жену презлую фурію, которой адской нравъ дѣлаетъ нещастье цѣлова ихъ дома. Ты что задумался, мой другъ, скажи мнѣ, долголь здѣсь останесся?

Милонъ.

Черезъ нѣсколько часовъ иду отсюда.

Правдинъ.

Что такъ скоро? отдохни.

Милонъ.

Не могу. Мнѣ велѣно и салдатъ вести безъ замедлѣнія: . . . да сверхъ того я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

Правдинъ.

Что притчиною?

Милонъ.

Открою тебѣ тайну сердца моево[1], любезной другъ! я влюбленъ, и имѣю щастіе быть любимъ. Больше полугода, какъ я въ разлукѣ съ тою, которая мнѣ дороже всево на свѣтѣ, и что еще горестнѣе, ничево не слыхалъ я о ней во все это время. Часто

---

[1] Такъ и въ *РМ;* въ *Н*[2]*:* «моего».

приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестію: но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что по смерти ея матери, какая-то дальняя родня увезла еѣ въ свои деревни. Я не знаю ни кто, ни куда[1]. Можетъ быть она теперь въ рукахъ какихъ нибудь корыстолюбцовъ, которые пользуясь сиротствомъ ея, содержатъ ее въ тиранствѣ. Отъ одной этой мысли я внѣ себя.

Правдинъ.

Подобное безчеловѣчіе вижу и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь однако положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ[2] нашева начальника, и не сумнѣваюсь, что унять ихъ возмутся мѣры.

Милонъ.

Щастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу нещастныхъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи.

Правдинъ.

Позволь мнѣ спросить объ ея имяни.

Милонъ. *(въ восторгѣ.)*

А![3] вотъ она сама.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же и Софья.

Софья[4].

Милонъ! тебя ли я вижу?

---

[1] Такъ и въ *РМ*, и въ *Б;* въ *Н*[2]: «и кто, и куда». [2] Такъ и въ *Б;* въ *РМ:* «Я увѣдомилъ уже о всѣхъ здѣшнихъ варварствахъ». [3] Въ *Н*[2]: «Ахъ!».
[4] Такъ и въ *Б;* въ *РМ:* «Софья *(въ восхищеніи)*.»

Правдинъ.

Какое щастіе!

Милонъ.

Вотъ та, которая владѣетъ моимъ сердцемъ. Любезная Софья! Скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя?

Софья.

Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! безсовѣстные мои свойственники. . .

Правдинъ.

Мой другъ! не спрашивай о томъ, что столько ей прискорбно. . . . Ты узнаешъ отъ меня, какія грубости. . . .

Милонъ.

Недостойные люди!

Софья.

Севодни однакожъ[1] въ первой разъ здѣшняя хозяйка перемѣнила со мною свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею; вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась[2] ласковою до самой низкости, и я по всѣмъ ея обинякамъ вижу, что прочитъ меня въ невѣсты своему сыну.

Милонъ. *(съ нетерпѣніемъ.)*[3]

И ты не изъявила ей тотъ же часъ совершеннова презрѣнія? . . .

Софья.

Нѣтъ. . . .

---

[1] Въ *РМ:* «однакоже». [2] Въ *РМ:* «здѣлалась». [3] Словъ: «съ нетерпѣніемъ», въ *РМ* нѣтъ.

Милонъ.

И не сказала ей, что ты имѣешъ сердечныя обязательства, что. . . .

Софья.

Нѣтъ. . . . .

Милонъ.

А! теперь я вижу мою погибель. Соперникъ мой щастливъ! Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ. Онъ можетъ быть разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ: но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ. . . .

Софья. *(усмѣхаясь.)*

Боже мой! естьлибъ ты ево увидѣлъ, ревность твоя довелабъ тебя до крайности!

Милонъ. *(съ негодованіемъ)*[1]

Я воображаю всѣ ево достоинствы.

Софья.

Всѣхъ и вообразить не можешъ. Онъ хотя и шеснадцати лѣтъ, а достигъ уже до послѣдней степени своево совершенства, и далѣ не пойдетъ[2].

Правдинъ.

Какъ далѣ не пойдетъ, сударыня? Онъ доучиваетъ часословъ; а тамъ, думать надобно, примутся и за псалтырь.

Милонъ.

Какъ! таковъ-то мой соперникъ! а! любезная Софья! на что ты и шуткою меня терзаешъ? ты знаешъ, какъ легко[3] страстной

---

[1] Словъ: «съ негодованіемъ», въ *РМ* нѣтъ. [2] Въ *РМ:* «не пойдіотъ».
[3] Въ *РМ:* «лѣхко».

человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажижъ мнѣ, что ты ей отвѣчала[1].

(Здѣсь Скотининъ идетъ по театру задумавшись, и никто его не видитъ)

Софья.

Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда пріѣхать обѣщалъ въ писмѣ своемъ, которова *(къ Правдину)* не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ.

Скотининъ!

Скотининъ.

Я.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Скотининъ.

Правдинъ.

Какъ вы подкрались господинъ Скотининъ! этова бы я отъ васъ и не чаялъ.

Скотининъ.

Я проходилъ мимо васъ. Услышалъ, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай, кто вскрикнетъ Скотининъ; а я ему, я. Что вы братцы и за правду? я самъ служивалъ въ гвардіи, и отставленъ капраломъ. Бывало на съѣзжей въ перекличкѣ, какъ закричатъ Тарасъ Скотининъ, а я во все горло, я.

---

[1] Такъ и въ *Б;* но въ *РМ* вмѣсто послѣдней фразы: «*Софья.* Подумай же, какъ нещастно мое состояніе! Я не могла и на это глупое предложеніе отвѣчать рѣшительно. Чтобъ избавиться отъ ихъ грубости, чтобъ имѣть нѣкоторую свободу, принуждена была я скрыть мое чувство. *Милонъ.* Что жъ ты ей отвѣчала?»

Правдинъ.

Мы васъ теперь не кликали, и вы можете итти, куда шли.

Скотининъ.

Я никуда не шолъ: а брожу задумавшись. У меня такой обычай, какъ что заберу въ голову, то изъ нее гвоздемъ не выколотишъ. У меня слышъ ты, что вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то только и вижу во снѣ, какъ на яву, а на яву какъ во снѣ.

Правдинъ.

Чтожъ бы васъ такъ теперь занимало?[1]

Скотининъ.

Самъ ты умной человѣкъ поразсуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъѣхала съ отводомъ. «Что де тебѣ братецъ въ женѣ, была бы де у тебя братецъ хорошая свинья». Нѣтъ сестра! Я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешъ.

Правдинъ.

Мнѣ самому кажется господинъ Скотининъ, что сестрица ваша помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

---

[1] Послѣ этого въ *РМ* и *Б* вставка:

«Скотининъ.

Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечной! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро на скоро изъ моей деревни въ свою, а коли такъ же проворно вывезетъ меня изъ своей деревни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ по чистой совѣсти сказать, ѣздилъ я ни по што, привезъ ничево.

Правдинъ.

Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица ваша играетъ вами, какъ мячикомъ.

Скотининъ.

Эка притча! Я другому не помѣха. Всякой женись на своей невѣстѣ. Я чужу не трону, и мою чужой не тронь же. *(Софьѣ)* Ты не бось душинька. Тебя у меня никто не перебьетъ.

Софья.

Это что значитъ! вотъ еще новое!

Милонъ. *(вскричалъ)*

Какая дерзость!

Скотининъ. *(къ Софьѣ)*

Чевожъ ты испугалась?

Правдинъ. *(къ Милону)*

Какъ ты можешъ осердиться на Скотинина!

Софья. *(Скотинину)*

Не уже ли суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ.

Я насилу могу удержаться!

Скотининъ.

Суженова конемъ не объѣдешъ, душинька! Тебѣ на свое щастье грѣхъ пѣнять. Ты будешъ жить со мною припѣваючи.

Скотининъ *(озлобясь)*.

Какъ мячикомъ? Оборони Богъ! Да я и самъ зашвырну ее такъ, что цѣлой деревней въ недѣлю не отыщутъ.

Софья.

Ахъ, какъ вы разсердились!

Милонъ.

Что съ вами сдѣлалось!»

Десять тысячь твоего доходу! Эко щастье привалило; да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкуплю; да я слышъ ты то здѣлаю, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ де околодкѣ и житье однимъ свиньямъ.

Правдинъ.

Когда же въ васъ могутъ быть щастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ.

Худой покой! ба! ба! ба! да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нее одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердешной! коли у меня теперь ничево не видя для каждой свинки клевокъ особливой, то женѣ найду свѣтелку.

Милонъ.

Какое скотское сравненіе!

Правдинъ. *(Скотинину.)*

Ничему не бывать, господинъ Скотининъ! [Я вижу, что сестрица ваша играетъ вами, какъ мячикомъ.

Скотининъ. *(озлобясь.)*

Какъ мячикомъ? Оборони Богъ, да я и самъ зашвырну ее такъ, что цѣлой деревней въ недѣлю не отъищутъ.

Правдинъ.

Я точно знаю, что она изволитъ прочить ее за сынка своего.] [1]

---

[1] Вмѣсто поставленнаго въ прямыя скобки, въ *РМ* и *Б* (въ связи съ передѣлкою, указанною въ предшествующемъ примѣчаніи) читается: «Я скажу вамъ, что сестрица ваша прочитъ ее за сынка своего».

Скотининъ.

Какъ! Племяннику перебивать у дяди! Да я ево на первой встрѣчѣ, какъ чорта изломаю. Ну́, будь я свиной сынъ, естьли я не буду ея мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же, Еремѣевна и Митрофанъ.

Еремѣевна.

Да поучись хоть немножичко[1].

Митрофанъ.

Ну, еще слово молви, стара хрычовка! Ужъ я те отдѣлаю; я опять нажалуюсь матушкѣ, такъ она тебѣ изволитъ дать таску по вчерашнему.

Скотининъ.

Подойди сюда дружочикъ.

Еремѣевна.

Изволь подойти къ дядюшкѣ.

Митрофанъ.

Здорово дядюшка? Что ты такъ ощетиниться изволилъ.

Скотининъ.

Митрофанъ! Гляди на меня прямѣе.

Еремѣевна.

Погляди батюшка.

---

[1] Въ *РМ:* «немножечко».

Митрофанъ. *(Еремѣевнѣ.)*

Да дядюшка што за невидальщина? Што ты[1] на немъ увидишъ?

Скотининъ.

Еще разъ: гляди на меня прямѣе.

Еремѣевна.

Да не гнѣви дядюшку. Вонъ, изволь посмотрѣть батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты свои изволь такъ же вытаращить.

Скотининъ и Митрофанъ.

(выпуча глаза другъ на друга смотрятъ.)

Милонъ.

Вотъ изрядное объясненіе!

Правдинъ.

Чѣмъ-то оно кончится?

Скотининъ.

Митрофанъ! Ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду, естьлибъ я грѣха не побоялся, я бы те не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголъ. Да не хочу губить души, не найдя виноватова.

Еремѣевна. *(задрожала.)*

Ахъ уходитъ онъ ево! куда моей головѣ дѣваться?

Митрофанъ.

Што ты дядюшка? Бѣлены объѣлся? Да я знать не знаю, за што ты на меня вскинуться изволилъ.

---

[1] Въ *РМ* и *Б* нѣтъ слова: «ты».

Скотининъ.

Смотрижъ: не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одново разу не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишъ. Мой грѣхъ. Виноватъ Богу и Государю. Смотри, не клеплижъ и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

Еремѣевна.

Избави Богъ напраслины!

Скотининъ.

Хочешъ ли ты жениться?

Митрофанъ. *(разнѣжась.)*

Ужъ давно дядюшка беретъ охота. . .

Скотининъ. *(бросясь на Митрофана.)*

Охъ ты чюшка проклятая! . . . .

Правдинъ. *(не допуская Скотинина.)*

Господинъ Скотининъ! Рукамъ воли не давай.

Митрофанъ.

Мамушка! заслони меня.

Еремѣевна. *(заслоня Митрофана, остервѣнясь, и поднявъ кулаки.)*

Издохну на мѣстѣ: а дитя не выдамъ. Сунься сударь, только изволь сунуться. Я те бѣльмы-то выцарапаю.

Скотининъ. *(задрожавъ, и грозя отходитъ.)*

Я васъ доѣду!

Еремѣевна. *(задрожавъ въ слѣдъ.)*

У меня и свои зацепы востры!

Митрофанъ. *(въ слѣдъ Скотинину.)*

Убирайся, дядюшка! проваливай.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же и оба Простаковы.

Гж. Простакова. *(мужу идучи.)*

Тутъ перевирать нѣчево. Весь вѣкъ сударь ходишъ развѣся уши.

Простаковъ.

Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сгибъ да пропалъ. Я чѣмъ виноватъ?

Гж. Простакова. *(къ Милону.)*

А! Мой батюшка! Господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ, мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка! нижайшее благодареніе за добрую команду.

Милонъ.

За что сударыня!

Гж. Простакова.

Какъ за что, мой батюшка! Салдаты такіе добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Отъ роду никово угостить не смыслитъ. Ужъ такъ рохлею родился мой батюшка.

Милонъ.

Я ни мало не пѣняю сударыня.

Гж. Простакова.

На нево мой батюшка, находитъ такой по здѣшнему сказать столбнякъ. Иногда выпуча глаза стоитъ битой часъ какъ вко-

паной. Ужъ[1] чево-то я съ нимъ не дѣлала; чево только онъ у меня не вытерпѣлъ. Ничѣмъ не проймешъ. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ мой батюшка такую дичь, что у Бога просишъ опять столбняка.

Правдинъ.

По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой ево нравъ. Онъ смиренъ. . . .

Гж. Простакова.

Какъ теленокъ, мой батюшка; отъ тово-то у насъ въ домѣ все[2] и избаловано. Вить у нево нѣтъ тово смыслу, чтобъ въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ[3] виноватова. Все сама управляюсь батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю; то бранюсь, то дерусь, тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!

Правдинъ[4]. *(въ сторону.)*

Скоро будетъ онъ держаться инымъ образомъ.

Митрофанъ.

И севодни матушка все утро изволила провозиться съ холопями.

Гж. Простакова. *(къ Софьѣ.)*

Убирала покои для твоево любезнова дядюшки. Умираю, хочу видѣть этова почтеннова старичка. Я объ немъ много наслышалась[5]. И злодѣи ево, говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ: а такой-де[6] преразумной: да коли-де ужъ ково[7] и полюбитъ, такъ прямо полюбитъ.

---

[1] Въ *РМ:* «Уже». [2] Въ *РМ* нѣтъ слова «все». [3] Въ *РМ:* «путiомъ». [4] Въ подлинникѣ ошибочно: «Простаковъ». [5] Въ *РМ:* «наслыхалась». [6] Въ *РМ:* «а какой де». [7] Въ *РМ:* «а коли де ужъ онъ ково».

Правдинъ.

А ково онъ не взлюбитъ, тотъ дурной человѣкъ. *(къ Софьѣ.)* Я и самъ имѣю честь знать вашева дядюшку. А сверхъ тово отъ многихъ слышалъ объ немъ то, что вселило въ душу мою[1] истинное къ нему почтеніе. Что называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе ево прямодушія. Отъ роду языкъ ево не говорилъ да, когда душа ево чувствовала нѣтъ.

Софья.

За то и щастье свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Гж. Простакова.

Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничево такъ не желаю, какъ отеческой ево милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка душа моя! не изволишъ ли посмотрѣть дядюшкиной комнаты?

(Софья отходитъ.)

Гж. Простакова[2].

Опять зазѣвался мой батюшка; да изволь сударь проводить ее..Ноги-то не отнялись.

Простаковъ. *(отходя.)*

Не отнялись, да подкосились.

Гж. Простакова. *(къ гостямъ.)*

Одна моя забота, одна моя отрада, Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Ево готовлю въ люди.

(Здѣсь появляются Кутейкинъ съ часословомъ, а Цыфиркинъ съ аспидной доскою и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну, входить ли? Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ.)

---

[1] Въ *РМ:* «въ мою душу». [2] Послѣ этого въ *РМ:* «*(къ Простакову)*»; въ *Б:* «*(Простакову)*».

Гж. Простакова. *(не видя их продолжает.)*

Авосьлибо Господь милостивъ, и щастье на роду ему написано.

Правдинъ.

Оглянитесь сударыня, что за вами дѣлается?

Гж. Простакова.

А! Это, батюшка, Митрофанушкины учители, Сидорычь[1] Кутейкинъ. . . .

Еремѣевна.

И Пафнутьичь Цыфиркинъ.

Митрофанъ. *(въ сторону.)*

Пострѣлъ[2] ихъ побери и съ Еремѣевной.

Кутейкинъ.

Дому владыкѣ миръ, и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ.

Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ да двадцать, да еще пятнадцать. Несчотны годы.

Милонъ.

Ба! Это нашъ братъ служивой! Откуда взялся другъ мой?

Цыфиркинъ.

Былъ гарнизонной, ваше благородіе! А нынѣ пошолъ въ чистую.

Милонъ.

Чѣмъ же ты питаешься?

---

[1] Въ *РМ:* «Сидорочъ». [2] Въ *РМ:* «пастрелъ».

Цыфиркинъ.

Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у щетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ, кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ, то щетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь: праздно жить не люблю. На досугѣ ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ[1] третей годъ надъ ломаными бьемся, да што-то плохо клѣятся: ну, и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Гж. Простакова.

Што? Што ты это Пафнутьичь врешъ? Я не вслушалась.

Цыфиркинъ.

Такъ. Я ево благородію докладывалъ, что въ инова пня въ десять лѣтъ не вдолбишъ тово, что другой ловитъ на полетѣ.

Правдинъ. *(къ Кутейкину.)*

А ты, господинъ Кутейкинъ не изъ учоныхъ ли?

Кутейкинъ.

Изъ учоныхъ, ваше высокородіе! Семинаріи здѣшнія Епархіи. Ходилъ до Риторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то-де семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убояся «бездны премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи»: На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала съ отмѣткою: «Та«кого-то-де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо «есть, не мечите бисира предъ свиніями, да не попрутъ его ногами».

Гж. Простакова.

Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычь?

---

[1] Въ H^2 пропущены слова: «съ парнемъ».

Еремѣевна.

Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги. Дымъ столпомъ, моя матушка! Задушилъ проклятой табачищемъ. Такой грѣховодникъ.

Кутейкинъ.

Пустое, Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

Правдинъ. *(въ сторону.)*

Кутейкинъ еще и умничаетъ!

Кутейкинъ.

Во многихъ книгахъ разрѣшается: во псалтирѣ имянно напечатано: «И злакъ на службу-человѣкомъ».

Правдинъ.

Ну, а еще гдѣ?

Кутейкинъ.

И въ другой псалтирѣ напечатано тоже. У нашего[1] протопопа маленька въ осмушку, и въ той то же.

Правдинъ. *(къ Г-жѣ Простаковой.)*

Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего, слуга покорной.

Милонъ.

Ни я, сударыня.

Гж. Простакова.

Кудажъ вы, государи мои? . . .

[1] Въ *РМ:* «нашева».

Правдинъ.

Я поведу ево въ мою комнату. Друзья давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Гж. Простакова.

А кушать гдѣ изволите, съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только што своя семья, съ Софьюшкой. . . .

Милонъ.

Съ вами, съ вами сударыня.

Правдинъ.

Мы оба эту честь имѣть будемъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Гж. Простакова, Еремѣевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Гж. Простакова.

Ну, такъ теперь хотя[1] по Руски прочти зады Митрофанушка,

Митрофанъ.

Да, зады, какъ не такъ.

Гж. Простакова.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердешной! Такое дѣло.

Митрофанъ.

Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

---

[1] Въ *РМ:* «хоть».

Гж. Простакова.

Што? Што такое?

Митрофанъ.

Да! тово и смотри што отъ дядюшки таска; а тамъ съ ево кулаковъ, да за часословъ. Нѣтъ, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Гж. Простакова. *(испугавшись.)*

Што, што ты хочешъ дѣлать? Опомнись, душинька!

Митрофанъ.

Вить здѣсь и рѣка близко[1]. Нырну ,такъ поминай какъ звали.

Гж. Простакова. *(внѣ себя.)*

Уморилъ! Уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремѣевна.

Все дядюшка напугалъ. Чють было въ волоски ему не вцепился. А ни за што. . . ни про што. . . . .

Гж. Простакова. *(въ злобѣ.)*

Ну. . .

Еремѣевна.

Присталъ къ нему, хочешъ ли жениться? . . .

Гж. Простакова.

Ну. . .

Еремѣевна.

Дитя не потаилъ, ужъ[2] давно-де дядюшка охота беретъ. Какъ онъ остервѣнится, моя матушка! какъ вскинется. . . .

---

[1] Въ *РМ:* «блиско». [2] Въ *РМ:* «уже».

Гж. Простакова. *(дрожа.)*

Ну... а ты бестія остолбѣнѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремѣевна.

Приняла было! Охъ приняла, да....

Гж. Простакова.

Да... да што.. не твое дитя, бестія! По тебѣ робенка хоть убей до смерти.

Еремѣевна.

Ахъ Создатель спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ тужъ минуту отойти не изволилъ, тобъ я съ нимъ поламалась. Во штобъ Богъ ни поставилъ. Притупились бы эти *(указывая на ногти)* я бъ и клыковъ беречь не стала.

Гж. Простакова.

Всѣ вы бестіи усердны на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ...

Еремѣевна. *(заплакавъ.)*

Я не усердна вамъ матушка! Ужъ какъ больше служить, не знаешъ... рада бы не токмя што... живота не жалѣешъ... а все не угодно.

Кутейкинъ. } *вмѣстѣ.*

Намъ во свояси повелите?..

Цыфиркинъ. } *вмѣстѣ.*

Намъ куда походъ ваше благородіе?

Гж. Простакова.

Тыжъ[1] еще старая вѣдьма и разревѣлась. Поди накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда. *(къ Митро-*

[1] Въ *РМ:* «Ты же».

фану) Пойдемъ со мною Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ несчичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться. Ты благодаря Бога, столько уже смыслишъ, что и самъ взведешъ дѣточекъ. *(къ Еремѣевнѣ.)* Съ братцомъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что[1] мама и что[1] мать родная. *(отходитъ съ Митрофаномъ.)*

Кутейкинъ.

Житье твое Еремѣевна, яко тьма кромешная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку....

Цыфиркинъ.

А тамъ другую, вотъ-те и умноженье.

Еремѣевна. *(въ слезахъ.)*

Нелегкая[2] меня не приберетъ! Сорокъ лѣтъ служу, а милость все таже.....

Кутейкинъ.

А велика ль благостыня?....

Еремѣевна.

По пяти рублей на годъ, да по пяти пощочинъ на день.

(Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ руки.)

Цыфиркинъ.

Смякнемъ же за столомъ, што тебѣ доходу въ круглой годъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

---

[1] Въ *РМ:* «што». [2] Въ *РМ:* «Нелехкая».

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ.

Лишъ только изъ за стола встали, и я подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всево сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе...

Стародумъ.

Оно мнѣ драгоцѣнно. Повѣрь мнѣ.

Правдинъ.

Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ....

Стародумъ.

Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины, перестаетъ искренность.

Правдинъ.

Ваше обхожденіе.....

Стародумъ.

Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашолъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякой считалъ себя за многихъ. За то нонче многіе не стоютъ одново. Отецъ мой у двора Петра Великаго....

Правдинъ.

А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ....

Стародумъ.

Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцомъ моимъ по тому вѣку наилутчѣе. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ[1] умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ.

Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стародумъ.

Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и тоже: имѣй сердце, имѣй душу, и будешъ человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знаніи мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ.

Вы говорите истинну. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа...

Стародумъ.

Безъ нее просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. *(съ чувствомъ.)*[2] Невѣжда безъ души, звѣрь. Самой мѣлкой подвигъ ведетъ ево во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чево онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у нево нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришолъ я свободить....

Правдинъ.

Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

---

[1] Въ *РМ:* «чюжимъ». [2] Въ *РМ:* «*съ чювствомъ*».

Стародумъ.

Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойной поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничево не начинать.

Правдинъ.

Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стародумъ.

Опыты жизни моей меня къ тому приучили. О естьлибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правдинъ.

Какимъ же образомъ? Произшествіи съ человѣкомъ вашихъ качествъ, никому равнодушны быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите, естьли раскажете....

Стародумъ.

Я ни отъ ково ихъ не таю для тово, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ Графомъ, котораго имяни я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложѣ, сынъ случайнова отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ, и имѣлъ особливой случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать ево дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостью. «Любезной Графъ! Вотъ случай намъ «отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію, и здѣлаемся достой«ными званія дворянина, которое намъ дала порода.» Вдругъ мой Графъ сильно наморщился, и обнявъ меня сухо: «Щастливой «тебѣ путь, сказалъ мнѣ, а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ

«со мною разстаться». Ни съ чѣмъ не льзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ тужъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большомъ свѣтѣ водятся премѣлкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Правдинъ.

Сущая истинна.

Стародумъ.

Оставя ево поѣхалъ я немедлѣнно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что Графъ, прежней мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я, я лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни. Такое неправосудіе разтерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Правдинъ.

Чтожъ бы иное и дѣлать надлѣжало?

Стародумъ.

Надлѣжало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочествивой человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины не рѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану.

Правдинъ.

Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Стародумъ.

Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба ево отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ.

Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародумъ.

Взявъ отставку, приѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

Правдинъ.

Куда же?

Стародумъ.

Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешъ?

Правдинъ.

Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ.

Любопытна. Первое показалось мнѣ странно, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

Правдинъ.

Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стародумъ.

А такова-то просторна, что двое встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другова сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда тово, кто на земи[1].

[1] Въ *Н*²: «на земли»; въ *Б*: «на землѣ».

Правдинъ.

Такъ по этому тутъ самолюбіе....

Стародумъ.

Тутъ не самолюбіе, а такъ назвать себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно; о себѣ одномъ пекутся; объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришъ. Я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдинъ.

Но тѣ достойные люди, которые у двора служатъ государству....

Стародумъ.

О! тѣ не оставляютъ двора для тово, что они двору полезны, а прочіе для тово, что дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ, и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Правдинъ.

Васъ конечно у двора не узнали?

Стародумъ.

Тѣмъ для меня лутче. Я успѣлъ убраться[1] безъ хлопотъ: а то бы выжилижъ меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

Правдинъ.

Какихъ?[2]

Стародумъ.

Отъ двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами. Либо на тебя разсердятся[3], либо тебя разсердятъ[4]. Я не сталъ дожи-

---

[1] Въ *РМ:* «убратца». [2] Въ *Н*²: «Какимъ?» [3] Въ *РМ:* «разсердются». [4] Въ *РМ:* «разсердютъ».

даться ни тово, ни другова. Разсудилъ, что лутче вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ.

И такъ вы отошли отъ двора ни съ чѣмъ? *(открываетъ свою табакерку.)*

Стародумъ. *(беретъ у Правдина табакъ.)*

Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пять сотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ заплатя деньги, принесъ домой табакерку. Другой пришолъ домой безъ табакерки. И ты думаешъ, что другой пришолъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пять сотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правилы.

Правдинъ.

Съ вашими правилами людей не отпускать отъ двора, а ко двору призывать надобно.

Стародумъ.

Призывать? А за чѣмъ?

Правдинъ.

За тѣмъ, за чѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стародумъ.

Мой другъ! Ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно. Тутъ врачь не пособитъ, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же и Софья.

Софья. *(къ Правдину.)*

Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ. *(въ сторону.)*

Вотъ черты лица ея матери. Вотъ моя Софья.

Софья. *(смотря на Стародума.)*

Боже мой! Онъ меня назвалъ. Сердце[1] мое меня не обманываетъ....

Стародумъ. *(обнявъ ее.)*

Нѣтъ. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моево!

Софья. *(бросаясь въ ево обьятіи.)*

Дядюшка! Я внѣ себя съ радости.

Стародумъ.

Любезная Софья! Я узналъ въ Москвѣ, что ты живешъ здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собой довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства. Никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ естьли случалось изъ рукъ вырвать добычь[2] отъ порока.

Правдинъ.

Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья.

Дядюшка! ваши ко мнѣ милости....

Стародумъ.

Ты знаешъ, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченіи твое щастье. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему

[1] Въ *РМ:* «серце». [2] Въ *Б:* «добычу».

воспитанію, но не могъ иначе основать твоего состоянія[1], какъ разлучась съ твоей матерью и съ тобою.

Софья.

Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Стародумъ. *(къ Правдину.)*

Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатку въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая, поправосуднѣе людей, лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Правдинъ.

Вы моглибъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Стародумъ.

А на что?

Правдинъ.

Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Стародумъ.

Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешъ ли ты, что для прихотей одново человѣка всей Сибири мало! Другъ мой! Все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешъ бѣденъ. Послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешъ.

Софья.

Дядюшка! Какую правду вы говорите!

---

[1] Въ *PM:* «основать твое состояніе».

Стародумъ.

Я нажилъ столько, чтобѣ при твоемъ замужствѣ не останавляла насъ бѣдность жениха достойнова.

Софья.

Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Правдинъ.

Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ....

Стародумъ.

Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ нево обойдутся: а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцовъ, въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой[1] головою. Нѣтъ, мой другъ! Наличныя деньги, не наличныя достоинства[2]. Золотой болванъ, все болванъ.

[Правдинъ.

Со всемъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Стародумъ.

Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку. Душевное: а душевнова почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Правдинъ.

Заключеніе ваше неоспоримо.

Стародумъ.][3]

Ба! Это што за шумъ!

---

[1] Въ *Н*[2]: «съ свинцовою». [2] Въ *РМ:* «не наличное достоинство». [3] Заключеннаго въ прямыя скобки въ *РМ* нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же, Гж. Простакова, Скотининъ, Милонъ.

(Милонъ разнимаетъ Гж. Простакову со Скотининымъ.)

Гж. Простакова.

Пусти! Пусти батюшка! Дай мнѣ до рожи, до рожи....

Милонъ.

Не пущу сударыня. Не прогнѣвайся!

Скотининъ. *(въ запальчивости оправляя парикъ.)*

Отвяжись сестра! Дойдетъ дѣло до ломки, погну такъ затрещишъ.

Милонъ. *(гж. Простаковой.)*

И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Гж. Простакова.

Ахъ батюшка! Сердце взяло, дай додраться.

Милонъ. *(Скотинину.)*

Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ.

Што грѣха таить, одново помету, да вишь какъ развизжалась.

Стародумъ. *(не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину.)*

Я боялся разсердиться. Теперь смѣхъ меня беретъ.

Гж. Простакова.

Ково-то, надъ кѣмъ-то? Это што за выѣзжей!

Стародумъ.

Не прогнѣвайся сударыня. Я на роду ничево смѣшнѣе не видывалъ.

Скотининъ. *(держась за шею.)*

Кому смѣхъ, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Милонъ.

Да не ушибла ль она васъ?

Скотининъ.[1]

Передотъ заслонялъ обѣими, такъ вцепилась въ зашеину.....

Правдинъ.

И больно?....

Скотининъ.[1]

Загривокъ не много пронозила.

(Въ слѣдующую рѣчь Гж. Простаковой, Софья сказываетъ взорами Милону, что передъ[2] нимъ Стародумъ[3].)

Гж. Простакова.

Пронозила!... Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнить господина офицера: а кабы не онъ, тобъ ты отъ меня не заслонился. За сына вступлюсь. Не спущу отцу родному. *(Стародуму.)* Это сударь ничево и не смѣшно. Не прогнѣвайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала? Изволилъ пожаловать невѣдомо къ кому, невѣдомо кто.

Стародумъ. *(указывая на Софью.)*

Приѣхалъ къ ней, ея дядя Стародумъ.

---

[1] Послѣ этого въ *РМ:* «*(держась за шею)*». [2] Въ *РМ:* «предъ». [3] Послѣ этого въ *РМ* и въ *Б:* «Милонъ ее понимаетъ».

Гж. Простакова. *(оробѣвъ и иструсясь*[1].*)*

Какъ! Это ты! Ты батюшка! Гость нашъ безцѣнной! Ахъ я дура безчотная! Да такъ ли бы надобно было встрѣтить отца роднова, на которова вся надежда, которой у насъ одинъ какъ порохъ въ глазѣ. Батюшка! Прости меня. Я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ! Гдѣ сынъ! Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ! Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! Дѣвка! Палашка! Дѣвка!

Скотининъ. *(въ сторону.)*

Тотъ-то, онъ-то, дядюшка-то!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Еремѣевна.

Еремѣевна.

Чево изволишъ?

Гж. Простакова.

А ты развѣ дѣвка, сабачья ты дочь? Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари и служанокъ нѣтъ! Палашка гдѣ?

Еремѣевна.

Захворала, матушка, лежитъ съ утра.

Гж. Простакова.

Лежитъ! Ахъ она бестія! Лежитъ! Какъ будто благородная![2]

Еремѣевна.

Такой жаръ розонялъ, матушка, безъ умолку бредитъ.....

Гж. Простакова.

Бредитъ бестія! Какъ будто благородная! Зови же ты мужа,

---

[1] Въ *Б*: *«и струся»*. [2] Въ *Б*: «Какъ будто она благородная!»

сына. Скажи имъ, что по милости Божей дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки[1]; ну, бѣги, переваливайся.

Стародумъ.

Къ чему такъ суетиться сударыня, когда по милости Божей я вамъ вовсе незнакомъ?[2]

Гж. Простакова.

Нечаянной твой пріѣздъ батюшка, умъ у меня отнялъ: да дай хотя обнять себя хорошенько, благодѣтель нашъ!....

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

(Въ слѣдующую рѣчь Стародума, Простаковъ съ сыномъ вышедшіе изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ его обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремѣевна[3] взяла мѣсто къ сторонѣ, и сложа руки, стала какъ вкопаная, выпяля глаза на Стародума, съ рабскимъ подобострастіемъ.)

Стародумъ. *(обнимая неохотно Гж. Простакову.)*

Милость совсѣмъ лишняя, сударыня![4] Безъ нее могъ бы я весьма легко обойтиться.

(Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоящей уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ.)

---

[1] Въ *РМ* и въ *Б* послѣ этого вставка: «что второй нашъ родитель къ намъ теперь пожаловалъ по милости Божіей». [2] Въ *РМ* и въ *Б* вмѣсто этого: «Къ чему такъ суетиться, сударыня? По милости Божіей я вашъ не родитель; по милости же Божіей я вамъ и незнакомъ». [3] Въ *РМ*: «*Еремѣвна же*». [4] Въ *РМ*, какъ и въ автографахъ Фонвизина: «сударанця»

Стародумъ.

Это къ кому я попался?

Скотининъ.

Это я, сестринъ братъ.

Стародумъ.

(увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ.)

А это кто еще?

Простаковъ. *(обнимая.)*

Я женнинъ мужъ.

Митрофанъ. *(ловя руку.)*

А я матушкинъ сынокъ.

вмѣстѣ.

Милонъ. *(Правдину.)*

Теперь я не представлюсь.

Правдинъ. *(Милону.)*

Я найду случай представить тебя послѣ.

Стародумъ. *(не давая руки Митрофану.)*

Этотъ ловитъ цаловать руку. Видно, что готовятъ[1] въ нево большую душу.

Гж. Простакова.

Говори Митрофанушка. Какъ-де сударь мнѣ не цаловать твоей ручки?[2] Ты мой второй отецъ.

---

[1] Въ *РМ:* «готовютъ». [2] Въ *РМ* и въ *Б:* «Какъ де, сударь, мнѣ твоей ручки не цѣловать?».

Митрофанъ.

Какъ не цаловать, дядюшка, твоей ручки. Ты мой отецъ. *(къ матерѣ)*. Которой бишъ?

Гж. Простакова.

Второй.

Митрофанъ.

Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Стародумъ.

Я, сударь, тебѣ ни отецъ, ни дядюшка.

Гж. Простакова.

Батюшка, вить ребенокъ[1] можетъ быть свое щастье прорекаетъ: авосьлибо сподобитъ Богъ быть ему и впрямъ твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ.

Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай сестра!

Гж. Простакова.

Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану. *(къ Стародуму.)* Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранивалась. У меня такой нравъ. Хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня бѣдную обижаетъ.

---

[1] Въ *РМ*: «робенокъ».

Стародумъ.

Я это примѣтилъ, какъ скоро ты сударыня изъ дверей показалась.

Правдинъ.

А я уже три дни свидѣтелемъ ея добронравія.

Стародумъ.

Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же по утру ѣду съ тобой въ Москву.

Гж. Простакова.

Ахъ, батюшка! За што такой гнѣвъ?

Простаковъ.

За што немилость?

Гж. Простакова.

Какъ! Намъ разстаться съ Софьюшкой! Съ сердечнымъ нашимъ другомъ! [1] Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Простаковъ.

А я уже тутъ сгибъ, да пропалъ.

Стародумъ.

О! [2] Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать. Я везу ее въ Москву для тово, чтобъ здѣлать ея щастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ. За нево ее и выдамъ.

---

[1] Въ *РМ:* «Какъ намъ разстаться съ Софьюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ!» [2] Въ *РМ* и въ *Б* нѣтъ слова: «О!»

Гж. Простакова.

Ахъ уморилъ!

Милонъ.

Что я слышу!

Софья *(кажется пораженною.)*

Скотининъ.

Вотъ-те[1] разъ!

Простаковъ *(всплеснулъ руками.)*

Митрофанъ.

Вотъ тебѣ на!

Еремѣевна *(печально кивнула головою.)*

Правдинъ *(показываетъ видъ огорченнаго удивленія.)*

Всѣ вмѣстѣ.

Стародумъ. *(примѣтя всѣхъ смятеніе.)*

Что это значитъ? *(къ Софьѣ)* Софьюшка другъ мой, и ты мнѣ кажешься въ смущеніи? Не уже ль мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоево. Повѣрь мнѣ, что я знаю ево права. Они нейдутъ далѣе, какъ отвращать нещастную склонность дочери, а выборъ достойнова человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой! Твой мужъ, тебя достойной, ктобъ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннова друга. Поди за ково хочешъ.

Всѣ принимаютъ веселый видъ.

[1] Въ *РМ:* «Вотъ-тѣ».

Софья.

Дядюшка! Не сумнѣвайтесь[1] въ моемъ повиновеніи.

Милонъ. *(въ сторону.)*

Почтенной человѣкъ!

Гж. Простакова. *(съ веселымъ видомъ.)*

Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди за ково хочешъ, лишь бы человѣкъ ее стоилъ. Такъ мой батюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать не надобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ, малой молодой....

Скотининъ.

Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ....

Гж. Простакова.

У ково достаточекъ хоть и не большой...

Скотининъ.

Да свиной заводъ не плохъ....

Гж. Простакова. } *вмѣстѣ.*

Такъ и въ доброй часъ въ архангельской.

Скотининъ.

Такъ веселымъ пиркомъ, ды[2] за свадебку.

Стародумъ.

Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

---

[1] Въ *Б:* «не сомнѣвайтесь». [2] Въ *Н*[2] и въ *Б:* «да и».

Скотининъ.

Толь еще увидишъ, какъ опознаешъ меня покороче. Вишъ ты здѣсь содомно. Черезъ часъ мѣсто приду къ тебѣ одинъ. Тутъ дѣло и сладимъ. Скажу не похвалясь, каковъ я, право такихъ мало. *(отходитъ.)*

Стародумъ.

Это всево вѣроятнѣе.

Гж. Простакова.

Ты батюшка не диви, что братецъ мой родной....

Стародумъ.

Родной.....[1]

Гж. Простакова.

Такъ батюшка[2]. Вить и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ. Она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восмнатцать человѣкъ: да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ по власти Господней примерли. Иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили. Трое похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались. Двое о святой недѣлѣ[3] съ колокольни свалились: а достальные сами не стояли, батюшка!

Стародумъ.

Вижу, каковы были и родители ваши.

Гж. Простакова.

Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшней былъ вѣкъ. Насъ ничѣму не учили. Бывало добры люди приступятъ къ батюшкѣ,

---

[1] Въ *РМ* и *Б*: «*Г-жа Простакова*. Ты, мой батюшка, не диви на братца.... *Стародумъ*. А онъ вашъ братецъ?» [2] Въ *РМ* и *Б*: «Родной, батюшка». [3] Въ *РМ*: «недѣли».

ублажають, ублажають, чтобъ хоть братца отдать въ школу. Къ статью ли[1], покойникъ свѣтъ, и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало изволитъ закричать: прокляну ребенка, которой што нибудь переиметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ.

Правдинъ.

Вы однакожъ своево сынка, кое-чему обучаете.

Гж. Простакова[2].

Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка! *(къ Стародуму.)* Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить[3]. Вить вотъ ужъ ему батюшка шеснадцать лѣтъ исполнится около зимнява Николы. Женихъ хоть кому, а все таки учители ходятъ, часа не теряетъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. *(мигнула Еремѣевнѣ, чтобъ ихъ позвать.)* Въ Москвѣ же приняли Иноземца[4] на пять[5] лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ учи, чему самъ умѣешъ. Мы весь родительской долгъ исполнили, Нѣмца приняли, и деньги по третямъ напередъ ему платимъ. Желала бъ я душевно, чтобъ ты самъ батюшка полюбовался на Митрофанушку, и посмотрѣлъ бы, что онъ выучилъ.

Стародумъ.

Я худой тому судья сударыня.

Гж. Простакова. *(увидя Кутейкина и Цыфиркина.)*

Вотъ и учители. Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безщастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть ево женою.

---

[1] Такъ и въ *РМ;* въ *Н* [2]*:* «Къ стати ли». [2] Въ *РМ* послѣ этого: «*(къ Правдину)*». [3] Послѣ этого въ *РМ* и въ *Б:* «Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ и дѣтина хоть куда». [4] Въ *РМ, Н*[2] и *Б:* «А въ Москвѣ приняли иноземца». [5] Въ *Б:* «на шесть».

Правдинъ.

Это все хорошо: не забудьте однакожъ сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и[1] что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашева сына.

Стародумъ.

Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги, и отъ всево тово, что слышалъ и что видѣлъ.

Гж. Простакова.

Ахъ мой батюшка! Все готово. Сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ.

Благодаренъ[2]. *(къ Правдину.)*
Когда же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда приду.

Правдинъ.

Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ.

Радъ душою. *(увидя Милона, которой ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво.)*

Гж. Простакова.

Такъ милости просимъ[3].

(кромѣ учителей всѣ отходятъ. Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а протчіе въ другую.)

---

[1] Въ *РМ* нѣтъ слова: «и». [2] Въ *РМ* и *Б* послѣ этого вставка: «Софьюшка проводи же меня. *Г-жа Простакова.* А мы то что? Позволь, мой батюшка, проводить себя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣльцо наше сладить. «*Стародумъ (къ Правдину.)* Когда же» и т. д. [3] Въ *РМ* и въ *Б*: «Милости просимъ».

ЯВЛЕНІЕ 6.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ.

Што за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьешся. Здѣсь каждое утро процвѣтетъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ.

А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ севодни къ здѣшнему обѣду провіанту не стало.....

Кутейкинъ.

Да кабы не умудрилъ и меня владыко шедши сюда, забрести на перепутьѣ къ нашей просвирнѣ, взалкахъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ.

Здѣшни господа, добры командеры!....

Кутейкинъ.

Слыхалъ ли ты братецъ, каково житье то здѣшнимъ челядинцамъ; даромъ, что ты служивой, бывалъ на баталіяхъ, страхъ и трепетъ приидетъ на тя....

Цыфиркинъ.

Вотъ на! Слыхалъ ли? Я самъ видалъ здѣсь бѣглой огонь въ сутки сряду часа по три; *(вздохнувъ)* охъ-ти мнѣ! Грусть беретъ.

Кутейкинъ. *(вздохнувъ.)*

О горе мнѣ грѣшному!

Цыфиркинъ.

О чомъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ.

И въ тебѣ смятеся сердце твое, Пафнутьевичь?

Цыфиркинъ.

За неволю призадумаешся. Далъ мнѣ Богъ ученичка, боярскова сынка. Бьюсь съ нимъ третей годъ: трехъ перечесть не умѣетъ.

Кутейкинъ.

Такъ у насъ одна кручина. Четвертой годъ мучу свой животъ. По сесть часъ кромѣ задовъ новой строки не разберетъ: да и зады мямлитъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкомъ[1].

Цыфиркинъ.

А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а нѣмецъ въ двери. Ему шабашъ изъ за доски, а меня ради въ толчки.

Кутейкинъ.

Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, басурманъ въ глаза. Ученичка по головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ. *(съ жаромъ.)*

Я далъ бы себѣ ухо отнести, лишъ бы этова тунеядца прошколить по салдатски.

Кутейкинъ.

Меня хоть теперь шелепами, лишъ бы выю грѣшничу путіомъ накостылять.

---

[1] Въ *РМ* и въ *Б*: «по толкамъ».

ЯВЛЕНИЕ 7.

Тѣ же, Гж. Простакова и Митрофанъ.

Гж. Простакова.

Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей ево, какъ ты трудишься Митрофанушка.

Митрофанъ.

Ну! А тамъ што?

Гж. Простакова.

А тамъ и женисся.

Митрофанъ.

Слушай, матушка. Я те потѣшу. Поучусь: только, чтобъ это былъ послѣдней разъ, и чтобъ севоднижъ быть сговору.

Гж. Простакова.

Придетъ часъ воли Божей!....

Митрофанъ.

Часъ моей воли пришолъ. Не хочу учиться, хочу[1] жениться. Тыжъ меня взманила, пѣняй на себя. Вотъ я сѣлъ.

(Цыфиркинъ очиниваетъ грифель[2].)

Гж. Простакова.

А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки былобъ куды класть.

Митрофанъ.

Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

---

[1] Въ *РМ:* «а хочу». [2] Въ *РМ:* «*грифиль*».

Цыфиркинъ.

Ваше благородіе, завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Гж. Простакова. *(работая.)*

Ахъ Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ.

За што разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ россійская пословица: сабака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ.

Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ.

Все зады, ваше благородіе. Вить съ задами-то вѣкъ назади останесся.

Гж. Простакова.

Не твое дѣло, Пафнутьичь. Мнѣ очень мило, што Митрофанушка въ передъ [1] шагать не любитъ. Съ ево умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ.

Задача. Изволилъ ты наприкладъ итти по дорогѣ со мною. Ну, хоть возмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое....

Митрофанъ. *(пишетъ.)*

Трое.

Цыфиркинъ.

На дорогѣ, наприкладъ же, триста рублей.

---

[1] Въ *РМ* и въ *Б*: «впередъ».

Митрофанъ. *(пишетъ.)*

Триста.

Цыфиркинъ.

Дошло дѣло до дѣлежа. Смякнитко, по чему на брата?

Митрофанъ. *(вычисляя шепчитъ.)*

Единожды три, три. Единожды ноль, ноль. Единожды ноль, ноль.

Гж. Простакова.

Што, што до дѣлежа?

Митрофанъ.

Вишъ триста рублей[1], што нашли, троимъ раздѣлить.

Гж. Простакова.

Вретъ онъ, другъ мой сердечной! Нашолъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись. Всѣ себѣ возми, Митрофанушка! Не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ.

Слышь, Пафнутьичь, задавай другую.

Цыфиркинъ.

Пиши ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей[1].

Митрофанъ.

Десять.

Цыфиркинъ.

Теперь правда не за што, а кабы ты баринъ што нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

---

[1] Въ *РМ:* «рублевъ»

Митрофанъ. *(пишетъ.)*

Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ.

Сколькожъ бы на годъ?

Митрофанъ. *(вычисляя шепчитъ.)*

Нуль, да нуль, нуль. Одинъ да одинъ. . . .

(задумался.)

Гж. Простакова.

Не трудись по пустому, другъ мой! Гроша не прибавлю: да и не за што. Наука не такая. Лишъ тебѣ мученье: а все, вижу, пустота. Денегъ нѣтъ, што считать? Деньги есть: сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ.

Шабашъ право[1] Пафнутьичь. Двѣ задачи рѣшены. Вить на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ.

Не бось братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступайка ты теперь Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ. *(открываетъ часословъ. Митрофанъ беретъ указку.)*

Начнемъ благословясь.

Кутейкинъ.

За мною со вниманіемъ. «Азъ же есмь червь. . . .

Митрофанъ.

«Азъ же есмь червь. . . .

---

[1] Въ *РМ:* «права».

Кутейкинъ.

Червь: сиречь животина, скотъ. Сиречь, азъ есмь скотъ.

Митрофанъ.

Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ. *(учебнымъ голосомъ.)*

«А не человѣкъ.

Митрофанъ. *(такъ же.)*

«А не человѣкъ.

Кутейкинъ.

«Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ.

«Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ.

«И уни....

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же и Вральманъ.

Вральманъ.

Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь то я фижу! Умарить хатятъ репенка! Матушка ты мая! Сшалься натъ сфаей[1] утропой, котора тефять мѣсесофъ таскала, такъ скасать, асмое тифа фъ сфѣтѣ.[2] Тай фолю этимъ преклятымъ[3] слатѣямъ. Исъ такой калафы толголь палфанъ? Ушъ[4] диспозисіонъ, ушъ всіо есть.

---

[1] Въ *РМ:* «натсфаей». [2] Въ *РМ:* «фсфѣтѣ». [3] Въ *РМ:* «плеклятымъ». [4] Въ *РМ:* «ужъ».

Гж. Простакова.

Правда. Правда твоя, Адамъ Адамычь! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ.

А по мнѣ и подавна.

Кутейкинъ. *(затворяя часословъ.)*

Конецъ и Богу слава.[1]

Гж. Простакова.

Богъ съ нимъ, батюшка Адамъ Адамычь! Онъ же и такъ вчера небережно поужиналъ.

Вральманъ.

Разсутишь, мать моя, напилъ прюхо лишнѣ: пѣда. А фить калоушка-то[2] у нефо караздо слапѣ прюха, напить еїо лишнѣ, да и захрани поже!

Гж. Простакова.

Правда твоя Адамъ Адамычь; да што ты станешъ дѣлать? Ребенокъ не выучась поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ: скажутъ дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много. Ихъ-то я боюсь.

Вральманъ.

Чефо паяться мая матушка? Расумнай шеловѣкъ никахта ефо не сатеретъ,[3] никахта зъ[4] нимъ не саспоритъ: а онъ съ умными лютьми не сфясывайся,[5] такъ и пудетъ плаготенствіе пожіе.

---

[1] Послѣ этого въ *РМ* и *Б* разговоръ продолжается такъ: «*Вральманъ.* Матушка моя! Што тепѣ надопно? Што? сынокъ, каковъ есть, да талъ Богъ старовье, или сынокъ премудрой, такъ, сказать Аристотелисъ, да въ могилу. *Г-жа Простакова.* Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычь! Онъ же и такъ вчера» и т. д. [2] Въ *РМ:* «колоушка». [3] Въ *РМ:* «несатеріотъ». [4] Въ *РМ:* «з». [5] Въ *РМ:* «не сфясыфайся».

Гж. Простакова.

Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ.

Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лутче.

Вральманъ.

Сфая кампанія то ли тѣло?

Гж. Простакова.

Адамъ Адамычь! Да изъ[1] ковожъ ты ее выберешъ?

Вральманъ.

Не крушинься мая матушка, не крушинься, какофъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ миліоны, миліоны. Какъ ему не фыпрать себѣ кампаній?

Гж. Простакова.

То даромъ што мой сынъ. Малой острой, проворной.

Вральманъ.

То ли пы тѣло, капы не самарили ефо на ушеньѣ? Россиска крамать! Арихметика! Ахъ хоспоти поже мой, какъ туша фъ тѣлѣ остаіоса! Какъ путто пы Россиски тфорянинъ ушъ и не могъ фъ сфѣтѣ аванзировать пезъ Россиской краматъ!

Кутейкинъ. *(въ сторону.)*

Подъ языкъ бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ.

Какъ путто пы до арихметики пыли люти тураки несчотные!

---

[1] Въ *РМ:* «ис».

Цыфиркинъ. *(въ сторону.)*

Я тѣ ребра то перещитаю. Попадесся ко мнѣ.

Вральманъ.

Ему потрепно спать, какъ шить фъ[1] сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ наизусть. Я самъ терта калашь. [2]

Гж. Простакова.

Какъ тебѣ не знать большова свѣту, Адамъ Адамычь? Я чай и въ одномъ Петербургѣ ты всево наглядѣлся. [3]

Вральманъ.

Тафольно, мая матушка, тафольно. Я савсегда ахотникъ пылъ смотрѣть публикъ. Пыфало о прасникѣ съѣтутца въ Катрингофъ кареты съ хоспотамъ. Я фсіо на нихъ смотру.[4] Пыфало не сойту ни на минуту съ коселъ.

Гж. Простакова.

Съ какихъ козелъ?

Вральманъ. *(въ сторону.)*

Ай! ай! ай! ай! Што я зафралъ! *(въ слухъ.)* Ты матушка снаешъ, што сматрѣть фсегта лофче зповышн. Такъ я пыфало на снакому карету и сасѣлъ, та и сматру польшой сфѣтъ съ коселъ.[5]

Гж. Простакова.

Конечно виднѣе. Умной человѣкъ знаетъ куда взлесть.

Вральманъ.

Вашъ тражайшій сынъ такъ же на сфѣтѣ какъ нибудь всмаститца, лютей пасматрѣть и сепя пакасать. Уталецъ!

---

[1] Въ *РМ:* «ф». [2] Въ *РМ:* «тіортой калачъ». [3] Въ *РМ:* «наглѣделся». [4] Въ *РМ:* «смотрю». [5] Въ *РМ:* «съ козелъ».

Митрофанъ. *(стоя на мѣстѣ перевертывается.)*

Вральманъ.

Уталецъ! Не постоитъ на мѣстѣ, какъ тикой конь пезъ усды. Ступай! Фортъ!

(Митрофанъ убѣгаетъ.)[1]

Гж. Простакова. *(усмѣхаясь радостно.)*

Ребенокъ, право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однакожъ, чтобъ онъ съ резвости безъ умыслу чѣмъ нибудь гостя не прогнѣвалъ.

Вральманъ.

Поти, мая матушка? Саліотна птиса! Са нимъ тфои гласа натобно.

Гж. Простакова.

Прощай же Адамъ Адамычь! *(отходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9.

Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Цыфиркинъ. *(насмѣхаясь.)*

Эка образина!

Кутейкинъ. *(насмѣхаясь.)*

Притча во языцѣхъ!

Вральманъ.

Чему фы супы-то скалите, нефѣжи?

Цыфиркинъ. *(ударивъ по плечу.)*

А ты што брови-то нахмурилъ чухонска сова?

---

[1] Въ *РМ*: «*выбѣгаетъ*».

Вральманъ.

Ой! ой! шелѣсны лапы!

Кутейкинъ. *(ударивъ по плечу.)*

Филинъ треклятый! Што ты буркалами то похлопываешъ?

Вральманъ. *(тихо.)*

Препалъ я, *(въ слухъ)* што фы истефаетесь репята што ли нато мною?

Цыфиркинъ.

Самъ праздно[1] хлѣбъ ѣшъ, и другимъ ничево дѣлать не даешъ: да тыжъ еще и рожи не уставишъ.

Кутейкинъ.

Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый!

Вральманъ. *(оправляясь отъ робости.)*

Какъ фы терсаете нефѣшничать перетъ ушоной персоной? Я накраулъ сакричу.[2]

Цыфиркинъ.

А мы тѣ и честь отдадимъ. Я доскою. . .

Кутейкинъ.

А я часословомъ.

Вральманъ.

Я хоспожѣ на фасъ пошалаюсъ.

(Цыфиркинъ замахиваясь доскою, а Кутейкинъ часословомъ.)

---

[1] Въ *РМ:* «празно». [2] Въ *РМ:* «сакрису».

Цыфиркинъ.

Раскрою тебѣ рожу па пятеро.

Кутейкинъ.

Зубы грѣшника сокрушу.

вмѣстѣ.

(Вральманъ бѣжитъ.)

Цыфиркинъ.

А! га! Подлялъ трусъ ноги.

Кутейкинъ.

Направи стопы своя, окаянный!

Вральманъ. *(въ дверяхъ.)*

Што всяли бестія? Сюта сунтесь.

Цыфиркинъ.

Уплелъ! Мы бы дали тебѣ таску.

Вральманъ.

Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкинъ.

Засѣлъ пребеззаконный! Много ль тамъ васъ басурмановъ-то? Всѣхъ высылай.

Вральманъ.

Съ атнимъ не слатили! Эхъ пратъ фсяли.

Цыфиркинъ.

Одинъ десятерыхъ[1] уберу!

Кутейкинъ.

Во утріе избію вся грѣшныя земли!

Всѣ вдругъ кричатъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

---

[1] Въ *РМ:* «десетерыхъ».

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Софья одна. *(глядя на часы.)*

Дядюшка скоро долженъ вытти. *(садясь.)* Я ево здѣсь подожду. *(вынимаетъ книжку, и прочитавъ нѣсколько.)* Это правда. Какъ не быть довольну сердцу, когда спокойна совѣсть! *(прочитавъ опять нѣсколько.)* Не льзя не любить правилъ добродѣтели. Они способы къ щастью. *(прочитавъ нѣсколько [1] взглянула, и увидѣвъ Стародума, къ нему подбѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 2.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ.

А! ты уже здѣсь, другъ мой сердечной!

Софья.

Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ.

Какую?

Софья.

Францускую. Фенелона, о воспитаніи дѣвицъ.

Стародумъ.

Фенелона? Автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то,

---

[1] Въ *РМ:* «еще нѣсколько».

что переведено по Руски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корню добродѣтель. Сядемъ. *(оба сѣли.)* Мое сердечное желаніе видѣть тебя столько щастливу, сколько въ свѣтѣ быть возможно.

Софья.

Ваши наставленіи, дядюшка, составятъ все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила,[1] которымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте сердцемъ моимъ. Оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ.

Мнѣ пріятно расположеніе души твоей. Съ радостью подамъ тебѣ мои совѣты. Слушай меня съ такимъ вниманіемъ, съ какою искренностію я говорить буду. Поближе.

(Софья подвигаетъ стулъ свой.)

Софья.

Дядюшка! Всякое слово ваше врѣзано будетъ въ сердце мое.

Стародумъ. *(съ важнымъ чистосердечіемъ.)*

Ты теперь въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ душа наслаждаться хочетъ всемъ бытіемъ своимъ, разумъ хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты входишъ теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшитъ часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всево чаще первая встрѣча бываетъ: умы развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенные въ своихъ чувствіяхъ. О мой другъ! Умѣй различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ, была бъ надежною порукою за твой разумъ и сердце.

Софья.

Все мое стараніе употреблю заслужить доброе мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ избѣжать, чтобъ тѣ, которые увидятъ,[2] какъ отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не мож-

---

[1] Въ *РМ:* «правилы». [2] Въ *РМ:* «увидютъ».

но ль, дядюшка, найти такое средство, чтобъ мнѣ никто на свѣтѣ зла не пожелалъ?

Стародумъ.

Дурное расположеніе людей недостойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, ково презираютъ: а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель такъ же своихъ завистниковъ имѣетъ. (Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ унизить ево до себя самихъ; и разумъ не имѣвшій испытанія обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое щастье не въ томъ, въ чемъ надобно.) [1]

Софья.

Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чемъ полагать свое щастье. Знатность, богатство. . . .

Стародумъ.

Такъ, мой другъ! И я согласенъ назвать щастливымъ знатнова и богатова. Да сперва согласимся, кто знатенъ, и кто богатъ. У меня мой расчотъ. Степени знатности расчитаю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ здѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ ево передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатной человѣкъ конечно щастливъ. Богачь мой то же. По моему расчоту не тотъ богатъ, которой отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ; а тотъ, которой отсчитываетъ у себя лишнѣе, чтобъ помочь тому, у ково нѣтъ нужнова.

---

[1] Строки, поставленныя въ косыя скобки, хотя удержаны въ *Б*, пропущены въ *РМ*. Вмѣсто нихъ въ *РМ* длинная вставка; она напечатана ниже въ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту и въ *Б* заключена между вносными знаками. Въ *Б* эта вставка примыкаетъ къ удержаннымъ въ этомъ изданіи строкамъ, которыхъ въ *РМ* нѣтъ.

(Софья.

Возможноль, дядюшка, чтобъ такія истинны нѐ для всѣхъ сердецъ чувствительны были? Не уже ль объ нихъ никто не размышляетъ? Гдѣжъ умъ, которымъ такъ величаются?)[1]

Стародумъ.

Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой! Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ граждань. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе. Безъ нево умной человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много, и много разныхъ. Умнова человѣка легко извинить можно, естли онъ какова нибудь качества ума и не имѣетъ. Честному человѣку никакъ простить не льзя, ежели не достаетъ въ немъ какова нибудь качества сердца. Ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честной человѣкъ долженъ быть совершенно честной человѣкъ.

Софья.

Ваше изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, которова я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честнова человѣка, и ево должность.

Стародумъ.

Должность! А! Мой другъ! Какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало ево понимаютъ! Всечасное употребленіе этова слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что выговоря ево человѣкъ ничево уже не мыслитъ, ничево не чувствуетъ, когда, естъ-

[1] Вмѣсто строкъ, заключенныхъ въ косыя скобки въ *РМ* новый, распространенный текстъ. Онъ помѣщенъ въ «Примѣчаніяхъ» къ этой страницѣ, принятъ въ *Б* и отмѣченъ въ названномъ изданіи вносными знаками.

либъ[1] люди понимали ево важность, никто не могъ бы вымолвить ево безъ душевнаго почтенія. Подумай, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ, и отъ ково зависимъ. Естьлибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ, всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи, и былобъ совершенно щастливо. Дворянинъ напримѣръ считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничево, когда есть ему столько дѣла; есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не былобъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство можно сказать погребено съ ихъ предками. Дворянинъ! Недостойный быть дворяниномъ! Подлѣе ево ничево на свѣтѣ не знаю.

Софья.

Возможноль такъ себя унизить? . . . . .

Стародумъ.

Другъ мой? Что сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь вообще на человѣка. У каждова свои должности. Посмотримъ, какъ они исполняются, каковы напримѣръ большею частію мужья нынѣшнева свѣта, не забудемъ, каковы и жены. О мой сердечной другъ! Теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возмемъ въ примѣръ нещастной домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждой съ своей стороны своротили съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга жена видитъ въ мужѣ своемъ грубова и развращеннаго тирана. Съ другой стороны вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну

---

[1] Неправильная пунктуація этихъ строкъ въ первомъ изданіи «Недоросля» («ничево не чувствуетъ. Когда? Естьлибъ») перешла во *всѣ* послѣдующія перепечатки Комедіи, хотя въ приложенныхъ къ первому изданію «Ошибкахъ» пунктуація уже исправлена.

своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнова поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость. Оба ни во что уже ставятъ доброе имя, потому, что у обѣихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ. Люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своемъ раба гнусныхъ страстей ево. Имѣніе растощается: оно сдѣлалось ни чье, когда хозяинъ ево самъ не свой. Дѣти, нещастные ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены такъ же и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какова воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, которова въ ней нѣтъ? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа и жены[1]!

Софья.

Боже мой! Отъ чево такія страшныя[2] нещастіи! . . . .

Стародумъ.

Отъ тово, мой другъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуютъ. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ? Хороша ли, богата ли невѣста? О благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей, честной человѣкъ безъ большова чина презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто за-

---

[1] Въ *РМ* и *Б* послѣ этого идетъ вставка: «*Софья.* Ахъ, какъ я ужасаюсь этого примѣра! *Стародумъ.* И не дивлюся: онъ долженъ привести въ трепетъ добродѣтельную душу. Я еще той вѣры что человѣкъ не можетъ быть и развращенъ столько, чтобъ могъ спокойно смотрѣть на то, что видимъ». [2] Въ *РМ* нѣтъ слова: «страшныя».

мѣнить не можетъ. Признаюсь тебѣ, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша. . . . .

Софья.

Да какъ достойнова мужа не любить дружески? . . . .

Стародумъ.

Такъ. Только пожалуй не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походилабъ. Имѣй къ нему дружбу, которая на любовь бы походила. Это будетъ гораздо прочнѣе. Тогда послѣ дватцати лѣтъ женидьбы найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу привязанность. Мужъ благоразумной! Жена добродѣтельная! Что почтеннѣе быть можетъ! Надобно, мой другъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья.

Все, что вы ни говорите, трогаетъ сердце мое. . . . .

Стародумъ. *(съ нѣжнѣйшею горячностію.)*

И мое восхищается, видя твою чувствительность. Отъ тебя зависитъ твое щастье. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоево пола. Вижу въ тебѣ сердце честнова человѣка. Ты мой сердечной другъ, ты соединяешъ въ себѣ обѣихъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ, что добродѣтель. . . .

Софья.

Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства. *(бросясь цѣловать ево руки.)* Гдѣ она? . . . . .

Стародумъ. *(цѣлуя самъ ея руки.)*

Она въ твоей душѣ. Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоево щастія. Оно не будетъ зависить

ни отъ знатности, ни отъ богатства. Все это притти къ тебѣ можетъ, однако для тебя есть щастье всево этова больше. Это то, чтобъ чувствовать себя достойною всѣхъ благъ, которыми ты можешъ наслаждаться....

Софья.

Дядюшка! Истинное мое щастье то, что ты у меня есть. Я знаю цѣну....

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Камердинеръ.

Камердинеръ. *(подаетъ письмо Стародуму.)*

Стародумъ.

Откуда?

Камердинеръ.

Изъ Москвы, съ нарочнымъ. *(отходитъ.)*

Стародумъ. *(разпечатавъ и смотря на подпись.)*

Графъ Честанъ. А! *(начиная читать, показываетъ видъ, что глаза разобрать не могутъ.)* Софьюшка! Очки мои на столѣ въ книгѣ.

Софья. *(отходя.)*

Тотчасъ, дядюшка.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Стародумъ одинъ.

Онъ конечно пишетъ ко мнѣ о томъ же, о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе.— Я не знаю Милона: но когда дядя ево, мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ ево честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... Естьли свободно ея сердце....

ЯВЛЕНІЕ 5.

Стародумъ и Софья.

Софья. *(подавая очки.)*

Нашла, дядюшка.

Стародумъ. *(читаетъ.)*

«....Я теперь только узналъ----ведетъ въ Москву свою «команду----Онъ съ вами долженъ встрѣтиться---Сердечно «буду радъ, естьли онъ ўвидится съ вами---- Возмите трудъ узнать образъ мыслей ево». *(въ сторону.)* Конечно. Безъ тово ее не выдамъ-----«Вы найдете-----Вашъ истинной другъ----» Хорошо. Это письмо до тебя принадлѣжитъ. Я сказывалъ тебѣ,что молодой человѣкъ, похвальныхъ свойствъ, представленъ..... Слова мои тебя смущаютъ, другъ мой сердечной. Я это и давича примѣтилъ и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ....

Софья.

Могу ли я имѣть на сердцѣ что нибудь отъ васъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка. Я чистосердечно скажу вамъ....

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же, Правдинъ и Милонъ.

Правдинъ.

Позвольте представить вамъ господина Милона, моево истиннова[1] друга.

Стародумъ. *(въ сторону.)*

Милонъ!

---

[1] Въ *РМ:* «искреннова».

Милонъ.

Я почту за истинное щастіе, естьли удостоюсь вашева доброва мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей....

Стародумъ.

Графъ Честанъ не свойственникъ ли вашъ?

Милонъ.

Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ.

Мнѣ очень пріятно быть знакому съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливые достоинствы....

Милонъ.

Это ево ко мнѣ милость. Въ мои лѣта, и въ моемъ положеніи было бы непростительное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодова человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ.

Я напередъ увѣренъ, что другъ мой приобрѣтетъ вашу благосклонность, естьли вы ево узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей....

Стародумъ. *(оглядывается на Софью.)*

Софья.

(тихо Стародуму и въ большой робости.)

И матушка любила ево какъ сына.

Стародумъ. *(Софьѣ.)*

Мнѣ это очень пріятно. *(Милону.)* Я слышалъ, что вы были въ арміи. Неустрашимость ваша....

Милонъ.

Я дѣлалъ мою должность. Ни лѣты мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволили мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ.

Какъ! будучи въ сраженіяхъ, и подвергая жизнь свою....

Милонъ.

Я подвергалъ ее какъ протчіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру честь.[1]

Стародумъ.

Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милонъ.

Естьли позволите мнѣ сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У ково она въ душѣ, у тово безъ всякова сомнѣнія и храброе сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ, храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ степени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни: но что всево болѣе! Онъ для пользы отечества[2] не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость ево состоитъ слѣдственно не въ томъ, чтобъ презирать жизнь свою. Онъ ее никогда и не отваживаетъ. Онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стародумъ.

Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ военачальникѣ. Свойственна ли же она и другимъ состояніямъ?

---

[1] Въ *РМ* и *Б* послѣ этого прибавлено: «Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустрашимости не имѣлъ я еще никакова случая, испытать же себя сердечно желаю». [2] Въ *РМ* и *Б*: «для пользы и славы отечества».

Милонъ.

Она добродѣтель; слѣдственно нѣтъ состоянія, которое ею не могло бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ салдата, которой на приступѣ отваживаетъ жизнь свою на ряду съ протчими, и между неустрашимостію человѣка государственнова, которой говоритъ правду Государю отваживаясь ево прогнѣвать. Судья, которой не убояся ни мщенія, ни угрозъ сильнова, отдалъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ, Герой. Какъ мала душа тово, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуель, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующева, которова честь при немъ клеветники терзаютъ! Я понимаю неустрашимость такъ....

Стародумъ.

Какъ понимать должно тому, у ково она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе. Я другъ честныхъ людей! Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ твоемъ вижу и почитаю добродѣтель украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ.

Милонъ.

Душа благородная!.... Нѣтъ — не могу скрывать болѣе моево сердечнова чувства.... Нѣтъ. Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Естьли мое сердце добродѣтельно, естьли стоитъ оно быть щастливо, отъ тебя зависитъ сдѣлать ево[1] щастье. Я полагаю ево въ томъ, чтобъ имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность.....

Стародумъ. *(къ Софьѣ съ радостію.)*

Какъ! Сердце твое умѣло отличить тово, ково я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ....

---

[1] Въ *РМ* нѣтъ слова: «ево». Описка?

Софья.

И я люблю ево сердечно.

Стародумъ.

Вы оба другъ друга достойны. *(въ восхищеніи соединяя ихъ руки.)* Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

Милонъ.

(обнимая Стародума.)

Мое щастье несравненно!

Софья.

(цѣлуя руки Стародумовы.)

Кто можетъ быть щастливѣе меня!

(Милонъ и Софья — вмѣстѣ.)

Правдинъ.

Какъ искренно я радъ![1]

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ.

И я здѣсь.[2]

Стародумъ.

За чѣмъ пожаловалъ?

Скотининъ.

За своей нуждой.

Стародумъ.

А чѣмъ я могу служить?

---

[1] Въ *РМ* и *Б* послѣ этого вставка: «*Стародумъ*. Мое удовольствіе неизреченно! *Милонъ (цѣлуя руку Софьи)*. Вотъ минута нашего благополучія! *Софья*. Сердце мое вѣчно любить тебя будетъ.» [2] Въ: *РМ*. «Я здѣсь».

Скотининъ.

Двумя словами.

Стародумъ.

Какими это?

Скотининъ.

Обнявъ меня покрѣпче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародумъ.

Не пустое ль затѣвать изволишъ? Подумай-ко хорошенько.

Скотининъ.

Я никогда не думаю, и напередъ увѣренъ, что коли и ты думать не станешъ, то Софьюшка моя.

Стародумъ.

Какъ же и ты хочешъ[1], чтобъ я отдалъ мою племянницу, за ково, не знаю.

Скотининъ.

Не знаешъ, такъ скажу. Я Тарасъ Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣдній. Родъ Скотининыхъ великой и старинной. Пращура нашева ни въ какой герольдіи не отъищешъ.

Правдинъ. *(смѣючись.)*

Эдакъ вы насъ увѣрите, что онъ старѣе Адама?

Скотининъ.

А что ты думаешъ? Хоть не многимъ....

Стародумъ. *(смѣючись.)*

То есть, пращуръ твой созданъ хоть въ шестой же день, да не много попрежде Адама?

---

[1] Въ *РМ* и *Б* вмѣсто этого: «Это странное дѣло! Человѣкъ ты, какъ вижу, не безъ ума, а хочешь».

Скотининъ.

Нѣтъ, право? Такъ ты доброва мнѣнія о старинѣ моево рода?

Стародумъ.

О! таково-то доброва, что я удивляюсь, какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбирать жену изъ другова рода, какъ изъ Скотининыхъ?

Скотининъ.

Разсуди же, какое щастье Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка.....

Стародумъ.

Экой человѣкъ! Да для тово-то ты ей и не женихъ.

Скотининъ.

Ужъ я на то пошолъ. Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночкѣ. Для меня все равно.

Стародумъ.

Да для нее не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

Милонъ.

Такое неравенство сдѣлалобъ нещастье васъ обѣихъ.

Скотининъ.

Ба! Да этотъ што тутъ равняется? *(тихо Стародуму.)* А! не отбиваетъ ли?

Стародумъ. *(тихо Скотинину.)*

Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ. *(тѣмъ же тономъ.)*

Да гдѣ чорту!

Стародумъ. *(тѣмъ же тономъ.)*

Тяжело.

Скотининъ. *(громко указывая на Милона.)*

Ктожъ изъ насъ смѣшонъ? Ха, ха, ха, ха!

Стародумъ. *(смѣется.)*

Вижу кто смѣшонъ.

Софья.

Дядюшка! Какъ мнѣ мило, что вы веселы.

Скотининъ. *(Стародуму.)*

Ба! Да ты весельчакъ. Давича я думалъ, что къ тебѣ приступу нѣтъ. Мнѣ слова не сказалъ, а теперь все со мной смѣешься.

Стародумъ.

Таковъ человѣкъ, мой другъ! Часъ на часъ не приходитъ.

Скотининъ.

Это и видно. Вить и давича былъ я тотъ же Скотининъ; а ты сердился.

Стародумъ.

Была притчина.

Скотининъ.

Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ же. Дома, когда зайду въ клева, да найду ихъ не въ порядкѣ, досада и возметъ. И ты, не въ проносъ слово, заѣхавъ сюда, нашолъ сестринъ домъ не лутче клевовъ, тебѣ и досадно.

Стародумъ.

Ты меня щастливѣе. Меня трогаютъ люди.

Скотининъ.

А меня такъ свиньи.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же, Гж. Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Гж. Простакова. *(входя.)*

Все ли съ тобою, Митрофанушка?[1]

Митрофанъ.

Ну, да ужъ не заботься.

(Гж. Простакова. *(Стародуму.)*

Мы пришли, батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею прозбою.[2]) *(мужу и сыну.)* Кланяйтесь.

Стародумъ.

Какою сударыня?

Гж. Простакова.

Во первыхъ прошу милости всѣхъ садиться. *(Всѣ садятся кромѣ Митрофана и Еремѣевны.)* Вотъ въ чомъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ, намъ грѣшнымъ гдѣбъ и умолить, даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишъ ево видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ, и посмотрѣть какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ.

О сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я узналъ кто его и учители. Вижу напередъ,[3] какому грамотѣю ему быть надобно, учася у

---

[1] Въ *РМ* и *Б*: «Все ль съ тобою, другъ мой?» [2] Вмѣсто строкъ, поставленныхъ въ косыя скобки, въ *РМ* и *Б* новый текстъ, распространенный и исправленный. См. «Примѣчаніе» къ этой страницѣ. [3] Въ *РМ* и *Б*: «Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ».

Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(къ Правдину.)* Любопытенъ бы я былъ послушать, чему Нѣмецотъ ево выучилъ.

Гж. Простакова.

Всѣмъ наукамъ, батюшка.

Простаковъ.

Всему, мой отецъ.

Митрофанъ.

Всему, чѣму изволишъ.

вмѣстѣ.

Правдинъ. *(Митрофану.)*

Чѣмужъ бы напримѣръ?

Митрофанъ. *(подаетъ ему книгу.)*

Вотъ, граматикѣ.

Правдинъ. *(взявъ книгу.)*

Вижу. Это граматика. Чтожъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ.

Много. Существительна, да прилагательна[1]....

Правдинъ.

Дверь напримѣръ, какое имя, существительное, или прилагательное?

Митрофанъ.

Дверь, котора дверь?

Правдинъ.

Котора дверь! Вотъ эта.

[1] Въ *РМ* и *Б*: «Существительное да прилагательное».

Митрофанъ.

Эта? Прилагательна.[1]

Правдинъ.

По чемужъ?

Митрофанъ.

По тому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена, такъ та покаместь существительна.

Стародумъ.

Такъ по этому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку.

Митрофанъ.

И вѣдомо.

Гж. Простакова.

Што, каково мой батюшка?

Простаковъ.

Каково, мой отецъ?

Правдинъ.

Не льзя лутче. Въ граматикѣ онъ силенъ.

Милонъ.

Я думаю не меньше и въ Исторіи.

Гж. Простакова.

То мой батюшка, онъ еще съ измала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ.

Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ тово глазъ не сведу, чтобъ выборной не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ сабачей сынъ, откуда што берется!

---

[1] Въ *РМ* и *Б* «прилагательное».

Гж. Простакова.

Однако все таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ. *(Митрофану.)*

А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ.

Далеко ль? Какова исторія. Въ иной залетишъ за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ.

А! Такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стародумъ.

Вральманъ! Имя что-то знакомое.

(Правдинъ.

Да не такъ же ли вы знаете и Географію?)[1]

Гж. Простакова. *(сыну.)*

Слышишъ, другъ мой сердечной. Это што за наука?

Митрофанъ. *(тихо матерь.)*

А я по чемъ знаю.

Гж. Простакова. *(тихо Митрофану.)*

Не упрямся, душинька. Теперь-то себя и показать.

---

[1] Вмѣсто строкъ, заключенныхъ въ косыя скобки, въ *РМ* и *Б*: «*Митрофанъ.* Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычь исторіи не разсказываетъ; онъ что я же, самъ охотникъ слушать. *Гжа Простакова.* Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью. *Правдинъ.* Да не у ней ли оба вы учились и географіи?»

Митрофанъ. *(тихо матерь.)*

Да я не возму въ толкъ, о чомъ спрашиваютъ.

Гж. Простакова. *(Правдину.)*

Какъ батюшка назвалъ ты науку-то?

Правдинъ.

Географія.

Гж. Простакова. *(Митрофану.)*

Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ.

Да што такое! Господи Боже мой! Пристали съ ножомъ къ горлу.

Гж. Простакова. *(Правдину.)*

И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, здѣлай милость, какая эта наука-то, онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ.

Описаніе земли.

Гж. Простакова. *(Стародуму.)*

А къ чемубъ это служило на первой случай?

Стародумъ.

На первой случай сгодилось бы и къ тому, что ежелибъ случилось ѣхать, такъ знаешъ куда ѣдешъ.

Гж. Простакова.

Ахъ мой батюшка! Да извощики-то на штожъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только

скажи, повези меня туда, свезутъ куда изволишъ. Мнѣ повѣрь, батюшка, что конечно то вздоръ, чево не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ.

О конечно сударыня. Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чево не знаешъ.

(Скотининъ.

Что ученье вздоръ, то неоспоримо доказалъ покойной дядя Вавила Фалелѣевичь)[1]. О грамотѣ никто отъ нево не слыхивалъ, ни онъ ни отъ ково слышать не хотѣлъ. А какова была голоушка?

Правдинъ.

Чтожъ такое?

Скотининъ.

Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослой, ворота низки, забылъ наклониться. Какъ хватитъ себя лбомъ о притолоку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрой конь вынесъ ево изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать, есть ли на свѣтѣ учоной лобъ, которой бы отъ такова тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь спросилъ только, цѣлы ли ворота?

Милонъ.

Вы господинъ Скотининъ, сами признаете себя неучонымъ человѣкомъ, однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче учонова.

---

[1] Вмѣсто строкъ, заключенныхъ въ скобки, въ *РМ* и *Б* вставленъ новый текстъ, болѣе пространный; онъ помѣщенъ ниже въ Примѣчаніяхъ къ этой страницѣ.

Стародумъ. *(Милону.)*

Объ закладъ не бейся. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Гж. Простакова.

Батюшка мой! Да што за радость и выучиться?[1] *(Правдину.)* Ты самъ, батюшка, другихъ посмышленѣе, такъ сколько трудисся! Вотъ и теперь сюда шедши, я видѣла, што къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Правдинъ.

Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этова не скажетъ! *(вставая.)* Я прошу извинить меня, что васъ оставлю. Можетъ быть есть ко мнѣ какія нибудь повелѣнія отъ намѣстника.

Стародумъ. *(встаетъ и всѣ встаютъ.)*

Поди, мой другъ: однако я съ тобою не прощаюсь.

Правдинъ.

Я еще увижусь съ вами. Вы завтре ѣдете по утру?

Стародумъ.

Часовъ въ семь.

(Правдинъ отходитъ.)

Милонъ.

А я завтре же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду сдѣлать къ тому распоряженіе. *(Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами.)*

---

[1] Послѣ этого въ *РМ* и *Б* слѣдуетъ вставка: «Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность. *Стародумъ.* А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ. *Г-жа Простакова.* Богъ васъ знаетъ, какъ вы ныньче судите. У насъ бывало всякой того и смотритъ, что на покой».

ЯВЛЕНІЕ 9.

Гж. Простакова, Митрофанъ, Простаковъ, Еремѣевна, Стародумъ, Софья.

Гж. Простакова. *(Стародуму.)*

Ну, мой батюшка! Ты довольно видѣлъ каковъ Митрофанушка?

Скотининъ.

Ну, мой другъ сердечной? Ты видишъ каковъ я?

Стародумъ.

Узналъ обѣихъ, не льзя короче.

Скотининъ.

Быть ли жъ за мною Софьюшкѣ?

Стародумъ.

Не бывать.

Гж. Простакова.

Женихъ ли ей Митрофанушка?

Стародумъ.

Не женихъ.

Гж. Простакова.

А чтобъ помѣшало?

Скотининъ.

За чѣмъ дѣло стало?

(вмѣстѣ.)

Стародумъ. *(сведя обѣихъ.)*

Вамъ однимъ за секретъ сказать можно. Она сговорена. *(отходитъ, и даетъ знакъ Софьѣ, чтобъ шла за нимъ.)*

Гж. Простакова.

Ахъ злодѣй!

Скотининъ.

Да онъ рехнулся.

Гж. Простакова. *(съ нетерпѣніемъ.)*

Когда они выѣдутъ?

Скотининъ.

Вить ты слышала, по утру въ семь часовъ.

Гж. Простакова.

Въ семь часовъ!

Скотининъ.

Завтре и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уміонъ, какъ изволитъ, а и съ Скотининымъ развяжесся не скоро.

(отходитъ.)

Гж. Простакова.

(бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ.)

Въ семь часовъ!.... Мы встанемъ поранѣ.... Что захотѣла, поставлю на своемъ..... Всѣ ко мнѣ.

(Всѣ подбѣгаютъ.)

Гж. Простакова *(къ мужу.)*

Завтре въ шесть часовъ, чтобъ карета подвезена была къ заднему крыльцу. Слышишъ ли ты? Не прозѣвай.

Простаковъ.

Слушаю, мать моя.

Гж. Простакова. *(къ Еремѣевнѣ.)*

Ты во всю ночь не смѣй вздремать у Софьиныхъ дверей. Лишъ она проснется, бѣги ко мнѣ.

Еремѣевна.

Не промигну, моя матушка.

Гж. Простакова. *(сыну.)*

Ты, мой другъ сердечной, самъ въ шесть часовъ будь совсѣмъ готовъ, и (не вели лакеямъ изъ комнатъ отлучаться)[1].

Митрофанъ.

Все будетъ здѣлано.

Гж. Простакова.

Подитежъ съ Богомъ. *(Всѣ отходятъ.)* А я ужъ знаю, что дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Старикъ прогнѣвается, да проститъ и за неволю. А мы свое возмемъ.

конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ.

Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

Стародумъ.

И такъ имѣешъ[2] теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы.

---

[1] Въ *РМ* и *Б*, вмѣсто послѣдней фразы: «и поставь троихъ слугъ въ Софьиной передспальней, да двоихъ въ сѣняхъ на подмогу». [2] Въ *РМ* и *Б*: «И такъ ты имѣешь».

Правдинъ.

Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни, при первомъ бѣшенствѣ, отъ которова могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародумъ.

Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ,[1] гдѣ Государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ ево истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться ево права. Тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждой долженъ искать своево щастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно,.... и что угнѣтать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

Правдинъ.

Я въ этомъ согласенъ съ вами: да какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ[2] свои выгоды!

Стародумъ.

Слушай, другъ мой! Великой Государь есть Государь премудрой. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобы править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, которой плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что не много надобно ума пасти скотину. Достойный престола Государь, стремиться возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ.

Удовольствіе, которымъ Государи наслаждаются владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли бы отвлекать......

---

[1] Въ *РМ* и *Б*: «Повѣрь мнѣ, другъ мой». [2] Въ *РМ*: «находютъ».

Стародумъ.

А![1] Сколь великой душѣ надобно быть въ Государѣ, чтобъ стать на стезю истинны, и никогда съ нее не совращаться[2]. И во первыхъ толпа скаредныхъ льстецовъ......

Правдинъ.

Безъ душевнаго презренія нельзя себѣ вообразить, что такое льстецъ.

Стародумъ.

Льстецъ есть тварь, которая не только о другихъ, ниже о себѣ хорошева мнѣнія не имѣетъ. Все ево стремленіе къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ нево, что ему надобно. Онъ ночной воръ, которой сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

Правдинъ.

Нещастіямъ людскимъ конечно причиною собственное ихъ развращеніе: но способы сдѣлать людей добрыми.....

Стародумъ.

Они въ рукахъ Государя. Какъ скоро всѣ видятъ[3], что безъ благонравія никто не можетъ вытти въ люди; что ни подлой выслугой, и ни за какія деньги не льзя купить тово, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, тогда всякой находитъ свою выгоду быть благонравнымъ, и всякой хорошъ становится[4].

Правдинъ.

Справедливо. Великой Государь даетъ......

---

[1] Въ *Б* нѣтъ слова: «А!» [2] Послѣ этого въ *РМ* и *Б* вставка: «Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ!» [3] Въ *РМ* и *Б*: «всѣ увидятъ». [4] Въ *РМ* и *Б*: «и всякой хорошъ будетъ».

Стародумъ.

Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ: мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

Правдинъ.

Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи.....

Стародумъ.

Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ нещастныя слѣдствія дурнова воспитанія. Ну[1] что для отечества можетъ вытти изъ Митрофанушки, за котрова невѣжды родители, платятъ еще и деньги невѣждамъ учителямъ? Сколько дворянъ отцовъ, которые нравственное воспитаніе сынка своево поручаютъ своему рабу крѣпостному: лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одново раба двое, старой дядька, да молодой баринъ.

Правдинъ.

Но особы вышшего состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стародумъ.

Это все правда[2]: да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ, благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнова господина, наставникъ его всякой день разогнулъ ему Исторію, и указалъ ему въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отече-

---

[1] Этого слова нѣтъ въ *РМ*; въ *Б* оно удержано. [2] Вмѣсто этого въ *РМ* и *Б*: «Такъ, мой другъ».

ства; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности, низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

ПРАВДИНЪ.

Надобно дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе; тогда можно быть увѣрену.... Что за шумъ!

СТАРОДУМЪ.

Что такое здѣлалось?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Милонъ, Софья, Еремѣевна.

(Милонъ отталкивая Еремѣевну отъ Софьи, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ къ людямъ, имѣя въ рукѣ обнаженную шпагу.

Не смѣй никто подойти ко мнѣ.

СОФЬЯ *(бросясь къ Стародуму.)*

Ахъ дядюшка! защити меня!

СТАРОДУМЪ.

Другъ мой! Что такое!

ПРАВДИНЪ.

Какое злодѣяніе! } *вмѣстѣ.*

СОФЬЯ.

Сердце мое трепещетъ!

ЕРЕМѢЕВНА.

Пропала моя голоушка!

Милонъ.

Злодѣи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые подхватя ее подъ руки, не смотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

Софья.

Вотъ мой избавитель.

Стародумъ[1].

Другъ мой!

Правдинъ. *(Еремѣевнѣ.)*

Сейчасъ скажи, куда[2] вести хотѣли, или какъ съ злодѣйкой....

Еремѣевна.

Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться.

Гж. Простакова. *(за кулисами.)*

Плуты! Воры! Мошенники! Всѣхъ прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Гж. Простакова, Простаковъ и Митрофанъ.

Гж. Простакова.

Какая я госпожа въ домѣ! *(указывая на Милона.)* Чужой погрозитъ, приказъ мой ни во что[3].

---

[1] Послѣ того въ *РМ* прибавлено: «*(къ Милону)*». [2] Въ *РМ*: «куды».
[3] Послѣ этого въ *РМ* и *Б* прибавлено:

«*Простаковъ.*

Я ли виноватъ?

Митрофанъ.

За людей приниматься.

Гж. Простакова.

Жива быть не хочу». } *вмѣстѣ.*

ПРАВДИНЪ.

Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ, какъ дядѣ, а вамъ какъ жениху.....

Гж. ПРОСТАКОВА.

Жениху!

ПРОСТАКОВЪ.

Хороши мы!

МИТРОФАНЪ.

Все къ чорту!

(вмѣстѣ.)

ПРАВДИНЪ.

Требовать отъ правительства, чтобъ здѣланная ей обида наказана была всею строгостью[1] законовъ. Сейчасъ представлю ее передъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Гж. ПРОСТАКОВА *(бросясь на колѣни).*

Батюшки, виновата.

ПРАВДИНЪ.

Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи....

ПРОСТАКОВЪ.

Безъ вины виноватъ.

МИТРОФАНЪ.

Виноватъ, дядюшка!

(вмѣстѣ бросясь на колѣни.)

Гж. ПРОСТАКОВА.

Ахъ я сабачья дочь! Что я надѣлала!

---

[1] Въ *РМ:* «строгостію».

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ.

Ну сестра хорошу было шутку..... Ба! Что это! Всѣ наши на колѣняхъ!

Гж. Простакова *(стоя на колѣняхъ)*.

Ахъ мои батюшки, повинную голову мечь не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не погубите меня. *(къ Софьѣ.)* Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и надъ бѣдными сиротами.

Скотининъ.

Сестра! О своемъ ли ты умѣ?

Правдинъ.

Молчи Скотининъ.

Гж. Простакова.

Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ, что тебѣ въ головѣ моей?

Софья *(Стародуму)*.

Дядюшка! Я мое оскорбленіе забываю.

Гж. Простакова *(поднявъ руки къ Стародуму)*.

Батюшка! Прости и ты меня грѣшную. Вить я человѣкъ, не ангелъ.

Стародумъ.

Знаю, знаю, что человѣку не льзя быть ангеломъ. Да не надобно быть чортомъ.

Милонъ[1].

И преступленіе и раскаянье въ ней презренія достойны.

Правдинъ *(Стародуму)*.

Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ правительствомъ..... и ужъ спасти ее не льзя.

Стародумъ.

Не хочу ни чьей погибели. Я ее прощаю.

(Всѣ вскочили съ колѣней).

Гж. Простакова.

Простилъ, ахъ батюшка!..... Ну! Теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ. Теперь-то я всѣхъ переберу по одиначкѣ. Теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ. Нѣтъ, машенники! Нѣтъ воры! Вѣкъ не прощу, не прощу этой насмѣшки.

Правдинъ.

А за што вы хотите наказывать людей вашихъ?

Гж. Простакова.

Ахъ батюшка, это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правдинъ.

А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

Скотининъ.

Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу[2], когда захочетъ.

---

[1] Въ *РМ* нѣтъ слова: «Милонъ»; слѣдующая за нимъ фраза принадлежитъ Стародуму. [2] Вмѣсто: «слугу» въ *РМ*: «своихъ».

Правдинъ.

Когда захочетъ! Да што за охота? Прямой ты Скотининъ. Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Гж. Простакова.

Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ: да па штожъ данъ намъ указотъ о вольности дворянства?

Стародумъ.

Мастерица толковать указы.

Гж. Простакова.

Извольте насмѣхаться: а я теперь же всѣхъ съ головы на голову.... *(Порывается итти)*.

Правдинъ *(останавливая ее)*.

Поостановитесь сударыня *(вынявъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову)*. Имянемъ правительства вамъ приказываю, сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до которова попустило ее ваше крайнее [1] слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Простаковъ.

А! До чево мы дожили!

Гж. Простакова.

Какъ! Новая бѣда! За што? За што батюшка, что я въ своемъ домѣ госпожа.....

Правдинъ.

Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучре-

---

[1] Въ *РМ* нѣтъ слова: «крайнее».

жденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. *(Простакову.)* Подите.

Простаковъ *(отходитъ всплеснувъ руками).*

Отъ ково это матушка!

Гж. Простакова *(тоскуя).*

О горе взяло! О грусно!

Скотининъ.

Ба! ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякой Скотининъ можетъ попасть подъ опеку.... Уберусь же я отсюда по добру по здорову[1].

Гж. Простакова.

Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Скотининъ *(Стародуму).*

Я шолъ было къ тебѣ добиться толку. Женихъ....

Стародумъ *(указывая на Милона).*

Вотъ онъ.

Скотининъ.

А! га! такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечево. Кибитку впречь, да и.....

(Правдинъ.

Да и ступай въ свои клева. Совѣтую однакожъ и тебѣ поостеречься. Я слышалъ, что съ свиньями не въ примѣръ лутче обходисся нежели съ людьми.

Скотининъ *(отходя съ трусостью).*

Государь ты мой милосливой, да какъ къ людямъ и лежать

---

[1] Въ *РМ* этой фразы нѣтъ.

у меня сердцу? Люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе)[1].

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гж. Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремѣевна.

Гж. Простакова *(къ Правдину).*

Батюшка, не погуби ты меня, что тебѣ прибыли? Не возможно ль какъ нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Правдинъ.

Я отъ должности никакъ не отступлю.

Гж. Простакова.

Дай мнѣ сроку хоть на три дни *(въ сторону).* Я дала бы себя знать.....

Правдинъ.

Ни на три часа.

Стародумъ.

Да другъ мой! Она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишъ.

Гж. Простакова.

Да какъ вамъ мой батюшка самому входить въ мѣлочи?...

[1] Строки, поставленныя въ скобки, замѣнены въ *РМ* и *Б* слѣдующимъ текстомъ: «*Правдинъ.* Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однако жъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему они подвержены. *Скотининъ.* Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей.... *Правдинъ.* Побольше любили, или бъ по крайней мѣрѣ... *Скотининъ.* Ну... *Правдинъ.* Хоть не трогали. *Скотининъ (отходя).* Хоть не трогали».

Правдинъ.

Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ: а....

Гж. Простакова.

А съ долгами-то раздѣлаться?.... Не доплачено учителямъ..

Правдинъ.

Учителямъ? *(Еремѣевнѣ.)* Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

Еремѣевна.

Чай што прибрели. А нѣмца-то, мой батюшка?....

Правдинъ.

Всѣхъ позови.

(Еремѣевна отходитъ).

Правдинъ.

Не заботься ни о чемъ сударыня, я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ *(видя въ тоскѣ гж. Простакову).*

Сударыня! Ты сама себя почувствуешъ лутче, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Гж. Простакова.

Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ, моимъ же рукамъ и воли нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, Еремѣевна, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Еремѣевна *(введя учителей, къ Правдину).*

Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральманъ *(къ Правдину).*

Фаше фысоко-и-плахоротіе. Исфолили меня къ сепѣ прасить?

Кутейкинъ *(къ Правдину)*.

Званъ быхъ и приидохъ.

Цыфиркинъ *(къ Правдину)*.

Что приказу будетъ ваше благородіе?

Стародумъ.

(съ приходу Вральмана въ нево вглядывается).

Ба! Это ты Вральманъ?

Вральманъ *(узнавъ Стародума)*.

Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты мой милостифый хоспотинъ! *(цѣлуя полу Стародума)* Старофенька ли мой отесъ пошифать исфолишъ?

Правдинъ.

Какъ? Онъ вамъ знакомъ?

Стародумъ.

Какъ не знакомъ? Онъ три года у меня былъ кучеромъ.

(Всѣ показываютъ удивленіе).

Правдинъ.

Изрядной учитель!

Стародумъ.

А ты здѣсь въ учителяхъ? Вральманъ! Я думалъ, право, что ты человѣкъ доброй и не за свое не возмесся.

Вральманъ.

Та што тѣлать, мой патюшка? Не я перфой, не я послѣтней. Три мѣсеса фъ Москфѣ шатался пезъ мѣстъ, кутшеръ [1] нихтѣ не ната. Пришло мнѣ липо съ голотъ мереть, липо ушитель.....

---

[1] Въ *РМ* «кутчеръ».

Правдинъ *(къ учителямъ)*.

По волѣ правительства, ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ я васъ отпускаю.

Цыфиркинъ.

Лутче не нада.

Кутейкинъ.

Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся....

Правдинъ.

А что тебѣ надобно?

Кутейкинъ.

Нѣтъ, милосливый господинъ, мой щетецъ зело не малъ. За полгода за ученье, за обувь, что истаскалъ въ три года, за простой, что сюда прибредіошъ бывало по пустому. За....

Гж. Простакова.

Ненасытная душа! Кутейкинъ! За што это?

Правдинъ.

Не мѣшайтесь сударыня, я васъ прошу.

Гж. Простакова.

Да коль пошло на правду, чѣму ты выучилъ Митрофанушку?

Кутейкинъ.

Это ево дѣло. Не мое.

Правдинъ. *(Кутейкину)*.

Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину)*. Тебѣ много ль заплатить?

Цыфиркинъ.

Мнѣ? Ничево.

Гж. Простакова.

Ему батюшка за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

Цыфиркинъ.

Такъ: на тѣ десять рублей[1] я износилъ сапаговъ въ два года. Мы и квиты.

Правдинъ.

А за ученье?

Цыфиркинъ.

Ничево.

Стародумъ.

Какъ ничево?

Цыфиркинъ.

Не возьму ничево. Онъ ничево не перенялъ.

Стародумъ.

Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ.

Не за што. Я Государю служилъ съ лишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ, по пустому не биралъ и не возму.

Стародумъ.

Вотъ прямо доброй человѣкъ.

(Стародумъ и Милонъ вынимаютъ изъ кошельковъ деньги).

Правдинъ.

Тебѣ не стыдно Кутейкинъ?

Кутейкинъ *(потупя голову).*

Посрамихся окаянный.

Стародумъ *(Цыфиркину).*

Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

---

[1] Въ *РМ:* «рублевъ»

Цыфиркинъ.

Спасибо, ваше высокородіе. Благодаренъ. Дарить меня ты воленъ. Самъ не заслужа вѣкъ не потребую.

Милонъ *(давая ему деньги).*

Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

Цыфиркинъ.

И еще спасибо.

Правдинъ *(даетъ такъ же ему деньги).*

Цыфиркинъ.

Да за што ваше благородіе жалуете?

Правдинъ.

За то, что ты не походишъ на Кутейкина.

Цыфиркинъ.

И! Ваше благородіе. Я салдатъ.

Правдинъ *(къ Цыфиркину).*

Подижъ, мой другъ, съ Богомъ.

(Цыфиркинъ отходитъ).

Правдинъ.

А ты Кутейкинъ пожалуй-ка сюда завтре, да потрудись росчесться съ самою госпожею.

Кутейкинъ *(выбѣгая).*

Съ самою! Ото всево отступаюсь.

Вральманъ *(Стародуму).*

Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня апять къ сепѣ.

Стародумъ.

Да ты Вральманъ, я чаю отсталъ и отъ лошадей?

Вральманъ.

Эй нѣтъ, мой патюшка! Шиучи съ стѣшнимъ хоспотамъ, касалось мнѣ, што я фсе съ лошатками.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Камердинеръ *(Стародуму).*

Камердинеръ.

Карета ваша готова.

Вральманъ.

Прикашишъ мнѣ дофести себя.

Стародумъ.

Поди садись на козлы.

(Вральманъ отходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Гж. Простакова, Стародумъ, Милонъ, Софья, Правдинъ, Митрофанъ, Еремѣевна.

Стародумъ *(къ Правдину держа руки Софьи и Милона).*

Ну, мой другъ? Мы ѣдемъ. Пожелай намъ.....

Правдинъ.

Всево щастья, на которое имѣютъ право честныя сердца.

Гж. Простакова *(бросясь обнимать сына).*

Одинъ ты остался у меня, мой сердечной другъ, Митрофанушка!

Митрофанъ.

Да отвяжись матушка, какъ навязалась.....

Гж. Простакова.

И ты! И ты меня бросаешъ! А! неблагодарной! *(упала въ обморокъ).*

Софья *(подбѣжавъ къ ней).*

Боже мой! Она безъ памяти.

Стародумъ *(Софьѣ).*

Помоги ей, помоги.

(Софья и Еремѣевна помогаютъ).

Правдинъ *(Митрофану).*

Негодница! Тебѣ ли грубить матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всево больше до нещастья.

Митрофанъ.

Ды она какъ будто невѣдомо.....

Правдинъ.

Грубіянъ!

Стародумъ *(Еремѣевнѣ).*

Што она теперь? Што?

Еремѣевна *(посмотрѣвъ пристально на Гж. Простакову, и всплеснувъ руками).*

Очніотся, мой батюшка, очніотся.

Правдинъ *(Митрофану).*

Съ тобой дружокъ знаю, что дѣлать. Пошолъ-ко служи ть...

Митрофанъ *(махнувъ рукою).*

По мнѣ, куда велятъ.

Гж. Простакова *(очнувшись, въ отчаяніи).*

Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда ни куды глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ *(указавъ на Гж. Простакову).*

Вотъ злонравія достойные плоды.

Конецъ комедіи.

Примѣчанія.

Къ „Альзирѣ“.

«Альзира» напечатана по списку Россійскаго Историческаго музея, куда онъ поступилъ изъ Чертковской библіотеки. По каталогу рукописей музея онъ означенъ: I $^{3}/_{41}$ и составляетъ переплетенную въ картонъ тетрадь въ 4-ку, писанную на 41 листѣ канцелярскимъ почеркомъ второй половины XVIII вѣка. На оборотѣ л. 1 рукою Платона Петровича Бекетова отмѣчено: «Въ рукописи поправки сдѣланы собственною рукою переводчика Д. И. Фонъ-Визина. — На заглавномъ листѣ внизу подписано *Мусинъ Пушкинъ*, тоже собственною рукою Графа Ал. Ив. Мусина Пушкина, который тогда не былъ еще Графомъ». Фонвизинымъ сильно передѣлано 1-е явленіе I-го дѣйствія и исправлено двѣ строки 2-го явленія того же дѣйствія; но далѣе поправки становятся все рѣже и подъ конецъ піесы совсѣмъ не встрѣчаются. Подробныя свѣдѣнія объ этой рукописи сообщены А. И. Станкевичемъ въ статьѣ: «Альзира» Вольтера въ переводѣ Фонъ-Визина» (*Русскій Архивъ* 1887 г., кн. III, стр. 304 — 312). — Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова эта рукопись означена: **ИМ**.

Для подбора варіантовъ Н. С. Тихонравовъ пользовался слѣдующими двумя рукописями:

а) Альзира или Американцы, трагедія г. Вольтера. Перевелъ Денисъ Фонъ-Визинъ. 1762. — Этотъ списокъ находится въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, въ сборникѣ драматическихъ произведеній, который по каталогу рукописей значится подъ № 2968 и писанъ скорописью конца XVIII вѣка въ листъ на 214 лл. «Альзира» помѣщена здѣсь

на лл. 38—79. Свѣдѣнія объ этомъ сборникѣ сообщены въ Отчетѣ Музеевъ за 1883 — 1885 года, стр. 33. — Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова списокъ этотъ означенъ: **РМ**.

б) Списокъ того же перевода изъ собранія князя А. И. Барятинскаго, которое хранится нынѣ въ Россійскомъ Историческомъ музеѣ. По каталогу названной коллекціи списокъ этотъ значится подъ № 273 и составляетъ тетрадь въ 4-ку, писанную на 42 лл. канцелярскимъ почеркомъ второй половины XVIII вѣка; текстъ здѣсь исправнѣе, чѣмъ въ Чертковской рукописи, и притомъ былъ кѣмъ-то провѣренъ въ отношеніи правописанія. Н. С. Тихонравовъ познакомился со спискомъ князя Барятинскаго лишь въ то время, когда уже началъ печатаніе «Альзиры» по двумъ другимъ, и потому могъ привести только подъ строкой разночтенія изъ этой исправнѣйшей рукописи. — Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова списокъ князя Барятинскаго означенъ: **Б**.

Въ «Біографіи Д. И. Фонвизина» Н. С. Тихонравовъ относитъ переводъ «Альзиры» къ 1761 году (см. выше стр. XI); рукопись *РМ* помѣчена 1762 годомъ, а рукопись *ИМ* — 1763. Вторая изъ этихъ датъ, по видимому, всѣхъ вѣрнѣе, такъ всего ближе сходится со свѣдѣніями, сообщаемыми объ этомъ трудѣ Фонвизина въ его «Чистосердечномъ признаніи».

— *(Стр. 6, стихъ 25)*. Какъ видно изъ подстрочной ссылки 4-й, варіанты **РМ** и **Б** невѣрны, ибо въ подлинникѣ читается:

Hélas! si comme *vous* il était sanguinaire,
S'il n'avait de vertus, vous n'auriez plus de père.

Первое *vous* относится не къ Гусману, а къ Испанцамъ вообще.

— *(Стр. 8, стихи 5 и 6)*. Въ текстѣ принято чтеніе рукописи *ИМ*; но, какъ видно изъ подстрочныхъ ссылокъ 1-й и 2-й, списки *РМ* и *Б* даютъ переводъ, нѣсколько болѣе близкій къ подлиннику, ибо въ семъ послѣднемъ читается:

De la nécessité le pouvoir invincible
Traîne au pied des autels un courage infléxible.

— *(Стр. 25, стихъ 6)*. Приведенный въ подстрочной ссылкѣ 1-й варіантъ *РМ* невѣренъ, ибо въ подлинникѣ читается:

Tu vis: puisse le ciel te rendre un sort tranquille!
Puissent nos malheurs finir *dans cet asile!*

Къ „Коріону“.

«Коріонъ» напечатанъ по рукописи XVIII вѣка, находящейся въ собраніи Н. С. Тихонравова. — Въ его подстрочныхъ ссылкахъ эта рукопись означена: **Т**.

Варіанты подобраны Н. С. Тихонравовымъ по списку той же піесы, включенному въ тотъ же рукописный сборникъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ № 2968, въ которомъ помѣщена и «Альзира». Въ этомъ сборникѣ піеса занимаетъ листы 118—142 и носитъ слѣдующее заглавіе: «Коріонъ, комедія въ три акта. Сочинилъ Денисъ Фонъ-Визинъ». Списокъ этотъ отличается исправностью.—Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова музейный списокъ означенъ: **РМ**.

Къ „Бригадиру“.

«Бригадиръ» напечатанъ по рукописи, находящейся въ собраніи Н. С. Тихонравова, и текстъ которой онъ называлъ «сценическимъ». — Въ подстрочныхъ ссылкахъ этотъ списокъ означенъ: **Т**.

Для подбора варіантовъ Н. С. Тихонравову служили:

а) Текстъ «Бригадира» въ такъ-называемомъ Бекетовскомъ изданіи сочиненій Фонвизина. Какъ извѣстно, это изданіе, напечатанное на средства книгопродавца И. Г. Салаева въ Москвѣ въ 1830 году, въ 4 частяхъ, было приготовлено къ печати Пл. П. Бекетовымъ отчасти на основаніи рукописей автора, сообщенныхъ ему наслѣдниками. «Бригадиръ» напечатанъ въ І-й части этого изданія, стр. 1—115.— Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова этотъ текстъ означенъ: **Б**.

б) Текстъ той же комедіи въ печатномъ экземплярѣ, полученномъ Н. С. Тихонравовымъ изъ библіотеки Московской конторы Императорскихъ театровъ; по всему вѣроятію, это—первое изданіе «Бригадира», нынѣ весьма рѣдкое; Сопиковъ относитъ его къ 1786 году, а митрополитъ Евгеній — къ 1783, но притомъ прибавляетъ, что на немъ не означено ни мѣста, ни года печати; слѣдуетъ однако замѣтить, что въ такомъ видѣ выпускались отдѣльные оттиски

піесъ изъ *Россійскаго Өеатра*, а въ семъ послѣднемъ «Бригадиръ» помѣщенъ только въ XXXIII-й части, вышедшей уже въ 1790 году. Текстомъ *Россійскаго Өеатра* Н. С. Тихонравовъ не пользовался. Ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ, ни въ библіотекѣ Академіи Наукъ не имѣется перваго изданія «Бригадира». — Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова этотъ текстъ комедіи означенъ: **Р**.

— *(Стр. 147)*. Вторая подстрочная ссылка къ этой страницѣ указываетъ на слѣдующій варіантъ *Б* въ двухъ послѣднихъ репликахъ Ивана и Совѣтницы:

«Сынъ *(кинувшись на колѣни)*.

Ты кёровая дама!

Совѣтница *(поднимая его)*.

Ты трефовой король».

— *(Стр. 195)*. По поводу ссылки 5-й слѣдуетъ замѣтить, что, написаніе *матадоръ* согласно съ французскимъ и италіанскимъ произношеніемъ этого слова, тогда какъ въ *Р*, *Т* и *Б* читается *матедоръ* согласно употребленію этого слова у насъ въ прошломъ вѣкѣ; см. напримѣръ, въ поэмѣ В. И. Майкова «Игрокъ ломбера».

Къ „Недорослю“.

«Недоросль» напечатанъ по первому изданію этой комедіи, вышедшему въ 1783 году. Заглавіе этого изданія точно воспроизведено на стр. 227 настоящаго сборника. — Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова оно означено: **Н**[1].

Для подбора варіантовъ Н. С. Тихонравову служили:

а) Рукопись «Недоросля», хранящаяся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ подъ № 3125; это списокъ конца XVIII вѣка, въ листъ, на 46 лл., въ современномъ кожаномъ переплетѣ; въ концѣ тетради недостаетъ одного листа. По свидѣтельству Отчета музеевъ за 1889 — 1891 годы, стр. 70, въ этой копіи «текстъ по полнотѣ соотвѣтствуетъ послѣднимъ изданіямъ, по правописанію же ближе стоитъ къ первоначальнымъ и поправляетъ многія искаженія, вкравшіяся въ послѣднія изданія. Мѣ-

стами встрѣчаются поправки автора». Н. С. Тихонравовъ также признавалъ въ этой копіи, писанной вообще писарскимъ почеркомъ конца прошлаго вѣка, присутствіе авторскихъ поправокъ и въ доказательство тому счелъ нужнымъ приложить къ составленному имъ сборнику снимокъ съ одного мѣста музейной рукописи (слова Стародума, читаемыя на стр. 328 настоящаго сборника), гдѣ видны и почеркъ писца, и почеркъ самого Фонвизина; для сличенія тутъ же помѣщенъ снимокъ съ другого, уже несомнѣннаго автографа его.— Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова этотъ рукописный текстъ комедіи означенъ: **РМ** [1]).

б) Текстъ «Недоросля» по Бекетовскому изданію, гдѣ комедія помѣщена въ ч. I на стр. 117—263; тутъ встрѣчается нѣсколько вставокъ изъ извѣстной Бекетову рукописи, отмѣченныхъ въ печати кавычками и сходныхъ съ соотвѣтствующими мѣстами въ спискѣ *РМ.* — Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова Бекетовскій текстъ означенъ **Б**.

в) Текстъ той же комедіи во 2-мъ ея изданіи, вышедшемъ въ 8-ку подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Недоросль, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ Сентября 24 дня 1782. Въ Санктпетербургѣ, съ дозволенія указн. 1788 года. На оборотѣ титула перечень дѣйствующихъ лицъ съ тѣмъ же составомъ актеровъ, который означенъ въ 1-мъ изданіи. Типографія не названа. Въ книгѣ 160 страницъ.— Въ подстрочныхъ ссылкахъ Н. С. Тихонравова этотъ текстъ означенъ **Н²**.

— *(Стр. 237).* Упоминаемая въ подстрочной ссылкѣ 2-й вставка въ концѣ 5-го явленія читается въ *РМ* и *Б* слѣдующимъ образомъ:

«Простаковъ.

Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ. Митрофанушка нашъ весь въ дядю. И онъ до свиней съ измала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ бывало, увидя свинку, задрожитъ отъ радости.

Скотининъ.

Это, подлинно, диковинка! Ну пусть, братецъ, Митрофанъ

---

[1]) Здѣсь умѣстно оговорить опечатку, оказавшуюся на стр. 237 настоящаго изданія: въ 1-й строкѣ подстрочной ссылки напечатано *РН²*, а должно быть: *РМ* и *Н²*.

любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое-нибудь сходство: да отъ чего же я къ свиньямъ-то такъ сильно пристрастился?

Простаковъ.

И тутъ есть же какое-нибудь сходство. Я такъ разсуждаю».

— *(Стр. 303)*. Указанная въ подстрочной ссылкѣ вставка, находящаяся въ *РМ* и *Б*, читается такъ:

«Софья.

Возможно ль, дядюшка, чтобъ были въ свѣтѣ такіе жалкіе люди, въ которыхъ дурное чувство родится точно отъ того, что есть въ другихъ хорошее. Добродѣтельной человѣкъ сжалиться долженъ надъ такими несчастными.

Стародумъ.

Они жалки, это правда; однако для этого добродѣтельной человѣкъ не перестаетъ идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели бъ солнце перестало свѣтить для того, чтобъ слабыхъ глазъ не ослѣпить.

Софья.

Да скажите жъ мнѣ пожалуйста, виноваты ли они? всякой ли человѣкъ можетъ быть добродѣтеленъ?

Стародумъ.

Повѣрь мнѣ, всякой найдетъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельну. Надобно захотѣть рѣшительно, а тамъ всего будетъ легче не дѣлать того, за чтобъ совѣсть угрызала.

Софья.

Кто жъ остережетъ человѣка, кто недопуститъ до того, за что послѣ мучитъ его совѣсть?

Стародумъ.

Кто остережетъ? Та же совѣсть.—Вѣдай, что совѣсть всегда какъ другъ, остерегаетъ прежде, нежели какъ судья наказываетъ

Софья.

Такъ по этому надобно, чтобъ всякой порочной человѣкъ былъ дѣйствительно презрѣнія достоенъ, когда дѣлаетъ онъ дурно, знавъ,

что̀ дѣлаетъ. Надобно, чтобъ душа его очень была низка, когда она; не выше дурнаго дѣла.

Стародумъ.

И надобно, чтобъ разумъ его былъ не прямой разумъ, когда онъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно».

— *(Стр. 304).* Упоминаемый въ подстрочной ссылкѣ къ этой страницѣ распространенный текстъ читается въ *РМ* и въ *Б* слѣдующимъ образомъ:

«Софья.

Какъ это справедливо! Какъ наружность насъ ослѣпляетъ! Мнѣ самой случалось видѣть множество разъ, какъ завидуютъ тому, кто у двора ищетъ и значитъ...

Стародумъ.

А того не знаютъ, что у двора всякая тварь что нибудь да значитъ и чего нибудь да ищетъ; того не знаютъ, что у двора всѣ придворные и у всѣхъ придворные. Нѣтъ, тутъ завидовать нечему: безъ знатныхъ дѣлъ знатное состояніе ничто.

Софья.

Конечно, дядюшка. И такой знатной никого счастливымъ не сдѣлаетъ, кромѣ себя одного.

Стародумъ.

Какъ! А развѣ тотъ счастливъ, кто счастливъ одинъ? Знай, что какъ бы онъ знатенъ ни былъ, душа его прямаго удовольствія не вкушаетъ. Вообрази себѣ человѣка, который бы всю свою знатность устремилъ на то только, чтобъ ему одному было хорошо, которой бы и достигъ уже до того, чтобъ самому ему ничего желать не оставалось; вѣдь тогда вся душа его занялась бы однимъ чувствомъ, одной боязнію: рано или поздно сверзиться. Скажи жъ, мой другъ, счастливъ ли хоть, кому нечего желать, а лишь есть чего бояться?

Софья.

Вижу, какая разница казаться счастливымъ и быть дѣйствительно. Да мнѣ это не понятно, дядюшка, какъ можно человѣку все помнить одного себя. Не ужели не разсуждаютъ, чѣмъ одинъ обязанъ другому? Гдѣ жъ умъ, которымъ тамъ величаются?»

— *(Стр. 317)*. Распространенный и исправленный текстъ, указанный въ подстрочной ссылкѣ 2-й къ этой страницѣ, читается въ *РМ* и *Б* слѣдующимъ образомъ:

«Гжа Простакова *(входя)*.

Все ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ.

Ну, да ужь не заботься.

Гжа Простакова *(Стародуму)*.

Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужь ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ.

О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели бъ вы сюда пожаловали ранѣ.

Скотининъ.

Ты сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Гжа Простакова.

А я такъ за своею. *(Стародуму)*. Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну.)* Кланяйтесь».

— *(Стр. 323)*. Болѣе пространный текстъ, упоминаемый въ подстрочной ссылкѣ 1-й къ этой страницѣ, читается въ *РМ* и *Б* слѣдующимъ образомъ:

«Гжа Простакова.

Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточикъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, судя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ, и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покой-

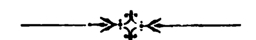
никъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ.

Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ.

Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него и не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была голоушка!»

II.

СОЧИНЕНІЯ,

приписываемыя Фонвизину.

ЧЕРТИКЪ
НА ДРОЖКАХЪ.

НОВАЯ БЫЛЬ.

Въ Москвѣ вотъ нынѣче недавно,
Происхожденіе случилось забавно:
Французъ, который былъ въ Парижѣ пивоваромъ,
А послѣ кузнецомъ;
Съ Парижскимъ щегольскимъ къ намъ выѣхавъ товаромъ,
Московскимъ сталъ купцомъ:
Въ Москвѣ переродился,
И сталъ уже не тотъ;
Въ Москвѣ изъ мужика въ мосье онъ претворился,
Вступилъ въ дворянской родъ,
Но чтожъ? иль малую онъ честь тѣмъ сдѣлалъ граду,
Что началъ торговать?
Вить онъ Французскую помаду
Въ Москвѣ сталъ продавать,
Съ душистой пудрою картузы,
Что такъже дѣлали Французы,
И спирты и духи,

Каками прыщутся Индѣйски пѣтухи:
И въ буткѣ словомъ всіо Французовой то было,
Что только къ щегольству и роскошѣ служило;
А этимъ не шути; не дешевъ сей товаръ,
Ево въ Россіи мало,
Великой это даръ!
Такоель наше сало?
Такая ли мука?
Нѣтъ; хуже все, а чемъ? мой умъ непостигаетъ,
Спроси Французскаго объ этомъ батрака,
И онъ ужъ это знаетъ.
Но пусть хотя и всѣ въ Россіи вещи тѣжъ,
Однакожъ не такой за нихъ у насъ платежъ;
А ежели и тоже
Продастся подороже,
Оно ужъ превзойдетъ
Дешевое въ добротѣ,
И что то придаетъ
Не знаю я къ охотѣ,
Скорѣй разщедриться
И деньги заплатить,
Хотя и передать
Да только бы купить.
Мосье *лепти Дьяблетъ**, Французъ такъ назывался,
Съ дня на день болѣе торгомъ обогащался:
Не знаю подлинно, онъ большель торговалъ,
Иль больше плутовалъ;
Французскіе народы,
Пристрастны къ мотовству;
Французъ сей отъ природы
Былъ склоненъ къ плутовству;
Но это всіо не чудно,

---

* Чертикъ.

И дива въ этомъ нѣтъ:
Вотъ что рѣшить претрудно,
Вотъ стоитъ, чтобъ весь о томъ помыслилъ свѣтъ:
Французъ сей хоть толикой
Въ торгу имѣлъ успѣхъ,
Скупяга былъ великой
Противъ Французовъ всѣхъ.
Случилось ему однажды недосужно,
Тогда, какъ было нужно,
За чемъ то побывать
Въ томъ мѣстѣ, что слыветъ въ народѣ курьи ножки;
И такъ онъ долженъ былъ извощика нанять:
Пришедъ къ извощику сказалъ онъ: въ эти дрошки,
Пожаля мне вези на Пьетукови ногъ.
Извощикъ разумѣть сихъ словъ хотя немогъ,
Но видя, что Французъ отнюдъ съ нимъ не рядился,
И деньги давъ въ передъ, на дрожки съ нимъ садился;
Везетъ ево, иль мчитъ, не зная самъ куда,
Онъ мнилъ, что мѣсто то сѣдокъ ему укажетъ,
Туда иль не туда
Ему конечно скажетъ;
А тотъ не зная самъ
Кричитъ лишь, о! не тамъ?
Куда же васъ сударь? извощикъ вопрошаетъ:
На Пьетукови ногъ, ему онъ отвѣчаетъ,
*Мондье**! эки каналь извошикъ, ти *гранъ плутъ***.
Не тутъ! не тутъ! не тутъ!
Извощикъ по Москвѣ съ Французомъ всюду рыщетъ,
Ногъ пѣтуховыхъ ищетъ,
Не можетъ ихъ найти:
Французъ же бѣсится, не хочетъ съ дрогъ сойти,
Съ извощикомъ бранится

* Боже мой. ** Великій плутъ.

И говоритъ ему:
Тебье мне обмануть, ебога негодится
Ты это шшелвѣкъ негодна ни къ шему,
Какъ деньги даль тебье, эсти мнѣ не кочешъ,
Эсти вонъ тамъ, домой.
Напрасно ста хлопочешъ
Честной бояринъ мой,
И радъ бы да не знаю,
Ну! какъ я угадаю,
Куда занесъ те Богъ.
Никола больша крестъ, на Пьетукови ногъ,
*Мосье лепти Дьяблетъ** ужъ трижды повторяетъ.
Большой услыша крестъ, извощикъ понимаетъ:
Ба, Курьи ножки! въ мигъ Француза онъ отвезъ:
Когдажъ онъ съ дрожекъ слезъ,
Извощикъ къ платѣ той прибавки проситъ,
Ему доноситъ,
Что съ лишкомъ онъ верстъ проѣздилъ близь пяти.
Эшто, онъ отвѣчалъ, мене везъ долго ти.
А кто те баринъ зналъ, извощикъ продолжаетъ,
По чомъ кто угадаетъ,
Давнобъ ты такъ сказалъ,
На Курьи ножки свезть себябъ ты приказалъ,
А то вить ѣхать ты велѣлъ на Пѣтуховы ноги,
А эдакой дороги,
У насъ въ Москвѣ лихъ нѣтъ.
Пошоль, пошоль, отвѣтствуетъ ему Дьяблетъ,
Я далъ тебье, это я больше не имѣю;
У мне нѣтъ ни полюшь,
Пошоль, я разумѣю:
Я шнаю все равно, што курисъ, што пьетукъ.

* Сударикъ малинькой чертикъ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ МНИМАГО ГЛУХАГО И НѢМАГО.

Къ господамъ Издателямъ Собесѣдника.

Предлагая здѣсь вамъ мою странную участь, я не только удовлетворяю самолюбію, которое обыкновенно насъ влечетъ о себѣ самомъ и до себя касающемся съ удовольствіемъ говорить; но предлагаю вамъ и услуги мои. Вы найдете въ теченіи жизни моей, что я имѣлъ отмѣнной и совсемъ необыкновенной случай видѣть обнаженныя сердца и нравы и проницать въ самыя сокровенныя тайны людскія; по чему и могу для включенія въ вашъ Собесѣдникъ разнообразные Характеры представить, кои изъ такого рода сочиненій, какова ваша книга, не должны быть исключаемы; ибо ничто столь вниманія нашего не заслуживаетъ, какъ сердцѣ человѣческія, кои часъ отъ часу Лавиринту подобнѣе становятся, по тому что ко всеобщимъ преждебывшимъ причинамъ скрывать слабости и страсти, воспитаніе, bon ton и maniere de vivre прибавили еще въ насъ единообразіе, кое содѣловаетъ наружность нашу такъ единаку, что каждый изъ насъ ни на себя и ни на кого особенно не походитъ, а всѣ вообще какъ будто изъ одной формы вылиты представляются. Моя Философія стремится только познавать сердцѣ человѣческія; не теченія звѣздъ я слѣдую, не систему міра проникнуть желаю, не съ Эйлеромъ теряюсь въ раздробленіи безконечныхъ малостей;

движеніе добродѣтельныхъ душъ, и дѣйствія благородныхъ сердецъ познавать стараюсь. Не бывъ ценсоромъ, желалъ бы однако слабости людскія исправлять и пороки въ омерзѣніе приводить, но вы удобнѣе способомъ изданія книги вашей то исполнить можете; по чему я только васъ прошу къ присылаемымъ отъ меня Характерамъ свои примѣчанія, заключенія и нравоучительныя доводы прибавлять, и съ снисхожденіемъ прочесть нижеслѣдующее.

ПОВѢСТВОВАНІЕ
мнимаго Глухаго и Нѣмаго.

Отецъ мой, добродѣтельнѣйшій изъ смертныхъ, коего потерю я оплакивать не престану, претерпѣвъ въ теченіи службы своей многія обиды, досады и несправедливости; отъ сродственниковъ же, друзей и покровителей также бывъ обманутъ, преданъ и на конецъ оставленъ, велъ большую часть послѣднихъ своихъ дней въ уединеніи; и какъ изъ благотворительной его души изторгнуть не могли любви его къ человѣческому роду, то обратилось его вниманіе на насъ (какъ онъ называлъ) рожденныхъ своихъ друзей. Нещастные однако и притѣсненные отъ него помощь получали и сердце его всегда отверзто было съ отмѣнною жалостію раздѣлять ихъ печаль. Философія же его была ни высокопарна, ни надмѣнна, съ кротостію сносилъ премѣнчивость судьбы, съ снисхожденіемъ смотрѣлъ на недостатки человѣческіе. Несправедливость и коварство, устремленныя противу него, не могли изъ него извлечь роптанія, ни освирѣпѣть его душу, но оставили только единое въ сердцѣ его впечатлѣнное отвращеніе отъ большаго свѣта и отъ узъ, кои, какъ онъ думалъ, налагаетъ съ собою служба. (Сіе его предразсужденіе осудило меня къ странному моему жребію). Отецъ мой имѣлъ рѣдкое щастіе получить въ сотоварищество свое женщину разумную, благонравную, добродѣтельную и скромную. Достойная сія чета ощущала взаимную горячность и была столь щастлива, сколько участь чело-

вѣческая щастья совмѣщать можетъ. Упражненіе ихъ было насъ наставлять и направлять сердца и умы наши къ добродѣтели и человѣколюбію. Дни ихъ благополучно и спокойно протекали; но какъ все преходчиво и премѣнно на семъ свѣтѣ, смерть лишила отца моего любезнѣйшей ему супруги, а насъ безпримѣрной матери.

Братья мои уже были въ службѣ, я одинъ младшей изъ всѣхъ имѣлъ еще нужду въ родительскомъ призрѣніи, и какъ я болѣе прочихъ на покойную свою мать лицемъ проходилъ, то по симъ двумъ причинамъ отецъ мой съ бóльшею горячностію ко мнѣ прилѣпился; онъ меня ни на часъ отъ себя не отпускалъ, занимался единственно мною, не пропускалъ ни одного случая, ни одного слова или вещи, чтобъ примѣненія къ нравоученію моему служащаго изъ нихъ не сдѣлать; словомъ: я былъ первый предмѣтъ для него въ жизни. Въ нѣкоторое время примѣтилъ я, что родитель мой въ задумчивости нѣсколько дней проводилъ, грустилъ, и особливое терзающее духъ его изъявлялъ смущеніе; мнѣ казалось, что будто бы онъ боролся самъ съ собою, когда сердце его къ нѣжнымъ ласкамъ противу меня его возбуждало. Я любилъ его страстно, довѣренность между нами была неограниченна. Кинувшись въ его объятія со слезами, просилъ его открыть мнѣ тайну, къ каковымъ сердце его въ разсужденіи меня казалось непривычно, и сказать мнѣ причину, кая могла столь сильно встревожить духъ его и разрушить то щастливое и пріятное спокойствіе, коимъ онъ прежде наслаждался. Послѣ великаго волненія, рыданія и слезъ онъ мнѣ сказалъ то, что и до днесь въ памяти моей живо мнѣ представляется. Ты молодъ, мой другъ, говорилъ онъ, а совѣсть моя рѣшить не могла сумнѣнія, коимъ я, какъ ты примѣтилъ, обремененъ; ты молодъ и выбора основательнаго сдѣлать не можешь; а я права родительскія сокращаю въ гораздо тѣснѣйшіе предѣлы, нежели имъ обыкновенно полагаютъ. Я не имѣю права избирать за тебя участи, коей ты на весь твой вѣкъ предашься, тѣмъ наипаче, что оная не обыкновенна и съ собою нанесетъ великія затруд-

ненія и нѣкоторыя жертвы. Съ другой стороны я испыталъ, что обращеніе свѣтское и служба за собою влечетъ предательство, ухищренія, зависть, злоключенія и самое умерщвленіе духа; по чему главное мое желаніе есть сообразить, если то возможно, для тебя удаленіе отъ свѣта и познаніе онаго. Я бы желалъ, что бы ты спозналъ сердца человѣческія, не бывъ однако подверженнымъ ихъ злоухищренію; чтобъ ты наслаждался всѣмъ благомъ, которое смертному вкушать опредѣлено, и сохранивъ сердце непорочнымъ, не имѣлъ оное разтерзаннымъ и израненнымъ отъ стрѣлъ, не рѣдко въ рукахъ сильныхъ къ пораженію добродѣтели изготовленныхъ. Но я не знаю какъ мнѣ открыть тотъ планъ, который мнѣ представляется и коимъ объятъ весь мой разумъ. Вседневно примѣчаю я истощеніе силъ моихъ, конецъ мой приближается, и воображеніе мучительное меня снѣдаетъ, что тебя оставлю въ семъ морѣ волнующемся безпрестанно, на горизонтѣ коего пороки и беззаконія только видимы, а добродѣтель волнами біющаяся, безъ пристанища онымъ противуборствующая, на конецъ бездной поглащенна бываетъ. Сіе то воображеніе меня болѣе смущаетъ, нежели пресѣченіе дней моихъ мнѣ прискорбіе нанести можетъ. Тутъ дражайшій мой родитель въ безмолвную грусть предался; но слезы, ласки и прозьба моя его яко отъ сна пробудили; онъ на конецъ обнявъ меня съ несказанною горячностію, посадилъ возлѣ себя, и какъ будто для вящшаго убѣжденія руки мои своими сжимая, началъ такимъ образомъ: «Ты не можешь, другъ мой, себѣ представить, какимъ досадамъ и огорченіямъ честной человѣкъ въ службѣ подвергается. Я хочу тебя независимымъ сдѣлать, и для того если ты чувствуешь въ себѣ довольно твердости, чтобъ лишиться слабаго, но не рѣдко вреднаго намъ удовольствія говорить съ людьми, то притворись больнымъ на нѣсколько дней; по томъ скажемъ мы домашнимъ нашимъ, что ты отъ оной болѣзни сталъ глухъ и нѣмъ, чрезъ что ты не будешь обвиняемъ въ томъ что не служишь. Людскія же мысли и самыя сокровенныя чувства тебѣ будутъ обнажаемы. Честана, къ коей я горяч-

ность твою примѣчаю, бывъ воспитана матерью твоею, всѣми добродѣтелями одаренная, къ тебѣ такъ привязана, что конечно не умалитъ своей къ тебѣ любви и чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ твоею женою. Скрывъ отъ нее нашу тайну, ты тѣмъ самимъ испытаешь ея любовь, и я ни мало не сумнѣваюсь, что ты будешь имѣть удовольствіе увѣриться въ искренности ея къ тебѣ горячности, а добродѣтель и разсудокъ ея съ новымъ и бо́льшимъ блескомъ окажется. Отъ нее должны мы необходимо скрывать тайну свою». — Я на предложеніе родителя моего согласился тѣмъ охотнѣе, что я вкорененное имѣлъ любопытство знать внутренность сердецъ человѣческихъ, и какъ страсть безмѣрная, съ коею я Честану любилъ, казалось мнѣ не равнымъ жаромъ ею награждалась. Я желалъ узнать истинну. — Но здѣсь прерву на часъ мое повѣствованіе, чтобъ не держать васъ долѣе въ неизвѣстности о дѣвицѣ, душа и разумъ коей достойны почтенія отъ самой добродѣтели. Честана осталась двухъ лѣтъ, когда злодѣйскими руками отецъ и мать ея лишились жизни; достатокъ ихъ былъ весь разграбленъ и она тогда какъ Божіимъ провидѣніемъ, бывъ съ кормилицею въ полѣ, тѣмъ только жизнь сохранила. Кормилица ея нѣсколько дней по лѣсамъ съ нею скрывалась и по томъ принесла ее къ родителямъ моимъ. Отъ устали и глада успѣвъ только разсказать матери моей нещастное съ господами ея приключеніе и положа невинную Честану къ ногамъ родителей моихъ, испустила духъ свой, благодаря Всевышняго, что дражайшій ей младенецъ спасенъ. Съ тѣхъ поръ родители мои Честану съ нами не рознили, ее сестрою почитать и называть приказали. Она была моихъ лѣтъ. Съ того самаго времени мы другъ друга начали любить и неразлучны были. Одни вкусы, одни игры; однимъ словомъ, единая душа казалось Честану и меня оживляла.

На другой день разговора моего съ родителемъ моимъ я притворился больнымъ, постеля моя перенеслась въ его комнату и послѣ десятидневной притворной горячки родитель мой объявилъ Честанѣ и всѣмъ домашнимъ съ изъявленіемъ великой

горести, что я болѣзнію лишенъ слуха и языка. Печаль и пораженіе, кое Честана при томъ изъявила, едва не поколебали меня къ открытію ей моей тайны; но я удерженъ былъ почтеніемъ и любовью своею къ отцу, котораго боялся тѣмъ огорчить. Способомъ пера или карандаша мы съ нею мысли свои другъ другу сообщали скоро и знаки выдумали, коими еще поспѣшнѣе изъяснялись. Мнѣ казалось, что она отъ жалости еще болѣе горячности ко мнѣ чувствовать и показывать стала, и я себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ почиталъ. По вечерамъ, когда я съ родителемъ одинъ оставался, тогда замыкали двери не только спальной нашей, но и боковыхъ отъ нея комнатъ, и тогда-то я съ батюшкой говаривалъ, и мы сообщали другъ другу слышанное и примѣчанное нами въ теченіи дня. Нѣсколько мѣсяцовъ спустя поѣхалъ я одинъ съ отцомъ моимъ по разнымъ Губерніямъ пространнаго нашего отечества. Возвратясь домой послѣ испытанія вѣрности и благонравія прелестной Честаны, родитель мой увѣнчалъ нашу страсть, и нѣсколько лѣтъ послѣ совершенія нашего брака мы поѣхали опять по Россіи, и тогда только съ дозволенія родительскаго открылъ я вѣрной моей супругѣ и другу, что я не лишенъ ни слуха, ни языка. Привычка, кою я сдѣлалъ столько лѣтъ ни съ кѣмъ окромѣ ихъ двухъ не говорить, такъ вкоренилась, что лишившись нѣсколько лѣтъ по томъ родителя своего, хотя я былъ уже свободенъ перестать скрываться, но я того не сдѣлалъ, и по смерти сохраню званіе глухаго и нѣмаго, въ коемъ качествѣ я такъ извѣстенъ, что трактирщикъ, готовясь обмануть ожидаемыхъ имъ гостей, кокетка проводящая своихъ любовниковъ, придворный ухищреніями дышущій, подъячій алчной ко взяткамъ, дитя шелливое и страшившееся своего вожатаго; словомъ: никто меня не остерегается, всѣ предо мною обнаженные предстоятъ, и когда я въ Клобъ или на гулянье приду, то слышу, что робята вскричатъ, вотъ глухой-то и нѣмой, а отцы и матери ихъ съ нѣкоторымъ оказаніемъ сожалѣнія говорятъ: онъ бѣдняга ни кому и ни чему не помѣха. Отъ того то я къ сокровенной человѣческой внутрен-

ности имѣю ключь. Пріѣхавъ домой сообщаю товарищу своему и другу слышанное мною, а она то записываетъ. Здѣсь пріобщаю записки моего перьваго путешествія, окончавшагося въ 1762 году. Вы увидите въ нихъ совсемъ другой слогъ нежели въ моемъ повѣствованіи. Здѣсь слѣдовалъ я моему сердечному чувству, а тамъ иногда веселому, иногда сердитому духу, въ какой разныя встрѣчи меня приводили. Во всѣхъ моихъ запискахъ не найдете вы ничего, или весьма мало касающаго до политическихъ, историческихъ, нравоучительныхъ и прочихъ свѣденій. Мое дѣло было познавать людей и познавать человѣка. Ежели вы, господа мои, напечатаете ихъ въ Собесѣдникѣ, то и слѣдующіе вамъ сообщать стану; пребывая навсегда.

****

Записки моего перваго путешествія по 1762 годъ *).

(Вмѣсто предисловія).

Я предварилъ уже читателя, что отецъ мой старость свою провождалъ въ уединеніи. Воспитывался я въ подмосковной его деревнѣ, изъ которой онъ конечно и не выѣзжалъ бы, естьлибъ не окруженъ былъ дурными сосѣдьми, которые имѣя число душъ несравненно нашего больше, обижали насъ очень часто и очень чувствительно. Чтобъ найти защиту отъ ихъ наглостей, отецъ мой принужденъ бывалъ ѣздить нерѣдко въ городъ Дмитревъ. Я помню, что всякой разъ, какъ онъ по возвращеніи своемъ изъ Дмитрева выходилъ изъ коляски, перьвое слово, которое вздохнувъ онъ къ намъ произносилъ, бывала старинная пословица: «сильная рука

*) Сіи записки, сочиненныя въ самое путешествіе, нынѣ по случаю изданія Собесѣдника исправлены, приведены въ нѣкоторой порядокъ, и дополнены въ разныхъ мѣстахъ разсужденіями почерпнутыми изъ сравненія тогдашняго времени съ настоящимъ.

Богу судить!» Но сколь онъ тѣмъ ни огорчался, однако иногда самъ смѣивался, размышляя, чья была та сильная рука, и ково Богу судить. Съ правой стороны главный нашъ сосѣдъ былъ отставной Маіоръ изъ салдатскихъ дѣтей, по женѣ разбогатѣвшій, и назывался, какъ теперь помню, Пиминъ Прохоровъ сынъ Щелчковъ. Онъ былъ мужикъ пресильной, и человѣкъ преглупой, превеликаго росту, и пренискова духу, по вся дни пилъ, весь день былъ пьянъ, а ночи сыпалъ багатырскимъ сномъ. Пьяной былъ неугомоненъ. Лутчая его въ деревнѣ забава состояла въ томъ, чтобъ выбравъ сильныхъ мужиковъ ставить ихъ на колѣни, и щелкать по лбу. Онъ въ семъ искуствѣ такъ отмѣнно былъ силенъ, что во всемъ его селѣ не было лба, у котораго бы онъ однимъ щелчкомъ не отшибалъ памяти. У двора имѣлъ онъ ближняго свойственника и нелицемѣрнаго друга. Сія знаменитая особа былъ дворцовой истопникъ Касьянъ Оплеушинъ, получившій свое прозвище, по данной ему отъ Гофъ-фурьера оплеухѣ за то, что однажды печь закрылъ съ головнею. Я думаю однакожъ, и всегда былъ того мнѣнія, что Гофъ-фурьеръ поступилъ на сію крайность, послѣдуя больше своему первому движенію, нежели правосудію; ибо Оплеушинъ былъ такой мастеръ топить печи, что тѣ, для которыхъ онъ топилъ, довели ево своею протекціею на конецъ и до штабъ офицерскаго чина: но смерть лицепріятія не знаетъ. Она не смотря на толикое возвышеніе, скосила ево въ ту самую минуту, въ которую дошла до нево очередь. Онъ скончался безъ предковъ и потомковъ, первый и послѣдній въ своемъ родѣ. Нашъ Маіоръ былъ о кончинѣ его неутѣшимъ, и въ знакъ глубочайшаго своего душевнаго почтенія къ заслугамъ и качествамъ сего въ Бозѣ усопшаго штабъ истопника, его высокоблагородіе принялъ фамилію покойнаго, и по смерть свою писался не иначе какъ: Пиминъ Прохоровъ сынъ Щелчковъ-Оплеушинъ.

Не купи двора, купи сосѣда: пословица весьма справедливая. Щелчковъ-Оплеушинъ обижалъ насъ какъ хотѣлъ. То рубилъ нашу рощу; то отнималъ скотину у нашихъ мужиковъ; то

самихъ ихъ заманя къ себѣ, щелкалъ по лбу; словомъ: обиды были непрестанныя, на которыя однакожъ въ Дмитревѣ никакова суда найти было нельзя; ибо воевода, и съ приписью подьячій, съ женами и съ дѣтьми были ничто иное какъ твари питавшіяся отъ крупицъ падающихъ Маіорскаго дому; а по тому въ городѣ Дмитревѣ мѣсто естественныхъ и положительныхъ законовъ, заступала всегда одна пьяная воля его высокоблагородія.

Какъ бы то ни было, отецъ мой пока былъ живъ, не допускалъ свою деревню до крайняго раззоренія. Иногда увѣщевалъ онъ Маіора доброю манерою, иногда потерявъ съ нимъ все человѣческое терпѣніе, грозилъ ему въ глаза застрѣлить ево какъ сабаку, естьли не уймется отъ своихъ наглостей; словомъ: хотя съ большимъ безпокойствомъ, но наша собственность оставалась у насъ во владѣніи. О любезный мой родитель! блаженъ, что умеръ ты не предчувствуя того, что случилося въ послѣдующее межеванье. И могъ ли ты себѣ представить, что земля, которую ты и предки наши владѣли безспорно почти цѣлое столѣтіе, что поля обработанныя пóтомъ и трудами крестьянъ твоихъ, что болота осушенныя ихъ же неутомимыми руками, что самая церковь Божія, построенная по ту сторону забора: словомъ, что вся земля съ правой стороны по самой нашъ заборъ отнимется нагло отъ беззаступныхъ дѣтей твоихъ, и въ наругательство здравому разсудку, и вопреки точному разуму закона, отдастся богатому, но безумному отродью Щелчкова-Оплеушина за невѣдомо какіе поверстные лѣса, которыхъ можетъ быть тутъ и никогда въ натурѣ не бывало.

Другой нашъ сосѣдъ былъ титулярный совѣтникъ Варухъ Язвинъ, знаменитаго подьяческаго рода. Во всю жизнь мою не видывалъ я такой подлой рожи, и которая такъ бы сильно выражала собою безобразіе души, какую носилъ г. Язвинъ. Естьлибъ живописецъ захотѣлъ ябѣдѣ дать видъ человѣческій, тобъ сосѣдъ нашъ могъ послужить ему такимъ совершеннымъ образцомъ, до какова однимъ воображеніемъ достигнуть не возможно. Исторія его помѣстится въ нѣсколькихъ строкахъ. Онъ купилъ

24

воеводское мѣсто въ Кинешмѣ за пять сотъ рублевъ, то есть, за тогдашнюю обыкновенную таксу воеводскихъ мѣстъ среднихъ городовъ. Всякое время имѣетъ свои чудеса. Нынѣ часто деревни въ города преобращаются; тогда не рѣдко города преображалися въ деревни. Городъ Кинешма подпала подъ сей нещастный жребій. Лишь только Язвинъ въ него прибылъ, казалось, что въ него сама язва ворвалася. Въ перьвое еще лѣто благополучнаго его воеводствованія, уже во всемъ уѣздѣ богати обнищаша и взалкаша. Въ два года опустошеніе сдѣлалось въ томъ краю всеобщее, на конецъ услышано стало моленіе убогихъ, и на смѣну Язвина присланъ былъ изъ Петербурга воеводою Коллежскій Ассессоръ Исай Глупцовъ. Между тѣмъ Язвинъ купилъ деревню въ нашемъ сосѣдствѣ, и въ нее переселился. Словъ нѣтъ пересказать всѣхъ его бездѣльствъ и грабежей. Должно признаться однакожъ, что мрачная душа его, обремененная грѣхами, непрестанно трепетала. Онъ былъ въ равной степени бездушникъ и ханжа. Однажды укралъ онъ изъ нашего табуна двенадцать лучшихъ лошадей, и на другой день со всею своею окаянною семьею на тѣхъ же краденыхъ коняхъ отправился въ Ростовъ Богу молиться.

Въ сосѣдствѣ нашемъ было такъ же превеликое монастырское село, которымъ сряду пятнадцать лѣтъ управлялъ монастырской служка Михей Антифоновъ. Онъ былъ натурально доброй человѣкъ, и все свое честолюбіе съ доходами обращалъ къ тому только, чтобъ имѣть погребъ, который бы не уступалъ самихъ властей лучшимъ погребамъ. Крестьяне были имъ довольны; ибо безъ раззоренія себя могли содержать его погребъ въ цвѣтущемъ состояніи. При сихъ выгодахъ времянной жизни г. Антифоновъ имѣлъ однакожъ дряхлое здоровье. Онъ былъ скорбенъ животомъ; къ томужъ сдѣлалъ себѣ непремѣнное правило: ничего по смерть не принимать изъ аптеки. Онъ отъ роду однажды принялъ отъ доктора лѣкарство, отъ котораго въ двѣ минуты у него глаза помутились, и такая сдѣлалась тоска, что лазилъ не однажды на стѣны. Сего было бы довольно къ ожесточенію

души ево против лѣкарских рецептовъ: но вскорѣ по томъ ѣздилъ онъ молиться на Перерву, гдѣ отецъ игуменъ довершилъ ненавистное его предубѣжденіе противъ врачебныя науки. Его преподобіе имѣлъ такое мнѣніе, что всякой докторъ и всякой лѣкарь долженъ быть неминуемо колдунъ, и что весь корпусъ медиковъ есть ничто иное, какъ Сатанино сонмище попущенное гнѣвомъ Божіимъ на пагубу человѣческаго рода. Съ другой же стороны г. Антифоновъ самъ чувствовалъ, что тѣло его требуетъ необходимо врачеванія. И для того рѣшился лѣчиться самъ у себя и однимъ лѣкарствомъ. Онъ всякой день зимою и лѣтомъ пилъ соки виноградные, и погребъ его самымъ натуральнѣйшимъ образомъ сдѣлался его домашнею аптекою. Изъ всѣхъ сосѣдей монастырская деревня насъ всѣхъ меньше обижала. При всякой отъ крестьянъ наглости, отецъ мой посылалъ къ нему полдюжины бутылокъ обыкновеннаго лѣкарства; послѣ чего виноватые немедлѣнно и нещадно наказаны бывали.

Въ одинъ день послѣ обѣда, посланной къ намъ изъ Москвы нарочной привезъ извѣстіе, что внучатной мой дядя, послѣ котораго отецъ мой былъ одинъ наслѣдникъ, волею Божіею скончался. Сіе было его первое и послѣднее намъ одолженіе въ теченіи шестидесятилѣтней его жизни. Онъ былъ изъ тѣхъ холоднокровныхъ людей, которые отъ роду никому не дѣлаютъ ни худа, ни добра; слѣдственно не чувствуютъ ни любви, ни ненависти. Ему все равно бывало видѣть человѣка въ печали или въ радости. Онъ самъ никогда не смѣялся и никогда не плакалъ. Прозьбы и угрозы никакого дѣйствія въ немъ производили. Во время его болѣзни одинъ докторъ сказалъ ему, что непремѣнно его вылѣчитъ: Хорошо, отвѣчалъ онъ ему безъ малѣйшихъ знаковъ удовольствія. Другой чрезъ нѣсколько минутъ увѣрялъ его, что онъ не проживетъ сутокъ. Хорошо, отвѣчалъ онъ и ему безъ малѣйшихъ же знаковъ огорченія. Словомъ, дядюшка мой родился и умеръ, а на какой конецъ случилось съ нимъ и то и другое, того во всемъ теченіи долголѣтной его жизни никакъ примѣтить было нельзя.

Получа извѣстіе о кончинѣ сего не жившаго дядюшки, выѣхали мы тотъ же день въ Москву. Ночевать остановились въ преизрядной деревнѣ у маленькихъ хоромцовъ, на берегу большаго пруда. Вошедъ въ комнаты узнали мы имя помѣщицы Гжи. А ***, которая хоромцы построила нарочно для проѣзжихъ. По ту сторону пруда увидѣли мы господской домъ. Свѣчи въ окнахъ были для насъ знакомъ, что сама госпожа живетъ въ деревнѣ. Скоро по томъ прислала она къ намъ своего лакѣя, просить насъ къ себѣ ужинать, и сказать намъ, что буде тѣсно для насъ въ домикѣ, куда пристали, то съ удовольствіемъ уступаетъ намъ въ большомъ домѣ нѣсколько комнатъ. Отецъ мой отблагодарилъ ее за такое благосклонное предложеніе, отозвался, что мы можемъ и тутъ ночевать спокойно, и извинился отъ ужина тѣмъ, что ее безпокоить не хочетъ. Чрезъ четверть часа увидѣли мы троихъ слугъ несущихъ къ намъ цыплятъ, куръ, пироговъ, сливокъ и всего что можно было сыскать въ деревнѣ для нашего ужина. Сіе гостопріимство тронуло очень отца моего. Онъ вынулъ было кошелекъ дать нѣсколько денегъ людямъ, но они отозвались, что имъ весьма строго запрещено отъ помѣщицы брать съ проѣзжихъ деньги, и что въ прочемъ не имѣютъ въ нихъ никакой нужды, служа своей доброй госпожѣ. По утру отецъ мой взявъ меня съ собою, пошелъ самъ къ ней благодарить ее за всѣ одолженія. Мы вошедъ въ покои весьма просто и чисто прибранные, нашли сидящую на креслахъ помѣщицу старушку лѣтъ шестидесяти. Передъ нею стоялъ кузнецъ, и мы входя сами слышали, что она давала ему свои повелѣнія осмотрѣть нашъ экипижъ, и починить что надобно. Отецъ мой благодарилъ ее отъ всего сердца за такое попеченіе о насъ не имѣвшихъ чести вовсе быть ей знакомыми. Ахъ батюшка! отвѣчала она отцу моему, какъ не пособить дорожнымъ людямъ! Да чтожъ надѣлилъ меня Богъ достаткомъ, буде не помогать тѣмъ, которые въ глазахъ моихъ, передъ моими окнами, могутъ имѣть нужду въ моей помочи? По томъ посадя обоихъ, это не сынокъ ли вашъ, спросила она отца моего, указавъ на меня. Такъ, сударыня, отвѣчалъ мой

отецъ. И у меня есть одинъ сынъ, говорила почтенная старушка, котораго я отправила въ армію. Какъ вы рѣшились, сударыня, отправить въ армію сына, которой у васъ одинъ? спросилъ мой отецъ. Чтожъ дѣлать, батюшка! отвѣчала она, онъ въ военной службѣ. Онъ дворянинъ. Я лучше согласилась всякой день горевать объ его отсутствіи, нежели видѣть его въ моихъ глазахъ тогда, когда его братья дворяне понесли свои головы. Я, мой батюшка! той вѣры, что лучше моему сыну, Христосъ съ нимъ, умереть, нежели слыть шалуномъ или тунеядцомъ, или, чего Боже избави, трусомъ. Почитаю вашъ образъ мыслей, сказалъ мой отецъ, и удивляюсь слыша такія здравыя разсужденія отъ матери, которой сердце объято горячностію къ сыну своему. Не дивись мой батюшка, говорила старушка, я любила всемъ сердцемъ покойнаго моего мужа, который взялъ меня почти ребенкомъ; все его разсужденія такъ сильно въ душѣ моей остались, что взяли верьхъ и надъ материнскимъ сердцемъ. Я вѣчно не забуду, какъ онъ бывало говаривалъ въ бесѣдахъ своимъ братьямъ дворянамъ: «Эй, друзья мои! бога ради не бросайте шпаги, служите ею; прямая дворянская служба шпага. Помяните мое слово: буде мы дворяне станемъ бросать шпагу, входить въ другія службы, или вовсе бросать службу, эй доживемъ до того, что дѣти отдаваемыхъ нами рекрутъ, будутъ нашимъ дѣтямъ командиры». Разсудижъ мой батюшка, какъ мнѣ послѣ этова, сына держать дома. Богъ съ нимъ! пусть служитъ. Въ животѣ и смерти Богъ воленъ. Онъ же весь въ отца. Я думаю, естьлибъ я его не отпустила, тобъ онъ самъ ушолъ отъ меня на службу. А вы гдѣ служите, спросила она меня ласково? Я играя роль глухова и нѣмова ничего не отвѣчалъ. Сударыня, сказалъ мой отецъ, сынъ мой послѣ жестокой болѣзни сдѣлался нещастливъ. Онъ глухъ и нѣмъ! — Какая напасть! вскричала старушка. Боже мой! при сихъ словахъ глаза ея наполнилися слезами. Чѣмъ больше на меня смотрѣла, тѣмъ больше жалость извлекала ея слезы. На конецъ старушка наша такъ обо мнѣ расплакалась, что намъ совѣстно было видѣть ее въ такихъ

слезахъ по пустому. Сударыня, сказалъ ей мой отецъ, меня увѣряютъ доктора, что нещастіе его не вѣчное. Оно пройдетъ. Дай-то боже! говорила она — только мой батюшка не на всѣхъ докторовъ полагайся. Имъ ничто уморить человѣка: а по моему лучше быть глухимъ и нѣмымъ, нежели мертвымъ.

Простясь съ сею почтенною старушкою отправились мы въ въ путь, и подъ вечеръ прибывъ въ Москву взъѣхали въ нашъ собственной домъ за Яузой у Спаса въ Чигасахъ.

(Продолженіе впредь).

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ „Чертику на дрожкахъ“.

«Чертикъ на дрожкахъ» издается согласно печатному экземпляру этого стихотворенія, хранящемуся въ Россійскомъ Историческомъ музеѣ, куда этотъ unicum поступилъ изъ Чертковской библіотеки. Это брошюра въ 8-ю д. л., въ 8 страницъ, безъ титула и означенія года и мѣста печатанія.

У Сопикова, подъ № 12572, изданіе «Чертика» описано такъ: «Чертикъ на дрожкахъ, въ стихахъ; Спб. 1761— въ 8». Н. Н. Бантышъ-Каменскій, въ своихъ рукописныхъ библіографическихъ матеріалахъ, хранящихся въ библіотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, описываетъ изданіе того же сочиненія слѣдующими словами: «Чертикъ на дрожкахъ. Новая быль. *Москва. 1791. У Водоп. 25 коп. стр. 7 глупыми стихами. См. по французски le petit diable*» (напечатанное курсивомъ писано Бантышемъ-Каменскимъ собственноручно). Эти два описанія едва ли относятся къ одному и тому же изданію; но описаніе Бантыша, по всему вѣроятію, соотвѣтствуетъ изданію, сохранившему въ Чертковской библіотекѣ и напоминающему по своему шрифту и бумагѣ московскія книги девятидесятыхъ, годовъ прошлаго вѣка. Не извѣстно однако, полонъ ли Чертковскій экземпляръ, то-есть, не утраченъ ли въ немъ титулъ, или же особаго титула у этой брошюры вовсе не было, и отмѣтки о мѣстѣ и годѣ печатанія, о цѣнѣ и мѣстѣ продажи (у книготорговца Водопьянова?) суть собственныя приписки трудолюбиваго библіографа. Ссылка его на французскій оригиналъ, во всякомъ случаѣ, едва ли имѣетъ основаніе.

Единственное указаніе, что «Чертикъ на дрожкахъ» есть произведеніе Фонвизина, почерпается изъ помѣщеннаго въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1799 года, № 68 (26-го августа, пятница), объявленія о книгахъ, поступившихъ въ продажу по Невской перспективѣ, противъ Милютиныхъ лавокъ, въ домѣ католической церкви, по Ниренбергской линіи, въ книжной лавкѣ у купца Сытина. Въ объявленіи Сытина приведенъ цѣлый рядъ продающихся у него книгъ, и въ концѣ списка значатся: «11. Посланіе къ слугамъ моихъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ, соч. Фонъ-Визина, въ золотой бум. 15 коп. 12. Чертикъ на дрожкахъ, его же соч. въ бум. 15 коп.». Указаніе на это объявленіе сдѣлано А. Н. Пыпинымъ въ «Библіографической замѣткѣ», помѣщенной имъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1885 года, № 3. Въ этой статьѣ г. Пыпинъ высказываетъ по поводу «Чертика» слѣдующія соображенія: «Чтобы она могла дѣйствительно принадлежать Фонъ-Визину, мало вѣроятно, такъ какъ въ литературныхъ воспоминаніяхъ о Фонъ-Визинѣ у современниковъ и болѣе позднихъ писателей, сколько мы знаемъ, о ней никогда не упоминалось. Всего скорѣе, она подложно приписана знаменитому писателю, какъ была ему приписана «Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку» и т. д. Основаніе къ этому могло быть то, что въ числѣ сочиненій Фонъ-Визина было нѣсколько пьесъ шуточнаго свойства, и простодушные почитатели могли по ненамѣренной ошибкѣ присвоить ему безъименныя вещи, заключавшія, по ихъ мнѣнію, такое же остроуміе, или же эти пьесы подставлялись Фонъ-Визину по соображеніямъ книгопродавцевъ — для лучшаго сбыта. Или наконецъ, мы имѣемъ дѣйствительное сочиненіе Фонъ-Визина, оставленное имъ самимъ безъ вниманія, какъ былъ оставленъ (и до сихъ поръ не былъ отысканъ), напримѣръ, его «Матюшка разнощикъ»?»

Если допускать, что «Чертикъ на дрожкахъ» есть дѣйствительно произведеніе Фонвизина, то безъ сомнѣнія, эту піесу слѣдуетъ относить, какъ и всѣ прочія его стихотворенія, къ раннему періоду его литературной дѣятельности. Въ такомъ случаѣ, не было бы невѣроятнымъ, что «Чертикъ на дрожкахъ» имѣлъ въ прошломъ вѣкѣ два изданія, изъ которыхъ одно, 1761 года, отмѣчено Сопиковымъ, а другое, 1791 года, описано Бантышемъ-Каменскимъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что изданіе «Чертика», хранящееся въ Чертковской библіотекѣ, сдѣлано крайне небрежно, такъ что нѣкоторые стихи въ немъ лишены размѣра. Въ настоящемъ изданіи

«Чертикъ» перепечатанъ съ этого экземпляра совершенно буквально, почему и остались безъ размѣра стихи 2-й, 52-й, 57-й, 84-й, 85-й и 99-й.

Въ Россійскомъ Историческомъ музеѣ, въ поступившей въ него въ 1888 году библіотекѣ П. В. Щапова, оказалось второе изданіе этого же стихотворенія, также въ видѣ отдѣльной брошюры, въ 12-ю д. л., на 8 страницахъ, безъ титула, съ заглавіемъ: «Французъ на дрожкахъ». На послѣдней 8-й страницѣ брошюры, вслѣдъ за окончаніемъ текста, находится слѣдующая помѣта: «Москва. Въ Губернской Типографіи у А. Рѣшетникова, 1805 года». Сравнительно съ текстомъ Чертковскаго экземпляра текстъ 1805 года представляетъ слѣдующія измѣненія:

Стиховъ 1-го и 2-го нѣтъ вовсе.

Ст. 9: Въ Москвѣ изъ мужика въ *Монсье* онъ претворился,

» 18 и 19: Какими прыщутся, *уже и* пѣтухи.

Въ бутикъ, словомъ все, *Французовомъ* то было,

Ст. 37—40: Скорея, *разщедрясь*, и деньги заплатить,

Хотя и передать, да только бы купить.

Ст. 42: *На всякъ день* болѣе торгомъ обогащался.

» 52: Вотъ стоитъ *что*, чтобъ весь о томъ помыслилъ свѣтъ.

» 57: *Случилося* ему однажды недосужно,

» 83: *Тебе* мне обмануть *ну прафа* не годится,

» 85: *Йа* деньги *тебе* далъ, *И ти менъ* не кочешъ

» 95: *На* курьи ножки въ мигъ Француза онъ отвезъ.

» 97: Извощикь къ платѣ той *еще* прибавки проситъ,

» 99: Что *лишнихъ съ нимъ* онъ верстъ проѣздилъ близъ пяти.

» 105—107: А то вить ѣхать ты на пѣтуховы ноги

Вемъ: а эдакой дороги

Ст. 108: Пошоль, отвѣтствуетъ ему *Ле Пти* дьяблетъ.

» 112: Я *знаю* все равно, што куритсъ, што пьетукъ.

Объ изданіи 1805 года есть слѣдующее извѣстіе въ запискахъ С. П. Жихарева, подъ 26-мъ февраля 1805 года: «Венюковъ приносилъ какую-то вышедшую на дняхъ повѣсть или сатиру: «Французъ на дрожкахъ, или забавное приключеніе m-r Petit Diablette въ Москвѣ». Охота же покупать такой вздоръ! Гдѣ онъ его откапываетъ?» (Записки современника съ 1805 по 1819 годъ. Часть I. Дневникъ студента. С.-Пб. 1859, стр. 40).

Къ „Повѣствованію мнимаго Глухаго и Нѣмаго“.

«Повѣствованіе мнимаго Глухаго и Нѣмаго» напечатано по единственному его изданію въ *Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова* 1783 года, ч. IV, стр. 111—137.

Указаніе, что «Приключеніе» написано Фонвизинымъ находится въ статьѣ «Примѣръ Русскаго гостепріимства въ новыя времена», помѣщенной въ журналѣ С. Н. Глинки *Руской Вѣстникъ въ пользу семейственнаго воспитанія* 1815 г., кн. 2. Въ этой статьѣ, на стр. 64, сказано: «Остатки стариннаго *Рускаго гостепріимства* прекрасно изображены *Фонъ-Визинымъ* въ сочиненіи, напечатанномъ въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова, подъ заглавіемъ «*повѣствованіе мнимаго глухаго и нѣмаго*». За этими словами приводится выписка изъ «Повѣствованія» о той старушкѣ-помѣщицѣ, которая ласково приняла мнимаго глухонѣмого и его отца, когда они ѣхали изъ своей деревни въ Москву. По всей вѣроятности, Глинка почерпнулъ сообщенное имъ свѣдѣніе изъ разсказовъ современниковъ Фонвизина. Н. С. Тихонравовъ обратилъ вниманіе на указаніе Глинки въ своей біографіи Фонвизина (см. выше, стр. XLI).

Другъ мой! Столь великой души надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на степень истинны, и никогда съ нее не совращатся! сколько сѣтей разставлено слабостямъ души человѣческия, имѣющаго обхождения своей сердцу столь подобныхъ! и вотъ....